

М. И. Кулиш
М. И. Кулиш
Г. К. К.
И. И. Кулиш
Г. К. К.

Проф. И. М. Кулишъ.²

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ.

Часть первая.

Издательское Товарищество Кооперативныхъ Союзовъ
„КООПЕРАЦИЯ“.

Петроградъ, Литейный 49, кв. 8.—Тел. 163-11

1918.

СПБГУ

Типографія Морского Комиссаріата, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

Памяти дорогой матери.

СПбГУ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга возникла — какъ и нѣкоторыя предыдущія сочиненія автора — въ связи съ читаннымъ имъ курсомъ торговли и торговой политики въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности за послѣдніе годы въ Петроградскомъ Коммерческомъ Институтѣ. Отсутствіе на русскомъ языкѣ какого-либо сочиненія, которое можно было бы рекомендовать слушателямъ въ качествѣ пособія и нежелательность перевода иностранныхъ курсовъ, въ виду отсутствія въ нихъ свѣдѣній о Россіи и несоотвѣтствія ихъ потребностямъ русскаго читателя, заставили автора еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняться за составленіе книги, которая могла бы служить пособіемъ при прохожденіи курса торговой политики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ автору приходилось неоднократно высказываться по различнымъ вопросамъ нашей политики внѣшней торговли, въ особенности въ видѣ журнальных статей въ «Русскомъ Богатствѣ», «Русской Мысли», «Международной политикѣ и міровомъ хозяйствѣ», «Вѣстникѣ Финансовъ», «Извѣстіяхъ Министерства Торговли и Промышленности», «Коммерческой Школѣ и Жизни» и др. Представлялось цѣлесообразнымъ воспользоваться этими разбросанными въ разныхъ мѣстахъ статьями и, подвергнувъ ихъ необходимымъ измѣненіямъ, присоединить недостающіе отдѣлы для того, чтобы, объединивъ все это вмѣстѣ, дать читающей публикѣ возможность ознакомиться съ важнѣйшими проблемами современной международной торговой политики, представляющими именно въ настоящее время крупный интересъ.

Это желаніе автора сдѣлать книгу не только пригодной при изученіи торговой политики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и доступной широкимъ кругамъ интеллигентной публики, замедлило появленіе книги, ибо пришлось не только значительную часть написать вновь, но и ранѣе напечатанное подвергнуть — за рѣдкими исключеніями — переработкѣ: вполне сохраняя строго-научный характеръ книги, форму изложенія необходимо было значительно измѣнить, считаясь съ тѣми читателями, для которыхъ она предназначена. Тѣмъ же обстоятельствомъ было вызвано и исключеніе подстрочныхъ ссылокъ. Однако въ началѣ каждой главы дается подробное указаніе русской и иностранной литературы — къ сожалѣнію, по многимъ вопросамъ она почти отсутствуетъ — поскольку же въ текстѣ приводятся цитаты, въ скобкахъ указано имя автора, во многихъ случаяхъ и страница книги, названной въ литературѣ.

Первоначальный планъ книги пришлось подвергнуть измѣненію и въ другомъ отношеніи. Проектъ автора охватить всю торговлю и торговую политику, какъ это дѣлается въ иностранныхъ руководствахъ, оказался съ самаго начала по своей широтѣ невыполнимымъ, разъ задачей являлось подробное освѣщеніе проблемъ торговой политики. Въ виду этого, авторъ исключилъ всю внутреннюю торговлю и торговую политику, которая во время войны выдвинула совершенно новыя проблемы и требовала бы особаго и самостоятельнаго изученія. Но пришлось пойти и дальше и, имѣя въ виду размѣры книги и нынѣшнія типографскія условія, отказаться и отъ рассмотрѣнія вопросовъ организаціи и формъ экспорта и импорта и мѣръ содѣйствія имъ, посвятивъ книгу тѣмъ проблемамъ международной торговой политики, которыя такъ или иначе связаны съ таможенной политикой. Поэтому въ книгу вошли главы о таможенныхъ пошлинахъ, привозныхъ, вывозныхъ и транзитныхъ, о формахъ взиманія ихъ, о таможенныхъ запрещеніяхъ и запретительно-разрѣшительной системѣ, о характерѣ и системахъ таможенныхъ тарифовъ (тарифъ автономный, конвенціонный и т. д.), о принципахъ наибольшаго благопріятствованія, о таможенныхъ союзахъ и

сближеніяхъ, о вывозныхъ преміяхъ (системѣ dumping и т. д.), о возвратѣ пошлинъ и условно-безпошлинномъ привозѣ, а также историческій очеркъ протекціонизма новѣйшаго времени (въ гл. III части первой) и оцѣнка этой системы и направленія свободной торговли (въ концѣ второй части книги).

Изложеніе доведено до самаго послѣдняго времени — слѣданы добавленія, относящіеся къ періоду войны, изложены и подвергнуты подробной оцѣнѣ постановленія Брестскаго мирнаго договора по каждому изъ разсматриваемыхъ въ книгѣ вопросовъ.

При этомъ, однако, общая характеристика торговой политики, на фонѣ которой выступаютъ отдѣльные вопросы, дана лишь для послѣднихъ десятилѣтій. Вся предыдущая исторія торговли и торговой политики, какъ и общій ходъ развитія хозяйственной жизни, предполагается знакомой читателю изъ сочиненія автора «Лекціи по исторіи экономическаго быта» (изд. 5-ое. 1918 г.). Сообщать тѣ же фактическія свѣдѣнія и въ настоящей книгѣ, означало бы повтореніе, и только увеличило бы объемъ книги, и безъ того значительный.

Книга выходитъ въ двухъ частяхъ, составляющихъ одно цѣлое. Въ концѣ второй части будетъ приложенъ предметный указатель ко всему сочиненію. Вторая часть уже начата печатаніемъ и выйдетъ, если не произойдетъ чего—либо непредвидѣннаго, еще въ теченіе текущаго года.

Августъ 1918 года.

С 167

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

Введеніе. Торговля и торговая политика	1—18
Глава первая. Общій характер таможенныхъ пошлинъ и таможенныхъ тарифовъ.	19—46
Литература.	19
I. Историческое происхожденіе и современный характеръ таможенныхъ пошлинъ. Объединеніе современныхъ государствъ въ таможенное цѣлое. Таможенные пошлины въ качествѣ налога. . .	20—37
II. Характеръ и конструкція таможеннаго тарифа. Специализація современныхъ тарифовъ. Содержаніе ихъ. Роль привозныхъ пошлинъ въ таможенной политикѣ.	37—46
Глава вторая. Привозныя пошлины и запрещенія привоза	47—74
Литература.	47—48
I. Фискальная и покровительственная цѣль привозныхъ пошлинъ и запрещеній привоза. Отмѣна запрещеній привоза на Западѣ и въ Россіи. Допускаемые торговыми договорами исключенія.	49—59
II. Эпоха свободной торговли; борьба съ протекціонными пошлинами. Англія; континентъ Западной Европы; русскіе тарифы 1850, 1857 и 1868 г. г.	60—74

Глава третья. Привозныя пошлины (продолженіе). 78—126

- I. Протекціонизмъ съ конца 70-хъ годовъ XIX вѣка.
Общій характеръ его и причины успѣха.
Первый періодъ протекціонизма въ Германіи,
Франціи, Австріи, Италиі, Швейцаріи, Испаніи . 75—96
- II. Протекціонизмъ въ Россіи съ 1876 года. Русскій та-
моженный тарифъ 1891 г. Протекціонизмъ въ
С.-А. Соединенныхъ Штатахъ 97—114
- III. Протекціонизмъ въ началѣ XX вѣка. Германскій
тарифъ 1902 г., французскій 1910 г., русскій
1903 г., американскій 1913 г. 115—126

**Глава четвертая. Привозныя пошлины и за-
прещенія привоза въ Брестскомъ мирномъ до-
говорѣ 1918 г. 127—151**

- I. Таможенный тарифъ по Брестскому договору и со-
стояніе русской промышленности. Будущность
протекціонизма. Англія и колоніи. 127—139
- II. Запретительно—разрѣшительная система во время
войны въ связи съ общимъ переустройствомъ
хозяйства. Преимущества этой системы. Опас-
ности ея. Запрещенія привоза по Брестскому
миру и запретительно-разрѣшительная система. 139—151

**Глава пятая. Вывозныя пошлины и запрещенія
вывоза 152—172**

- I. Постепенная отмѣна запрещеній вывоза и вывоз-
ныхъ пошлинъ въ западно-европейскихъ государ-
ствахъ и въ Россіи. Остатки вывозныхъ пош-

линь въ нашемъ и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ тарифахъ. Вывозныя пошлины въ не-европейскихъ странахъ 152—166

II. Запрещенія вывоза и вывозныя пошлины во время войны. Парижская конференція и Брестскій миръ. Постановленія Брестскаго договора въ области вывоза и запретительно-разрѣшительная система. 166—172

Глава шестая. Запрещенія транзита и транзитныя пошлины. 173—181

Постепенное облегченіе транзита и освобожденіе его отъ пошлинъ на Западѣ и у насъ. Транзитъ въ Закавказье и Персію до войны; постановленія Брестскаго мира.

Глава седьмая. Пошлины съ цѣны и пошлины специфическія. 182—202

Первоначальная форма—пошлины съ цѣны. Ихъ достоинства и недостатки. Переходъ на Западѣ и у насъ къ специфическимъ пошлинамъ. Формы обложенія въ экзотическихъ странахъ. Пошлины съ цѣны въ Соединенныхъ Штатахъ. Виды специфическихъ пошлинъ; ихъ отрицательныя стороны.

Глава восьмая. Системы таможенныхъ тарифовъ и торговые договоры. 203—237

Литература 203—204

I. Первоначальная система тарифа—единый автономный тарифъ. Торговые договоры и ихъ первоначальная цѣль. Дальнѣйшіе договоры какъ орудіе фритредерской политики. Единый договорный тарифъ. Отрицательное отношеніе фритредеровъ къ торговымъ договорамъ. 204—213

II. Система двойного тарифа—общаго и конвенціоннаго. Измѣненіе характера торговыхъ договоровъ. Отношеніе къ торговымъ (тарифнымъ) договорамъ въ эпоху протекціонизма. Договоры начала 90-хъ годовъ. Русскій конвенціонный тарифъ 1892 г. Характеръ общаго тарифа и торговые договоры послѣдняго времени. Торговые договоры, заключенные Россіей въ первое десятилѣтіе XX вѣка	214—237
---	---------

Глава девятая. Системы таможенныхъ тарифовъ и таможенные войны. — Врестскій миръ и таможенный тарифъ	238—290
--	---------

I. Система двойного автономнаго тарифа—максимальнаго и минимальнаго. Причины появленія минимальнаго тарифа; его недостатки. Связь его съ таможенными войнами. Сущность таможенной войны	238—250
---	---------

II. Минимальный тарифъ въ Испаніи, Франціи, Италіи, Россіи и таможенные войны французско-швейцарская, итальянско-французская, русско-германская. Автономный тарифъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Минимальныя ставки въ германскомъ тарифѣ. Преференціальныя тарифы въ британскихъ колоніяхъ. Система тройнаго тарифа. Канада. Проекты тройнаго тарифа въ связи съ германско-австрійско-венгерскимъ таможеннымъ союзомъ	250—276
---	---------

III. Смѣшанная система таможенныхъ тарифовъ. Новѣйшій опытъ различныхъ государствъ . . .	276—281
--	---------

IV. Война и проектъ автономнаго тарифа въ Россіи.

Какая система тарифа установлена Брестскимъ
мирнымъ договоромъ?

281—290

СПбГУ

191

Вопрос о развитии автономии восточных районов
 и о развитии торговли в восточных районах
 является одним из основных вопросов нашей политики.

Вопрос о развитии автономии восточных районов
 и о развитии торговли в восточных районах
 является одним из основных вопросов нашей политики.

СПбГу

Вопрос о развитии автономии восточных районов
 и о развитии торговли в восточных районах
 является одним из основных вопросов нашей политики.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таможенные пошлины и таможенные запрещенія.
Фритредерство и протекціонизмъ послѣднихъ
десятилѣтій. Системы таможенныхъ тарифовъ.
Торговые договоры.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Там же, где в настоящее время
находятся в настоящее время
находятся в настоящее время
находятся в настоящее время
находятся в настоящее время

СПЕЦИАЛЬНО

ВВЕДЕНИЕ.

Торговля и торговая политика.

Общие курсы торговли и торговой политики: **Fontana-Russo**. *Traité de politique commerciale*. 1908. **Yves Guyot**. *Le commerce et les commerçants*. 1909. **Clerget**. *Manuel d'économie commerciale*. 1909. **Garrone**. *Trattato di scienza del commercio*. 1907. **Moyer-Nogaro**. *Les régimes douaniers*. 1910. **Van der Borcht**. *Handel und Handelspolitik*. 2 изд. 1907. (по-русски есть перевод 1-го изд. 1900 г.) **Grunzel**. *System der Handelspolitik*. 2 изд. 1906. **Cohn**. *Nationalökonomie des Handels und Verkehrswesens*. 1898. **Roscher**. *Nationalökonomik des Handels und Gewerbetreibens*. 8 изд. 1913 — 15. **Kobatsch**. *Internationale Wirtschaftspolitik*. 1907. **Sieveling**. *Auswärtige Handelspolitik*. 1905. (Русск. пер. «Внешняя торговая политика». Пер. П. Б. Струве. 1908). **Lexis**. *Das Handelswesen*. 1906. (Есть русск. перев. «Торговля». Вып. I—II. 1914). Сюда же относятся статьи Lexis'a в *Handwoert der Staatswiss.* «Handelspolitik» (3 изд. т. V) и статья **Mataja** «Handel» (там же, т. V), а также **Bunzel**. *Der Handel*. 1900. **Ehrenberg**. *Der Handel*. 1897 и его же *Handelspolitik*. 1906. **Schwiedland**. *Der Handel*. 1913. **Schär**. *Handelsbetriebslehre*. 1911. и **Marshall**. *Fiscal Policy of International Trade*. 1908. **Hobson**. *International Trade*. 1904.

Отделы в общих курсах политической экономии и экономической политики: **Colson**. *Cours d'économie politique*. Т. IV. 1903. **Charles Gide**. *Cours d'économie politique*. 3 изд. 1913. **Cauwès**. *Cours d'économie politique*. 1893. **Schmoller**. *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. 1900—1904. **Philippowich**. *Grundriss der Politischen Oekonomie*. В. II. Т. I. 3 изд. 1905. **Conrad**. *Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie*. В. II. 3 изд. 1908. **Lexis**. «Handel» в *Schönbergs Handbuch der Polit. Oekonomie*. 4 изд. 1898. **Исаевъ**. *Мировое хозяйство*. 1910. **Соболевъ**. *Очерки экономической политики промышленности и торговли*. 1916.

Из старых писателей см. в особ. **Jacques Savary**. *Le parfait négociant, une instruction générale sur ce qui regarde le commerce*. 8 éd. 1717. **Savary des Bruslons**. *Dictionnaire universel du commerce*. **Forbonnais**. *Eléments du commerce*. 1754. **Büsch**. *Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung*. 1792. **Адамъ Смитъ**. *Богатство народовъ*. 1776. Русск. пер. Библикова. 1866.

Составитель старѣйшей энциклопедіи торговли Savary des Bruslons говоритъ въ своемъ «Dictionnaire universel du commerce», что подъ «торговлей» слѣдуетъ разумѣть всякаго рода мѣну, куплю, продажу, всякіе обороты. Вскорѣ послѣ этого и Mélon (*Essai politique sur le commerce* 1796 г.) заявляетъ, что «торговля есть обмѣнъ ненужнаго на необходимое». У Адама Смита читаемъ: «при всеобщемъ распространѣніи раздѣленія труда, когда каждый производитъ собственнымъ трудомъ лишь незначительное количество нужныхъ ему предметовъ, всякій человѣкъ живетъ обмѣномъ и является какъ бы купцомъ, а все общество постепенно становится тѣмъ, что правильно называютъ «commercial society». (*Wealth of Nations*. Кн. I гл. IV). Въ другомъ мѣстѣ (Кн. II гл. V) онъ дѣлитъ оптовую торговлю на внутреннюю, иностранную и перевозочную; послѣдняя состоитъ въ перевозкѣ излишка произведеній одной страны въ другую страну.

Эти старые экономисты до крайнихъ предѣловъ расширяютъ понятіе торговли. Человѣкъ приобрѣтаетъ товары для собственныхъ надобностей—это торговля; онъ перевозитъ людей или товары—тоже торговля; онъ заключаетъ кредитныя сдѣлки, принимаетъ въ залогъ землю или учитываетъ векселя—и это торговля. Словомъ, торговля совпадаетъ съ тѣмъ, что мы называемъ обыкновенно обмѣномъ, обращеніемъ цѣнностей; въ нее входятъ всѣ тѣ институты, которые, какъ денежное обращеніе, кредитъ и банки, пути сообщенія, страховое дѣло, облегчаютъ приобрѣтеніе и сбытъ цѣнностей, устраняютъ препятствія, стоящія на ихъ пути.

Другіе авторы вообще не опредѣляютъ того, что такое торговля, полагая, очевидно, что это и такъ извѣстно, ясно всѣмъ и каждому. Такъ поступаютъ Рикардо и его многочисленные послѣдователи, англійская классическая школа—они попросту молчатъ.

Этими двумя путями развитіе идетъ и дальше—либо не давать вовсе опредѣленія торговли, либо охватывать ее возможно болѣе широко. Къ первой группѣ относятся и американецъ Seligman, и итальянецъ Fontana-Russo, и Charles

Gide и Gustav Cohn и многие другие. Во вторую войдут те, кто называют торговлю «industrie de la circulation», «Werkzeug zur Ausbildung des Verkehrs». Торговля есть «искусство практики обмена» — заявляет Yves Guyot. «Торговля представляет собой организованный, на основании принципов хозяйственности и целесообразности, товарообмен между отдельными членами мирового хозяйства» — читаем у Schär'a (Handelsbetriebslehre). Dupoyer (Liberté du travail. II) называет торговлю «перевозочной индустрией» (industrie voiturière). Возражающий ему Courcelle-Seneuil (Traité d'économie politique. I, p. 256) указывает на то, что торговля составляет нечто отличное от перевозочной промышленности, нечто вполне самостоятельное; но и у него торговля совпадает с обменом, торговля и обмен одно и то же.

Рядом с этими двумя направлениями, появляется, однако, еще третье, в настоящее время, пожалуй, наиболее распространенное. Зачатки его находим в определении кодекса Юстиниана: «купец тот, кто покупает и продает» (mercator qui emere et vendere solet). И дальше в каноническом праве: «тот, кто приобретает вещь, чтобы, продавая ее в том же виде, без всяких изменений, выручить прибыль, тот является купцом». Отсюда исходит современное определение, что торговля заключается в производимом в виде промысла приобретении товаров с целью их перепродажи, без переработки их. Товары могут подвергаться известным дополнительным операциям — переупаковке, рассортировке, чистке, смешиванию, перемолу, но никаких существенных изменений в них не производится.

Торговля тем самым ограничивается, с одной стороны, от простого обмена для собственного потребления и от случайной купли-продажи, с другой стороны, — от перевозочного дела, кредита, страхования и прочих областей обращения ценностей. Но она отмежевывается и от приобретения сырья для сельского хозяйства или промышленности,

и отъ простого сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ или промышленныхъ издѣлій, т. е. переработанныхъ товаровъ. Но это приводитъ уже къ тому, что она — въ противоположность упомянутому широкому опредѣленію — чрезмѣрно суживается; получается другая крайность. Торговля совпадаетъ съ купеческой торговлей, съ дѣятельностью профессиональныхъ торговцевъ, купеческаго класса. Торговля состоитъ въ «совершаемыхъ купцами въ видѣ промысла оборотахъ» (Rathgen). Торговля есть промыселъ купли и перепродажи товаровъ — опредѣляютъ и Roscher (7 изд. 73), и Colson (IV p. 4), и Clerget (p. 8), и рядъ другихъ авторовъ ¹⁾.

Но на этомъ остановиться нельзя было — опредѣленіе слишкомъ узко. Торговые кодексы, относящіе къ торговымъ оборотамъ и сбытъ фабричныхъ издѣлій, должны были навести на мысль, что рядомъ съ купеческой, «покупной» торговлей существуетъ еще и иная, — «фабричная торговля». Въ отличіе отъ купца, фабрикантъ продаетъ переработанные товары, но «въ фабричныхъ предпріятіяхъ мы находимъ не только производственную, но и коммерческую технику: покупка сырья и сбытъ издѣлій являются настоящими торговыми сдѣлками, въ которыхъ комисіонеры, агенты, маклеры и биржа принимаютъ не меньше участія, чѣмъ въ операціяхъ купцовъ, занимающихся исключительно торговой дѣятельностью» (Lexis.) Къ фабричной торговлѣ, по van der Borcht'у (p. 2 — 5), слѣдуетъ присоединить ремесленную, ибо и для

¹⁾ Такое же опредѣленіе у нѣкоторыхъ русскихъ экономистовъ: торговля — «промыслообразное занятіе покупкой и продажей товаровъ съ цѣлью полученія прибыли» (А. А. Исаевъ. Начала политич. экономіи, 3 изд. стр. 507). Торговля — «перепродажа хозяйственныхъ предметовъ безъ существенныхъ измѣненій, съ цѣлью полученія барыша» (М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политич. экон. 2 изд. стр. 276).

Переходную ступень между обоими направленіями составляютъ такіе авторы, какъ напр. Leroxy-Beaulieu (*Traité théorique et pratique d'économie politique*. 1896. Т. III, p. 13). Онъ называетъ торговлю «la systématisation de l'échange»; но затѣмъ прибавляетъ, что «случайныя дѣйствія», которыя когда то выполнялись съ большими затрудненіями всѣми членами общества, превращаются въ постоянную специальную функцію, переданную нѣкоторымъ изъ нихъ и поглощающую цѣликомъ или почти цѣликомъ дѣятельность послѣднихъ».

большого количества напр. сѣдельныхъ, столярныхъ, гвоздильныхъ мастерскихъ, для такихъ заведеній, какъ кондитерскія, пекарни, мясныя, дѣятельность по сбыту представляетъ крупное значеніе; эти ремесленники имѣютъ лавки и безъ торговли часто вовсе существовать не могутъ; лишь поскольку ремесло работаетъ на заказъ, сбытъ ремесленника не входитъ въ понятіе торговли.

Такимъ образомъ, получилось новое опредѣленіе торговли: всякій сбытъ товаровъ въ видѣ промысла, независимо отъ того, изготовлены ли они сбывающимъ лицомъ (фабричная и ремесленная торговля, къ которой надо прибавить и сельскохозяйственную торговлю, напр. сбытъ хлѣба землевладѣльцемъ) или приобрѣтены у третьихъ лицъ (купеческая торговля), если только сбытъ не производится по предварительному заказу. Это — торговля въ широкомъ смыслѣ; но купеческая или «покупная» торговля не исчезаетъ, она не исключена, — понятіе торговли въ смыслѣ промысла купли товаровъ съ цѣлью перепродажи сохраняется за ней въ качествѣ торговли въ узкомъ смыслѣ слова. Послѣдній терминъ имѣетъ право на существованіе, въ виду специфическихъ цѣлей и интересовъ купеческаго класса, занимающагося куплей и продажей товаровъ въ качествѣ профессіи и тѣмъ самымъ нерѣдко сталкивающагося съ интересами производителей. Антагонизмъ этотъ нерѣдко доходитъ до ожесточенной борьбы купеческой торговли съ «недобросовѣстной конкуренціей» въ видѣ непосредственнаго сбыта, отказывающагося отъ услугъ профессиональной торговли, которой, якобы, принадлежит монополія сбыта. Но несмотря на всѣ усилія профессиональных купцовъ, имъ все же не удастся стереть всякую иную форму торговли съ лица земли, и эта непосредственная торговля имѣетъ такое же право называть себя торговлей, какъ и дѣятельность купцовъ. Чѣмъ отличается въ самомъ дѣлѣ непосредственный сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и промышленныхъ издѣлій изъ фабричныхъ складовъ и амбаровъ, изъ помѣстій и рудниковъ, сбытъ за границу черезъ экспортные склады или при помощи комивояжеровъ отъ перепродажи ихъ торговцами? Развѣ первый имѣетъ меньше

значенія, чѣмъ послѣдняя? По временамъ—во время нынѣшней войны—«торговля безъ купцовъ» принимаетъ прямо грандіозные размѣры—посредникъ элиминированъ; но и въ нормальное время нельзя игнорировать ея распространеніе и ея хозяйственную роль.

Но, казалось бы, этими двумя видами исчерпывается вся область торговыхъ оборотовъ—за предѣлами купеческой торговли и торговли производителей (не работающихъ на заказъ) уже нѣтъ никакой торговли. А между тѣмъ Borcht не довольствуется этимъ; онъ считаетъ нужнымъ создать еще новое—третье понятіе торговли, утверждая, что въ обыденной жизни мы понимаемъ слово «торговля» гораздо шире, называемъ внутренней торговлей весь оборотъ въ предѣлахъ страны, а виѣшней—весь международный обмѣнъ. Съ этой точки зрѣнія—по его мнѣнію—торговля уже представляетъ собою не частно-хозяйственную дѣятельность купцовъ, фабрикантовъ и т. д., а отрасль народнаго хозяйства, которая соединяетъ производителя и потребителя, устраняя препятствія, какъ личнаго характера, такъ и по мѣстности и времени, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга.

Но то и то другое совпадаетъ. Преслѣдуя свои частно-хозяйственные интересы, торговцы и производители въ то же время являются исполнителями опредѣленныхъ задачъ въ области народнаго хозяйства—по снабженію населенія, по приближенію товаровъ къ потребителю. Это народно-хозяйственная функція торговли, въ этомъ ея смыслъ и оправданіе, и носители этой функціи—тѣ, кто непосредственно или въ качествѣ посредниковъ сбываютъ товары, но никто иной; никакихъ иныхъ элементовъ не существуетъ и существовать не можетъ.

Но такая двойственность въ опредѣленіи понятія торговли (въ частно-хозяйственномъ и въ общественномъ смыслѣ) дала Grunzel'ю (р. 3—5) поводъ утверждать, что все это дѣленіе на торговлю въ широкомъ и узкомъ смыслѣ основано на недоразумѣніи: внутри страны торговля дѣйствительно выражается въ дѣятельности опредѣленной группы лицъ,

купцовъ (на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, и производителей), во внѣшней же торговлѣ въ качествѣ гораздо болѣе важнаго фактора выступаетъ государство и общественные союзы. «Правда, импортируетъ и экспортируетъ товары только купецъ, и никто болѣе, но въ эту область вмѣшивается и государство своей таможенной политикой, политикой торговыхъ договоровъ, даже усиленіемъ своего политическаго могущества».

Но въ какомъ смыслѣ оно вмѣшивается? Оно оказываетъ вліяніе на торговлю, но не торгуетъ, если же въ видѣ исключенія покупаетъ и продаетъ товары, какъ это было въ старину, какъ происходитъ и теперь во время войны, то оно является тѣмъ же купцомъ, «государственнымъ» купцомъ. Если же государство вліяетъ своими мѣропріятіями на торговлю,—а оно вмѣшивается и во внутреннюю, а не только во внѣшнюю торговлю, что Grunzel также забылъ,—то оно ведетъ уже не торговлю, а торговую политику, а это нѣчто совершенно иное; смѣшивать того и другого не слѣдуетъ.

Что же такое торговая политика? Отвѣтъ на это еще гораздо труднѣе найти, чѣмъ получить опредѣленіе понятія торговли. Общіе курсы политической экономіи, напр. Leroy-Beaulieu, Colson, Cauwès, Charles Gide—тоже и русскіе учебники—молчатъ. Не узнаемъ мы, что слѣдуетъ разумѣть подъ торговой политикой, даже изъ специальныхъ, посвященныхъ этому вопросу монографій, изъ тѣхъ самыхъ сочиненій, которыя все же считаютъ себя обязанными объяснить сущность торговли, какъ Yves Guyot, Roscher, Cohn, Conrad, не говоря уже о Bastable, Patten и др.

Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, гдѣ опредѣленіе имѣется, оно сводится къ тому, что торговая политика есть совокупность мѣропріятій государства и общественныхъ организацій, непосредственно относящихся къ торговлѣ. Впрочемъ по поводу отдѣльныхъ элементовъ этого опредѣленія существуютъ разногласія ¹⁾).

¹⁾ См. напр. Grunzel: «Совокупность мѣръ, при помощи которыхъ государство и общественныя корпораціи стараются направлять торговлю вы-

Прежде всего органомъ торговой политики—по крайней мѣрѣ современной—является не только государство, но и всякаго рода общественныя организаціи. Таможенную политику государство всецѣло монополизируетъ въ своихъ рукахъ, не можетъ раздѣлить ее ни съ какими иными органами. Напротивъ, въ иныхъ областяхъ ему приходятъ на помощь земства и города, биржевые комитеты, экспортные союзы, торговыя палаты и т. д. Мѣры относительно ярмарочной и рыночной торговли, биржевой торговли, опредѣленіе времени закрытія торговыхъ заведеній, устройство выставокъ и складовъ образцовъ, ознакомленіе съ иностранными рынками, собираніе матеріаловъ для заключенія торговыхъ договоровъ, открытіе коммерческихъ учебныхъ заведеній,—все это примѣры той обширной дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія, торгово-промышленныхъ организацій и иныхъ общественныхъ силъ, посвящающихъ себя дѣлу содѣйствія товарообмѣну, безъ которой немислимо успѣшное развитіе національной торговли.

Но идти еще дальше въ этомъ направленіи, и разсматривать въ качествѣ органовъ торговой политики и отдѣльных лицъ, столь же неправильно, какъ и отнесеніе къ торговой политикѣ взглядовъ и направленій различныхъ дѣятелей или цѣлыхъ общественныхъ группъ и партій — и то и другое находимъ у Kobatsch'a. Разнообразныя теченія, обнаруживающіяся въ парламентахъ, на съѣздахъ и собраніяхъ, въ научной литературѣ и періодической печати, конечно, представляютъ интересъ. Но изученіе ихъ необходимо не само по себѣ, а для пониманія мѣръ торговой политики, условій ихъ

годнымъ для хозяйства страны образомъ». Van der Borgh: «совокупность мѣръ, при помощи которыхъ публичная власть непосредственно вліяетъ на торговлю» (стр. 415, изд. 1-е). См. также Lexis. Handwört. der Staatswiss. «Handelspolitik», p. 304. Philippowich Grundr. der polit. Oekon. 3. Aufl. 1905. II. 1. p. 317. Kobatsch. Intern. Wirtschaftspolitik. p. 5 и сл. Послѣдній даетъ опредѣленіе международной экономической политики вообще, а не одной только торговой политики: «взгляды, стремленія и мѣропріятія государства и отдѣльных лицъ, которые касаются личныхъ и вещныхъ сношеній страны съ другими странами, и которые, поскольку рѣчь идетъ о государствѣ (законодательство и управленіе) стараются вліять на эти сношенія и направлять ихъ въ интересахъ собственнаго національнаго хозяйства».

возникновенія, соотвѣтствія ихъ требованіямъ отдѣльныхъ группъ. Средствами же торговой политики являются только принятыя въ результатѣ этихъ вліяній мѣры. Послѣднія осуществляются только органами государства или общественными союзами, а отдѣльными лицами лишь въ качествѣ представителей тѣхъ или другихъ, черезъ ихъ посредство — частныя лица, какъ таковыя, высказываютъ лишь сужденія, взгляды, строятъ планы, создаютъ программы, но мѣры принимать не могутъ.

Рѣчь идетъ, само собою разумѣется, лишь о мѣрахъ, непосредственно относящихся къ торговлѣ — они образуютъ содержаніе торговой политики. На торговлю вліяетъ, конечно, и многое другое. На ней не могутъ не отражаться и отзываться и всякія иныя начинанія, дѣйствія и реформы въ хозяйственной и даже нехозяйственной области — мѣры валютной, желѣзнодорожной, банковской, податной, аграрной и промышленной и всякой иной политики, политики общей, внѣшней и внутренней. Но отъ нихъ, косвенно опредѣляющихъ судьбу тѣрговой дѣятельности, надо строго отмежевать непосредственно направленные на нее мѣры, иначе всякая опредѣленность торговой политики исчезнетъ, всѣ границы, отдѣляющія ее отъ иныхъ видовъ политики, сотрутся, она сольется съ безбрежнымъ моремъ всякой государственной политики вообще.

Наконецъ, мы говоримъ — мѣры, касающіяся торговли, оказывающія на нее вліяніе, направленные на нее. Не цѣлесообразнѣе ли пойти дальше и сказать, что торговая политика состоитъ въ мѣрахъ, поощряющихъ торговлю, содѣйствующихъ ея развитію, способствующихъ ей? Невозможность говорить лишь о мѣрахъ, благопріятно вліяющихъ на торговлю, сразу бросается въ глаза, коль скоро рѣчь идетъ о торговлѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова: вся таможенная политика тормозитъ профессиональную торговлю въ интересахъ сельскаго хозяйства и промышленности, приносить въ жертву купеческую торговлю. Однако мы понимаемъ торговлю шире, въ смыслѣ сбыта вообще въ видѣ промысла. Тогда дѣло уже не столь ясно — правительство, а тѣмъ болѣе общественныя

организаціи, не могутъ не облегчать сбыта, какъ необходимаго дополненія къ производству, какъ дающаго производству жизнь, вносящаго въ него смыслъ и цѣль. Они могутъ лишь отдавать предпочтеніе одному виду сбыта передъ другимъ—сбыту собственныхъ издѣлій передъ сбытомъ иностранныхъ (мѣры таможенной политики), сбыту мелкой розничной торговли передъ сбытомъ универсальныхъ магазиновъ (дополнительное обложеніе послѣднихъ) и т. д. Однако, есть случаи, когда и сбытъ какъ таковой, сбытъ вообще, вынужденъ пожертвовать своими интересами ради другихъ, болѣе важныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ—изъ соображеній валютной политики (стѣсненіе привоза ради сохраненія монеты въ странѣ), фискальных (пошлины, какъ источникъ доходовъ казны, тормозящія привозъ или вывозъ), изъ мотивовъ производства или потребления (запрещеніе или обложеніе вывоза для сохраненія въ странѣ свѣстныхъ припасовъ или сырья) и т. д. Нечего говорить, что интересы сбыта не могутъ тягаться съ интересами общественной безопасности, народнаго здравія и т. д. (недозволеніе продажи пороха, опія, различныхъ снадобій и т. д.).

Итакъ, правильнѣе и осторожнѣе будетъ сказать—мѣры, касающіяся торговли; но объектомъ ихъ является, какъ сказано, торговля въ широкомъ смыслѣ, а не одна лишь купеческая торговля—на тамождѣ вѣдь не спрашиваютъ, кто отправляетъ товаръ, купецъ или фабрикантъ—такъ что объемъ понятій торговли и торговой политики одинаковъ. Тѣмъ самымъ торговая политика затрагиваетъ въ сильной степени и непосредственно сельское хозяйство и промышленность, отражается на нихъ въ той мѣрѣ, въ какой вопросъ объ условіяхъ сбыта пріобрѣтаетъ равноправное съ вопросомъ о производствѣ значеніе. Таможенный протекціонизмъ воздвигаетъ высокія стѣны, чтобы иностранные товары не проникли въ страну, охраняя и защищая сельское хозяйство и промышленность отъ опасныхъ для него иноземныхъ враговъ. Но это не значитъ еще, какъ можно было бы предполагать, что, говоря о торговой политикѣ, мы въ дѣйствительности думаемъ о сельскохозяйственной и промышленной

политикѣ; мѣры, касающіяся торговли, утверждаютъ иногда, еще въ гораздо большей степени являются мѣрами, поощряющими земледѣліе и индустрію. Нѣтъ, рѣчь идетъ только объ одной сторонѣ сельскаго хозяйства и промышленности, объ условіяхъ сбыта ихъ произведеній, рѣчь идетъ не о производствѣ, а о сбытѣ, объ этомъ конечномъ моментѣ ихъ дѣятельности, о томъ куполѣ, который возглавляетъ зданіе сельскаго хозяйства и промышленности; имѣется въ виду сбытъ всякаго рода, какъ купцами, такъ и производителями, однако, лишь поскольку происходитъ сбытъ, постольку выступаетъ на сцену торговая политика. Но черезъ нее оказывается огромное вліяніе и на все сельское хозяйство и промышленность, ибо здоровое или болѣзненное состояніе сбыта опредѣляетъ состояніе всего народно-хозяйственнаго процесса, какъ состояніе сердца или желудка обуславливаетъ жизнь и здоровье всего человѣческаго организма.

Мы уже неоднократно упоминали о торговлѣ внутренней и торговлѣ внѣшней (международной), противопоставляли ихъ другъ другу. Такое дѣленіе торговли и торговой политики является наиболѣе важнымъ. Дѣленіе это общепринято. Торговля является внутренней, поскольку она не выходитъ за предѣлы той или другой страны, поскольку объекты ея либо изготовлены внутри страны и сбываются тамъ же, либо произведены даже не въ предѣлахъ ея, а за границей, но приобрѣтены на внутреннемъ рынкѣ и проданы тамъ же. Въ отличіе отъ нея, внѣшняя торговля заключается въ привозѣ товаровъ изъ за границы, въ вывозѣ ихъ туда или въ провозѣ черезъ страну изъ одного государства въ другое. Она состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что товары производятся или приобрѣтаются въ одной странѣ, а сбываются въ другой; въ томъ, что эти два момента отдѣлены другъ отъ друга переходомъ товара черезъ границу государства; въ томъ, что торговецъ или производитель товара одной ногой какъ-бы стоитъ у себя дома, а другой— въ иностранномъ государствѣ или наоборотъ. Коль скоро товаръ уже переправленъ черезъ границу и проданъ тамъ, дальнѣйшія сдѣлки, перепродажа его въ той же странѣ, уже относятся снова къ внутренней торговлѣ, такъ какъ снова

и приобрѣтеніе и сбытъ его не выходятъ за предѣлы той же страны. Такъ что огромное большинство торговыхъ операцій относятся къ внутренней торговлѣ, внѣшняя же сводится къ тѣмъ операціямъ, которыя разбиты на двѣ части лежащей между ними чертой государства.

Соотвѣтственно этому, и торговая политика внутренняя охватываетъ всѣ мѣры, непосредственно относящіяся къ торговому обороту, происходящему въ предѣлахъ страны, внѣшняя же заключается въ мѣрахъ, непосредственно касающихся перехода товаровъ черезъ границу, сбыта товаровъ, произведенныхъ или купленныхъ въ данной странѣ, за ея предѣлы.

Говоря о торговой политикѣ, экономисты сплошь и рядомъ сильно суживаютъ ее. Торговая политика для нихъ совпадаетъ съ политикой внѣшней, международной торговли. Въ такомъ смыслѣ понимали и изучали торговую политику писатели англійской классической школы; внутренняя торговая политика для нихъ не существовала. Подъ вліяніемъ законодательства, отождествляющаго торговую политику съ политикой внѣшней торговли, подъ вліяніемъ терминологіи обыденной жизни, говорящей о задачахъ торговой политики, о характерѣ и мѣрахъ ея и т. д., а разумѣющей въ дѣйствительности одну лишь область политики международной торговли, и современные экономисты нерѣдко изгоняютъ всю обширную область мѣропріятій, относящихся къ внутренней торговлѣ, изъ понятія торговой политики. «Торговая политика, вліяя на международную торговлю, направляетъ производство наиболѣе цѣлесообразнымъ для народнаго хозяйства страны способомъ» (Fontana-Russo. р. 156).

«Въ области внѣшней торговли самое слово «политика» приобрѣтаетъ совершенно иной смыслъ и значеніе, чѣмъ въ приложеніи къ внутренней торговлѣ: государство сталкивается съ другими государствами, отстаиваетъ свои интересы». (Сohn. III. р. 404). Здѣсь рѣчь идетъ о «планомѣрной дѣятельности государства, въ интересахъ собственнаго сельскаго хозяйства и промышленности, тогда какъ внутренняя торговая политика

въ сущности сводится къ одной лишь купеческой торговлѣ, такъ что ее можно было бы цѣликомъ отнести къ промышленной политикѣ» (Lexis Handwört. V. p. 304).

Но настолько ли велико различіе между торговой политикой внѣшней и внутренней, что ихъ невозможно было бы включить въ одно и то же понятіе, что ихъ не вмѣщаетъ одинъ и тотъ же терминъ торговой политики? Въ чемъ эта разница? Ея нѣтъ въ органахъ торговой политики—и тутъ и тамъ дѣйствуетъ и государство и общественныя организаціи, какъ нѣтъ и въ объектѣ, въ объемѣ понятія торговли—политика внутренней торговли, въ такой же мѣрѣ, какъ и политика внѣшней торговли, вовсе не сводится къ регулированію одной лишь купеческой торговли (напр. мѣры, касающіяся ярмарочной, биржевой торговли, комивояжерскаго промысла и т. д. относятся и къ производителямъ, являющимся на ярмарки, участвующимъ въ биржевыхъ операціяхъ, содержащимъ вояжеровъ и т. д.). Но быть можетъ обнаруживается различіе въ характерѣ мѣропріятій? Однако, въ обоихъ случаяхъ одни мѣры стѣсняютъ сбытъ (таможенная политика, съ одной стороны, правила о воскресномъ отдыхѣ, запрещенія продажи продуктовъ, составляющихъ монополію казны—съ другой стороны); другія, напротивъ, поощряютъ его (здѣсь—экспортная политика, тамъ—учрежденіе коммерческихъ училищъ, устройство выставокъ, торговыхъ палатъ и т. д.). Одни мѣры отличаются торгово-полицейскимъ характеромъ, другія вызваны чисто—экономическими соображеніями. И политика внутренней торговли не сливается съ одной лишь нормировкой торговаго промысла: стѣсненіе торговли въ развозъ и въ разность, регулированіе дѣятельности кооперативовъ, запрещеніе различныхъ операцій на биржѣ и т. д. вызвано соображеніями экономического свойства, вытекаетъ изъ опредѣленныхъ цѣлей обще-экономической политики; въ свою очередь, запрещенія привоза и вывоза, организація таможеннаго досмотра и таможенной стражи и т. д. нерѣдко обусловливаются соображеніями торговой полиціи. Итакъ, и тутъ и тамъ одно и то же. И органы, и средства, и цѣли, т. е. всѣ элементы торговой политики въ обоихъ случаяхъ

одинаковы. Почему же все-таки такое нежелание признать однородность обоих видовъ торговой политики, нежелание обнять ихъ однимъ и тѣмъ же терминомъ, полное устраненіе одной изъ понятія торговой политики и предоставленіе другой безраздѣльно всей области торговой политики и даже иныхъ областей экономической политики? Извѣстный смыслъ тутъ есть, извѣстная доля правды содержится въ этихъ словахъ.

Различіе между той и другой торговой политикой не принципиальное, не качественное, а количественное—именно различіе въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ торговой политикой. Распредѣленіе мѣропріятій на вызванныя полицейскими соображеніями и на тѣ, которыя обусловливаются экономическими моментами, здѣсь и тамъ не одинаково. Центр тяжести въ одномъ случаѣ—во внутренней торговой политикѣ—въ первыхъ, въ другомъ случаѣ—въ политикѣ внѣшней торговли—въ послѣднихъ. Это различіе весьма существенное, столь существенное, что оно наводитъ на мысль о существованіи не двухъ областей одной и той же торговой политики, а двухъ совершенно различныхъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ, видовъ дѣятельности государства и общественныхъ организацій.

Политика международной торговли имѣетъ дѣло съ вопросами столь крупной важности, какъ борьба за міровой рынокъ, какъ конкуренція между собственнымъ и иностраннымъ производствомъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Таможенные тарифы, торговые договоры, вывозныя преміи, протекціонизмъ и свободная торговля и многое другое,—это все вопросы столь первостепеннаго и широкаго значенія для хозяйственной жизни страны, что ни одна проблема внутренней торговли съ ними сравниться не можетъ или вѣрнѣе не могла до сихъ поръ—до войны. А долгосрочные договоры, связывающіе страну на продолжительный срокъ, еще усиливаютъ значеніе этихъ мѣръ, значеніе того или иного принятаго направленія, какъ рѣшающаго судьбу собственного земледѣлія и индустріи. Мало того, столкновение происходитъ не только между странами, но и внутри страны между отдѣльными группами населенія. Противопологаются не просто

свои интересы интересамъ другихъ странъ; комбинація въ области политики внѣшней торговли болѣе сложная. Выгодамъ однихъ группъ своего населенія, однихъ отраслей хозяйства отдается предпочтеніе, какъ передъ интересами другихъ государствъ, такъ и передъ другими группами собственнаго населенія, передъ другими областями хозяйственной дѣятельности въ странѣ. Высокія пошлины на хлѣбъ мотивируются тѣмъ, что страна защищаетъ свое сельское хозяйство—фундаментъ всей экономической жизни, безъ котораго все зданіе должно рухнуть. Но если даже допустить, что сельское хозяйство данной страны не можетъ жить безъ пошлинъ, то подобная охрана его все же является жестокимъ ударомъ для другихъ группъ населенія—для промышленности, рабочаго класса, профессиональной торговли, для всего широкаго круга потребителей.

Слѣдовательно, въ области политики внѣшней торговли на карту ставятся крупныя и важныя интересы, одни національные интересы вступаютъ въ борьбу съ другими. Кто побѣдитъ, кто будетъ побѣжденъ? Результатъ этой борьбы имѣетъ рѣшающее значеніе для всей страны, какъ цѣлаго. Отсюда столь крупный интересъ всѣхъ круговъ населенія къ политикѣ внѣшней торговли, отсюда нежеланіе снабдить высокимъ званіемъ торговой политики тѣ сравнительно немногочисленныя мѣры, которыя касаются внутренней торговли, гдѣ по общему правилу господствуетъ свободная конкуренція, невмѣшательство въ частную инициативу, а въ крайнемъ случаѣ, регулируются столь второстепенныя интересы—второстепенныя, по сравненію съ тѣми крупными проблемами, которыя стоятъ передъ политикой внѣшней торговли. Давать имъ то же названіе, не было ли бы это расточительностью, не значило ли бы это ставить на одну доску крупное и мелкое? Такъ это было до сихъ поръ, но война многое измѣнила, она не можетъ не измѣнить нашъ взглядъ и на эту проблему.

Можно ли въ настоящее время проводить столь рѣзкую границу между обоими видами торговли и торговой политики, теперь, когда бывшая свободная конкуренція во внутреннемъ

торговомъ обмѣнѣ исчезла вездѣ и повсюду, когда минимальное вмѣшательство государства во внутренній оборотъ смѣнилось регулированіемъ всего, что только можно придумать, нормированіемъ его на каждомъ шагѣ? Твердыя цѣны и реквизиціи, казенныя монополіи и централизація сбыта, правительственная заготовка и разверстка сырья и топлива, нормированіе прибылей, учетъ продуктовъ и карточная система,—все это мѣропріятія, проникающія въ самое сердце хозяйственной жизни, затрагивающія ее еще глубже, чѣмъ таможенныя тарифы, запрещенія привоза или вывозныя преміи.

Война, конечно, явленіе временное, преходящее, но трудно думать, чтобы то обширное зданіе внутренней торговой политики, которое воздвигнуто во время великой міровой борьбы народовъ, по окончаніи ея сразу рухнуло, и осталось бы одно лишь пустое мѣсто или въ крайнемъ случаѣ только обломки, остатки былого величія. Если военное хозяйство въ своемъ настоящемъ видѣ должно исчезнуть, то это не значитъ еще, что возможенъ полный возвратъ къ прошлому, повтореніе и продолженіе того, что было раньше, какъ если бы никакой міровой пожаръ не отдѣлялъ обѣ эпохи другъ отъ друга, какъ если бы совершился непосредственный переходъ отъ первой ко второй.

Что перейдетъ отъ военнаго времени къ мирному, какихъ размѣровъ будетъ это наслѣдство и въ какія формы оно выльется, — это едва ли въ состояніи сказать кто-либо въ настоящее время. Бесплодно было бы и гадать, что сохранится лишь на небольшой переходный, непосредственно слѣдующій за заключеніемъ мира періодъ, и какія мѣры и организаціи переживутъ его и будутъ долговѣчны, развиваясь, давая новые ростки и побѣги. Экономическое строительство военной эпохи состоитъ изъ различныхъ, неравноцѣнныхъ по своему качеству и по соотвѣтствію потребностямъ населенія, частей. Есть среди построекъ и наскоро разбитыя палатки или наспѣхъ сколоченные бараки, уже теперь насквозь промокающіе, какъ только пойдетъ дождь, и сбиваемые съ мѣста всякимъ порывомъ вѣтра. Есть болѣе крѣпкія деревянныя

строения, которыя хотя и устроены на время и предназначены для временнаго пребыванія, но подъ которые возможно подвести болѣе прочный фундаментъ, быть можетъ, даже замѣнить деревянную постройку каменнымъ зданіемъ, возвести новыя этажи. Есть, наконецъ, и такія, которыя лишь при полной внутренней перестройкѣ, при передѣлкѣ всего фасада и всего внутренняго устройства можно сохранить на будущее, да и то, быть можетъ, непродолжительное, время.

Какъ бы то ни было, не только настоящее время, но и ближайшее будущее должно сблизить внутреннюю торговлю съ внѣшней, ибо вся нынѣшняя организація внутренняго обмена широко охватываетъ область экономическихъ мѣръ, область борьбы интересовъ производителей, профессиональных торговцевъ, потребителей въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ изъ этихъ трехъ основныхъ элементовъ.

Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что политика внѣшней торговли потеряетъ свое значеніе, что ея слава должна померкнуть, сила должна сократиться, и даже слѣдуетъ ли хотя бы то, что таможенная и экспортная политика должны отступить на второй планъ, пресловутыя таможенные пошлины, торговые договоры и все прочее, изъ за чего было всегда столько шума, ломалось столько копьевъ, должны сойти со сцены и замолкнуть? Нѣтъ, волна, выбросившая на поверхность политику внутренней торговли, вовсе не подмываетъ того крѣпкаго гранита, на которомъ стояла въ теченіе столѣтій дѣятельность государства и общества, именуемая международной торговой политикой. Возрожденіе къ новой жизни первой вовсе не предрекаетъ гибели второй. Они могутъ и должны, напротивъ, идти рука объ руку въ новомъ строительствѣ хозяйственной жизни, пользуясь опытомъ прошлаго, всѣмъ тѣмъ, чему научила, должна была научить война. Сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ международной торговой политики можетъ только тотъ, кого годы войны приучили къ системѣ національнаго хозяйства, кто, забывъ о прошломъ міровомъ рынкѣ и о предстоящей въ будущемъ хозяйственной борьбѣ народовъ, рѣшилъ, что европейскія государства и впредь сохранять характеръ осажденныхъ крѣ-

постей, въ которыя ничто не проникаетъ и откуда ничего не исходитъ.

Есть всѣ основанія предполагать, что ближайшіе послѣ войны годы будутъ годами недостатка, нужды въ матеріалахъ и съѣстныхъ припасахъ, вѣроятно, и въ готовыхъ издѣліяхъ. И все же то время, когда не производитель будетъ ухаживать за потребителемъ, какъ было до войны, а покупатель будетъ гнаться за продавцомъ, едва ли можетъ быть долговѣчно. Интенсивная работа народовъ весьма скоро вновь наводнитъ рынокъ товарами. Конечно, съ прекращеніемъ грохота пушекъ и съ возвращеніемъ броненосцевъ въ свои порты, еще не сразу возстановится мирный трудъ въ прежнемъ объемѣ — еще будетъ нелегкій періодъ демобилизаціи, когда придется снова перековывать мечи въ плуги. Но народы и его пройдутъ; на могилахъ павшихъ бойцовъ зацвѣтутъ колосья, вспаханныя прапнелю поля, луга и сады снова зазеленѣютъ а на мѣстѣ сожженныхъ и разгромленныхъ хижинъ и усадебъ возникнутъ еще болѣе грандіозныя, чѣмъ прежде, фабричныя зданія.

И грядущую за переходнымъ періодомъ эпоху всѣ изслѣдователи въ одинъ голосъ изображаютъ какъ эпоху самой рѣшительной, самой напряженной борьбы за рынки, борьбы, гдѣ каждому народу придется приложить всѣ свои силы, примѣнить всѣ наиболѣе совершенные способы и приемы, чтобы не потерпѣть пораженія. Эту новую кампанію готовятъ уже теперь, и оружіемъ въ борьбѣ народовъ за міровой рынокъ явится та же таможенная и та же экспортная политика — первая въ качествѣ стѣсняющей иностранные товары, охраняющей свой внутренней рынокъ, вторая — какъ завоевывающая иностранные рынки, чужія территоріи. Но, конечно соотношеніе между ними можетъ измѣниться — въ области экспорта и импорта могутъ появиться новыя мѣры, новыя формы и организаціи, орудія гораздо болѣе дальнобойныя, значительно легче и проще достигающія тѣхъ же цѣлей, чѣмъ тѣ механизмы, которые пускались въ ходъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, вплоть до мірового потопа XX вѣка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій характеръ таможенныхъ пошлинъ и таможенныхъ тарифовъ.

Кромѣ общихъ курсовъ торговой политики (см. литер. въ введ.) и другихъ сочиненій обще-экономическаго характера (см. тамъ-же)—курсы финансовой науки: **Leroy-Beaulieu**. *Traité de la science des finances*. T. I. 7. éd. 1906. **Caillaux**. *Les impôts en France*. T. II. 1911. **Cohn**. *System der Finanzwissenschaft*. 1889. **Stein**. *Lehrbuch der Finanzwissenschaft*. 5 изд. т. II, ч. 2. 1886. **Roscher**. *System der Finanzwissenschaft*. 5 изд. 1901. **Bastable**. *Public Finance*. 1895. **Лебедевъ**. *Финансовое право*. T. II. 1883—85. **Озеровъ**. *Основы финансовой науки*. 4 изд. т. I. 1911. **Ходскій**. *Основы государственнаго хозяйства*. 1894.

По исторіи таможенныхъ пошлинъ періода, предшествующаго XIX вѣку. **Clamagérac**. *Histoire de l'impôt en France*. 1867. **Clément**. *Histoire du régime protecteur en France*. 1854. **Brandt**. *Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik*. 1896. **Levasseur**. *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant la Révolution*. T. I—II. 1900—1901. Его же. *Histoire du commerce de la France*. I. 1910. **Pigeonneau**. *Histoire du commerce de la France*. I—II. 1885. **Bacquès**. *Essai historique des douanes françaises*. 1862. **Calléry**. *Histoire du système général des droits de douanes au XVI et XVII siècle*. 1883. **Dowell**. *History of Taxation and Taxes in England*. 2 изд. 1888. **Tooke-Newmarch**. *History of Prices*. **Cunningham**. *The Growth of English Industry and Commerce*. 2 изд. 1890—91. **Seely**. *Expansion of England*. 1883. (Есть русск. пер.). **Hewins**. *English Trade and Finance, chiefly in the 17. Century*. 1892. **Vocke**. *Geschichte der Steuern des Britischen Reiches*. 1866. **Falcke**. *Geschichte des deutschen Zollwesens*. 1869. **Hüllmann**. *Deutsche Finanz-Geschichte des Mittelalters*. 1805. **Schmoller**. *Epochen der preussischen Finanzpolitik. Umrisse und Untersuchungen*. 1898. **Riedel**. *Der brandenburgisch-preussische Staatshaushalt in den beiden letzten Jahrhunderten*. 1866. **Beer**. *Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia*. 1894. Его же. *Oesterreichische Handelspolitik unter Maria-Theresia*. **Rachel**. *Die Handels-Zoll- und Akzisepolitik Brandenburg-Preussens bis 1713*. Acta Borussica. 1911. **Wagner**. *Finanzwissenschaft*. T. III. 1. 2 изд. 1910. (Steuergeschichte). **И. М. Кулишъ**. *Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи*. 1914. Его же. *Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы*. Изд. 5-ое. 1918.

Аристовъ. *Промышленность древней Руси*. 1866. **Костомаровъ**. *Очеркъ торговли Московскаго государства*. 2 изд. **Никольскій**. *О внѣшнихъ таможенныхъ пошлинахъ въ Россіи*. (Записки Московскаго Университета. 1867). **Осокинъ**. *Внутреннія пошлины въ Россіи*. 1850. **Толстой**. *Исторія финансовыхъ учреждений Россіи*. 1848. **Гагемейстеръ**. *Разысканія о финансахъ древней Россіи*. 1834. **Семеновъ**. *Изученіе историческихъ свѣдѣній о российской внѣшней торговлѣ и промышленности*. 1858. **Довнаръ-Запольскій**. *Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ*. 1901.

I.

«Пошлина» происходит от слова «пошлый», т. е. давній, древній, исконный, что изстари ведется. «Пошлыя дороги» — тѣ дороги, которыми обычно ѣздить; пошлина — то, что идетъ, пошло съ товара. Пошлина, слѣдовательно, равнозначаща латинскому слову «consuetudo» — обычай («по старинѣ, по пошлинѣ»), отъ котораго происходитъ англійское «custom», также обозначающее таможенные сборы, и французское «coutume»; послѣднее, какъ и нѣмецкое «Herkommen», въ средніе вѣка употреблялось и въ смыслѣ «impôt» или «Steuer», т. е. налоговъ, разъ навсегда установившихся въ силу обычая, имѣ освященныхъ. Подобно всѣмъ этимъ выраженіямъ, и у насъ пошлина являлась обычнымъ, исконнымъ сборомъ («ходили по пошлинѣ», т. е. дѣйствовали по старому). «А мыты ни держати давныи пошлыи, а новыхъ мытовъ не замышляти». Таможенная пошлина именовалась первоначально «мыто» отъ «mutaticum» — «muta» — «Mant» (его взымали мытари, мытники), позже «мыто таможенное». Таможня происходитъ отъ «тамга» — по татарски, печать, знакъ, штемпель, — но у насъ тамга обозначала торговый сборъ, тоже, что мыто. «А который иметъ прикупомъ торговати; а тотъ томгу дасть». Брала ее таможники («таможникамъ моимъ не являютъ»), за неплатежъ тамги полагался штрафъ — «протаможье». Эта тамга, одинъ изъ видовъ сбора — быть можетъ учрежденная татарами (хотя это не доказано) — стала родовымъ названіемъ для всѣхъ таможенныхъ пошлинъ и даже для иныхъ косвенныхъ налоговъ.

Во Франціи таможенные пошлины первоначально назывались «droit de traite» (отъ латинскаго «transitura», т. е. проѣзжая пошлина), гораздо позже (лишь съ конца XVI ст.) они получили современное названіе droit de douane (douane-dogana, doan; послѣднее то же, что portorium, т. е. портовый сборъ; по-итальянски пошлины dogane, по-испански — las aduanas). Въ Англіи таможенные пошлины съ самаго начала именовались custom (= пошлина), «customa» (antiqua seu magna customa), по-нѣмецки — «Zoll» (отъ teloneion = teloneum = tonlieu, т. е. налогъ).

У племени Бакуба—разсказываетъ Wissmann въ описаніи своего второго путешествія по Африкѣ—на рынокъ происходитъ слѣдующее. «Предводитель племени при большомъ скопленіи народа совершаетъ танецъ, состоящій въ огромныхъ прыжкахъ и довольно непристойныхъ движеніяхъ бедрами. Послѣ каждой пляски къ нему приближалась, также танцуя, женщина и ставила передъ предводителемъ свои дары. Каждая община, представители которой посѣщаютъ этотъ рынокъ, обязана уплатить старѣйшинѣ извѣстную дань». (Zweite Durchquerung Afrikas. p. 99). Здѣсь мы имѣемъ зачатки таможенныхъ пошлинъ, точнѣе, ихъ болѣе или менѣе отдаленнаго предка: отъ дареній, подносимыхъ иноземными купцами предводителю племени, который ихъ беретъ подъ свое покровительство, гарантируетъ имъ миръ на рынокъ, совершается переходъ къ опредѣленнымъ рыночнымъ сборамъ, взимаемымъ за право посѣщенія рынка, а эти сборы въ свою очередь составляютъ переходную форму, мостъ къ таможеннымъ пошлинамъ.

На африканскихъ рынкахъ центральное мѣсто принадлежитъ блюстителю порядка, который съ топоромъ на плечѣ, окруженный тѣлохранителями, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто не являлся вооруженный на рынокъ, не нарушалъ рыночнаго мира. Ему же уплачивается рыночный сборъ, въ однихъ случаяхъ натурой—торговецъ хлѣбомъ отдаетъ мѣру зерна, торговецъ мясомъ—кусокъ мяса, въ другихъ—деньгами; онъ взимаетъ напр. 10 проц. съ цѣны товара, изъ которыхъ третью часть передаетъ царьку, поставившему его на рынокъ, а остальное кладетъ себѣ въ карманъ.

Весь институтъ рынковъ съ рыночнымъ миромъ, рыночнымъ стражемъ и рыночнымъ мытомъ проходитъ красной нитью чрезъ исторію торговаго обмѣна въ древности и въ средневѣковый періодъ: агораномъ съ бичомъ въ рукахъ въ Аѣинахъ, графъ или iudex въ раннее средневѣковье. И тутъ же читаемъ въ старѣйшихъ грамотахъ на право устройства рынковъ: «даруемъ рынокъ съ мытомъ и монетой». Рынокъ и мыто (*mercatum cum theloneo*) неразрывно связаны, рыночный сборъ—«*foraticum*» отъ «*forum*»—рынокъ. И съ появле-

нѣмъ городовъ онъ не мѣняетъ своего характера, хотя и взимается не всегда на городскомъ рынкѣ, нерѣдко же у городскихъ воротъ. Но это все же сборъ съ купли-продажи; поэтому если товаръ не проданъ, то у воротъ ничего платить не полагается.

Но у таможенныхъ пошлинъ есть и другой родоначалникъ— въ эту эпоху имѣются не только рыночные сборы, но и проѣздные. И они встрѣчаются въ равной мѣрѣ и у негритянскихъ племенъ Африки, у полинезійцевъ и т. д.,—паромные сборы, за проѣздъ по мосту; и въ классической древности— въ Римской имперіи; во франкской монархіи—въ видѣ всевозможныхъ pontaticum (за проѣздъ по мосту и проходъ судна подъ мостомъ), ripaticum (съ пристававшихъ или проходившихъ по рѣкѣ кораблей), rotaticum (за право проѣзда по дорогамъ) и т. д. Ими кишѣли дороги, рѣки, мосты, перевозки.

Тѣ же двѣ группы сборовъ представлены на Руси. Уже Владиміръ Св. даруетъ духовенству десятину, въ томъ числѣ «и съ торгу десятую недѣлю». Обычный рыночный сборъ съ купли-продажи—тамга; хотя и устанавливалась она иногда при самомъ въѣздѣ въ города и села. «А тамга и осмниче взяти, аже иметь торговати; а поѣдетъ мимо, знаетъ свой мытъ да костью (костьи—новгородская земельная мѣра, сборъ этотъ взимался при проѣздѣ), а болѣе того пошлинъ нѣтъ». Проѣздными сборами являлись мостовщина (за проѣздъ по мосту), перевозъ (за переправу на рѣкѣ), головщина (съ головы, подушный сборъ при проѣздѣ) и т. д. На всѣхъ проѣзжихъ дорогахъ стояли у заставъ или «у затвора» мытники или «заставщики»; имѣются «путные» бояре, которымъ жалуются въ кормленіе волости съ мытами, взимаемыми на путяхъ или дорогахъ. Существовали и сборы, сохранившіе еще первоначальную форму подарковъ, подносимыхъ властямъ по договору. «А како будетъ гость нѣмечкый въ городѣ, дати имъ княгини поставъ частинны (кусокъ полотна), а тивуну Волочьному рукавичъ перстатый (перчатки) Готскій». (Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой и Готландомъ 1229 г.).

Все это еще не были таможенные пошлины въ настоящемъ смыслѣ слова. Имъ не хватало одного—пограничнаго характера. Они взымались вездѣ, гдѣ угодно; повсюду были заставы—въ городахъ, селахъ и слободахъ, на рынкахъ и у воротъ. Среди нихъ имѣлись, конечно, и такіе сборы, которые уплачивались на границѣ. Правда не на границѣ государства, такъ какъ государства вообще не было, но на пограничной чертѣ, отдѣлявшей области, провинціи, княжества другъ отъ друга. Но таможи этого рода долго не отличаются отъ прочихъ заставъ; лишь мало-по-малу эти пошлины выдѣляются изъ прочихъ сборовъ, образуютъ особую группу сборовъ, взимаемыхъ не за право торговли на рынкѣ и не за право проѣзда по дорогамъ, рѣкамъ и мостамъ, а за право въѣзда въ данную территорію и въ особенности за право привоза товаровъ туда и вывоза ихъ оттуда. Они приближаются постепенно къ современнымъ таможеннымъ пошлинамъ, по мѣрѣ того, какъ они уплачиваются не съ людей (проѣзжающихъ по дорогамъ или приѣзжающихъ на рынокъ), а съ самихъ товаровъ, переходящихъ ту или иную границу, минуящихъ пограничную таможду.

И, наконецъ, дѣлается послѣдній шагъ—отдѣльныя области, княжества, города объединяются въ одно цѣлое, въ государство, и пошлины взимаются на границѣ послѣдняго; тогда они становятся таможенными пошлинами въ современномъ смыслѣ. Но объединеніе отдѣльныхъ государствъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи не сразу проводится полностью. Рядомъ съ таможенными на государственной границѣ еще долго сохраняются и внутреннія заставы. Внутренними пошлинами именуется и сборы на этихъ прежде пограничныхъ заставахъ, ибо граница исчезла и они очутились внутри страны; но такъ же называются и прежнія проѣздныя пошлины на дорогахъ и мостахъ. Лишь послѣ продолжительной борьбы съ ихъ владѣльцами—князьями, духовенствомъ, городами, иногда за выкупъ, государству удается заставить ихъ снять свои шлагбаумы и убрать мытниковъ и тѣмъ самымъ освободить населеніе отъ внутреннихъ поборовъ.

Такимъ образомъ, старыя формы сборовъ, взимаемыхъ съ торговцевъ на рынкахъ и заставахъ, постепенно вымираютъ; лишь одна изъ нихъ, вылупившаяся изъ прочихъ, переживаетъ ихъ, оказывается долговѣчной, призванной сыграть крупную роль въ экономической жизни человѣчества. Такъ изъ многочисленныхъ ручьевъ и ручейковъ, выскакивающихъ на поверхность и стремительно бѣгущихъ впередъ, лишь немногіе достигаютъ цѣли; большинство заглохнетъ и пропадетъ снова подъ землей, но одинъ, вмѣщая въ себѣ воды многихъ другихъ, растетъ и ширится и обращается въ огромный потокъ, въ обширную рѣку, прокладывающую себѣ удобное ложе, не уничтожаемое подъ напоромъ временъ и враждебныхъ силъ, въ рѣку, на берегахъ которой строятся деревни и города, возникаютъ и исчезаютъ царства.

Римская имперія знала уже пограничныя имперскія пошлины, но освободиться отъ внутреннихъ заставъ еще не сумѣла: не только продолжали существовать сборы на границахъ отдѣльных провинцій (Сициліи, Испаніи, Галліи, Британіи, Африки) но и рѣчные, и мостовые, и иные подобнаго рода сборы путешественникъ и купецъ уплачиваетъ попрежнему.

И современная Европа не скоро избавилась отъ внутреннихъ сборовъ, добилась объединенія въ таможенномъ отношеніи. Ранѣе всего процессъ совершился въ Англіи, гдѣ съ конца средневѣковья исчезаетъ самостоятельность городовъ, и государство превращается въ таможенномъ отношеніи въ единое цѣлое. Но это была еще только Англія, а не Соединенное королевство. Только въ 1707 г. уничтожены таможи между Англіей и Шотландіей и образовалась великобританская граница, а сто лѣтъ спустя въ 1823 г. пали и заставы, отдѣлявшія Великобританію отъ Ирландіи.

И во Франціи зачатки относятся къ средневѣковью — съ XIV ст. существовала пограничная стража, взимались пограничныя пошлины при вывозѣ товаровъ, въ то же время города стали дѣлать попытки къ взаимному сближенію. Въ результатѣ сѣверныя провинціи мало по малу, болѣе или менѣе объединяются въ

группу *provinces de cinq grosses fermes*. Но лишь при Кольберѣ большая часть заставъ въ ихъ предѣлахъ упраздняется, и пошлины переносятся на общую границу, отдѣляющую *provinces de cinq grosses fermes* отъ прочихъ частей Франціи. Последнія въ теченіе столѣтія оставались еще *provinces réputées étrangères*—изъ самаго названія видно до какой степени они были отчуждены отъ прочей части страны. А между тѣмъ это были наиболѣе выгодно въ коммерческомъ отношеніи расположенныя мѣстности, частью пограничныя области, которыя не желали ни отказаться отъ своихъ внутреннихъ заставъ, ни провести границу между собой и иностранными государствами. Это были въ то же время *pays d'états*, слѣдовательно, наиболѣе сильныя въ политическомъ отношеніи, имѣвшія полную возможность отстаивать свои мѣстные интересы ¹⁾. Еще рѣзче обнаруживались партикулярныя тенденціи третьей группы — *provinces à l'instar de l'étranger effectif*. Они въ таможенномъ отношеніи находились уже совершенно за французской границей, были отдѣлены отъ прочей части Франціи, но не отъ иностранныхъ государствъ. Это были пограничныя области—Мецъ, Туль и Верденъ и *pays de Gex*. Такое же положеніе занимали торговые города Марсель, Байонна, Лоріанъ и Дюнкеркъ. Всѣ они вели оживленныя торговыя сношенія съ другими европейскими и заокеанскими странами—включеніе ихъ въ таможенную черту нанесло бы ударъ ихъ торговлѣ. Кольберъ не могъ справиться съ этими столь разнородными стремленіями, объединить ихъ въ той или иной формѣ. А послѣ него все дѣло свелось къ назначенію комиссій, которымъ удавалось отмѣнить нѣкоторые проѣздные сборы, *réages*, поскольку владѣльцы ихъ не могли ничѣмъ доказать своего права на взиманіе ихъ. Такъ что наканунѣ революціи насчитывалось еще свыше 1½ тысячъ однихъ сборовъ этого рода, причемъ они почти всецѣло находились въ рукахъ частныхъ лицъ. Только французская революція, для которой привилегированныя провинціи являлись

¹⁾ Forbonnais совѣтовалъ взимать съ привозимыхъ отъ нихъ товаровъ двойную пошлину—это заставило бы ихъ войти въ общую таможенную границу.

такимъ же зломъ, какъ привилегированныя сословія, завершила таможенное объединеніе Франціи въ 1790 году, упразднивъ всякаго рода и наименованія внутреннія таможи, какъ внутри провинцій, такъ и на границѣ ихъ. Въ слѣдующемъ году появился на свѣтъ впервые общій для всей Франціи таможенный тарифъ, примѣняемый при провозѣ товаровъ черезъ государственную границу. Договоромъ 1865 г. въ таможенную черту Франціи включено и княжество Монако (таможенная унія).

Такимъ образомъ Франція вступила въ XIX вѣкъ при благоприятныхъ условіяхъ: она имѣла рынокъ, обнимавшій всю страну. Другимъ государствамъ — Германіи, Италіи, Австріи, Швейцаріи, было еще далеко до этого. Они еще распадались на массу мелкихъ территорій, отдѣленныхъ таможенными барьерами другъ отъ друга, съ многообразными таможенными тарифами и совершенно не согласованной между собой таможенной политикой. На дорогахъ стояло «почти столько же шлагбаумовъ, сколько имѣется въ настоящее время телеграфныхъ столбовъ»; все путешествіе превращалось въ одну непрерывную борьбу съ таможенниками. Для торговцевъ такое состояніе было прямымъ мученіемъ, и чѣмъ дальше шло развитіе хозяйственной жизни, тѣмъ болѣе невыносимымъ становились эти загражденія. Торговый обмѣнъ рвался на свободу, искалъ простора, нуждался въ широкомъ рынкѣ, а на него налагали оковы въ видѣ внутреннихъ и пограничныхъ, давнымъ давно устарѣлыхъ, таможенныхъ сборовъ.

Австрія вплоть до 1775 года не знала общей государственной торговой и таможенной политики. Она была разорвана на части многочисленными проѣздными сборами, отъ которыхъ владѣльцы ихъ не думали отказаться, а въ дополненіе къ нимъ на границахъ областей стояли таможенные заставы. Съ тѣми и другими удалось покончить лишь Маріи-Терезіи: событіе составляло изданіе съ 1775 г. общаго для всѣхъ нѣмецкихъ, но только нѣмецкихъ, областей Австріи таможеннаго тарифа (аналогія съ *provinces de cinq grosses fermes* при Кольберѣ); въ 1796 г. онъ распространенъ и на Галицію. Второй шагъ первостепенной важности послѣдовалъ въ 1827 г. — теперь вся Австрія превратилась въ единое

цѣлое въ хозяйственномъ отношеніи: были упразднены таможи, отдѣлявшія нѣмецкія области отъ Тироля, Форарльберга, ломбардско-венеціанской области и Далмаціи. И, наконецъ, третій — въ 1851 г. образованіе австро-венгерскаго рынка (въ 1777 г. Венгрія объединилась съ Славоніей, Трансильваніей и Банатомъ), благодаря таможенному союзу между обѣими частями монархіи; въ 1875 г. на основаніяхъ таможенной уніи къ нимъ примкнуло и самостоятельное княжество Лихтенштейнъ.

Въ Германіи еще въ 1790 году насчитывалось ни болѣе, ни менѣе, какъ 1800 различныхъ таможенныхъ границъ: «нѣмцы ведутъ торговлю — сказалъ одинъ французъ — какъ заключенные черезъ тюремныя рѣшетки». Въ 1803 г. Германія имѣла еще цѣлыхъ 300 монарховъ, а каждый изъ монарховъ имѣлъ собственныя таможи. Въ одной только Пруссіи находимъ 67 мѣстныхъ тарифовъ и столько же таможенныхъ границъ; на пути между Дрезденомъ и Магдебургомъ путешественникъ встрѣчалъ 16 заставъ. Въ слѣдующія два десятилѣтія положеніе какъ будто нѣсколько улучшилось, такъ какъ многія государства упразднили внутреннія таможи и перенесли заставы на границы своихъ территорій. Такъ поступила Баварія въ 1807 г. (отчасти уже въ 1765 г.), Вюртембергъ въ 1810 г., Бадень въ 1812 г. Пруссія въ 1818 году замѣнила всѣ 67 мѣстныхъ тарифовъ однимъ общимъ, дѣйствующимъ на границѣ государства.

Но для торговли этого еще было далеко недостаточно: даже послѣ такого объединенія отдѣльныхъ территорій, таможенъ оставалось черезчуръ много. Германія «храпѣла подъ игомъ 38 монарховъ», — какъ говорилъ Heine: для cadaго изъ нихъ территорія его сосѣдей, иногда самыхъ крохотныхъ размѣровъ, являлась въ таможенномъ отношеніи заграницей. «38 таможенныхъ границъ, разрывающихъ Германію на части — жаловался List — парализуютъ торговый обмѣнъ, дѣйствуютъ такъ, какъ если бы каждый членъ челоѣческаго тѣла былъ перетянутъ веревкой, чтобы кровь не могла переливаться изъ одного члена въ другой. Гамбургскій кунецъ, торгующій съ Австріей, или

берлинскій, ведущій торговлю съ Швейцаріей, вынужденъ проѣзжать черезъ 10 государствъ, изучать 10 таможенныхъ тарифовъ, уплачивать 10 разъ пошлину. А кто имѣетъ несчастіе жить на границѣ, гдѣ сходятся 3—4 государства, тому приходится всю свою жизнь проводить среди враждебныхъ ему таможенниковъ: у него нѣтъ отечества». Съ завистью нѣмцы смотрѣли «на великій народъ, живущій по ту сторону Рейна, который ведетъ торговлю отъ Ламанша до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Пиринеевъ, отъ границы Голландіи до Италіи по свободнымъ рѣкамъ и открытымъ дорогамъ, не встрѣчая ни одного мытника на своемъ пути».

Лишь съ конца 20-хъ годовъ происходитъ сближеніе отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Въ одномъ и томъ же 1827 году образовались 3 союза — союзъ Баваріи съ Вюртембергомъ (южный союзъ), союзъ Саксоніи съ Брауншвейгомъ, Ольденбургомъ и Ганноверомъ и нѣкоторыми мелкими княжествами (средне-германскій союзъ) и, наконецъ, союзъ Пруссіи съ Гессеномъ (сѣверный союзъ). Послѣдній явился исходной точкой дальнѣйшаго объединенія, онъ ярко демонстрировалъ мелкимъ государствамъ выгоды соединенія съ крупными территоріями и расширенія рынка для своихъ товаровъ. Уже въ слѣдующемъ году сѣверный и южный союзы соединились, гарантируя другъ другу частью полную свободу отъ пошлинъ, частью пониженіе ихъ на 25 проц., а это составляло угрозу для прочихъ, въ особенности вкрапленныхъ между ними княжествъ, должно было сдаться ихъ, отрѣзавъ отъ внѣшняго рынка. Саксоніи и Тюрингенскимъ княжествамъ ничего не оставалось, какъ присоединиться къ Пруссіи, Вюртембергу и Баваріи. Въ 1834 году они образовали Германскій Таможенный союзъ; въ составъ его вошелъ въ слѣдующемъ году Бадень, а затѣмъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ постепенно стали выходить изъ своей изолированности и остальные государства. Оставались за предѣлами (какъ когда-то во Франціи) лишь пограничныя приморскія области — Ганноверъ, Ольденбургъ, Шлезвигъ, Голштинія, Мекленбургъ, торговые интересы которыхъ указывали имъ путь за море, въ Англію и Америку. Для Таможеннаго союза отсутствіе

сѣверныхъ портовъ было равносильно организму безъ ногъ; создавалось какое то посредствующее государство между Германіей и иностранными державами. Въ другихъ странахъ—говорилъ List, искренне презиравшій этихъ «торговцевъ, состоящихъ при англійской индустріи»—«приморскіе города просвѣщаютъ континентъ относительно торговыхъ и морскихъ интересовъ народа; у насъ ничего, кромѣ софистики, не попадаетъ оттуда въ глубь страны, которой приходится не только уяснять себѣ свои коммерческія нужды, но вносить еще свѣтъ въ затемненные партикуляризмомъ, эгоизмомъ и чужестранными интересами портовые центры». Лишь въ 1851 г. Ганноверъ заявилъ о своемъ согласіи войти въ союзъ, за что ему было заплачено всевозможными привилегіями—при разверсткѣ пошлинь и т. д. За нимъ послѣдовали и прочія территоріи и въ 50-хъ и 60-хъ годахъ Германія округлилась въ единое цѣлое въ хозяйственномъ отношеніи, простирающееся до моря и нарушаемое лишь нѣсколькими пунктами, остававшимися за чертой—ганзейскими вольными городами, этими «суверенными приходами», которые удалось включить только въ 80-хъ годахъ.

Къ тому времени Таможенный союзъ уже успѣлъ сойти со сцены, выполнивъ свою роль. Онъ прожилъ тридцать лѣтъ и путь его не былъ устланъ розами—извѣстны въ исторіи «три кризиса союза», не считая болѣе мелкихъ столкновеній. Неоднократно союзъ стоялъ надъ пропастью; но Пруссія, игравшей въ немъ первую скрипку, а фактически захватившей и дирижерскую палочку, удавалось удерживать его отъ грозившаго разрыва и превратить въ 1867 г. въ нѣчто болѣе крѣпкое—въ Сѣверо-германскій союзъ съ Таможеннымъ парламентомъ, который въ свою очередь растворился въ 1871 г. во вновь созданной Германской имперіи; со времени присоединенія ганзейскихъ городовъ въ 1888 г. политическая и таможенная граница совпали. Впрочемъ послѣдняя выходила нѣсколько за предѣлы Германіи, захвативъ (оставшіяся присоединенными со времени Таможенного союза—съ 1842 г.) двѣ австрійскія общины и самостоятельное великое герцогство Люксембургское—герцогство, на началахъ таможенной уніи

(Zollanschluss); оно получало известную долю общих таможенных доходов.

За Германией послѣдовала Италія, которая еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX ст. была разбита на рядъ мелкихъ самостоятельныхъ территорій, съ самостоятельными границами, пошлинами и заставами. Всѣ благодѣянія свободы передвиженія, всѣ благотворные результаты новой техники проходили мимо Италіи, не знавшей еще національной территоріи, національной хозяйственной политики. Въ 40-хъ годахъ жалобы и теоретиковъ и дѣловыхъ людей на препоны и преграды, вызываемыя многообразной торговой политикой въ семи различныхъ врѣзывающихся другъ въ друга государствахъ, множатся все болѣе и болѣе, напоминая на каждомъ шагу тѣ страстныя рѣчи, которыя ранѣе произносилъ Фридрихъ Листъ, ведя борьбу за объединеніе Германіи ¹⁾. Какъ когда то нѣмцы завидовали Франціи, такъ теперь итальянцы восторженно говорили о великой идеѣ, осуществленной нѣмцами, мечтая объ учрежденіи такой же «Lega doganale» (таможенного союза) въ Италіи. Лишь въ 1859 г. когда свершилось политическое объединеніе Италіи, единое государство устранило и экономическую обособленность отдѣльныхъ частей его: въ томъ же году пали таможенные барьеры, отдѣлявшіе сѣверныя области другъ отъ друга (Тоскану отъ Романьи и Модены, Пьемонтъ отъ Ломбардіи, Пьяченцы, Пармы и Модены), а въ слѣдующемъ году присоединились къ этому единому хозяйственному организму и прочія части новаго королевства (Умбрія, Обѣ Сициліи и др.). Такъ въ кратчайшій срокъ буря національнаго энтузіазма снесла всѣ вѣхи территоріальной замкнутости, создала единый рынокъ и открыла путь къ экономическому возрожденію Италіи.

¹⁾ Имѣетъ ли смыслъ, говорить одинъ авторъ того времени, въ Тосканѣ, Луккѣ или другихъ мѣстахъ учреждать дорого стоящія предпріятія, когда на каждомъ шагу встрѣчаешь препятствія въ сбытѣ товаровъ. Когда миланскій фабрикантъ отправляетъ свои шелковыя ткани во Флоренцію, ему приходится на пути въ 150 итальянскихъ миль восемь разъ останавливаться на таможняхъ. Кромѣ пограничныхъ таможенъ имѣлись и шлагбаумы у городскихъ воротъ.

Швейцарскіе кантоны до 1848 года были отдѣлены заставами другъ отъ друга. Только въ этомъ году таможенное законодательство перешло къ швейцарскому союзу, и послѣдній упразднилъ кантональные и не вымершіе еще окончательно рѣчные, мостовые и дорожные сборы и ввелъ общій для всей страны пограничный таможенный тарифъ. Окончательно таможенное единство установилось въ 1874 году.

И въ Россіи рука объ руку идутъ явленія двоякаго рода—зарождаются и развиваются внѣшнія или пограничныя пошлины, и вымираютъ и упраздняются внутреннія заставы. Та самая тамга, отъ которой нерѣдко производятъ таможенные пошлины вообще и которая наиболѣе ярко выражаетъ свойства старинныхъ сборовъ, положила основаніе и таможеннымъ пошлинамъ въ полномъ смыслѣ этого слова—пограничнымъ пошлинамъ. Эта «большая тамга» или большая таможенная пошлина уплачивалась иностранцами въ пограничныхъ городахъ—съ половины XVI ст. она записывалась въ отдѣльныя книги и выдѣлялась, слѣдовательно, изъ внутреннихъ пошлинъ. Въ пограничныхъ городахъ взималась и грузовая пошлина съ вывозимыхъ товаровъ, и побережная съ привозныхъ «изъ за моря и зарубежья и изъ заморскихъ странъ и изъ Корелы». Въ этихъ и въ дальнѣйшихъ пошлинахъ имѣемъ несомнѣнно сборы, взимаемые при переходѣ товара черезъ границу государства, напр., при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ сборы съ нѣмцевъ при пріѣздѣ съ товарами и при отъѣздѣ опять-таки съ закупленными въ Россіи товарами—въ товарахъ вся суть. Наконецъ, въ 1724 году и у насъ появляется первый общій таможенный тарифъ—событіе огромной важности—состоящій изъ запрещеній привоза и вывоза, изъ привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, взимаемыхъ въ портахъ, т. е. на границѣ.

Внутреннія пошлины въ эту эпоху еще не исчезли: большая часть ихъ была правда въ 1659 г. объединена въ торговую рублевую пошлину и замѣнялась ею; но мостовщина и перевозъ, амбарщина (сборъ въ гостинныхъ дворахъ) и пудовое (вѣсчье) продолжали существовать рядомъ съ пограничными пошлинами и рублевой пошлиной. Послѣ частныхъ попытокъ полная отмѣна ихъ послѣдовала указомъ 1753 г. въ которомъ говорилось, что «сенаторъ, генералъ и кавалеръ графъ Петръ

Ивановичъ Шуваловъ за первую надобность изыскалъ, что отъ пошлинь внутреннихъ происходятъ народу притѣсненія» По его предложенію, всѣ внутреннія таможи уничтожены; а чтобы казна не пострадала отъ этого (она получала около 1 милл. въ годъ внутреннихъ пошлинь), взамѣнь ихъ установлена надбавка къ внѣшнимъ пошлинамъ въ 13 к. съ рубля. Тотъ и другой сборъ еще исчислялись особо, хотя и вимались вмѣстѣ въ пограничныхъ городахъ; прежняя пограничная пошлина именовалась портовой, а надбавка—внутренней 13-копеечной пошлиной. Одновременно были уничтожены и внутреннія пошлины въ Малороссіи (индуктъ и эвектъ) и также замѣнены 13 коп. сборомъ на внѣшней границѣ (таможни между Великороссіей и Малороссіей были упразднены). Вскорѣ добавочный сборъ окончательно слился съ тарифными пошлинами, исчезло и самое названіе внутреннихъ пошлинь.

На западной границѣ до половины XIX ст. имѣлись два различныхъ пограничныхъ тарифа—одинъ для товаровъ ввозимыхъ изъ-заграницы въ Имперію, другой—для идущихъ въ предѣлы Царства Польскаго (на границѣ съ иностранными государствами) и кромѣ того третій тарифъ, болѣе льготный, для товаровъ, перевозимыхъ изъ Имперіи въ Польшу и наоборотъ, хотя уже въ 1826 г. Польша заявляла, что она составляетъ съ Россіей одно цѣлое и добивалась уничтоженія таможенной черты. Лишь въ 1851 г. это было сдѣлано и былъ изданъ общій для Имперіи и Польши таможенный тарифъ.

Теперь Польша снова окажется за пограничной чертой, по той сторонѣ будутъ и Литва, и Курляндія, быть можетъ, и еще какія-либо части прежней единой великой Россіи,—таможенная граница послѣдней передвигается далеко къ востоку отъ прежней черты. Но образовать самостоятельныя таможенныя единицы эти области едва ли могутъ. Исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что въ такихъ случаяхъ неминуемо обнаруживается стремленіе къ сближенію съ сосѣдями, тяготѣніе малыхъ къ большимъ—собственный рынокъ не даетъ надлежащаго простора, мѣшаетъ развернуться хозяйственной жизни. Но сближеніе съ кѣмъ? Съ Россіей, отъ которой они оторваны, или съ новымъ побѣдителемъ, кото-

рому нужны богатства Польши и порты балтійскихъ провинцій? ¹⁾).

Какъ можно усмотрѣть изъ предыдущаго, таможенные пошлины являются налогомъ, уплачиваемымъ въ таможенныхъ учрежденіяхъ въ связи съ переходомъ товарами пограничной черты или таможенной границы ²⁾; послѣдняя совпадаетъ обыкновенно съ границей государства ³⁾. Таможенные пошлины являются несомнѣнно налогомъ, а не пошлинами—несмотря на свое, вводящее въ заблужденіе, названіе. Въ финансовой наукѣ пошлинами называются тѣ источники государственныхъ доходовъ, которые, въ противоположность налогамъ, взимаются за особыя услуги, оказываемыя правительственными учрежденіями плательщику или вслѣдствіе специальныхъ расходовъ, которые вызываетъ своими дѣйствіями плательщикъ (таковы напр. пошлины судебныя, нотаріальныя, за клейменіе товаровъ и т. д.). Таможенные же пошлины уплачиваются совершенно независимо отъ какихъ-либо услугъ или расходовъ ⁴⁾; привозъ или вывозъ товаровъ не создаетъ никакихъ расходовъ у пограничныхъ таможенныхъ учреждений. Если же англійскій писатель XVIII вѣка Petty утверждалъ, что они являются вознагражденіемъ государства за охрану товаровъ отъ нападенія пиратовъ, то это находилось въ связи съ общей точкой зрѣнія, согласно которой государство рассматривалось какъ своего рода страховое учрежденіе, взимающее налоги за охрану жизни и имущества гражданъ. Правда, современные

¹⁾ См. объ этомъ ч. II, гл. о таможенныхъ союзахъ.

²⁾ Они уплачиваются въ связи съ переходомъ пограничной черты, но не обязательно при переходѣ ея, такъ какъ таможня расположена на извѣстномъ разстояніи отъ пограничной черты, или уплата производится не въ пограничной таможнѣ, а въ другой, находящейся внутри страны.

³⁾ Впрочемъ—какъ видно изъ предыдущаго—не всегда исполнѣ; этому препятствуютъ напр. таможенные уніи (напр. включеніе княжества Монако во французскую таможенную черту).

⁴⁾ Если же тѣ или другіе имѣютъ мѣсто, то за это на таможнѣ установлены специальные сборы, имѣющие пошлинный характеръ, напр. за взвѣшивание товара, за выдачу документа, за пользованіе трудомъ служащихъ и т. д. У насъ всѣ заявленія, ярлыки, свидѣтельства, квитанціи и т. д. на таможенныхъ пишутся на гербовой бумагѣ, а это обозначаетъ ничто иное, какъ уплату особаго сбора.

экономисты нерѣдко утверждаютъ, что первоначально пошлины являются платой за предоставленіе специальныхъ выгодъ плательщику, слѣдовательно, когда-то соответствовали своему названію и лишь впослѣдствіи разошлись съ нимъ. Они являлись платой «за устройство и безопасность дорогъ, мостовъ, рынковъ» (Cohn. p. 326), предназначались на «покрытіе расходовъ по постройкѣ и содержанію дорогъ, мостовъ, перевозовъ, пристаней, площадей» (Clamageran. I, p. 161).

Но рѣчь здѣсь идетъ не о таможенныхъ пошлинахъ, а о тѣхъ торговыхъ, въ особенности же проѣздныхъ сборахъ, которые являлись предшественниками таможенныхъ пошлинъ. Да и относительно ихъ тотъ же Clamageran (p. 161) признаетъ, что «на самомъ дѣлѣ эти услуги были лишь поводомъ, удовлетворяя алчнымъ инстинктамъ феодальной аристократіи», что пошлины «являлись новой формой грабежа, грабежа постоянного, правильно организованнаго». Правда нерѣдко приказывалось чинить дороги и мосты на полученные отъ торговцевъ сборы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что приказанія исполнялись; если ихъ дѣйствительно чинили, то за эту починку устанавливался тоже сборъ, но только новый сборъ, специальный, дополнительный. За охрану торговцевъ платилъ, но не за дѣйствительный конвой, а за листъ, удостоверявшій, что оплата внесена, и благодарилъ Бога, если слуги того самаго феодала, который получилъ конвойныя деньги, не грабили его при проѣздѣ по дорогѣ или въ лѣсу. Сборы взымались за пользованіе подъемными кранами, мѣрами и вѣсами, за проѣздъ по мосту, за остановку въ торговомъ подворьѣ. Казалось бы, все это плата за разнаго рода услуги, оказываемыя купцу. Но купецъ не желалъ грузить товаровъ кранами—и съ него все-таки брали сборъ; онъ не останавливался въ гостиницѣ дворѣ—а гостиницъ денегъ все-же платилъ; онъ проѣзжалъ въ бродѣ или подъ мостомъ—но мостовому сбору подлежалъ. Самые мосты строили на сушѣ, рѣки переграждали канатами, чтобы суда останавливались и уплачивали пошлину; но была ли это дѣйствительно пошлина?

Такъ было въ Западной Европѣ. Но и на Руси никому въ голову не приходило тратить мыто, мостовщину, пере-

возъ и т. д. на починку дорогъ и мостовъ или вознаграждать потерпѣвшихъ отъ ихъ дурного состоянія, какъ требовали грамоты и уставы. Недаромъ взиманіе пошлинъ («мытоимство») именовали «грабленіе насильное, то бо есть разбойничества злѣе»; говорили, что мытарь «съ дерзновеніемъ грабитъ». Еще въ XVII вѣкѣ приходилось государству вести борьбу съ мытарями, уничтожать самовольно построенные мосты и перевозы, ибо людей, желавшихъ ѣхать въ бродъ, таможенники силой заставляли ѣхать черезъ мостъ или пользоваться перевозомъ.

Взимались, правда, какъ рыночные и проѣздные сборы, такъ и пограничныя пошлины большей частью лишь съ иностранцевъ, но не съ мѣстныхъ жителей. Но это объяснялось тѣмъ, что только чужіе, гости, какъ они именовались, обязаны были платить за право въѣзда и торговли въ той или иной мѣстности, тогда какъ мѣстнымъ жителямъ это право и такъ принадлежало, да и мѣстные жители подлежали прямымъ налогамъ—*is he eyn gast so nedarf he nicht tinsen, aber he mod tollen*, гласитъ постановленіе въ статутѣ одного германскаго города (Геттингена въ XIV ст.), т. е. если онъ «гость», то онъ не обязанъ платить городскую (поимущественную) подать (чиншъ), но долженъ уплачивать торговую пошлину (*toll* или *Zoll*). То же и на Руси—иностранцы подлежатъ особой, «проѣздной отявочной пошлинѣ» «для того, что русскіе люди и московскіе своеземцы подати плотятъ и службы служатъ, а иноземцы ничего». Въ Англіи *nova costuma* или *parva costuma*, пограничныя пошлины, установленныя въ 1302 г., являлись результатомъ соглашеній короля съ иностранными купцами, и эти дополнительныя пошлины (на вывозъ шерсти, кожъ, воска, скота и т. д.) взимались специально съ нихъ. Остатки этого принципа, на основаніи котораго казна наполняла свои сундуки обложеніемъ чужестранцевъ, иноземныхъ купцовъ, долго сохраняются. Еще въ XVII ст. къ 5—процентной пошлинѣ со всѣхъ провозимыхъ въ Англію и вывозимыхъ оттуда товаровъ присоединялась надбавка въ $1\frac{1}{4}$ проц. съ цѣны товара для иностранныхъ купцовъ.

На Руси съ давнихъ поръ при взиманіи торговыхъ сборовъ проводилось различіе между тремя категоріями плательщиковъ: мѣстными жителями (которые именовались своими людьми, ближними торговцами), иногородними (съ дальнихъ мѣстъ) и иноземцами. Пошлины устанавливались по тремъ разрядамъ: болѣе всего платили иностранцы, меньшіе иногородніе и самую низкую пошлину мѣстные торговцы (напр., явочная пошлина 1, 2, 3 деньги съ лица по этимъ тремъ категоріямъ; такіе же разряды при взиманіи головщины, вѣсчаго, тамги). Или же пошлина со всѣхъ русскихъ торговыхъ людей была одинакова и только съ иностранцевъ брали больше (рублевая пошлина въ 10 денегъ съ рубля съ русскихъ, 12 денегъ съ иностранцевъ). Или, наконецъ, мѣстные жители вовсе освобождались отъ пошлины, а платили только пріѣзжіе торговцы, какъ русскіе, такъ и иностранные (напр. замытъ, гостиное).

Потому то и внѣшнія (пограничныя) пошлины, т. е. таможенные пошлины въ полномъ смыслѣ слова, первоначально также появляются въ качествѣ сборовъ съ однихъ только иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что русскіе активной торговли не вели. Такова была, напр., большая тамга (большая таможенная пошлина), которая уплачивалась иноземцами въ Архангельскѣ. Кромѣ того, они подлежали, по Торговому уставу 1653 г., съ провозимыхъ внутрь Россіи и вывозимыхъ оттуда товаровъ 6 проц. съ продажнаго рубля, да еще при вывозѣ русскихъ товаровъ за море или провозѣ своихъ товаровъ въ Москву проѣзжей отъявочной пошлинѣ по гривнѣ съ рубля. На основаніи этого устава, при вывозѣ за границу пошлины платятъ и русскіе люди—но всего 5 проц. съ продажнаго рубля; если же товаръ не свой, а купленъ, то половину. По Новоторговому уставу 1667 г. отвозныхъ пошлинъ съ русскихъ людей вовсе не велѣно брать.

Въ 1680 г. новгородцы уже обложены наравнѣ съ иностранцами, «для того, что они вмѣсто нѣмцевъ учили возить», т. е. потому, что они уже сами ведутъ торговлю съ другими государствами. Постепенно это правило распространяется и на прочихъ русскихъ купцовъ, но еще при Петрѣ Вел.

пошлина съ товаровъ, привозимыхъ русскими въ Петербургъ, была ниже, чѣмъ для иностранцевъ, а въ случаѣ вывоза оттуда или изъ Архангельска, составляла половину того, что платили иностранные купцы. Даже въ первомъ общемъ таможенномъ тарифѣ 1724 г. при вывозѣ русскими купцами русскихъ товаровъ на иностранныхъ корабляхъ дѣлается небольшая скидка въ 5⁰/₀ изъ общей суммы пошлинъ. Однако суть здѣсь уже въ чемъ то иномъ: не столько въ національности купцовъ, сколько въ національности судовъ—тѣ же русскіе купцы при вывозѣ на своихъ судахъ пользуются несравненно большей скидкой (платятъ только $\frac{1}{3}$ пошлинъ), понижаются пошлины и для иностранныхъ товаровъ, привезенныхъ на русскихъ корабляхъ. Хотя еще и подчеркивается, что эти льготы за привозъ и вывозъ на русскихъ судахъ не должны доставаться иностранцамъ, но все же здѣсь уже выдвигается новый моментъ—не желаніе свалить уплату рорговыхъ сборовъ на иностранцевъ, а покровительство русскому судоходству, активной торговлѣ русскаго населенія.

II.

Систематическимъ перечисленіемъ дѣйствующихъ въ странѣ таможенныхъ пошлинъ является таможенный тарифъ. Самое названіе происходитъ не отъ пирата по имени Тарифъ и не отъ замка того же названія въ Гибралтарѣ, гдѣ взималась контрибуція съ судовъ, идущихъ въ Средиземное море. Объясненіе гораздо проще: тарифъ слово арабское и означаетъ перечень, списокъ, реестръ. Тарифъ дѣйствительно представляетъ собою перечень товаровъ съ указаніемъ размѣра таможенныхъ пошлинъ (ставокъ). Тарифъ распадается на рядъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый охватываетъ извѣстную группу товаровъ, а отдѣлы, въ свою очередь, состоятъ изъ болѣе мелкихъ подраздѣленій—подгруппъ, статей, пунктовъ и т. д. Получается обширное зданіе, распадающееся на рядъ этажей, каждый этажъ на квартиры, квартиры на комнаты.

Количество статей тарифовъ XVII—XVIII ст. было весьма велико; во французскомъ тарифѣ 1664 г. имѣлось

1600 статей, въ англійскомъ 1660 г. 490 основныхъ статей и 1140 болѣе мелкихъ дѣлений. Тарифы того времени содержали цѣлую массу разновременно установленныхъ пошлинъ; для одного и того же товара имѣлось нерѣдко нѣсколько ставокъ, въ зависимости отъ происхожденія товара, способа перевозки (на своихъ или на чужихъ судахъ) и т. д. Кромѣ основной ставки уплачивались еще съ того же товара дополнительные, позже прибавленныя; онѣ указывались отдѣльно отъ первыхъ, такъ какъ и тѣ и другія взымались различными способами, и доходы отъ нихъ предназначались для различныхъ цѣлей и поступали въ разныя кассы. Вслѣдствіе этого, англійскій тарифъ, содержавшій въ XVII ст. таможенные сборы 37 различныхъ категорій, съ массой исключеній и «исключеній изъ исключеній», съ добавленіями и новыми добавленіями, представлялъ собою лабиринтъ, въ которомъ не было возможности разобраться при самомъ большемъ стараніи. Для торговцевъ онъ являлся книгой за семью печатями, такъ какъ они часто не могли даже выяснить, подлежитъ ли данный товаръ той или другой пошлинѣ, а это давало таможеннымъ чинамъ полную возможность дѣйствовать по своему усмотрѣнію, ловить купцовъ на нарушеніяхъ и добиваться мзды отъ нихъ.

Болѣзнь давно была извѣстна, но чѣмъ болѣе она усиливалась, тѣмъ труднѣе становилось найти средство для исцѣленія, тѣмъ болѣе, что многіе были заинтересованы въ сохраненіи этого бѣдственнаго для страны положенія. Питтъ впервые въ 1787 г. объединилъ всѣ таможенные ставки въ одинъ общій тарифъ; понадобилось свыше 3000 законодательныхъ актовъ для того, чтобы отмѣнить устарѣлые законы и создать новый тарифъ, указывавшій опредѣленную ставку для cadaго подлежащаго обложенію товара. Всѣ поступления, хотя и предназначенныя для разнообразныхъ цѣлей, шли теперь въ одну и ту же кассу, изъ которой уже каждый фондъ, имѣвшій право на таможенные доходы, получалъ опредѣленныя суммы. Но еще въ началѣ XIX вѣка англійскіе таможенные законы обнимали шесть толстыхъ томовъ in-folio, когда же было сдѣлано извлеченіе изъ нихъ, по порученію

парламента, то оно содержало 629 страниц и составитель потратилъ на него двадцать пять лѣтъ жизни. Въ Пруссіи еще въ началѣ XIX ст. имѣлось 67 различныхъ таможенныхъ тарифовъ, шведскихъ, саксонскихъ, прирейнскихъ, которые лишь въ 1818 г. были замѣнены однимъ общимъ, ясно и толково составленнымъ тарифомъ. Въ Россіи тарифъ 1857 года внесъ значительное упрощеніе въ смыслѣ классификаціи обложенныхъ товаровъ, какъ и по числу статей—вмѣсто 700 статей тарифа 1842 г. и 500 статей тарифа 1850 г. онъ содержалъ менѣе 400 статей (392); еще меньше статей имѣлось въ тарифѣ 1867 года (менѣе 300). Точно также германскій тарифъ 1879 г. насчитывалъ всего 43 статьи съ 381 подраздѣленіемъ.

Въ послѣднее время снова увеличивается количество ставокъ въ таможенныхъ тарифахъ. Причины—различныя. Прежде всего, нарожденіе новыхъ особей, новыхъ клѣточекъ: появленіе новыхъ отраслей промышленности (электротехнической, автомобильной, по производству пишущихъ машинъ, счетныхъ машинъ и т. д., по выдѣлкѣ анилиновыхъ красокъ и т. д.), поступленіе на рынокъ новыхъ сортовъ и видовъ товаровъ, многочисленныхъ новыхъ разновидностей промышленныхъ издѣлій. Отсюда возрастающая спеціализація тарифа, дифференціація его, выдѣленіе то того, то другого товара изъ группы, въ которой онъ облагался одинаковой съ другими однородными товарами ставкой, установленіе для него самостоятельной пошлины. Происходитъ какъ бы индивидуализація товара. Прежде онъ не имѣлъ своей фizioноміи, смѣшивался съ себѣ подобными, со всѣми близкими и родственными ему товарами. Теперь онъ извлекается изъ данной группы, изолируется, получаетъ свое собственное имя.

Спеціализація тарифовъ усиливается далѣе съ ростомъ таможенного протекціонизма. При низкихъ ставкахъ объединеніе въ одну группу товаровъ, хотя бы разнящихся по цѣнѣ и способу производства, не можетъ вызывать неудобствъ, разница въ обложеніи и такъ и этакъ не велика. Высокія же протекціонныя пошлины требуютъ, во избѣжаніе несправедливаго обложенія, внимательнаго взвѣшиванія, тщательнаго

распредѣленія товаровъ по качеству и цѣнѣ. На требованіе фабрикантами и заводчиками повышенныхъ пошлинъ законодательныя учрежденія нерѣдко отвѣчаютъ частичнымъ согласіемъ, какъ бы торгуются съ ними, предлагаютъ ограничиться частью, поднять ставки лишь нѣкоторыхъ видовъ товаровъ, входящихъ въ составъ группы; эти болѣе высоко облагаемые продукты и приходится внести въ особыя статьи и снабдить отдѣльными ставками. Остальные элементы группы сохраняютъ прежнее обложеніе; такъ что на первый взглядъ при сравненіи пошлинъ той же группы товаровъ въ прежнемъ и въ новомъ тарифѣ даже не замѣчается перемѣны, все кажется неподвижнымъ, не видно совершившагося этимъ путемъ, нерѣдко крупнаго, повышенія тарифа.

Къ болѣе детальному подраздѣленію тарифовъ побуждаетъ и желаніе обойти обязанность обложенія товаровъ въ равномъ размѣрѣ, независимо отъ ихъ происхожденія (принципъ наибольшаго благопріятствованія), желаніе, одной рукой давая всѣмъ равныя права, другой въ то же время брать ихъ обратно. Выдѣляются, безъ всякаго основанія, товары опредѣленнаго сорта, формы, цвѣта, упаковки; для нихъ вводится болѣе высокая пошлина, чѣмъ для прочихъ товаровъ того же рода, вида, качества. незамѣтно получается повышенное обложеніе произведеній той страны, гдѣ производимые товары обычно отличаются этими индивидуальными признаками.

Въ результатѣ получились огромные, громоздкіе, неуклюжіе тарифы, сложныя многоязныя сооруженія — швейцарскій тарифъ 1902 г. въ 1.164 ставки, германскій въ 1.464, а если прибавить 545 статей, обусловленныхъ дѣйствующими торговыми договорами, то цѣлыхъ 2.000; рекордъ побилъ, повидимому, Перу съ тарифомъ въ 3.300 номеровъ. Въ тарифахъ французскомъ, норвежскомъ, румынскомъ, меньше статей—700—800, но зато каждая изъ нихъ разбита еще на рядъ подгруппъ, номеровъ и литеръ, которымъ соотвѣтствуютъ самостоятельныя ставки, такъ что общая сумма ставокъ весьма обильна, значительно больше, чѣмъ число статей. Во французскомъ тарифѣ 1910 г., напр., состоящемъ почти изъ того же количества номеровъ (651), какъ и пре-

дыдущій тарифъ 1892 г., въ дѣйствительности насчитывается, вслѣдствіе массы дальнѣйшихъ подраздѣленій, свыше 400 новыхъ ставокъ. Русскій таможенный тарифъ содержитъ 252 статьи, подраздѣленные на пункты и литеры; получается около 700 тарифныхъ ставокъ (тарифъ 1891 г. раздѣлялся на 620 пунктовъ, тогда какъ въ тарифѣ 1868 г. ихъ было значительно меньше), а съ присоединеніемъ конвенціоннаго тарифа въ 355 ставокъ—свыше тысячи.

Но еще хуже то, что это огромное зданіе обыкновенно не выдержано ни по стилю, ни по матеріалу, ни по внутреннему устройству. Даже вылитый изъ одной массы первоначальный проектъ тарифа, подъ вліяніемъ многочисленныхъ парламентскихъ комиссій и общихъ собраній, обычно и международныхъ конференцій, превращается въ пеструю мозаику изъ многообразныхъ, не приведенныхъ въ соотвѣтствіе между собою, частей, страдает диссонансомъ, нерѣдко прямо какофоніей. Въдъ каждая статья и ставка является результатомъ ожесточенной борьбы противоположныхъ, иногда взаимно перекрещивающихся, интересовъ, и дѣло кончается перемиріемъ, компромиссомъ, торгомъ, при которомъ за уступку въ одной статьѣ даются льготы по другой и третьей. Отсюда вмѣсто прозрачности, выпуклости, необходимой для столь сложнаго, столь важнаго въ хозяйственной жизни народа, сооруженія, получается нѣчто весьма недоговоренное, половинчатое—тамъ захвачено нѣсколько больше, здѣсь пришлось отойти назадъ, нигдѣ нѣтъ цѣльной, прямой линіи. И несмотря послѣдующія попытки подравнять концы, сгладить шероховатости, рѣдко удается сдѣлать изъ тарифа что-либо единое, послѣдовательно проведенное.

Яркій примѣръ—нашъ тарифъ, общій 1903 г. и договорный 1904 г. Краски обложены въ 21 рубль за пудъ, полуфабрикаты же, изъ которыхъ они выдѣлываются, всего въ 4 руб. за пудъ. Поэтому въ 1913 г. органическихъ красокъ ввезено всего на 134 тысячи руб., полуфабрикатовъ же почти на $1\frac{1}{2}$ милліона руб. Въ 1910 г. пошлина на чугуны почти равнялась его цѣнности, а выдѣланное изъ него желѣзо оплачивалось всего въ $\frac{2}{3}$ своей цѣны; сталь уплачивала почти 100 проц. цѣнности, изготовленная изъ нея проволока не

болѣе 28 проц. Такъ что привозить желѣзо было выгоднѣе, чѣмъ производить въ Россіи, импортъ готовой проволоки поощрялся, обработка ея въ странѣ тормозилась. Принципъ, согласно которому готовые продукты должны облагаться выше, чѣмъ соотвѣтствующее сырье, нарушался еще рѣзче въ области фармацевтическихъ препаратовъ. Пошлина на кору хиннаго дерева, произрастающаго въ Зондскомъ архипелагѣ и въ Южной Америкѣ, равнялась 85 коп. съ пуда брутто, такъ что изготовленный въ Россіи хининъ (извлекаемый въ количествѣ 3 проц. изъ хинной коры) платилъ 28½ руб. съ пуда, но привозной готовый хининъ подлежалъ всего 2 руб. 25 к., т. е. заграничному (главнымъ образомъ нѣмецкому) заводчику выдавалась премія въ 26 руб. съ пуда. За привозимый изъ Германіи морфій уплачивалось 80 руб., импортируемый же изъ Персіи, Турціи, Индіи оный имѣлъ тарифную ставку въ 22½ руб. съ пуда, а такъ какъ изъ него получалось морфій на 10 проц., то русскій заводчикъ платилъ за пудъ морфія 225 руб. или на 145 руб. болѣе пошлины, чѣмъ привозившій его нѣмецъ.

Конечно, столь остроумныя ставки трудно найти въ какомъ-либо другомъ тарифѣ—здѣсь ужъ получается покровительство на изнанку. Но много грѣховъ имѣютъ и другіе тарифы; даже своимъ тарифомъ 1902 года, несмотря на всю выдержку и дисциплинированность работы въ Германіи, нѣмцы остались весьма недовольны — форма получилась неудачная, платѣе изъ лоскутковъ разнообразныхъ матерій.

Отсутствіе послѣдовательности въ тарифѣ и безконечное количество ставокъ создаетъ трудность разобраться въ тарифѣ, ориентироваться въ этой толпѣ таможенныхъ пошлинъ, въ вереницѣ статей, нумеровъ и литеръ. Чтобы не затеряться въ ней, необходимо хоть съ внѣшней стороны построить тарифъ по строго обдуманному и послѣдовательно выдержанному плану, придать простоту и ясность конструкціи его въ смыслѣ порядка группировки перечисленныхъ въ тарифѣ товаровъ. Но какъ добиться этого? Какимъ компасомъ пользоваться, чтобы не бродить по запутаннымъ корридорамъ зданія тарифа въ поискахъ нужной ставки?

Старые тарифы составлялись обыкновенно въ алфавитномъ порядкѣ, напр. англійскіе тарифы, начиная съ 1787 г.; таковъ былъ и германскій тарифъ 1879 г., состоявшій изъ 43 главныхъ наименованій, расположенныхъ по алфавитной системѣ, хотя каждое изъ нихъ уже имѣло подраздѣленія, построенныя систематически, т. е. на основаніи опредѣленныхъ признаковъ. По алфавитной схемѣ сооруженъ и норвежскій тарифъ 1905 г. Однако, въ этихъ случаяхъ экономическая связь между облагаемыми товарами разрывается; товары одного и того же рода разсыпаны по всѣмъ частямъ тарифа, помѣщеніе ихъ то тамъ, то здѣсь опредѣляется такимъ случайнымъ моментомъ, какъ начальная буква. Не лучше образованіе группъ по размѣру взимаемыхъ пошлинъ, какъ напр. въ венецуэльскомъ тарифѣ; и тутъ мѣсто, отведенное товару, зависитъ отъ внѣшняго признака, отъ размѣра возложенной на него пошлины, а вовсе не отъ внутреннихъ качествъ его.

Наилучшій исходъ—принятый въ огромномъ большинствѣ современныхъ таможенныхъ тарифовъ систематическій порядокъ распредѣленія товаровъ: послѣдніе располагаются по группамъ, матеріально объединеннымъ. Во Франціи они разбиты на четыре основныхъ категоріи—животные продукты, растительные, минералы и фабрикаты; группировка произведена на основаніи того, къ какому царству природы принадлежатъ тѣ или другіе товары. Швейцарскій тарифъ распадается на 15 группъ, испанскій на 14, германскій на 19, русскій на 10, такимъ образомъ, что во всѣхъ этихъ тарифахъ каждая группа охватываетъ товары, объединенные извѣстнымъ экономическимъ признакомъ (по этому признаку располагаются и далѣе отдѣльные товары въ предѣлахъ той или другой группы), согласно существующимъ условіямъ производства ¹⁾.

Эти 10 группъ нашего тарифа состоятъ изъ 218 статей и составляютъ отдѣлъ А: «ропись товарамъ привознымъ»;

¹⁾ Въ Россіи: 1, жизненные припасы и животныя; 2, животные продукты; 3, лѣсной товаръ; 4, керамическіе матеріалы и издѣлія; 5, топливо, асфальтъ, смолы; 6, химическое производство; 7, руды, металлы и издѣлія изъ нихъ; 8, писчебумажный товаръ и произведенія печати; 9, прядильные матеріалы и издѣлія изъ нихъ; 10, предметы одѣянія, галантерейный товаръ и проч.

кроме этого отдела имются в тарифе еще два других: отд. Б—«роспись товарам, запрещенным к ввозу» из 23 статей и отд. В—«роспись товарам отпускным» из 11 статей. Таким образом, 87 проц. всех статей относятся к товарам, обложенным привозными пошлинами, 9 проц. касаются запрещений привоза и 4 проц. составляют обложение вывозных товаров. В этом количественном распределении статей по трем отделам отразилось ярко и резко значение и роль различных видов таможенных пошлин—привозных, вывозных и транзитных (при провозе товаров через страну) и мѣропріятій того же рода, но еще болѣе сильных по своему дѣйствию—запрещений привоза, вывоза и транзита. Запрещения вывоза и транзита и транзитныя пошлины почти совершенно отсутствовали как у насъ, такъ и въ другихъ странахъ; вывозныя пошлины и запрещенія привоза встрѣчались въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ. Напротивъ, вся суть заключалась въ привозныхъ пошлинахъ. Въ нихъ центръ тяжести, ради нихъ въ сущности созданъ весь тарифъ, на нихъ обращены всѣ взоры, изъ за нихъ происходятъ всѣ споры при составленіи тарифа, всѣ переговоры при заключеніи торговыхъ договоровъ. Ибо они одновременно—и источникъ фискальныхъ доходовъ, и средство регулированія вексельнаго курса и валюты, и мѣры торговой политики. Все это объединяютъ въ себѣ привозныя пошлины, всѣ эти задачи первостепенной важности возложены на нихъ. Но первое мѣсто все таки занимаетъ ихъ дѣятельность въ области торговой политики (хотя и въ податной іерархіи они пользуются высокимъ положеніемъ ¹⁾); здѣсь они проявляютъ всѣ свои способности; таможенная политика на девять десятыхъ—политика привозныхъ пошлинъ или, по

¹⁾ У насъ напр. въ среднемъ за пятилѣтіе 1909—1913 г.г. всѣ прямые налоги дали 230,9 милл. руб. въ годъ, доходы: табачный, съ папиросныхъ гильзъ, сахарный, нефтяной и спичечный, вмѣстѣ взятые—258,7 милл. руб., а одинъ таможенный доходъ—316,6 милл. руб. Впрочемъ, вслѣдствіе быстрого роста поступленийъ отъ казенной винной монополіи, доля таможеннаго дохода въ бюджетѣ падаетъ съ 14,5 проц. въ 1893—97 г.г. до 12,9 проц. въ 1898—1902 г.г., 11 проц. въ 1903—07 г.г. и 1908—12 г.г. и даже до 10,3 проц. въ 1913 г. (Кунъ. Развитие нашего таможеннаго обложенія, стр. 2—3).

крайней мѣрѣ, такъ это было до сихъ поръ. Всѣ остальные институты либо вытекали изъ нихъ и дополняли ихъ, являлись необходимымъ придаткомъ (возвратъ пошлинъ, условно-безпошлинный привозъ, вывозныя преміи и т. д.), и при отсутствіи привозныхъ пошлинъ ихъ можно было бы выбросить за бортъ безъ вреда, либо получали свой истинный смыслъ и значеніе лишь въ связи съ привозными пошлинами (система наибольшаго благопріятствованія, торговые договоры и т. д.), въ свою очередь приводя привозныя пошлины въ опредѣленную систему, внося въ ихъ структуру извѣстные принципы. И все изученіе международной торговой политики сводилось въ сущности къ разсмотрѣнію этого единого многограннаго сосуда, обходя его съ разныхъ сторонъ, наблюдая его при различномъ освѣщеніи, подъ тѣмъ, другимъ или третьимъ угломъ зрѣнія.

Но если до сихъ поръ привозныя пошлины являлись тѣмъ центромъ, вокругъ котораго, подобно планетамъ, вращалось все остальное въ торговой политикѣ, то сохранять ли они и въ будущемъ свою роль? Не придется ли имъ раздѣлить свою прежнюю монополію со своими собратьями—вывозными, быть можетъ, и транзитными пошлинами, которыя давно уже сошли со сцены, но могутъ снова возродиться при новыхъ создавшихся условіяхъ? Не потребуютъ ли себѣ снова мѣста въ системѣ торговой политики и предшественники пошлинъ, запрещенія привоза, вывоза и транзита? Война вѣдь вновь вынула изъ подъ спуда эти давно сданные въ архивъ инструменты; почему бы имъ не сохранить, если не все вновь приобрѣтенное пространство, то хотя бы часть его? Не появятся ли вообще, если не на смѣну пошлинамъ и запрещеніямъ, то рядомъ съ ними новыя учрежденія, новыя формации, съ виду, быть можетъ, столь близкія старымъ орудіямъ таможенной политики, на самомъ же дѣлѣ при всемъ ихъ внѣшнемъ сходствѣ, имѣющія совершенно иной смыслъ, построенныя на иныхъ принципахъ и поэтому нарушающія прежній, вѣками установившійся порядокъ въ области торговой политики? Разрѣшительно-запретительная система, контингентирующая привозъ и вывозъ, монополизациа отдѣль-

ныхъ отраслей послѣдняго государствомъ или общественными организаціями,—вообще внесеніе идеи плановѣрности и организованности въ импортъ и экспортъ можетъ многое измѣнить, придать новое направленіе торговой политикѣ, а тѣмъ самымъ отвести и пошлинамъ иную роль, вдохнуть новый духъ и въ другіе институты, созданные экономическимъ общеніемъ народовъ.

СЛБГ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Привозныя пошлины и запрещенія привоза.

Фактическія данныя (объ ученіяхъ рѣчь идетъ въ ч. II) въ общихъ курсахъ торговой политики (литер. въ введ.) и финансовъ (литер. въ гл. I), въ сочиненіяхъ по исторіи торговли и торговой политики (литер. въ гл. I) и въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ по торговой политикѣ XIX вѣка, въ особенности послѣднихъ десятилѣтій:

Великобританія и колоніи. **Dowell.** History of Taxation and Taxes. 1888. **Richelot.** Histoire de la reforme commerciale en Angleterre. 1853. **Янжюль.** Англійская свободная торговля. Т. I—II. 1876. 1882. **Morley.** The life of Cobden. 1881. **Torrens.** Tracts on finance and trade. 1852. **Vocke.** Geschichte der Steuern des Britischen Reichs. 1866. **Ashley.** The Tariff Problem. 3 изд. 1911. **Ashton.** Essay on Imperial Customs or Fiscal Union. 1896. **Drage.** The Imperial organisation of Trade. 1911. **Good.** The real case for Tariff Reform. 1910. **Dilke.** Problems of Greater Britain. 4 изд. 1891. **Schulze-Gävernitz.** Britischer Imperialismus und englischer Freihandel. 1906. **Chomley.** Protection in Canada and Australia. 1904.

Франція. **Amé.** Etudes sur les tarifs de douanes et sur les traités de commerce. 1876. **Augier.** La France et les traités de commerce. 1906. **Lamy.** La révision du tarif douanier actuel de la France. 1909. **Domergue.** Libre-échange ou protectionisme. 1907. **Guyot-Théry.** La France et le protectionisme. 1901. **Wolowsky.** La liberté commerciale et les resultats du traité de commerce de 1860. 1869. **Arnauné.** Le commerce extérieur et les tarifs de douane. 1911. **Levasseur.** Histoire du commerce de la France. Т. II. 1911. **Его же.** Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. 1902. **Devers.** La politique commerciale de la France. 1892 (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 49). **Augier-Marvaud.** La politique douanière de la France. 1911. **Dijol.** Situation économique de la France sous le régime protectionniste de 1892. 1910. **Kempf.** Die Handelspolitik Frankreichs seit 1860. 1882. **Brandt.** Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik. 1896. **Rausch.** Französische Handelspolitik vom Frankfurter Frieden bis zur Tarifreform von 1882. 1900. **Francke.** Der Ausbau des heutigen Schutzzollsystems in Frankreich. 1903. **Baiciç.** Die französische Handelspolitik 1892—1902. 1904.

Германія. **Weber.** Der deutsche Zollverein. 2 изд. 1871. **Junghans.** Der Fortschritt des Zollvereins. 1848. **Dittmar.** Der deutsche Zollverein. I—II. 1867—68. **Emminghaus.** Entwicklung, Krisis und Zukunft des deutschen Zollvereins. 1863. **Festenberg-Pakisch.** Geschichte des deutschen Zollvereins. 1869. **Robolsky.** Der deutsche Zollverein. 1870. **Sommerlad.**

«Zollverein». Handwört der Staatswiss. 3 изд. VIII. **Lotz**. Die Ideen der deutschen Handelspolitik. 1892. **Krökel**. Das preussisch-deutsche Zolltarifsystem in seiner historischen Entwicklung seit 1818. 1881. **Oechelhäuser**. Die Tarifierform von 1879. 1880. **Zimmermann**. Geschichte der preussisch-deutschen Handelspolitik. 1892. Ero же. Die Handelspolitik des deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. 1901. **Schmoller**. Ueber das preussische Handels- und Zollgesetz von 1818. 1898. **Hoffmann**. Deutsches Zollrecht B. I. 1902. **Gothein**. Die Wirkungen des Schutzzollsystems in Deutschland. 1908. **Соболевъ**. Русско-германскій торговый договоръ. 1915.

Австро-Венгрия. Bazant. Die Handelspolitik Oesterreich-Ungarns 1875—1892. 1894. **Matlekovits**. Die Zollpolitik der Oesterreich-Ungarischen Monarchie und des Deutschen Reiches seit 1868. 1891. **Beer**. Die oesterreichische Handelspolitik im 19. Jahrh. 1891. **Neumann**. Oesterreichs Handelspolitik in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. 1864. **Peez**. Die oesterreichische Handelspolitik in den letzten 25 Jahren. 1892. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 49).

Прочія западно-европейскія страны. Schriften des Vereins für Socialpolitik. Die Handelspolitik. B. 49. (Италия, Бельгия, Нидерланды, Скандинавскія госуд., Россия, Швейцария, Австрия). B. 51. (Балканскія госуд., Испания, Франция); 1892. **Sachs**. L'Italie, ses finances et son développement économique. 1885. **Fischer**. Italien und die Italiener. 1899. **Hellen**. Italiens Volkswirtschaft und Staat. 1901. **Lémonon**. L'Italie économique et sociale. 1913. **Geering**. Die Handelspolitik der Schweiz. 1902. **Schmidt**. Die Schweizer Industrien im Konkurrenzkampf der Gegenwart. 1912. **Escarra**. Le développement industriel de la Catalogne. 1908.

Соединенные Штаты С. А. Таussig. The Tariff History of the United States. 5 изд. 1914. **Robbeno**. The american commercial policy. 1895. **Mason**. Tariff History of the United States to the present time. 1884. **Stanwood**. American Tariff Controversies in the Nineteenth Century. T. I—II. 1903. **Viallate**. L'industrie americaine. 1908. **James**. Studien über den amerikanischen Zolltarif. 1877. **Sartorius von Waltershausen**. Deutschland und die Handelspolitik der Vereinigten Staaten. 1897.

Россия. Соболевъ. Таможенная политика России во второй половинѣ XIX вѣка. 1911. Его-же. Русско-германскій торговый договоръ. 1915. **Витчевскій**. Торговая, таможенная и промышленная политика России. 1909. **Лодыженскій**. История русскаго таможеннаго тарифа. 1886. **Кованько**. Главнѣйшія финансовыя реформы, проведенныя Бунге. 1901. **Менделѣевъ**. Толковый тарифъ или изслѣдованіе о промышленномъ развитіи России въ связи съ ея общимъ таможеннымъ тарифомъ. Вып. I—III. 1891—92. **Радцигъ**. Финансовая политика России съ 1887 года. 1903. **Озеровъ**. Экономическая Россия и ея финансовая политика. 1905. **Струве**. Торговая политика России. 1913. **Покровский**. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли России. T. I. 1902. **Ковалевскій**. Россия въ концѣ XIX вѣка. 1900. Министерство Финансовъ 1802—1902. T. I—II. **Ходатайство Вольно-Экон. Общества о пониженіи тарифовъ**. 1903. **Кунъ**. Развитие нашего таможеннаго обложенія въ послѣднія десятилѣтія. 1917.

I.

По отношенію къ иностраннымъ товарамъ, желающимъ проникнуть въ страну, перешагнуть ея границу, государство можетъ держаться различной политики. Оно можетъ попросту запретить имъ входъ—установить запрещеніе привоза. Оно можетъ поступить такъ-же, но менѣе откровенно: ради соблюденія формы, открыть имъ доступъ въ свои предѣлы, но возвести столь высокіе барьеры, что товары не въ состояніи перешагнуть ихъ—это запретительныя пошлины. Коль скоро барьеръ нѣсколько пониженъ, настолько, что пройти возможно, хотя лишь съ трудомъ, коль скоро пошлины достигаютъ высокаго процента съ цѣнности товара, они становятся строго-покровительственными (рѣзко-протекціонными). Барьеръ можно и дальше опускать и превратить пошлины въ умѣренно-охранительныя, въ такія, которыя даютъ привозному товару возможность безъ труда перешагнуть границу, хотя все же не дѣлаютъ проходъ свободнымъ. Последнее достигается только тогда, когда убираютъ всякія пошлины—тогда двери совсѣмъ открыты или, по крайне мѣрѣ, когда доводятъ ихъ до минимальнаго размѣра.

Въ одномъ и томъ же тарифѣ обычно содержатся всѣ эти многообразныя градаціи пошлинъ. Отношеніе къ различнымъ привознымъ товарамъ неодинаковое. Въ то время, какъ одинъ является желаннымъ гостемъ и его свободно пропускаютъ или лишь слегка облагаютъ, другой всячески задерживаютъ на границѣ, ставя ему высокія преграды пошлинъ, роя волчьи ямы и проволочныя загражденія, дѣлающія проходъ фактически невозможнымъ, третьимъ просто заявляютъ: граница закрыта.

Такое пристрастное отношеніе государства, примѣненіе къ товарамъ неодинаковой мѣрки объясняется какъ различнымъ характеромъ ихъ, такъ и цѣлями, преслѣдуемыми государствомъ. Различаются пошлины аграрныя (сельскохозяйственныя) и промышленныя. Аграрныя пошлины въ первую голову облагаютъ жизненные припасы—зерно и муку,

кормовыя средства, живой скотъ и мясо, а также масло, яйца, птицу и дичь и т. п. Эти пошлины обозначаютъ аграрный протекціонизмъ; въ южныхъ странахъ онъ состоитъ и въ пошлинахъ на вино, оливки, фрукты и т. д. Сельскохозяйственными пошлинами являются и пошлины на необработанные предметы лѣсоводства (сырой лѣсъ), на хлопокъ, ленъ, шерсть, сырыя кожи и т. д. Обычная терминологія впрочемъ не относитъ обложеніе сырья къ аграрнымъ пошлинамъ — у насъ сырье напр. обложено, но объ аграрномъ протекціонизмѣ въ Россіи никто не станетъ говорить. Во всякомъ случаѣ, если это аграрный протекціонизмъ, то низшаго порядка, второго разряда, въ отличіе отъ пошлинъ на продукты земледѣлія.

Въ объекты промышленныхъ пошлинъ войдутъ, напротивъ, предметы сырья, добываемые горной промышленностью — каменный уголь, руда всякаго рода, камни необработанные. Затѣмъ слѣдуетъ вторая группа — полуобработанные издѣлія: пряжа и суровыя ткани, бревна и доски, химическіе полупродукты, какъ бензолъ, толуолъ, нафталинъ, металлы въ различныхъ стадіяхъ обработки (первый продуктъ — чугуны, второй — чугуны и стальные отливки, третій продуктъ — листовое желѣзо и сталь). Послѣдняя категорія — готовые продукты или фабрикаты, готовые ткани, одежда и бѣлье, обувь, издѣлія изъ дерева, керамическіе товары, красильныя вещества, фармацевтическіе предметы, рельсы, трубы, машины, двигатели, инструменты и т. д.

Государство можетъ облагать только промышленныя издѣлія (полупродукты и готовые продукты), освобождая отъ пошлинъ сырье и сѣстные припасы, или же подвергать обложенію и послѣдніе, такъ что изъято одно лишь сырье — оно можетъ, наконецъ, простирать свою руку и на сырье. Государство можетъ охранять лишь нѣкоторыя отрасли производства, тщательно выбирая ихъ и внимательно изучая степень нужды каждаго, воздавая всѣмъ по ихъ потребностямъ, или, напротивъ, огульно, однимъ взмахомъ высѣкая цѣлыя отдѣлы тарифа. Оно можетъ ограничиваться немногими ставками, какъ бы устанавливая извѣстный максимумъ числа товаровъ,

за предѣлами котораго идетъ обязательно безошлинный привозъ, или, наоборотъ, облагать всѣхъ и cadaго, строить сплошной тарифъ, безъ пробѣловъ, густую сѣть загражденій, чрезъ которую ни одинъ товаръ проникнуть не долженъ. Государство исходитъ тогда изъ принципа, что всякій товаръ повиненъ уплатить пошлину, доколѣ не будетъ доказано, что его слѣдуетъ освободить, ибо онъ не опасенъ для собственнаго производства; только такимъ товарамъ предоставляется льгота.

Впрочемъ такой принципъ всеобщности обложенія можетъ примѣняться и изъ фискальныхъ, хотя и плохо понятыхъ соображеній. Тогда уже исключеній вообще нѣтъ, все обложено болѣе или менѣе однообразно, хотя опытъ показываетъ, что таможенные доходы доставляются всегда немногими товарами; всѣ остальные создаютъ больше работы таможенъ, чѣмъ приносятъ выгоды. Извѣстная доля правды заключается и въ утвержденіи, что вообще исторія не знаетъ случая, когда повышеніе пошлинъ было бы выгодно государству въ фискальномъ отношеніи—всякое удорожаніе товаровъ, создаваемое ими, вѣдь требуетъ повышенныхъ расходовъ государства на жалованья чиновникамъ, на казенныя поставки и т. д.

Возможна и комбинація обѣихъ цѣлей—охранительной и фискальной; тогда приходится идти на различные компромиссы, ибо интересы ихъ нерѣдко сталкиваются; высшая степень охраны—запрещеніе привоза вѣдь равносильно пустотѣ казеннаго сундука, получающаго таможенные доходы. Какая цѣль преслѣдуется въ каждомъ отдѣльномъ тарифѣ и въ каждой ставкѣ—охранительная или фискальная, или еще иная, напр. поддержаніе вексельнаго курса и валюты—это выясняетъ лишь тщательное вскрытіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разсмотрѣніе его подъ микроскопомъ экономическаго анализа. Проблема облегчается только въ одномъ случаѣ, когда Европа облагаетъ товары, которые подъ ея небомъ не растутъ и расти не могутъ—произведенія благословенныхъ теплыхъ странъ, тропическихъ плантацій и лѣсовъ. Эти пошлины могутъ имѣть одинъ лишь фискальный характеръ—другая цѣль исключается, ибо охранять нечего, развѣ что въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ европейскія произведенія, которыя могутъ быть вытѣснены заокеанскими, если тѣ и другія удовлетворяютъ однородныя потребности. Отсюда напр. въ прежнее время гоненіе на хлопокъ и хлопчатобумажныя ткани, когда послѣднія еще не выдѣлывались въ Европѣ: они были опасными конкуррентами шерстяной промышленности, которую государство холило и берегло, брало подъ свое крылышко. Такой исключительно фискальный характеръ имѣютъ въ европейскихъ тарифахъ пошлины на чай, кофе, какао, рисъ, пряности и т. д., въ Западной Европѣ и на хлопокъ, тогда какъ у насъ онъ разводится въ Туркестанѣ и Закавказьѣ, и потому пошлина охраняетъ его.

Привозныя пошлины дѣйствительно преслѣдуютъ обыкновенно обѣ цѣли, какъ фискальную, такъ и покровительственную. Но фискальная цѣль, которой первоначально принадлежало первое мѣсто, постепенно уступаетъ его охранительной цѣли, довольствуясь болѣе скромной и подчиненной ролью. Лишь по временамъ, въ минуту особенно сильной нужды государства въ ресурсахъ, она вновь поднимаетъ голову и заявляетъ свои требованія. Чаше впрочемъ ее выдвигаютъ лишь въ качествѣ предлога промышленники, домогающіеся устраненія непрощенныхъ гостей въ видѣ иностранныхъ товаровъ, и стоящіе на ихъ сторонѣ министры.

Первоначально обѣ цѣли, фискальная и покровительственная, осуществлялись одновременно слѣдующимъ образомъ. Для полученія дохода устанавливали огульныя пошлины со всѣхъ привозимыхъ, какъ и вывозимыхъ товаровъ. Поскольку же желали затруднить проникновеніе иностранныхъ товаровъ, привозъ ихъ либо стѣсняли различными мѣрами нетаможеннаго характера, напр. требовали, чтобы привезенный въ городъ товаръ былъ проданъ въ теченіе трехъ дней, устанавливали низкія таксы, не позволяли продажу въ розницу и т. д., либо пользовались таможеннымъ оружіемъ, но болѣе сильнымъ, чѣмъ пошлины—запрещеніемъ привоза. Въ Англіи напр. съ XIV ст. появляются пошлины, взимаемыя при привозѣ и вывозѣ товаровъ, а въ то же время съ XIII ст. встрѣчаются временныя запрещенія привоза тѣхъ или другихъ

издѣлій. Въ 1455 г. издано запрещеніе привоза шелковыхъ издѣлій, въ интересахъ шелковой промышленности. Нѣсколько лѣтъ спустя запрещенія распространяются на огромное количество товаровъ—всякаго рода тканей, кружевъ, лентъ, шляпъ, посуды, всевозможныхъ кожевенныхъ издѣлій, въ томъ числѣ обуви и шорнаго товара, самыхъ разнообразныхъ металлическихъ предметовъ, инструментовъ, оружія и т. д.

Въ другихъ странахъ, гдѣ переходъ отъ городского хозяйства къ народному совершается значительно позже, и замѣна стѣсненій привоза въ города запрещеніями, установленными государствомъ, относится къ болѣе позднему времени, преимущественно къ періоду меркантилизма XVII—XVIII ст. Въ Пруссіи при великомъ курфюрстѣ запрещенъ привозъ различныхъ тканей, издѣлій изъ желѣза, мѣди и олова; при Фридрихѣ Великомъ усиленное стремленіе къ созданію всевозможныхъ отраслей промышленности выражается въ томъ, что издается безконечное число запрещеній привоза иностранныхъ товаровъ; полагали, повидимому, что съ прекращеніемъ доступа имъ половина дѣла сдѣлана—промышленность легко разовьется.

Находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ замкнутой политикой государства XVIII вѣка, со слабымъ развитіемъ международнаго обмѣна, запрещенія привоза не могли однако удержаться впослѣдствіи: въ теченіе первой половины XIX вѣка они должны были постепенно исчезнуть. Они должны были исчезнуть, ибо противорѣчили принципу свободы обмѣна; свобода заключалась именно въ отсутствіи запрета, но вовсе не въ отмѣнѣ пошлинъ при ввозѣ товара; послѣднихъ, говоря о свободѣ привоза, еще вовсе не думали искоренять. Но упраздненіе запрещеній еще болѣе вызывалось той революціей, которая произошла въ области транспорта и передачи извѣстій. До тѣхъ поръ, пока по плохо вымощеннымъ дорогамъ медленнымъ шагомъ тащились нагруженные товаромъ вozy, пока извѣстія передавались съ ближайшей почтой, отходившей едва ли не разъ въ недѣлю, пока люди «ничего не знали и даже если знали, то лишь съ большимъ трудомъ могли пріобрѣсти нужныеимъ товары»,—до тѣхъ поръ приказъ государ-

ства не допускать такіе-то виды товаровъ въ свои предѣлы имѣлъ смыслъ и значеніе, онъ не только издавался, но и могъ быть выполненъ.

Но все это съ половины XIX вѣка успѣло уже измѣниться. Примѣненіе силы пара въ области транспорта означало какъ доставку товаровъ во всѣхъ направленіяхъ съ легкостью и быстротой, такъ и сообщеніе извѣстій обо всемъ, что производится наиболѣе совершеннаго во всѣхъ странахъ свѣта, тѣмъ болѣе, что вводилась однообразная такса на письма (въ Англіи съ 1840 г.) и появился электрическій телеграфъ (также съ 40-хъ годовъ). Желѣзныя дороги не только объединяли отдѣльныя части страны, но и связывали страны между собою, создавая изъ нихъ еще болѣе крупное цѣлое. Они соединяли Ламаншъ со Средиземнымъ моремъ, Италію со Швеціей, Берлинъ и Римъ съ Страсбургомъ и Парижемъ.

Пути и средства сообщенія, прежде медленно развившіеся, подъ вліяніемъ потребностей обороны государства и управленія страной, теперь взяли въ свои руки инициативу, стали главнымъ движущимъ факторомъ, вызвавшимъ рѣзкую перемѣну и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни. Современная биржа, банковыя операціи, обширный вексельный рынокъ, новыя формы оптовой и розничной торговли, — все это въ сильной степени дѣтища все тѣхъ же «чугунныхъ дорогъ и пароходныхъ экипажей», замѣнившихъ дилижансы и перекладныя, той же перевозимой по желѣзной дорогѣ почты и телеграфа, вытѣснившихъ конныхъ нарочныхъ и доставляемыхъ съ оказіей письма.

Переворотъ былъ во всемъ — онъ не могъ остановиться передъ архаическими таможенными институтами. Не оставивъ камня на камнѣ во всемъ строѣ общественнаго хозяйства, онъ не могъ обнаружить особаго почтенія къ сѣдой старинѣ въ видѣ внутреннихъ заставъ, запрещеній привоза, запретительныхъ пошлинъ. Всѣ эти явленія противорѣчили новымъ путямъ сообщенія, имѣвшимъ международный характеръ, соединявшимъ людей и территоріи, приближавшимъ ихъ другъ къ другу. Желѣзныя дороги не только смели стоявшія у нихъ на пути внутреннія таможи — паровозъ вынужденъ былъ бы

каждыя четверть часа останавливаться и товары выгружаться для досмотра, если бы остались прежніе шлагбаумы — но и похоронили запрещенія привоза: они рвались впередъ, прорѣзывая материкъ, а тутъ оказывалось, что привозъ то тѣхъ, то другихъ товаровъ невозможенъ, что рынокъ продуктовъ и издѣлій ограниченъ; какой прокъ отъ скорого и дешеваго транспорта, если этотъ транспортъ возможенъ только до границы? Международныя средства сообщенія, ограниченные предѣлами національнаго рынка, — это вѣдь внутреннее противорѣчіе.

Въ Англіи въ XVIII ст. запрещеній привоза было еще весьма и весьма много и еще въ началѣ XIX ст. они тормозили торговый обмѣнъ на каждомъ шагѣ, создавая притомъ огромную путаницу на таможенныхъ, такъ какъ никто хорошенько не зналъ, какіе товары были запрещены и какіе дозволены. Только парламентская анкета въ 1814 году выяснила вопросъ, привела ихъ въ систему; она же установила, что имѣется около 200 видовъ запрещенныхъ товаровъ. Вслѣдъ за этимъ начинается чистка тарифа — съ 20-хъ годовъ запрещенія сходятъ со сцены одно за другимъ; работа продолжается вплоть до 1842 года, когда исчезли послѣднія запрещенія, въ томъ числѣ запрещеніе привоза скота и мяса.

Пруссія успѣла съ ними покончить уже раньше — радикальная реформа 1818 года, сдѣлавшая такъ много во всѣхъ направленіяхъ, означала и прекращеніе всякихъ запрещеній привоза. Еще раньше борьбу съ запрещеніями повелъ Іосифъ II въ Австріи. Но въ концѣ XVIII ст. такая мѣра тамъ еще не назрѣла, потребность въ упраздненіи ихъ еще не ощущалась. Въ дѣйствительности Іосифъ II и не отказался отъ нихъ, а создалъ лишь весьма оригинальную систему: привозить товары можно, но только для себя лично, для своего потребленія, а не для торговли, но и то привозить съ особаго каждый разъ дозволенія. Такая система «исключенія изъ торговаго оборота» (*Ausserhandelssetzung*) на практикѣ была немногимъ лучше простаго запрещенія; она лишь усложняла дѣло, какъ бы насмѣхаясь надъ потребителемъ. Формально можно было приобрѣтать иностранные товары, фактически же ихъ не могло

быть—торговцы были лишены возможности продавать ихъ. Въ такомъ положеніи находилось до 200 видовъ товаровъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Но значительно хуже было то, что и въ 40-хъ годахъ въ спискѣ подвергнутыхъ такой проскрипціи товаровъ насчитывалось 63 вида товаровъ. Еще въ это время хозяйственная жизнь Австріи была понижена запретительнымъ духомъ до мозга костей. Только въ 1851 г. запрещенія привоза прекратили свое существованіе: готовясь войти въ германскій таможенный союзъ—этой мечтѣ Австріи не суждено было сбыться—Австрія вынуждена была почиститься, освободиться отъ этихъ наиболѣе грубыхъ наростовъ протекціонизма, чтобы получить доступъ въ круги съ болѣе фритредерскимъ лоскомъ.

Еще труднѣе было французской торговлѣ и промышленности освободиться отъ запрещеній привоза. Тарифъ 1790 года, первый общій тарифъ для всей страны, уже не зналъ запрещеній, но возродившіяся во время революціи традиціи стараго режима съ исконной враждой къ Англіи привели къ огульному запрещенію всѣхъ англійскихъ товаровъ, завершившемуся гигантскимъ планомъ Наполеона I стереть ее съ лица земли при помощи континентальной блокады, отрѣзывавшей британскіе острова отъ всего прочаго міра. Опасаясь, какъ бы англійскіе товары не нашли себѣ лазейку, проникая на континентъ въ переодѣтомъ видѣ, въ качествѣ продуктовъ другихъ государствъ, Наполеонъ разрубилъ гордіевъ узелъ, запретивъ привозъ во Францію всѣхъ вообще иностранныхъ товаровъ. Но, казалось бы, послѣ отмѣны континентальной блокады и прекращенія войны, и запрещенія, будучи направлены противъ Англіи, должны были, за ненадобностью, отпасть. На самомъ дѣлѣ еще въ 50-хъ годахъ, когда другія страны уже успѣли покончить съ этимъ архаизмомъ, Франція имѣла до полусотни запрещеній привоза, касавшихся самыхъ разнообразныхъ промышленныхъ издѣлій—пряжи и тканей, одежды, кожаныхъ, металлическихъ, стеклянныхъ товаровъ, химическихъ продуктовъ, сахара-рафинада, вагоновъ и судовъ. Перефразируя библейское изреченіе, въ Европѣ говорили, что легче верблюду пройти черезъ ушко иглки, чѣмъ

самой иглою проникнуть во Францію. Промышленники вовсе не думали пожертвовать своими выгодами, хотя имъ и указывали на то, что французскій народъ, создавшій революцію для упраздненія всѣхъ привилегій, не можетъ мириться съ такого рода привилегированнымъ положеніемъ промышленности.

Еще въ 1855 г. парламентъ съ возмущеніемъ отказался разсматривать внесенный правительствомъ проектъ отмены запрещеній. «Мы, французы, — заявлялъ Наполеонъ III — умѣемъ производить революціи, но не реформы». Обходнымъ путемъ, при помощи заключеннаго въ 1860 г. съ Англіей торговаго договора, удалось избавиться отъ нихъ: согласно трактату, никакія запрещенія привоза не допускались; а такъ какъ постановленія его были затѣмъ распространены и на всѣ другія страны, то фактически запрещенія потеряли силу — въ 60-хъ годахъ Франція открыла свои границы и для промышленныхъ издѣлій. Формально же эти окаменѣлые остатки старины продержались во французскомъ тарифѣ вплоть до реформы 1884 года.

И Россія въ XVIII ст. не скупилась на запрещенія привоза; каждая новая мануфактура подавала поводъ къ исключенію того или другого иностраннаго товара изъ нашего рынка. Специально противъ французовъ «въ буйствѣ пребывающихъ», былъ направленъ законъ 1793 г. съ запрещеніями 76 видовъ товаровъ, а такъ какъ и у насъ — аналогія съ Франціей — опасались обмана, французскихъ товаровъ, выдающихъ себя за иностранные, то и тутъ пострадали и всѣ другія страны — запрещены вообще 65 видовъ товаровъ, какого бы они происхожденія ни были. Позже основаніемъ для мѣръ того же порядка явилось уже принятіе Россіей континентальной системы, блокада Англіи, а еще позже — война съ Франціей; и тутъ облагаются не только всѣ непріятельскіе, но и прочіе, и при томъ всѣ непоименованные въ росписи, товары. Параллель съ Франціей идетъ и дальше: съ исчезновеніемъ причины сохраняется слѣдствіе — послѣ заключенія мира въ 1815 г. остается 180 запрещеній; ибо — говорится въ манифестѣ 1822 года — внимательное наблюденіе показываетъ, что разрѣшеніе всякихъ мануфактурныхъ издѣлій обратиться можетъ въ стѣсненіе

собственной промышленности. Въ тарифѣ 1821 г. запрещенъ еще привозъ 167 предметовъ, и только тарифы 1851 г. и 1867 г. свободны отъ такого рода мѣръ покровительственной политики—остались только руда и соль, да и то лишь при провозѣ чрезъ нѣкоторые таможи.

Въ новѣйшихъ тарифахъ запрещеній привоза по общему правилу нѣтъ.

Мы находимъ у насъ запрещенія, вытекающія изъ соображеній общественной безопасности и государственнаго правопорядка (напр. у насъ запрещенія привоза пороха, снарядовъ, пушекъ и бомбъ, тростей, палокъ и чубуковъ со скрытымъ оружіемъ, бенгальскихъ спичекъ, въ виду ихъ легкой воспламеняемости) запрещенія, въ цѣляхъ охраны народной нравственности (печатныя произведенія, картины, рисунки и т. д. безнравственнаго характера, въ Соединенныхъ Штатахъ также предметы или средства для предохраненія отъ беременности или для производства аборта), запрещенія предметовъ, сбытъ которыхъ составляетъ монополію казны (во Франціи спички, табакъ, у насъ—спиртъ и игральныя карты), иногда запрещенія для охраны товарныхъ знаковъ (запрещены товары, на которыхъ не обозначена страна происхожденія, разъ какіе-нибудь знаки на товарѣ могутъ ввести въ заблужденіе, вызвать предположеніе, что онъ не ввезенъ, а произведенъ въ самой странѣ).

Однако наиболѣе важную группу запрещеній составляютъ мѣры, преслѣдующія цѣли народнаго здравія или ветеринарныя. Рядомъ съ запрещеніемъ повсюду привоза виноградныхъ лозъ, тычинъ и кольевъ, для предупрежденія филлоксеры (международная конференція 1881 г.), картофеля изъ Америки, вслѣдствіе распространенія въ Соединенныхъ Штатахъ колорадскаго жука, запрещеніемъ товаровъ (обоевъ, матерій, игрушекъ), окрашенныхъ мышьяковистыми красками, ввиду ихъ вреднаго характера,—находимъ и такія запрещенія, какъ у насъ маргариноваго масла и сахарина, которыя имѣютъ уже не чисто-полицейскій характеръ. Сахаринъ опасный конкурентъ для свеклосахарной промышленности, вредность же его не доказана, маргаринъ внутренняго производства свободно

продается въ странѣ, но для сельскаго хозяйства привозъ его неудобенъ.

Еще въ гораздо большей степени прикрываются санитарными аргументами цѣли устраненія иностранныхъ конкурентовъ въ запрещеніяхъ привоза скота и мяса; закрытіе границъ иностранному скоту, мясу или мяснымъ продуктамъ является обычно обходомъ статей торговыхъ договоровъ, не допускающихъ запрещеній, основанныхъ на соображеніяхъ торговой политики, протекціонизма. При заключеніи русско-германскаго договора 1904 г. Германія ссылалась на то, что «современныя ветеринарно-санитарныя условія въ Россіи въ общемъ неблагополучны, существующій ветеринарный надзоръ недостаточенъ и система регистраціи заболѣваній скота неудовлетворительна». Поэтому Германія, запрещая вообще привозъ русскаго скота, дѣлала исключеніе лишь для свиней, да и то допускала ихъ въ ограниченномъ количествѣ (2500 штукъ въ недѣлю) и лишь чрезъ опредѣленные пункты (Сосновицы). Въ дѣйствительности — какъ указывалось въ германскомъ рейхстагѣ — эти мѣры имѣли въ виду «укрѣпленіе и развитіе германскаго скотоводства», что возможно «только при удержаніи существующихъ цѣнъ на продукты животноводства». Злоупотребляла Германія мѣрами санитарной полиціи и въ отношеніи Австріи, а разъ австрійскій скотъ не находилъ себѣ доступа въ Германію, то Австріи приходилось закрывать свою границу для сербскаго скота, а это въ свою очередь заставило Сербію создать планъ сооруженія желѣзной дороги, соединяющей ее съ Италіей, ибо живой скотъ не переноситъ продолжительнаго морскаго пути. Отсюда сближеніе Сербіи съ Италіей и вражда къ Австріи — провозвѣстники великой войны.

Но это все же исключенія. По общему правилу запрещенія привоза пали, и лишь всемірная война — хотя также изъ соображеній полицейскихъ и валютныхъ (и нѣкоторыхъ другихъ), но отнюдь не протекціонистскихъ — ихъ снова извлекла на свѣтъ ¹⁾.

¹⁾ См. ниже, гл. IV.

II.

Запрещенія исчезли, таможня склонила свою главу предъ требованіями вѣка. Но они могли вынырнуть въ другой формѣ, ихъ можно было замѣнить столь высокими пошлинами, что вышло бы на одно—формально шлагбаумъ поднять, но за это поднятіе нужно уплатить столько, что товаръ проникнуть все равно не можетъ.

Это исходная точка въ дальнѣйшемъ движеніи, въ борьбѣ не только съ запретительными, но и съ протекціонными пошлинами; и послѣднія противорѣчили духу новаго хозяйственного строя. Здѣсь—стремленіе къ созданію мірового рынка, всемірной конкуренціи, гдѣ каждый товаръ и каждый производитель имѣетъ возможность соперничать со всѣми другими. Тамъ—пошлины, удорожающія товаръ, ставящія препоны этой самой конкуренціи. «Мы стараемся—восклицаетъ Bastiat—устранить естественныя препятствія, затрудняющія обмѣнъ. Истратили сотни милліоновъ франковъ на Сену, на Рону, на Жиронду и милліарды на каналы, а для чего... Для того, чтобы понизить на нѣсколько сантимовъ стоимость перевозки товаровъ, идущихъ изъ заграницы,—а въ то же время поднимаемъ цѣну ихъ на 20—30 проц. таможенными пошлинами».

Но на это, конечно, можно было возразить, что надо смотрѣть на дѣло и съ другой стороны: что скажетъ національная промышленность, если ее лишитъ всякой охраны, выдержитъ ли она столь крѣпкій нажимъ, столь сильное нападеніе въ лицѣ иностранной конкуренціи? Запрещеніе—мѣра слишкомъ рѣшительная, вредная и для мірового обмѣна, такъ какъ она ставитъ барьеры, черезъ которые товаръ безсиленъ перебраться, и для самаго производства, которое прозябаетъ въ четырехъ стѣнахъ, не вѣдая о существованіи конкурентовъ и не готовясь къ борьбѣ съ ними. Покровительственныя же пошлины не мѣшаютъ проходу товаровъ, а только удорожаютъ ихъ, даютъ защиту туземному производству, защиту отчасти въ противовѣсъ отмѣнѣ внутреннихъ

заставъ, проведенію желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Новыя средства сообщенія чрезвычайно усилили конкуренцію, рѣзко измѣнили состояніе производства—необходимо хотъ нѣсколько сдержать это движеніе, бросить что-либо на другую чашу вѣсовъ, иначе столь рѣзкій переходъ отъ запрещеній къ полной свободѣ, отъ тепличной атмосферы на сильный морозъ можетъ гибельно отразиться на тѣхъ промышленныхъ организмахъ, которые еще не окрѣпли.

Англія этого не боялась. Уже во второй половинѣ XVIII ст. въ Англіи протекціонизмъ фактически почти пересталъ существовать. Грандіозное судоходство — англійскій флагъ господствовалъ на всѣхъ моряхъ — вызвало такой ростъ контрабандной торговли въ этой окруженной со всѣхъ сторонъ водой странѣ, что Питтъ вынужденъ былъ сильно понизить таможенный тарифъ и значительно измѣнить все таможенное управленіе. Это былъ первый шагъ, хотя еще и осторожный, но крайне важный—послѣ него уже не отступали отъ намѣченнаго пути. Англіи не нужно было защиты отъ иностранной конкуренціи: она была фабрикой всего міра, снабжавшей и Европу и заокеанскія страны неизвѣстными имъ еще издѣліями машинъ и парового двигателя; она со своей улицей Ломбардовъ въ Лондонѣ являлась банкиромъ всего міра; она же справедливо именовалась и фрахтовщикомъ другихъ странъ, не имѣвшихъ почти флота и перевозившихъ свои товары на англійскихъ судахъ. Чего же Англія могла опасаться при такихъ условіяхъ? Къ ней никто не могъ проникнуть; напротивъ, упраздняя покровительственныя пошлины, она удешевляла сырье и стѣстные припасы, а слѣдовательно, и рабочія руки, и могла еще болѣе побивать своей дешевизной иностранные товары. Она могла рассчитывать, что другіе послѣдуютъ за ней—тоже откроютъ свои двери, еще болѣе расширяя такимъ путемъ рынокъ для англійскихъ фабричныхъ издѣлій.

Уже 20-ые и 30-ые годы въ Англіи ознаменовались не только отмѣной запрещеній, но и замѣной высокихъ покровительственныхъ пошлинъ весьма умѣренными ставками—сырье было почти свободно, а издѣлія въ общемъ облагались

не свыше 20 проц. Но это еще не былъ фискальный тарифъ— для достиженія этой цѣли нужно было пойти значительно дальше. За этотъ идеалъ ведется оживленная борьба новой фритредерской партіей, во главѣ съ фабрикантами Манчестера, откуда названіе всего фритредерскаго ученія «манчестерскимъ». Подъ предводительствомъ Ричарда Кобдена фритредеры штурмуютъ главную твердыню протекціонизма— хлѣбныя пошлины, о которыхъ Кобденъ говорилъ, что «если бы хлѣбные законы одни, безъ всякихъ комментаріевъ попали на луну, то жители луны сразу сообразили бы, что это созданіе собственниковъ земли, лендлордовъ». Широкая и мощная агитація Кобдена и образованной имъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ («Anti-Corn-Law-Ligue»), послужившая примѣромъ и идеаломъ для всѣхъ приверженцевъ его на континентѣ Европы и первообразомъ всѣхъ фритредерскихъ организацій, достигла цѣли. Въ 1846 году эта бастилія была взята, уничтожены были хлѣбные законы (съ 1849 г. осталась лишь небольшая пошлина въ 1 шилл., но и она исчезла въ 1869 г.), краеугольный камень всей протекціонной системы. Остальныя, болѣе слабыя позиціи уже сдались безъ боя: число статей таможеннаго тарифа въ 40-хъ годахъ сократилось вдвое; за уменьшеніемъ пошлинъ въ предыдущія десятилѣтія теперь послѣдовала полная отмѣна ихъ въ широкихъ размѣрахъ. На долю Гладстона въ концѣ 50-хъ г.г. осталось лишь произвести послѣднюю чистку тарифа—освободить его отъ еще сохранившихся тамъ и сямъ небольшихъ остатковъ протекціонизма, довести нѣкоторые мелкія ставки до нуля, упростить обложеніе различныхъ группъ, придать ему окончательно фискальный лоскъ, обликъ такого тарифа, гдѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ пошлинъ, что-либо и кого-либо охраняющихъ, будутъ ли то сырые матеріалы, полуобработанныя издѣлія или готовые фабрикаты, или, наконецъ, съѣстные припасы.

Уже самое пониженіе многихъ пошлинъ въ теченіе первой половины XIX вѣка преслѣдовало двѣ цѣли—сокращеніе покровительства и увеличеніе доходовъ казны. Блестяще развивавшаяся, стимулируемая высокими ставками, контра-

банда, съ пониженіемъ ихъ теряла свою прибыльность и вынуждена была сократить свою широко поставленную и прекрасно организованную работу; правительство же расширяло свои поступления и отъ болѣе исправной уплаты пошлинъ и отъ возрастанія народнаго потребленія—съ пониженіемъ цѣны англичане пили больше чая, съѣдали больше сахара, курили больше табаку, т. е. выписывали больше товара изъ за границы и платили за него больше пошлины.

Съ 60-хъ годовъ оба эти принципа — не давать никакихъ преимуществъ англійскому производству передъ иностраннымъ и добывать пошлинами значительный фискальный доходъ осуществляются еще болѣе послѣдовательно, проводятся полностью, безъ какихъ-либо отклоненій и исключеній. Поэтому сохранены пошлины лишь на такіе товары, которые вообще не могутъ произрастать въ Англіи, какъ чай, кофе, какао, перецъ, коринка, изюмъ и другіе сушеные плоды, или же могутъ производиться, но въ дѣйствительности не производятся, какъ сахаръ-песокъ, или производство которыхъ было до сихъ поръ (до 1909 г.) запрещено, какъ табакъ (но и теперь оно почти отсутствуетъ), — объ охранѣ внутренняго производства во всѣхъ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Или наконецъ, они имѣютъ компенсационный характеръ—соотвѣтствуютъ акцизу, уплачиваемому съ тѣхъ же товаровъ, произведенныхъ внутри страны, какъ пошлины на пиво, вино, спиртъ и спиртные напитки, игральныя карты (послѣднія внутри страны обложены штемпельнымъ сборомъ), слѣдовательно, принципъ равенства собственныхъ и привозныхъ товаровъ и тутъ выдержанъ: безъ нихъ привилегія получила бы уже на сторонѣ иностраннаго производства. По той же причинѣ—фискальныхъ цѣлей—число статей британскаго тарифа все болѣе сокращалось, оставались лишь тѣ статьи, которыя приносятъ значительный доходъ. Къ концу XVIII ст. (1798 г.), послѣ реформы Питта, было подсчитано, что изъ 1200 ставокъ тарифа лишь 160 (т.е. менѣ седьмой части) доставляли каждая въ отдѣльности свыше 1.000 ф. ст. поступленій, а въ 1840 г. выяснено было, что всего 9 статей дали 84⁰/₁₀₀ общей суммы таможеннаго дохода. Послѣ

этого число ставокъ было сокращено на половину — съ 1.052 до 515; въ 1862 г. ихъ осталось всего 113. Въ 1885 г. имѣлось только 37 ставокъ, изъ нихъ 20 основныхъ статей и 17 болѣе мелкихъ дѣленій, причемъ изъ 37 ставокъ, 17 имѣли уравнительный характеръ, соотвѣтствуя внутреннимъ акцизамъ и штемпельнымъ сборамъ. Въ 1910 г. число статей осталось прежнее — 20, но въ виду того, что подотдѣловъ стало больше — 105, общее число ставокъ достигаетъ 125 (96 и 29 уравнительныхъ). Это увеличеніе объясняется тѣмъ, что въ 1901 г., опять таки изъ фискальных соображеній (въ виду расходовъ южно-африканской войны), восстановлены (отмѣненные въ 1874 г.) пошлины на сахаръ; въ 1909 г. они были снова значительно понижены (съ 2—4 шилл. до 10 пенс. — 1 шилл. 10 пенс.). Пошлины на сахаръ составили 67 подраздѣленій; исключивъ ихъ, получимъ всего 58 ставокъ тарифа. При этомъ табакъ, чай, вино, спиртъ и издѣлія изъ него и сахаръ давали наканунѣ войны 95,4% всѣхъ таможенныхъ доходовъ, а какао, кофе, цикорій, коринка, изюмъ и другіе сушеные плоды еще 3,4%; такъ что эти нѣсколько товаровъ дали въ суммѣ 99% поступленій отъ таможенныхъ пошлинъ.

Новое ученіе перекинулось и на континентъ и нашло себѣ многочисленныхъ адептовъ, восторженныхъ поклонниковъ Кобдена, бродячихъ проповѣдниковъ, памфлетистовъ и организаторовъ ассоціацій по образцу англійской «Лиги». Но во Франціи протекціонисты въ лицѣ промышленниковъ, заявлявшихъ, что они «аристократія Іюльской монархіи, создатели новой династіи», не намѣрены были идти на уступки. Если вносимые въ парламентъ проекты объ отмѣнѣ запрещеній привоза вызывали одно лишь возмущеніе съ ихъ стороны, то тѣмъ болѣе обречены были на гибель предложенія понизить пошлины. Но Наполеонъ III имѣлъ другой исходъ. Законъ 1814 г. давалъ ему возможность, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, понижать пошлины на сырье и сѣстные припасы съ тѣмъ, чтобы декреты этого рода были затѣмъ представлены на утвержденіе парламента въ той же или въ слѣдующей сессіи. Широко прибѣгая къ декретамъ, Наполеонъ

этимъ путемъ черезъ голову парламента понизилъ въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ пошлины на всевозможные сырые матеріалы и полуобработанные продукты (на шерсть, ленъ, пеньку, кожи, волосъ, чугуны, желѣзо, другіе металлы, каменный уголь, масляничныя растенія и др.), а также на скотъ и жизненные припасы (мясо, вино, сухіе овощи и др.), приостановилъ и дѣйствіе хлѣбныхъ пошлинъ (скользящей шкалы). Парламентъ вынужденъ былъ считаться съ совершившимся фактомъ и утверждать декреты, тѣмъ болѣе, что нерѣдко они вносились много лѣтъ спустя; напр. декреты относительно пошлинъ на скотъ, вино, спиртъ и каменный уголь, изданные въ 1853 и 1854 годахъ, были признаны только закономъ 1863 года, когда о прежнихъ запрещеніяхъ и повышенныхъ ставкахъ успѣли давно забыть и оживить эти трупы было бы совершенно немислимо.

Фритредеры обратили вниманіе Наполеона и на другой открытый ему путь—конституція предоставляетъ ему право заключать торговые договоры съ другими державами, не испрашивая на то согласія парламента. Выключивъ тормозившій дѣло законодательный аппаратъ, Наполеонъ возвѣстилъ публикѣ о своихъ планахъ, что произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Парламентъ былъ возмущенъ. Но трактатъ съ Англіей былъ все же подписанъ. А въ немъ имѣлось слѣдующее постановленіе, перевернувшее вверхъ дномъ всю таможенную политику Франціи: отменяются всѣ запрещенія и замѣняются пошлинами, послѣднія же не должны превышать 30 проц. съ цѣны товара, а съ 1864 года — 25 проц. На самомъ дѣлѣ, при послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ и производившейся уже при свѣтѣ дня разработкѣ тарифа, ставки, въ особенности для сырья и полуфабрикатовъ, были приняты во многихъ случаяхъ ниже 25 проц., иногда сырье даже допускалось беспошлинно. Отъ бывшихъ запрещеній и запретительныхъ пошлинъ остались одни воспоминанія: сѣкира Наполеона дѣйствовала рѣшительно и вѣрно. Протекціонисты вынуждены были покориться судьбѣ; но они отступили лишь временно, выжидая только благопріятнаго момента, чтобы снова сдѣлать натискъ и вернуть себѣ утраченные позиціи.

И въ Германіи фритредеры подражали Кобдену и «Лигѣ» и сумѣли инсценировать даже послѣ тяжелаго кризиса 1857 г. охватившее всю страну движеніе, которое они связали съ упраздненіемъ давно пережившаго себя цехового строя — безъ отмѣны пошлинь немислима и отмѣна цеховъ. За спиной писателей и парламентаріевъ стоялъ въ Германіи, какъ и въ Англіи, потребитель, которому нужна была свободная торговля. Но это былъ не англійскій рабочій, которому пошлины удорожали хлѣбъ. Это былъ чиновникъ и обыватель, нуждавшійся въ дешевомъ платьѣ. Это былъ ручной ткачъ, надѣявшійся при дешевой пряжѣ влачить еще пару лѣтъ свое жалкое существованіе. Это былъ крупный помѣщикъ, вывозившій въ тѣ времена хлѣбъ въ Англію и добывавшійся дешевыхъ сельскохозяйственныхъ орудій, пожалуй, и дешеваго вина. «Съ какой стати намъ переплачивать на бордосскихъ винахъ, естественномъ напиткѣ сѣвера, чтобы оказывать помощь кислой лозѣ на Аарѣ и Нагѣ?» — заявлялъ Бисмаркъ въ 1849 году. Помѣщики являлись особенно усердными сторонниками новаго евангелія. Сельско-хозяйственные союзы Саксоніи, Восточной и Западной Пруссіи уже въ 1848 и 1851 гг. «принципіально отвергали протекціонизмъ», возмущались «промышленнымъ ростовщичествомъ, обложеніемъ одной (восточной) половины монархіи въ интересахъ другой (западной)».

Но крупныхъ промышленниковъ фритредеры не могли переманить на свою сторону. Въ Англіи агитація въ пользу манчестерскаго ученія дѣйствительно исходила изъ Манчестера; нѣмецкіе же манчестерцы вынуждены были вести борьбу, если не со всѣмъ промышленнымъ классомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ частью его. За утраты, въ видѣ пониженныхъ пошлинь, промышленниковъ старались вознаградить, давая имъ эквивалентъ въ видѣ избавленія отъ тѣхъ или иныхъ налоговъ, или какую нибудь иную подачку. Но многія отрасли даже и этого не получили или отдали свое привилегированное положеніе за чечевичную похлебку, и остались недовольны реформой.

И въ Германіи при допотопной организаціи Таможеннаго союза и при протекціонистски настроенныхъ южныхъ госу-

дарствахъ едва ли удалось бы столь быстро покончить съ обветшалымъ тарифомъ, если бы Пруссія не пошла на рѣшительный шагъ, заключивъ въ 1862 г. самостоятельно—какъ будто бы другихъ членовъ союза не существовало—торговый договоръ съ Франціей на фритредерскихъ началахъ. Послѣ этого прочія государства вынуждены были признать договоръ и для всего союза, такъ какъ это былъ единственный способъ открыть себѣ двери не только во Францію, но и въ другія страны, на которыя Пруссія намѣревалась распространить тотъ же тарифъ.

Этотъ договоръ далъ Пруссіи возможность не только пересмотрѣть тарифъ Таможеннаго союза и значительно упростить его, но и сдѣлать крупныя шаги по направленію къ освобожденію отъ пошлинъ сырыхъ матеріаловъ и значительно понизить ставки на промышленныя издѣлія, а при реформѣ тарифа въ 1865 г. была отмѣнена существовавшая прежде однообразная пошлина со всѣхъ неупомянутыхъ особо товаровъ и тѣмъ самымъ провозглашенъ принципъ: все, что не указано въ тарифѣ, свободно отъ пошлины.

Но на этомъ фритредеры не остановились, требуя немедленной и полной реформы тарифа. Постепенный переходъ къ свободной торговлѣ они сравнивали съ образомъ дѣйствій того человѣка, который отрѣзывалъ хвостъ у своей собаки по частямъ, рассчитывая, что это причинитъ ей меньше боли. «Въ наиболѣе низкомъ тарифѣ—говорили они—выражается наиболѣе высокая увѣренность народовъ въ своей мощи». Необходимо немедленно взять приступомъ оставшіяся таможенныя укрѣпленія. Дѣйствительно, уже черезъ три года послѣ пересмотра тарифа послѣдовалъ трактатъ съ Австріей съ цовыми пониженіями пошлинъ, а въ 1870 г.—новый тарифъ съ дальнѣйшимъ сокращеніемъ ставокъ на сырье и фабрикаты, въ особенности въ текстильной и химической промышленности.

Но почти всѣ промышленныя издѣлія все же сохранили извѣстную охрану, хотя и не высокую. Исключеніе составляли чугуны и желѣзо и издѣлія изъ нихъ. Эти пошлины являлись центромъ всей борьбы, говорили о «желѣзномъ рычагѣ всего

народнаго хозяйства» въ видѣ пошлинъ на желѣзо, за который надо ухватиться, чтобы вырвать протекціонизмъ изъ его устоевъ, «вырубить самый корень застарѣлаго, засохшаго ствола охранительныхъ пошлинъ». Агитація фритредеровъ среди землевладѣльцевъ принесла обильную жатву — они оказались «болѣе правовѣрными фритредерами, чѣмъ самъ фритредерскій папа», голосуя предлагаемое Дельбрюкомъ пониженіе охранительныхъ пошлинъ, но отказывая ему въ нужныхъ для покрытія дефицита фискальныхъ ставкахъ на кофе и керосинъ. Во время натиска на укрѣпленія протекціонизма землевладѣльцы шли со знаменемъ въ первыхъ рядахъ и на этомъ знамени было начертано: долой пошлыны на желѣзо. Они готовы были пожертвовать «свободной солью» (отмѣной налога на соль) ради «свободнаго желѣза». Последнее должно излѣчить всѣ невзгоды сельскаго хозяйства, «какъ будто бы все населеніе питается не хлѣбомъ, а желѣзомъ», должно удешевить земледѣльческія орудія — хотя всего 5—7 проц. чугуна потреблялось въ сельскомъ хозяйствѣ. До тѣхъ поръ — меланхолично твердили въ парламентѣ — пока нѣмецкіе корабли будутъ плавать по Балтійскому морю, пока въ провинціяхъ у Балтики, гдѣ мы не выкапываемъ никакого желѣза, но много закапываемъ его въ землю, чтобы получить урожай, — пока тамъ пахарь будетъ вспахивать землю, до тѣхъ поръ мы не перестанемъ твердить о «свободномъ желѣзѣ». За такой элегіей слѣдовали прозаическія цифры: при ставкѣ въ 75 пф. съ центнера чугуна и при потребленіи 100 фунтовъ въ годъ на душу получается обложеніе въ 30 милліоновъ марокъ, вреднѣйшій изъ косвенныхъ налоговъ. «При обсужденіи бюджета мы идемъ на кулаки изъ за каждой тысячи марокъ, а тутъ мы облагаемъ страну тяжелой податью въ 30 милліоновъ». И наконецъ, рѣшительно прибавляли: «послѣ хлѣба и мяса нѣтъ ничего болѣе важнаго, чѣмъ свободное отъ обложенія желѣзо»; «я не буду доказывать необходимости отмѣнить эти пошлыны, аксіомы не доказываются».

Землевладѣльцы настояли на своемъ. Пошлина на чугунъ, составлявшая въ 1844 г. 2 марки со 100 килогр. и поощряв-

шая въ тѣ времена разработку вестфальской руды, въ 1865 г. французскимъ договоромъ понижена до 1¹/₂ марки, а австрійскимъ — до 1 марки, при пересмотрѣ тарифа въ 1870 г. она уменьшена до 50 пф., а въ 1873 г. совершенно отмѣнена; съ 1877 г. должны были исчезнуть и пошлины на желѣзо и сталь и издѣлія изъ нихъ.

Статистика свидѣтельствовала о томъ, что такое постепенное пониженіе пошлинъ возможно. За періодъ существованія пошлины въ 2 марки успѣлъ совершиться въ значительной мѣрѣ переходъ отъ древеснаго къ минеральному топливу (въ 1840 году на коксѣ выдѣлано 16 проц. чугуна, въ 1860 г.—70 проц.); устарѣлые процессы все же сохранялись еще, абсолютно даже возросло выдѣланное на древесномъ углѣ количество чугуна (съ 1,6 милл. центн. почти до 2 милл.), но охранять ихъ никто не былъ обязанъ. И въ дальнѣйшемъ предсказанія заводчиковъ о гибели металлургической промышленности, вслѣдствіе пониженія пошлинъ, не сбывались, напротивъ, привозъ, по сравненію съ собственнымъ производствомъ, сокращался. Но проектъ полной отмѣны ихъ былъ внесенъ въ томъ самомъ маѣ 1873 г., когда совершился великій Вѣнскій крахъ,—въ 1873 г., въ періодъ сильнѣйшей депрессіи, когда сбытъ остановился, производство же подъ вліяніемъ перехода къ бессемерованію, чрезвычайно расширилось. Въ этотъ самый моментъ металлургическая промышленность лишилась всякой охраны. Отмѣна должна послѣдовать; нѣтъ поворота назадъ,—заявляли фритредеры. Но необдуманность этого шага они скоро, увы, слишкомъ скоро почувствовали.

Одновременно совершился переходъ къ фритредерству и въ другихъ странахъ.

Въ Италіи фритредерская политика осуществляется Пьемонтомъ уже въ 50-хъ годахъ, до объединенія страны—это политика знаменитаго Кавура, которая затѣмъ становится политикой королевства Италіи. Со снятіемъ внутреннихъ таможенныхъ заставъ, иностраннымъ товарамъ открытъ свободный путь по всей странѣ. Хотя Кавуръ и говорилъ о

постепенномъ переходѣ къ свободной торговлѣ, объ осторожныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ направленіи, но на самомъ дѣлѣ тарифъ 1861 г. и увѣнчавшій его договоръ съ Франціей 1863 г. означали рѣзкій переходъ отъ усиленнаго протекціонизма, господствовавшаго вплоть до объединенія Италіи во всѣхъ территоріяхъ (кроме Пьемонта), къ ярко выраженному фритредерству,—переходъ, который въ столь рѣзкой формѣ едва-ли гдѣ-нибудь имѣлъ мѣсто, съ которымъ протекціонисты примирились лишь скрѣпя сердце, подчиняясь духу времени.

И въ Австріи они сдѣлали это весьма неохотно, руководствуясь соображеніями политическаго свойства. Добиваясь сближенія съ Таможеннымъ союзомъ, Австрія согласилась на пониженіе своего тарифа сообразно болѣе умѣренному тарифу союза. Но дальше идти по этому пути Австрія не намѣревалась—она боялась иностранной конкуренціи. И Пруссія, заключая договоръ съ Франціей и перерабатывая тарифъ Таможеннаго союза въ либеральномъ духѣ, предотвращала грозившую ей со стороны Австріи опасность—вступивъ въ Таможенный союзъ, Австрія могла занять въ немъ первое мѣсто; но при такомъ тарифѣ, построенномъ въ фритредерскомъ духѣ, опасность устранялась—Австрія на это не пошла бы. И все же въ 60-хъ годахъ Австрія сдѣлала дальнѣйшія весьма значительныя уступки. Находясь наканунѣ банкротства, Австрія обращается за помощью въ Лондонъ. Но тамъ готовы ей оказать кредитъ лишь подъ условіемъ заключенія торговаго договора. По трактату съ Великобританіей 1865 года, Австрія вынуждена понизить пошлины такъ, чтобы они не превышали 25 проц. съ цѣны, въ 1870 г. даже не болѣе 20 проц. И ей пришлось, такимъ образомъ, произвести коренную реформу тарифа.

Подъ знамя фритредерства постепенно стекаются всѣ народы Европы—одни искренно увлекаясь новымъ движеніемъ, другіе—лишь для того, чтобы не отставать отъ прочихъ. Одни живо и широко отзывались на кличъ освобожденія международнаго обмѣна отъ всякихъ препонъ, другіе неохотно и медленно слѣдовали ему, но все же не только первые, но и послѣдніе считали своей обязанностью срывать таможен-

ныя укрѣпленія и выходить въ открытое поле мірового рынка. Бельгія, Нидерланды, Швейцарія, Скандинавскія государства, даже Испанія—всѣ они сдѣлали болѣе или менѣе крупныя шаги по этому пути.

Фритредерское ученіе было занесено и въ Россію, и сюда долетали искры его.

Нашъ тарифъ первой половины XIX вѣка пестрѣлъ многочисленными запрещеніями привоза по однимъ статьямъ и тѣми же запрещеніями, но по внѣшней формѣ допускавшими привозъ съ уплатой пошлины въ 50—100 проц. товара, по другимъ. Получалась китайская стѣна, которую не могли перешагнуть иностранные товары. А въ результатѣ иностранныя суда вмѣсто привоза товаровъ приходили съ балластомъ, иначе говоря, удорожали фрахтъ на вывозимые товары, такъ что являлись тормазомъ и нашему экспорту. Впрочемъ, привозъ иностранныхъ товаровъ все-таки производился, особенно чрезъ сухопутную границу, но только при помощи контрабанды. Каковы были размѣры этого привоза, ни одна статистика въ мірѣ установить не въ состояніи (регистрируются лишь случаи покушеній на контрабандный привозъ); но довольно оживленные обороты, совершавшіеся внутри страны съ запрещенными къ ввозу товарами, свидѣтельствовали съ несомнѣнностью, что дѣло было организовано солидно, операціи были поставлены широко и профессія контрабандистовъ принадлежала къ числу весьма доходныхъ.

Махинаціи контрабандистовъ всегда производили на наше правительство удручающее впечатлѣніе; этимъ аргументомъ легче всего было повліять на него, и въ рукахъ сторонниковъ болѣе умѣренной таможенной защиты ссылка на возможность борьбы съ контрабандой при помощи пониженія пошлинъ и отмѣны запрещеній привоза являлась выгоднымъ козыремъ.

Только такое направленіе, стремившееся къ уменьшенію ставокъ, но отнюдь не къ полному упраздненію протекціонизма—чего добивались на Западѣ—могло у насъ рассчитывать на успѣхъ; идея отмѣны всякаго таможенного покровительства нашей, еще только зарождавшейся, промышленности,

находившейся такъ сказать еще въ пеленкахъ, могла привлечь лишь тѣхъ, кто рѣшилъ, что Россія должна навсегда сохранить чисто-земледѣльческій характеръ. Для всѣхъ же сторонниковъ развитія русской промышленности цѣль заключалась въ покровительствѣ тѣмъ отраслямъ индустріи, которыя имѣютъ шансы на успѣхъ, въ покровительствѣ временномъ, при которомъ пошлины уменьшаются по мѣрѣ укрѣпленія производства.

Но и это были лишь общіе принципы, на ближайшее время приходилось довольствоваться меньшимъ — отмѣной запрещеній и пониженіемъ пошлинъ на сырье въ интересахъ снабженія промышленности болѣе дешевымъ матеріаломъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи и былъ сдѣланъ тарифомъ 1850 г. — онъ допустилъ привозъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ товаровъ и понизилъ на 25—75 проц. и болѣе пошлины на другіе, въ особенности на сырье, частью же установилъ беспошлинный привозъ матеріаловъ.

Слѣдующій и болѣе рѣшительный поворотъ въ томъ же смыслѣ, отъ запретительной системы къ болѣе умѣренной составлялъ тарифъ 1857 г. Отъ пониженныхъ ставокъ тарифа 1850 г. промышленность не пострадала — слѣдовательно, разсуждало правительство, можно идти дальше, допустить новыя облегченія. Послѣднія хотя и осуществлялись «съ крайней осторожностью», но все же не считаясь съ паническимъ страхомъ фабрикантовъ, искреннимъ, а иногда притворнымъ, который—по мнѣнію Государственнаго Совѣта—проявляется всегда и вездѣ при пониженіи пошлинъ, и есть естественное чувство охраненія частными лицами своихъ интересовъ»¹⁾. Тарифомъ 1857 года снова былъ пониженъ рядъ ставокъ какъ на жизненные припасы, такъ и на сырье

¹⁾ По наущенію фабрикантовъ рабочіе подали всеподданнѣйшее прошеніе, направленное противъ пониженія пошлинъ: «просимъ тебя, Великій Государь, сколько возможно не пропускать безъ пошлины такого товара, который у насъ можетъ отнять нашу мастерскую выработку... Обними насъ своей царской любовью, Великій нашъ Государь! Дай намъ возможность по-христіански въ потѣ лица доставать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба! (цит. у Соболева. Таможенная полит. Россіи, стр. 274).

и полуобработанные материалы и фабрикаты, причем почти половина всѣхъ ставокъ на жизненные припасы и готовые издѣлія была сокращена на $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ прежняго размѣра.

Тарифъ этотъ былъ дополненъ рядомъ частичныхъ мѣръ относительно отдѣльныхъ товаровъ: отмѣнено обложеніе хлопка (въ 1863 г.), частей земледѣльческихъ орудій (въ 1861 г.); въ интересахъ машинно-строительной промышленности понижены пошлины на чугунъ и желѣзо (въ 1860 г.); допущены льготы по безпошлинному привозу рельсъ, подвижного состава, машинъ и металловъ для вновь сооружаемыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Россія стояла на порогѣ новой эры — она была вовлечена въ міровой товарообмѣнъ, въ водоворотъ европейскаго рынка, и сознавала, что надо выйти изъ прежняго тѣснаго круга, сблизиться съ Европой. Это былъ тотъ періодъ бурнаго подъема, когда, какъ будто по какому то волшебству, все въ Россіи зашевелилось, когда «русская дѣятельность, тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣвшая, какъ Илья Муромецъ, проснулась отъ благодатнаго звона, и ринулась впередъ широкимъ и скорымъ шагомъ»...

Завершилось движеніе въ либеральномъ духѣ тарифомъ 1868 г., проникнутымъ стремленіемъ къ пониженію пошлинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда промышленность отъ этого не страдаетъ, высокія же ставки затрудняютъ потребление и облегчаютъ контрабанду, нанося ущербъ казнѣ. Тарифомъ 1868 г. по 17 ставкамъ отмѣнены еще существовавшія запрещенія привоза, половина всѣхъ ставокъ понижена — однѣ въ размѣрѣ не выше 25 проц., другія, напротивъ, на $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ и болѣе. Впрочемъ въ этомъ тарифѣ намѣчается уже и противоположная тенденція: на нѣкоторые товары пошлины подняты, хотя въ общемъ не болѣе чѣмъ на 25 проц., въ особенности же впервые введена пошлина на привозъ машинъ, вызывавшая опасеніе удорожанія орудій производства и замедленія примѣненія у насъ новыхъ изобрѣтеній и противорѣчившая принципу облегчать привозъ тѣхъ предметовъ, которые необходимы для развитія промышленности, т. е. материаловъ, машинъ и инструментовъ.

Во всякомъ случаѣ фритредерская тенденція не миновала и русской таможенной политики, хотя и затронула ее несравненно слабѣе, чѣмъ Западную Европу, настолько слабо, что новый и усиленный поворотъ въ сторону протекціонизма, вскорѣ обозначившійся на Западѣ и проникшій и къ намъ, не только остановилъ движеніе въ либеральномъ духѣ, но быстро смелъ всѣ слѣды его и поставилъ насъ въ первый рядъ, среди наиболѣе убѣжденныхъ протекціонистовъ, усматривающихъ все спасеніе въ дѣятельности одной лишь таможни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Привозныя пошлины.

(Продолженіе).

I.

Не долго продолжался медовый мѣсяцъ свободной торговли или точнѣе, умѣренного таможенного обложенія. Фритредерство не имѣло прочной опоры въ наиболѣе вліятельныхъ классахъ населенія. Рабочіе относились къ нему безучастно, ибо тѣ же піонеры свободной торговли перѣдко голосовали противъ фабричныхъ законовъ или выставляли низкую заработную плату и продолжительный рабочий день какъ факторы, дающіе возможность выдерживать иностранную конкуренцію. Крупная же промышленность въ одной только Англіи находила для себя выгоднымъ новое движеніе, охватившее Европу и открывшее Англіи рынки континента: въ другихъ же странахъ — Франціи, Италіи, Германіи, реформа шла либо черезъ головы промышленниковъ, либо противъ нихъ, задобряя ихъ лишь нѣкоторыми уступками. Поэтому достаточно было, чтобы вѣтеръ подулъ въ другую сторону, чтобы маятникъ политической и экономической жизни хоть нѣсколько качнулся въ иномъ направленіи, и протекціонисты, въ лицѣ представителей заинтересованныхъ отраслей промышленности, почувствовавъ снова почву подъ ногами, подняли голову и стали настаивать на возвращеніи въ «серьезной» торговой политикѣ, къ защитѣ «національнаго труда», къ освобожденію внутренняго рынка отъ эксплоатаціи его иностранцами. Послѣдовавшій за эпохой радостнаго подъема тяжелый торгово-промышленный кризисъ 1873 г., охватившій всю Европу, и вслѣдъ за нимъ повсюду продолжительный періодъ депрессіи, когда обиліе смѣнилось разореніемъ и нищетой; появленіе на европейскомъ рынкѣ дешеваго хлѣба и паденіе цѣнъ на зерновые продукты, — все это благоприятствовало протекціонистамъ, подкрѣпляло правильность ихъ заявленій, усиливало ихъ ряды крупными землевладѣльцами, требовавшими таможенной охраны не только промышленности, но и сельскаго хозяйства.

Вину въ бѣдственномъ положеніи нетрудно было приписать фритредерской торговой политикѣ, объявить, что она привела страну къ истощенію, къ чахоткѣ, что фритредерство опасная заразительная болѣзнь, въ родѣ подтачивающаго картофеля колорадскаго жука.

Едва слышались первые разрозненные звуки въ тонахъ покровительственной политики во Франціи, въ Италиі, какъ встрепенулись протекціонисты и въ другихъ странахъ; затѣмъ послѣдовалъ аккордъ, хотя и взятый еще неувѣренной рукой, въ лицѣ австрійскаго тарифа 1878 г.,—ему отвѣтила Италиа въ томъ же году, въ особенности же, весьма рѣшительно германія въ слѣдующемъ. Послѣднее послужило сигналомъ Г для новыхъ, уже увѣренныхъ дѣйствій другихъ странъ — Франціи, Австріи, Швейцаріи, Италиі въ 80-хъ годахъ, и западно-европейскій покровительственный концертъ былъ готовъ; въ него врывались тяжелыми ударами огульные повишенія пошлинъ въ Россіи, высокіе запретительные тарифы Америки. Лишь торговые договоры, которые приходилось заключать въ интересахъ своего экспорта,—хотя заключеніе ихъ встрѣчало все болѣе и болѣе затрудненій—умѣряли этотъ оглушительный протекціонизмъ, заставляли временно останавливаться или хотя бы замедлять темпъ его.

Одинъ тарифъ слѣдовалъ за другимъ, эпидемія быстро распространялась, бацилла протекціонистской лихорадки оказывалась крайне заразительной. Никто не хотѣлъ отставать отъ другихъ, каждый ссылался на всѣхъ предыдущихъ, доказывалъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, что благородному фритредерству отдѣльнаго государства нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ оно со всѣхъ сторонъ окружено стѣной таможенныхъ пошлинъ. И каждая страна старалась перещеголять другія въ смыслѣ усиленія своей охранительной системы. Таможенные барьеры поднимались все выше и выше, и хотя реакція не дошла до запрещеній привоза и полного отмежеванія каждой страны отъ всѣхъ прочихъ, какъ это было въ началѣ минувшаго столѣтія, но таможенная борьба зашла весьма далеко, атмосфера крайне накалилась, и трудно было предсказать, до какихъ предѣловъ она дойдетъ—пока напряженное состояніе

не разрѣшилось міровой войной, уже не пошлинами и тарифами, а бомбами и шрапнелями.

Чѣмъ же мотивировали протекціонисты все возрастающее таможенное вооруженіе? Всѣ они поголовно ссылались на необходимость созданія для своего производства равныхъ съ иностранными условій, каждое государство находило, что у него издержки выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и поэтому нужны уравнивательныя — не болѣе того — пошлины. Нѣмцы заявляли, что континента они не боятся, имъ опасна лишь англійская конкуренція, австрійцы опасались и англійскихъ и нѣмецкихъ товаровъ, другія европейскія страны говорили о необходимости, вообще, бороться съ иностранной конкуренціей, а Америка старалась осуществить принципъ — американскій рынокъ для американцевъ. Злобный протекціонизмъ по ту сторону океана, какъ выражались европейцы, закрытіе дверей европейскимъ товарамъ давало новую пищу протекціонистамъ Старога Свѣта, подогрѣвало ихъ пылъ, вызывало у нихъ крикъ протеста: защищайтесь отъ американской опасности, отъ гиганта, который похоронитъ Европу подъ своей тяжестью.

Неизвѣстно было только, какихъ конкурентовъ надо имѣть въ виду при уравниеніи издержекъ производства, съ чѣмъ надо сравнивать свои издержки, на основаніи расходовъ какой страны надо опредѣлять размѣръ пошлинъ. Всѣ государства стали стремиться къ экономической независимости, къ автаркіи, притомъ не только такія государства, которыя протянулись отъ океана до океана и гдѣ земля родитъ продукты всѣхъ климатовъ и поясовъ, но и такія страны, гдѣ самая идея автаркіи является не только неосуществимой, но и прямо вредной. Но и они хотятъ освободиться отъ «дани», уплачиваемой другимъ народамъ; привозъ иностранныхъ товаровъ они разсматриваютъ какъ «вражескій набѣгъ», «опаснѣе чѣмъ нападеніе казаковъ», какъ захватъ территоріи въ цѣляхъ сбыта товаровъ, которыхъ у себя дома никто потреблять не хочетъ. И въ заключеніе противъ «безсердечныхъ» фритредеровъ, не желающихъ знать массы населенія, пускался въ ходъ аргументъ защиты интересовъ рабочихъ, аргументъ

«соціальныхъ» пошлинъ—«работодатели выдвигали рабочихъ, подобно тому, какъ нищіе выпускаютъ дѣтей, чтобы вызвать состраданіе у людей»; тѣ самые работодатели, которые отказывались признать за рабочими право на образованіе союзовъ, на борьбу за лучшія условія труда.

Большую роль сыгралъ и фискальный моментъ. Войны вызвали вездѣ крупные дефициты въ бюджетѣ: въ Россіи—Турецкая война 1877—78 гг., въ Америкѣ—междоусобная война сѣверныхъ и южныхъ штатовъ. Италія изъ войны съ Австріей и борьбы за національное единеніе вышла разоренной и задолженной; Франціи нужно было наверстать отданные Германіи 5 миллиардовъ контрибуціи. И даже Германія могла продержаться недолго, несмотря на эти миллиарды; истративъ ихъ и сильно страдая отъ депрессіи, она вынуждена была также искать новыхъ источниковъ доходовъ. А что было проще, чѣмъ повышение таможеннаго тарифа? «Это способъ обложенія, при которомъ министръ финансовъ менѣе всего рискуетъ потерять свою популярность въ дѣловыхъ кругахъ и который имѣетъ то преимущество, что у подданныхъ извлекаются деньги изъ кармана безъ того, чтобы они это особенно болѣзненно чувствовали». Такой способъ кровопусканія встрѣчается, напротивъ, еще сочувствіе со стороны «дѣловыхъ патріотовъ», получающихъ львиную долю на «протекціонномъ аукціонѣ» и охотно вотирующихъ таможенные пошлины вмѣсто прямыхъ налоговъ, которые имъ самимъ пришлось бы платить.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ такими наиболѣе заинтересованными группами являлись представители металлургической и хлопчатобумажной промышленности. Вездѣ и повсюду они стояли въ первыхъ рядахъ протекціонистовъ, пользуясь при этомъ большимъ вліяніемъ; когда же они получили подкрѣпленіе, благодаря новымъ перебѣжчикамъ изъ противнаго лагеря—сельскимъ хозяевамъ, то побѣда была обезпечена. Противъ этой коалиціи «завода съ помѣстьемъ» сторонники болѣе умѣренной системы не могли устоять. Нельзя отрицать, конечно, того, что извѣстная защита нужна была и металлургической промышленности и текстильной—безъ нея эти

отрасли индустріи едва ли могли бы достигнуть значительных успѣховъ; конкуренція англійской промышленности, имѣвшей за собой свыше полувѣковую блестящую исторію, могла затруднить промышленное развитіе и континенту Западной Европы, и Россіи, и Америкѣ. Наступалъ новый вѣкъ стали, бессемерованіе вытѣсняло прежніе упрощенные способы производства; процессъ выдѣлки литого желѣза и стали сократился съ $1\frac{1}{2}$ дня до 20 минутъ. Въ хлопчатобумажной промышленности появились новыя автоматически дѣйствующія машины, сельфакторы; дешевый ситецъ и бумага вытѣсняли шерстяныя и полотняныя ткани. Фабрикантамъ и заводчикамъ нужна была на это переходное время введенія новыхъ способовъ производства воспитательная пошлина въ умѣренныхъ размѣрахъ.

Фритредеры во многихъ странахъ сдѣлали ошибку, прекративъ это воспитаніе слишкомъ рано, не давши промышленности созрѣть, не предусмотрѣвъ надвигавшагося тяжелаго кризиса. А это было только на руку протекціонистамъ, доказывало съ ихъ точки зрѣнія безпочвенность и фантастичность идеи свободной торговли. Въ дѣйствительности послѣдняя была осуществлена въ одной лишь Англіи; другія же страны освободились только отъ обложенія сырья и стѣстныхъ припасовъ. Фабричныя издѣлія попрежнему подлежали, за рѣдкими исключеніями, пошлинамъ. Конечно, они не были столь сильно забаррикадированы, какъ прежде, но извѣстная охрана не была снята. Та норма въ 25 проц. съ цѣны, которой придерживалась Франція въ тарифѣ 1861 г. (для фабрикатовъ она не была понижена) еще далека была отъ фискальнаго тарифа. Если дальнѣйшее побѣдоносное шествіе парового транспорта, еще болѣе удешевляя перевозку товаровъ, фактически понижало этотъ уровень, то выводъ могъ быть лишь тотъ, что его нужно поднять на нѣкоторое время и въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но протекціонисты, хотя первоначально и говорили о временной охранѣ, въ дѣйствительности ее не знали, какъ не знали и чувства мѣры.

Первые тарифы, вернувшіеся къ повышенію таможенныхъ барьеровъ, сами по себѣ еще ничего не говорили, свидѣтель-

ствовали лишь о томъ, что въ извѣстномъ отношеніи наступило насыщеніе, что на полное осуществленіе идеаловъ фискальнаго тарифа нѣтъ надежды. Но для протекціонистовъ это былъ лишь пробный шаръ; какъ только они замѣчали, что первая попытка прошла удачно, они уже рѣшительно двигались впередъ, все болѣе и болѣе расширяя свои завоеванія и закрѣпляя за собой пройденныя пространства. Изъ за перваго франка, марки, лиры, происходили ожесточенныя сраженія въ парламентахъ; стоялъ крикъ и шумъ, пюпитры работали, другъ друга обвиняли въ измѣнѣ завѣтамъ предковъ, предсказывали гибель отечества. Но слѣдующія повышенія происходили уже при значительно пониженной температурѣ — законодательныя учрежденія, печать, общество гораздо легче глотали новыя пилюли протекціонизма, хладнокровнѣе относились къ событіямъ, сопротивляемость слабѣла. Фритредерское движеніе свелось къ небольшой печально прозябавшей сектѣ, и ветераны меланхолично признавались, что въ лучшемъ случаѣ можно разсчитывать на остановку, мысль о поворотѣ обратно надо выбросить изъ головы.

Поэтому то первые, еще умѣренные, но проникнутые новымъ духомъ, тарифы были столь опасны; это были тѣ передовые развѣдочные отряды, которые прикрываютъ слѣдующую за ними обширную армію.

Пошлины должны были охранять не только жизнеспособныя предпріятія, стоявшія на уровнѣ техники даннаго періода, но и отсталыя заводы и фабрики—необходимо было созданіе возможно большаго количества національнаго труда, независимо отъ качества послѣдняго, отъ рациональности его организаціи. «Это былъ тотъ же духъ, который протестовалъ противъ введенія машинъ, сокращающихъ трудъ, противъ желѣзныхъ дорогъ; вѣдь всякій техническій и коммерческій прогрессъ обыкновенно вначалѣ вытѣсняетъ извѣстное количество труда». Создавался всеобщій, огульный, силовый тарифъ, безъ пробѣловъ, ибо «всякій пробѣлъ даетъ возможность проникнуть заграничнымъ товарамъ». Провозглашалось «равное право и равное покровительство всѣмъ отраслямъ

производства». А между тѣмъ правъ былъ тотъ членъ парламента, который говорилъ, что «третья часть производителей можетъ и дальше существовать безъ покровительственныхъ пошлинъ, другая треть не можетъ обойтись безъ нихъ, а третья треть все равно должна погибнуть, и съ пошлинами, и безъ нихъ». Протекціонная система минувшаго 30-лѣтія состояла въ томъ, чтобы кромѣ второй трети, нуждавшейся въ таможенной охранѣ, поддерживать и остальные двѣ. Сюда относится, въ частности, и поддержка «бѣдствующихъ» землевладѣльцевъ, которые, въ надеждѣ на дальнѣйшій ростъ цѣнъ на хлѣбъ, дорого заплатили за землю, и теперь, когда ихъ расчеты не оправдались, требовали поддержки отъ правительства, за счетъ всего остального населенія,—въ родѣ того, какъ если бы биржевой маклеръ, въ виду паденія курса на закупленные имъ бумаги, заставилъ государство покрывать убытки, которые онъ понесъ.

Надо различать два періода въ исторіи современнаго протекціонизма—эпоху конца 70-хъ годовъ и слѣдующихъ 12—14 лѣтъ, когда онъ зарождается и успѣшно развивается, періодъ молодости, расцвѣта, и вторую эпоху—послѣдняго 20-лѣтія, когда никакихъ новыхъ идей и плановъ создано не было, протекціонизмъ какъ бы автоматически продолжалъ двигаться и дальше, не встрѣчая препятствій на своемъ пути, періодъ старческаго безплодія и прозябанія.

1877 годъ является кульминаціоннымъ пунктомъ фритредерской политики въ Германіи. Это годъ отмены пошлинъ на металлы,—пиррова побѣда фритредеровъ, ибо два года спустя, 1879 г.—годъ рожденія протекціонизма, изданія охранительнаго тарифа, когда тотъ же Бисмаркъ, который только что проводилъ съ фритредерами либеральную таможенную политику, съ презрѣніемъ говорилъ о нихъ, что «они не сѣютъ, не жнутъ, не прядуть», что «это тѣ люди, которыхъ наше солнце не грѣетъ, нашъ дождь не мочитъ, если они случайно не вышли безъ зонтика». Нужна «реальная политика» въ видѣ умѣренно-охранительной системы, возвращеніе къ тому испытанному пути, которымъ шелъ въ теченіе полустолѣтія германскій таможенный союзъ,—заявляли тѣ

самые люди, которые еще въ 1873 г. метали громы и молніи противъ протекціонныхъ пошлинъ, находили, что «если желѣзозаводчики не въ состояніи существовать безъ пошлинъ, то они могутъ выбрать себѣ иную профессію». Словомъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ звучали уже инныя струны, чѣмъ въ 60-хъ, должна была получиться иная музыка.

Протекціонистами являлись производители полуфабрикатовъ,—пряжи, чугуна, т. е. отраслей промышленности, имѣвшихъ фабрично-заводскій характеръ и поэтому «достаточно сильныхъ, чтобы добиться охраны въ качествѣ слабыхъ». Противниками пошлинъ были, напротивъ, производители готовыхъ продуктовъ—тканей, металлическихъ издѣлій, химическихъ продуктовъ, работавшіе для экспорта и поэтому не нуждавшіеся въ таможенномъ покровительствѣ и заинтересованные въ томъ, чтобы пошлины на чугунъ, пряжу и иное сырье не удорожали имъ матеріалъ и не вызывали отвѣтныхъ пошлинъ въ странахъ экспорта. Но эти производства имѣли еще кустарный характеръ, т. е. не были объединены, организованы; поскольку же имѣлись крупныя предприятия, они соединяли ткацкое производство съ прядильнымъ, обработку желѣза и стали съ собственными чугуноплавильными заводами, такъ что обложеніе сырья для нихъ было безразлично. Голоса этихъ отраслей производства были слишкомъ слабы—ихъ заглушали заинтересованные въ пошлинахъ крупные производители полуфабрикатовъ.

Кризисъ 1875—76 гг. заставилъ крупныхъ промышленниковъ объединиться подъ флагомъ таможенной охраны, поставилъ ихъ въ весьма выгодное положеніе—въ національныхъ интересахъ они могли добиваться выгодъ для себя. А возразить имъ на это, что протекціонизмъ искусственно направляетъ капиталъ въ поощряемыя отрасли, отнимая его у другихъ производствъ, невозможно было. Послѣ обильнаго дождя французскихъ миллиардовъ, капиталовъ въ Германіи было достаточно, слишкомъ достаточно. Ихъ хватало повсюду, они бросались на все, переливались черезъ край, искали себѣ работы въ другихъ странахъ. Былъ еще другой аргументъ противъ пошлинъ—интересы потребителей. До тѣхъ поръ,

пока фритредерами были сельскіе хозяева, они и являлись этими потребителями. Образовался союзъ слабыхъ; острый кризисъ въ промышленности и хроническій сельскохозяйственный кризисъ, начавшійся съ половины 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ затопившаго Европу американскаго, русскаго и румынскаго хлѣба, объединилъ тѣхъ и другихъ. До тѣхъ поръ, пока прусскіе землевладѣльцы вывозили хлѣбъ въ Англію, вымѣнивая его на англійскія промышленныя издѣлія, коллизіи не могло быть—свободная торговля обезпечивала ихъ дешевыми фабрикатами, дешевымъ капиталомъ, дешевымъ трудомъ. Теперь экономическая фізіономія Германіи преобразилась—она стала импортировать хлѣбъ. Помѣщики бросили свой космополитизмъ, экспортъ признали опаснымъ, разъ они сами болѣе не вывозятъ, провозглашая интересы производителей, выгодность для страны высокихъ цѣнъ: высокія цѣны на хлѣбъ—счастье для народнаго хозяйства, «*cherté fait abondance*»—какъ говорили въ оное время важные и напыщенные придворные экономисты Людовика XVI, получившіе прозваніе фізіократовъ. Лозунгомъ стала солидарность интересовъ, установленіе всеобщихъ таможенныхъ пошлинъ, «общей таможенной повинности привозныхъ товаровъ», такъ какъ охранительныя пошлины для отдѣльныхъ отраслей производства равносильны привилегіи и вызываютъ, какъ и всякая привилегія, всякая несправедливая премія, вражду со стороны представителей прочихъ производствъ. Исключенія должны быть сдѣланы лишь для сырья—шерсти, хлопка, каменнаго угля.

Получается уравнительная справедливость, создаются равныя для всѣхъ условія. Кто же остается при такихъ условіяхъ потребителемъ? Всѣ производители, всѣ пользуются охраной. На высказанное однимъ изъ германскихъ правительствъ сомнѣніе относительно желательности вводить пошлины на предметы массоваго потребленія Бисмаркъ отвѣчалъ въ рѣзкомъ стилѣ Фридриха Великаго: «предложеніе установить пошлины можетъ вызвать возраженія у потребляющаго населенія, но только у чиновничьяго и отъ чиновничьихъ рентъ и арендъ существующаго, но и чиновники теряютъ

свои доходы, если они не придутъ на помощь производительному населенію». А къ этому еще прибавляли, что невысокія пошлины на хлѣбъ не будутъ падать на потребителя, а лишь сократятъ чрезмѣрную прибыль торговца, и ссылались на то, что небольшая пошлина на хлѣбъ сохранилась будто бы и въ Англіи, хотя на самомъ дѣлѣ она уже съ 1869 г. была окончательно отмѣнена. Наконецъ, всеобщее обложеніе привозныхъ товаровъ рѣшало и другую задачу—фискальную, должно было избавить имперскій бюджетъ отъ хроническаго дефицита. Это означаетъ, якобы, возвращеніе къ прусскому тарифу 1818 года, построенному на принципѣ многочисленныхъ низкихъ пошлинъ,—недоразумѣніе, обидное для стараго тарифа начала минувшаго вѣка, всячески проводившаго принципъ, что не можетъ быть торговли тамъ, гдѣ нѣтъ свободы, расчищавшаго путь для товарообмѣна.

Подъ этимъ знакомъ фискализма и всеобщей охраны былъ выработанъ и прошелъ въ парламентѣ таможенный тарифъ 1878 года. Ему предшествовали анкеты о состояніи металлургической и текстильной промышленности, причемъ, однако, работавшая болѣе всего для экспорта шерстяная индустрія была почему то исключена. Но анкеты производились не на англійскій манеръ, имѣли цѣлью не установленіе фактовъ; онѣ должны были выяснить пожеланія промышленниковъ, поощрить ихъ домогательства, снабдить правительство данными въ опредѣленномъ, заранѣе установленномъ направленіи. Но и въ такомъ видѣ результаты были еще не вполне годны.

Текстильную анкету пришлось еще подвергнуть «апретурѣ», прежде чѣмъ она оказалась подходящей для цѣлей охранительной политики. Когда же появилась брошюра, содержащая всего только противопоставленіе выводовъ правительства изъ этой анкеты тому, что въ ней дѣйствительно содержалось, впечатлѣніе получилось огромное, уничтожающее. Притянуты за волосы были и цифры привоза и вывоза, которые должны были доказывать, что въ эпоху фритредерства вывозъ былъ ежегодно на миллионъ марокъ меньше, чѣмъ привозъ, т. е. устанавливать обѣдненіе Германіи, уходя изъ

нея золота,—тогда какъ ясно было, что при отсутствіи контроля за вывозомъ не могли получиться точныя цифры статистики вывоза; экспортируемые товары проходили мимо таможи, ихъ не останавливали, не спрашивали ихъ имени.

При обсужденіи тарифа Бисмаркъ заявилъ, что при господствѣ свободной торговли Германія «истекаетъ кровью», свободная торговля—ея слабость; нельзя отъ нея требовать, чтобы она одна ради этого теоретически правильного воззрѣнія пожертвовала своей будущностью. До сихъ поръ, благодаря широко раскрытымъ у насъ дверямъ, мы являлись складочнымъ мѣстомъ для всякаго иностраннаго перепроизводства; наша обязанность—сохранить нѣмецкій рынокъ, на которомъ теперь нѣмецкое добродушіе эксплуатируется другими странами, отдать его нѣмецкой промышленности». Правда, протекціонистами ни промышленники, ни землевладельцы себя еще не называли. Слово «покровительственныя пошлины» имѣло весьма непріятный привкусъ, звучало въ Германіи обидно. Ругательной клички «таможенника» никто не хотѣлъ еще признать за собой,—боялись выступать открыто протекціонистами. «Принципіально мы убѣжденные фритредеры, но мы требуемъ... международнаго фритредерства», —заявляли они, и сами же первые создали покровительственный тарифъ. Въ рейхстагѣ былъ форменный аукціонъ, торгъ между промышленниками и аграріями—за плату въ видѣ хлѣбныхъ пошлинъ послѣдніе согласились голосовать за пошлины на промышленныя издѣлія. «Иногда трудно было установить, гдѣ находишься, въ рейхстагѣ или въ иномъ, также весьма почтенномъ, собраніи—на биржѣ».

Въ результатѣ, германскій тарифъ 1879 г. возстановилъ пошлины на одни промышленныя издѣлія, напр. на желѣзо; повысилъ обложеніе другихъ. Металлургическая и текстильная промышленность, кожевенная, стеклянная, керамическая, химическая, производство издѣлій изъ дерева, камня, каучука, выдѣлка свѣчей, мыла, переплетныхъ и др. издѣлій—всѣ они получили пошлины, никто не былъ обиженъ, не былъ обойденъ. Появилось на свѣтъ и обложеніе хлѣба; послѣднее пока еще въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, но и это обозначало крупное

событіе, новую эпоху, разрывъ съ прошлымъ, съ принципомъ, согласно которому предметы первой необходимости не подлежатъ обложенію. Поступленія отъ пошлинъ повысились со 104 милл. мар. въ 1877 г. до 190 милл. въ 1883 г. и до 358 милл. въ 1889 г., такъ что фискальная цѣль была достигнута. Въ покровительственномъ же отношеніи тарифъ 1879 г. являлся первымъ шагомъ, облегчившимъ дальнѣйшее движеніе, сооруженіе болѣе энергичныхъ таможенныхъ загражденій въ 1885 г. и 1887 г. для нѣкоторыхъ промышленныхъ издѣлій (пряжа и ткани, часы, свѣчи, издѣлія изъ камня), въ особенности же, на хлѣбъ и на прочіе сельскохозяйственные продукты; ставка на хлѣбъ поднята въ 1885 г. съ 1 марки до 3, а два года спустя, до 5.

Аргументація въ пользу послѣдней ставки примѣнялась различная, въ зависимости отъ того, кому надо было продемонстрировать полезность пошлины на хлѣбъ. Однихъ старались убѣдить въ томъ, что ее не несетъ нѣмецкій потребитель, а пошлина падаетъ на иностраннаго импортера, если же цѣны росли, то вину сваливали на спекуляцію. Другимъ, напротивъ, заинтересованнымъ въ повышеніи цѣнъ, доказывали, что пошлина удерживаетъ цѣны отъ паденія. Третьимъ говорили, что пошлина столь незначительна, что имѣетъ лишь регистраціонный характеръ, вліянія же на цѣны не окажетъ. Но въ такомъ случаѣ, къ чему она? Всѣ эти, противорѣчащія другъ другу, аргументы нерѣдко приводились одновременно, сваливались въ кучу для вящей убѣдительности.

Таможенный протекціонизмъ торжествовалъ побѣду по всей линіи.

Весьма скоро зашевелились, зашумѣли, заговорили и французскіе протекціонисты. Если имъ вѣрить, то 60-ые годы нанесли странѣ ущербъ: вывозъ увеличился въ меньшей степени, чѣмъ привозъ—они зыбыли, что привозъ заключался въ сырыхъ матеріалахъ, нужныхъ для французской промышленности. Жертвовать внутреннимъ рынкомъ въ погонѣ за внѣшнимъ—воскликали въ парламентѣ Мелинъ и Пуэ-Кертъе—не значитъ ли это отказываться отъ вѣрнаго въ пользу миража? Истинный рынокъ для французскихъ промышленниковъ составляетъ

Франція,—тѣмъ болѣе, что всѣ другіе народы перешли къ протекціонизму. Можетъ ли Франція, одна только, если не считать Англіи, оставлять для всѣхъ открытыми свои двери, когда всѣ другія заперты? «Назовите мнѣ хоть одинъ департаментъ, который бы выигралъ отъ торговыхъ договоровъ 60-хъ годовъ. Всѣ отрасли промышленности страдаютъ отъ нихъ, страдаетъ и сельское хозяйство». «Изъ тридцати французовъ двадцать семь живутъ сельскимъ хозяйствомъ»—надо придти имъ на помощь, американская конкуренція затопитъ послѣдніе остатки сельскаго хозяйства Франціи. Овцеводство уже убито. «Развѣ оно можетъ существовать при такихъ условіяхъ, когда овцеводъ получаетъ за шерсть цѣну, устанавливаемую свободной конкуренціей, а платитъ за пальто изъ той же шерсти по цѣнѣ, господствующей при охранительной системѣ?» Мы требуемъ только равенства. Французскіе промышленники уплачиваютъ огромные налоги; либо необходимо ихъ понизить, что невозможно, либо обложить, въ цѣляхъ уравнительности, иностранные товары. Въ противномъ случаѣ,—появляется соціальный аргументъ—промышленники, переобремененные налогами, вынуждены будутъ сократить ту единственную статью расходовъ, которую еще можно уменьшить, и которой они до сихъ поръ еще не трогали—заработную плату. Рабочіе, слѣдовательно, заинтересованы въ таможенномъ протекціонизмѣ; это подтверждается и пониженіемъ заработной платы, въ Англіи послѣ перехода ея къ свободной торговлѣ; на самомъ дѣлѣ, въ Англіи—это извѣстно было и непосвященному—плата быстро поднималась вверхъ.

И во Франціи первый шагъ имѣлъ, главнымъ образомъ, принципиальный характеръ, являлся пробнымъ урокомъ, такъ какъ тарифъ 1882 г. еще немногимъ повысилъ пошлины на фабрики, сырье же и сельскохозяйственные продукты, несмотря на требованіе защиты сельскаго хозяйства, попрежнему либо вовсе свободны отъ пошлинъ, либо обложены невысокими ставками. Но такое состояніе не могло продолжаться долго. Машина вскорѣ заработала снова и уже гораздо скорѣе. Въ 1885 и 1887 гг., и Франція, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго паденія цѣнъ на хлѣбъ на міровомъ рынкѣ, что отразилось и на

цѣнахъ на землю (въ 1874 г. гектаръ стоилъ 2 тыс. фр., въ 1884 г.—1.785 фр.), подняла обложеніе пшеницы съ 0,60 фр., которое было установлено въ 1861 г., до 3, а затѣмъ до 5 фр. Значительно увеличены пошлины на скоть (быкъ вмѣсто 15 фр.—25 и затѣмъ 38, корова вмѣсто 8 фр.—12 и затѣмъ 20) и на другіе сельскохозяйственные продукты; нѣкоторыя увеличенія послѣдовали и въ 1889—1890 гг.

Но все это были еще только контуры будущаго, хотя и набрасываемые опытной рукой. Рыцаремъ протекціонизма, одержавшимъ крупную побѣду надъ наивными идеалистами—фритредерами, явился тарифъ 1892 г. Протекціонисты, во главѣ съ тѣмъ же Мелиномъ, который выступалъ уже въ 1881 г., но теперь игралъ гораздо большую роль, ссылались прежде всего на примѣръ конкурентовъ, какъ и вообще государствъ, съ которыми Франція ведетъ оживленные торговые обороты. Всѣ они—Германія, Австро-Венгрія, Италія, уже не говоря о Россіи и Соединенныхъ Штатахъ, успѣли круто повернуть свою торговую политику, въ то время, какъ Франція попрежнему топчется на томъ же мѣстѣ.

Франція—фритредерскій оазисъ среди сплошнаго европейскаго протекціонизма. Отсюда измѣненіе ея положенія къ худшему. Называли отдѣльныя страдающія отрасли промышленности, какъ напр. шелковую промышленность, хотя представители послѣдней далеко не всѣ придерживались такого пессимистическаго взгляда, находя, напротивъ, что французская шелковая промышленность, исконная народная отрасль производства, не имѣетъ основанія ни жаловаться, ни опасаться конкуренціи. Состояніе другихъ отраслей, какъ напр. кожевенной, не считали неблагоприятнымъ, но все же, въ интересахъ успѣшнаго развитія ихъ, требовали на всякій случай повышенія пошлинъ. Производство чугуна, по признанію самихъ протекціонистовъ, растеть, но не столь быстро, какъ въ Англіи, Бельгіи, Германіи. Хлопчатобумажная промышленность также двигается впередъ, но въ Соединенныхъ Штатахъ это развитіе идетъ еще скорѣе. Причина въ томъ, что въ Англіи топливо дешевле, въ Бельгіи и Германіи—и топливо и рабочія руки.

Нужно, очевидно, уравнить положеніе Франціи и другихъ государствъ, создать одинаковыя издержки производства для мѣстныхъ и привозныхъ товаровъ; тѣмъ болѣе, что съ 1860 г. налоги во Франціи повысились на 700 милл. фр. Единственное средство—примѣненіе всеильнаго механизма, именуемаго покровительственной системой; она охраняетъ промышленность, гарантируетъ рабочимъ высокую плату. Надо бороться, но бороться въ равныхъ условіяхъ. «Не слѣдуетъ забывать, что лучшая система та, которая обезпечиваетъ населенію наибольшее количество труда, такъ какъ чѣмъ больше труда, тѣмъ больше капитала, а слѣдовательно, тѣмъ большая получится сумма заработной платы для рабочихъ» (Мелинъ). «Мы не требуемъ революціи таможеннаго тарифа — мы хотимъ лишь исправить пороки прежняго тарифа».

Такъ снова выдвигается въ первый рядъ уравнительная роль пошлинъ и ихъ необходимость для рабочихъ. Дѣлалась ссылка и на то, что привозъ Франціи превышаетъ вывозъ ея, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что Франція бѣднѣетъ, задолженность ея по отношенію ко всѣмъ другимъ странамъ увеличивается. Напрасно на это возражали, что такіе разговоры объ обѣдненіи Франціи не только противорѣчатъ несомнѣнному процвѣтанію страны, но и обидны для нея, указывали на то, что вклады сберегательныхъ кассъ за послѣднее десятилѣтіе чрезвычайно возросли, обращали вниманіе на результаты послѣдней парижской выставки 1889 г., этой всемірной ярмарки, гдѣ французская промышленность представилась всему міру въ самомъ блестящемъ видѣ, продемонстрировала плоды своей успѣшной дѣятельности. Напрасно заявляли, что торговый балансъ — заржавѣвшій инструментъ, которому мѣсто въ кунсткамерѣ, такъ какъ кромѣ экспорта товаровъ существуютъ еще другіе виды экспорта, которыхъ таможня не видитъ и не отмѣчаетъ — экспортъ капиталовъ, процентами съ которыхъ, получаемыми изъ другихъ странъ, французы оплачиваютъ привозимые товары. Протекціонисты несмотря на все, повторяли, что, хотя торговый балансъ есть дѣйствительно лишь часть расчетнаго баланса, а только послѣдній является правильнымъ измѣрительнымъ приборомъ,

выражаетъ состояніе страны, но все-таки Франція будетъ богаче, если вмѣсто того, чтобы покупать товары заграницей, она станетъ производить ихъ сама.

Представители промышленности объединились съ сельскими хозяевами. Промышленность и сельское хозяйство двойники; «мы требуемъ, чтобы наша сестра—сельскохозяйственная промышленность, была поставлена въ равныя условія съ обрабатывающей индустріей. Союзъ заключенъ, онъ стоитъ крѣпко». Протекціонисты добились своего—таможенные ставки были значительно повышены. Исходя изъ поступлений 1889 г. и предполагая, что привозъ будетъ тотъ же, какимъ онъ былъ до введенія новаго тарифа, получается, что таможенные доходы должны повыситься съ 144 до 259 милл. фр., т. е. на 80 проц. Въ этомъ выражалось усиленіе протекціонизма. Въ дѣйствительности въ 1893 г. получилось всего 212 милл.—новый тарифъ, слѣдовательно, заградилъ дорогу многимъ товарамъ, въ томъ числѣ и сельскохозяйственнымъ продуктамъ.

Въ одномъ отношеніи протекціонисты были правы. Франція шла по тому же пути, который избрали еще до нея другія страны. Еще годомъ раньше, чѣмъ въ Германіи, въ 1878 г., былъ изданъ новый тарифъ въ Австріи, который являлся мостомъ отъ прежней либеральной политики къ протекціонизму и мотивировался соображеніями уравнительности—тяжелыми внутренними налогами. Повышены ставки на пряжу, ткани, кожу и издѣлія изъ нея, стеклянные, мѣдные, галантерейные товары. Но металлургическая и машиностроительная промышленность еще почти ничего не успѣла отвоевать, и вообще въ 1878 г. Австрія осторожно прикасалась къ тарифу, это былъ еще только первый опытъ, проба. Она боялась дѣлать рѣшительные шаги, пока другія страны не перешли къ покровительственной политикѣ, дѣйствовала неувѣренно, даже боязливо, избѣгая постановки принципиальныхъ вопросовъ. «Въ Европѣ наступило сильное стѣсненіе—съ востока давили русскіе и румынскіе сельскохозяйственные продукты; англійскій рынокъ былъ частью закрытъ, частью занятъ заокеанскими товарами, Германія, лишившись Англіи, стѣснила

вывозъ изъ Австріи, а Австрія отмежевалась отъ Россіи и Румыніи; такъ бываетъ при внезапной остановкѣ поѣзда, когда вагоны толкаютъ другъ друга обратно, насѣдая одинъ на другого».

Но въ слѣдующемъ 1879 г. Германія выступила со своимъ тарифомъ, идущимъ въ этомъ направленіи дальше австрійскаго и высоко облагающимъ именно предметы австрійскаго экспорта — сельскохозяйственные продукты, стеклянные и керамическія издѣлія, льняную пряжу и ткани, галантерейные товары. Это развязало руки Австріи; она уже не считала нужнымъ сдерживать себя и при пересмотрѣ тарифа въ 1882 г. била съ плеча — не только усилила обложеніе чугуна, желѣза и машинъ, бумажной пряжи и тканей, опередивъ снова Германію, но и установила высокія пошлины на хлѣбъ и скотъ, хотя при аграрномъ характерѣ Австріи они оказывались совершенно чужероднымъ тѣломъ въ ея организмѣ. Но на эту реплику въ видѣ тарифа 1882 г. послѣдоваль и отвѣтъ со стороны Германіи — двукратное поднятіе пошлинъ на сельскохозяйственные продукты, въ 1885 и 1887 гг. Австрія немедленно копировала ихъ въ 1887 г. — ея тарифы являлись дубликатомъ нѣмецкихъ, частью въ усиленной формѣ. Въ 60-хъ годахъ Австрія и германскій таможенный союзъ старались опередить другъ друга въ пониженіи пошлинъ; теперь ихъ соревнованіе обратилось въ противоположную сторону — въ область усиленія ихъ. Впрочемъ новое оружіе въ видѣ покровительственнаго тарифа Австрія выковывала не только противъ Германіи, съ которой она въ политическомъ отношеніи рѣзко разошлась; она старалась отгородиться и отъ конкуренціи британскихъ товаровъ, которые для Австріи съ ея отсталой техникой всегда являлись пугаломъ.

И въ Италіи 1878 годъ былъ роковымъ. Нѣкоторые повышенія прежняго либеральнаго тарифа были произведены уже въ 60-хъ годахъ, но они имѣли фискальный характеръ. Казна была пуста, дефициты велики, пошлинъ поступало мало. Пришлось обложить ими даже сельскохозяйственные продукты — зерно, муку, скотъ и не только при ввозѣ, но и при вывозѣ — лучшее доказательство фискальных стрем-

лений. Это повторялось неоднократно. Таможенный доходъ повысился съ 61 милл. лиръ въ 1865 г. до 98 милл. въ 1874 г. Но измѣненія и исправленія, поправки и починки тарифа произведенныя то тутъ, то тамъ, безъ всякаго плана, въ концѣ концовъ настолько подточили основаніе первоначальной системы его, что онъ грозилъ рухнуть и его пришлось замѣнить новымъ зданіемъ. Тарифъ 1878 г. уже исходилъ изъ двойной идеи фискальнаго и покровительственнаго обложенія и въ силу этого, отличался въ еще большей мѣрѣ половинчатостью, чѣмъ его современники — тарифы германскій и австрійскій. Правительство желало повысить доходъ отъ таможенъ, но, внимая жалобамъ и домогательствомъ промышленниковъ, пыталось устранить и ошибки и непоследовательности прежняго тарифа, такъ, чтобы фабрикатъ выше облагался, чѣмъ сырье, изъ которыхъ они выдѣланы, а не наоборотъ — какъ это было раньше — чтобы ставки шли въ уровень съ техническими условіями производства. Фискальная цѣль была осуществлена — доходъ въ теченіе слѣдующихъ 6 лѣтъ удвоился (1878 г. — 105 милл. лиръ, въ 1884 г. — 208), протекціонисты же остались тарифомъ 1878 г. весьма недовольны. Въ началѣ 80-хъ годовъ они настаивали уже на систематическомъ проведеніи охранительной торговой политики, слѣдуя примѣру Австріи, Германіи, Франціи, поднявшихъ знамя протекціонизма; ихъ охраненной промышленности пѣлись хвалебные гимны.

Крайне возмутилъ протекціонистовъ отчетъ назначенной для выясненія вопроса о тарифѣ комиссіи. Въ отвѣтъ на нетерпѣливыя и безпокойныя требованія заинтересованныхъ круговъ возможно скорѣе ограничить доступъ иностранныхъ товаровъ на итальянскій рынокъ, послѣдовалъ холодный разборъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ охранительныхъ пошлинъ, подѣйствовавшій на протекціонистовъ, какъ холодный душъ на разгоряченное тѣло. Комиссія признавала принципиально возможнымъ, а въ данное время для Италіи даже желательнымъ, установленіе таможенной охраны, но, — какъ бы съ усмѣшкой прибавляла она, — вопросъ въ томъ, какую дозу этого лѣкарства слѣдуетъ дать народному хозяй-

ству; нужна чрезвычайная осторожность, не надо думать, что всякій, даже самый сильный пріемъ, дѣйствуетъ благотѣтельно. Комиссія перечисляетъ много опасностей таможеннаго покровительства, — оно можетъ и затормозить техническое усовершенствованіе предпріятій, и чрезмѣрно повысить предпринимательскую прибыль, чѣмъ вызоветъ нездоровую конкуренцію, и направить капиталъ на неправильный путь. Оно грозитъ, наконецъ, конфликтомъ между различными отраслями производства: прядильщики добиваются пошлинъ на пряжу, ткацкія фабрики протестуютъ противъ этихъ пошлинъ, но просятъ о пошлинахъ на ткани, столь непріятныхъ для красильныхъ заведеній. Какъ же быть, какъ примирить столкновеніе противоположныхъ интересовъ? Въ виду этого, — заключаетъ дѣловито комиссія, — «повышеніе пошлинъ хотя и допустимо, но съ той осторожностью и умѣренностью, какая соотвѣтствуетъ генію итальянскаго народа, который и въ экономической жизни не признаетъ революціи, а является другомъ осмысленнаго и терпѣливаго развитія».

Но эти разсужденія уже не интересовали протекціонистовъ въ итальянскомъ парламентѣ. Имъ нужно было только принципиальное согласіе комиссіи на таможенную охрану промышленности, а насчетъ размѣровъ ея они уже сами примутъ рѣшеніе. Такъ и было сдѣлано — итальянскій тарифъ 1887 года своими ставками на промышленныя издѣлія обогналъ германскій и австрійскій, лишь французскаго онъ не достигалъ. На заключеніе же комиссіи относительно сельскохозяйственныхъ пошлинъ парламентъ вообще махнулъ рукой, не обратилъ вниманія. Комиссія называла эти пошлины, въ особенности на хлѣбъ, мѣрой искусственной, способной лишь усыпить сельскихъ хозяевъ; тогда какъ имъ нужны реформы для приведенія хозяйства въ соотвѣтствіе съ новыми условіями мірового рынка, съ паденіемъ цѣнъ на продукты; этимъ путемъ сельское хозяйство въ состояніи организовать самооборону. Протекціонисты сдѣлали видъ, какъ будто бы этого заявленія комиссіи не разслышали — оно особенно огорчило ихъ, такъ какъ на сельскохозяйственную секцію возлагались наибольшія надежды. Разъ комиссія не выполнила ихъ же-

ланія, то они поступили по-своему — внесли въ тарифъ 1887 года высокія ставки на зерно, муку, рисъ, масло, скотъ, лёсъ, и, не остановившись на этомъ, продолжали повышать ихъ и въ слѣдующіе годы (1888, 1894, 1898), надстраивали новые этажи ставокъ, все болѣе и болѣе поднимая зданіе аграрнаго протекціонизма. Лишь торговые договоры Италіи съ другими странами заставляли ее производить остановки въ этомъ движеніи, умѣрять свой пылъ въ области таможеннаго покровительства.

Швейцарія и въ 80-хъ и 90-хъ годахъ не увлекалась протекціонизмомъ. Всѣ усилія Швейцаріи были направлены къ тому, чтобы сдержать порывы ея сосѣдей, ихъ таможенные тиски, въ которыхъ она могла задохнуться. Будучи маленькой континентальной страной съ тяжелыми условіями существованія, съ мало плодородной почвой, безъ морскихъ портовъ и безъ колоній—заявлялъ въ 1892 г. Нума Дроцъ въ своей «поистинѣ—перикловской» рѣчи—Швейцарія вынуждена пріобрѣтать значительную часть нужныхъ населенію для жизни предметовъ за границей. За это она можетъ платитъ лишь издѣліями своей промышленности. Уже въ теченіе 20 лѣтъ ей ставятся всяческія препоны. «Насъ готовы попрежнему снабжать всевозможными продуктами, но нашимъ товарамъ отрѣзываютъ путь... Швейцарія имѣетъ право и обязанность всѣми силами бороться съ этими поползновеніями... Европа въ своихъ же интересахъ поручила Швейцаріи охрану альпійскихъ и юрскихъ горныхъ проходовъ, задачу, которая обременяетъ Швейцарію крупными расходами... Но мы должны сказать своимъ сосѣдямъ. Не задавите насъ, вы, великіе и могучіе, своими таможенными барьерами! Дайте намъ жить. Это наше право, которое мы добыли своей кровью и уважать которое требуетъ и справедливость и вашъ собственный интересъ».

Однако стѣны, воздвигаемыя другими странами и тѣснымъ кольцомъ окружившія Швейцарію, заставили все же и ее реагировать на эти стѣсненія ея экспорта, тѣмъ болѣе, что Швейцарія вводила строгую охрану труда на фабрикахъ и заводахъ, удорожавшую производство. Но, будучи втянута въ

протекціонистское движеніе, вовлечена въ столь невыгодную для нея игру, Швейцарія держалась весьма осторожно, ограничиваясь немногимъ не только въ тарифѣ 1887 г., но и въ слѣдовавшемъ за нимъ тарифѣ 1892 г. Нужно было лишь остановить чрезмѣрный наплывъ иностранныхъ издѣлій, которыя, подъ вліяніемъ перепроизводства, двинулись на новые рынки и грозили смести съ лица земли швейцарскую промышленность. Необходимо было позаботиться и о развитіи новыхъ отраслей производства, такъ какъ старинные, искони существовавшіе, ставшіе какъ бы второй натурой швейцарскаго населенія, промыслы не могли выдержать новой конкуренціи крупныхъ промышленныхъ государствъ. Хлопчатобумажная промышленность, шелкоткацкая, шелкобрутильная, производство вышивокъ не могли имѣть будущности; ихъ экспортъ не могъ удержаться на прежнемъ уровнѣ. Ихъ должны были замѣнить новыя отрасли производства, о которыхъ до сихъ поръ мало заботились—выдѣлка шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій, платья и бѣлья. Эти промыслы могли рассчитывать на широкій рынокъ внутри страны, но для этого нужна была поддержка въ теченіе извѣстнаго переходнаго періода, пока они крѣпко стануть на ноги. Въ сельскомъ хозяйствѣ усиленное производство мяса должно было возмѣстить сокращающійся экспортъ швейцарскихъ сыровъ. Но права на охранительныя пошлины Швейцарія все же ни за кѣмъ не признавала и смотрѣла на эти пошлины вообще, какъ на печальную необходимость, готовая пойти на уступки, какъ только ея сосѣди обнаружатъ желаніе понизить таможенный барьеръ. Тѣ отрасли, которыми Швейцарія славилась, въ защитѣ не нуждались—часовому, машинному, ленточному, крутильному производству нуженъ былъ только иностранный рынокъ. Нельзя было затруднять и доступъ иностраннаго сырья, безъ котораго Швейцарія сама жить не могла. Зато нужны были пошлины изъ фискальных соображеній—не имѣя въ своемъ распоряженіи прямыхъ налоговъ (они принадлежатъ кантонамъ), союзъ вынужденъ былъ нажимать на таможенный прессъ.

Въ противоположность швейцарской умѣренности, Испанія съ легкостью и быстротой покинула либеральныя пози-

ции, которыхъ она никогда крѣпко не держалась, и направилась въ сторону усиленнаго протекціонизма. Въ 1887 г. надлежало выполнить постановленіе 1882 г. о постепенномъ пониженіи пошлинъ. Протекціонисты первымъ дѣломъ обезпечили себѣ отказъ правительства отъ этой мѣры; послѣ этого въ 1890 г. двинулись уже дальше—подняли ставки на земледѣльческіе продукты, на нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности на скотъ, даже втрое и вчетверо. А въ 1892 г. вошелъ въ силу новый ярко окрашенный въ протекціонный цвѣтъ тарифъ съ сильнымъ повышеніемъ не только тканей (шерстяныхъ, льняныхъ, шелковыхъ), но и сырья—шерсти, пеньки; даже коконы шелковичнаго червя были обложены вновь. Для бумажныхъ матерій были установлены почти запретительныя пошлины въ 60—80 проц. ихъ цѣны. Единственный существовавшій въ тѣ времена въ Испаніи машиностроительный заводъ пріобрѣлъ для себя повышеніе пошлинъ на машины въ 9—14 разъ. То обстоятельство, что это наносило ущербъ всей остальной промышленности, какъ и сельскому хозяйству, очевидно, мало трогало правительство. А между тѣмъ, основанія къ такому образу дѣйствій, къ усиленному примѣненію протекціонной машины, едва ли можно было подыскать. Испанія никогда не отказывалась отъ этого аппарата, но отъ умѣренной охраны промышленность ея не пострадала. Тѣ именно области, которыя, въ противоположность общему аграрному облику страны, сумѣли создать себѣ индустрію, какъ Каталонія, и тѣ отрасли промышленности, передъ которыми открывалась будущность, хлопчатобумажная, пробковая, не могли пожаловаться на торговую политику 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ. Даже въ области металлургической и химической промышленности, гдѣ успѣхи были меньше, никакихъ печальныхъ событій не было отмѣчено. Но протекціонисты находили оживленіе послѣднихъ недостаточнымъ и приписывали это вредному вліянію либеральныхъ идей въ области таможенной политики.

II.

Еще болѣе яркую окраску, чѣмъ въ Западной Европѣ, покровительственная система приняла въ Россіи и въ Америкѣ. Въ отличіе отъ Западной Европы, Россія лишь кратковременно въ эпоху «весны», новыхъ юношескихъ идеаловъ и надеждъ, отказалась отъ почти запретительной системы, довольствуясь умѣренно-охранительной, но затѣмъ поспѣшила возможно скорѣе избавиться отъ сдѣланныхъ уступокъ и, какъ бы желая загладить свой грѣхъ, съ особенной стремительностью бросилась снова въ объятія самаго сгущеннаго протекціонизма, приобрѣтающаго почти запретительный характеръ. И первые шаги въ этомъ направленіи Россія, повидимому, сдѣлала раньше, чѣмъ кто-либо. По крайней мѣрѣ, движеніе въ направленіи усиленнаго покровительства получило у насъ осязательные результаты въ смыслѣ законодательныхъ мѣръ раньше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Если Франція отклоняетъ отъ себя пальму первенства, доказывая что она не была первой, порвавшей съ либеральными тенденціями 60-хъ и 70-хъ годовъ, ибо Германія еще до нея издала тарифъ 1879 г., который свидѣтельствовалъ о новомъ покровительственномъ духѣ,—то Германія, въ свою очередь, сваливаетъ вину на Россію, заявляя, что она начала дѣло, «открыла танецъ протекціонизма».

Дѣйствительно, уже въ 1876 г. въ Россіи были установлены золотыя пошлины, т. е. постановлено было взимать таможенные пошлины, исчислявшіяся до того времени въ бумажныхъ деньгахъ, золотой монетой. А это обозначало, въ виду того, что пошлинные ставки не измѣнялись, огульное взвинчиваніе пошлинъ почти вполтора раза (курсъ золотого рубля равнялся, въ среднемъ, 1 р. 48 к. кредитн.). Надо создать металлическій фондъ для нашихъ платежей за границу и для успокоенія иностранныхъ кредиторовъ, которые сомнѣваются въ томъ, будетъ ли Россія исправно платить по долгамъ. Другая цѣль—сокращеніе привоза иностранныхъ товаровъ для обезпеченія благопріятнаго торговаго баланса. Но

въ то же время и промышленники получили подарокъ, и притомъ въ совсѣмъ неожиданныхъ размѣрахъ: увеличеніе тарифа болѣе, чѣмъ на 40 проц. превосходило самыя смѣлыя чаянія и домогательства, почти захлопывало двери передъ иностранными товарами. Правда, мѣра эта не могла не вызвать сомнѣній: огульное повышеніе пошлинъ нарушало общую систему и фізіономію тарифа и должно было создать замѣшательство въ торгово-промышленномъ оборотѣ. Послѣдній успѣлъ приспособиться къ пошлинамъ въ обезцѣненной бумажной валютѣ. Но правительство находило, что нѣтъ времени производить подробный пересмотръ тарифа, надо дѣйствовать немедленно, не теряя ни минуты.

Огульное повышеніе пошлинъ повторяется и впослѣдствіи. Въ 1880 г., въ связи съ отмѣной налога на соль и въ видахъ возмѣщенія казнѣ вызываемыхъ этимъ потерь, весь тарифъ повышенъ на 10 проц. Но ожиданія не оправдались, таможня обманула: доходъ не только не повисился, а напротивъ, далъ въ 1881 г. всего 85 милл. р. вмѣсто 105 въ 1880 г. Казалось бы, опытъ провалился; но это никого не остановило, не озадачило. Рѣшили, что надо повторить ту же болѣзненную операцію, рѣжущую по живому тѣлу народно-хозяйственного организма: въ 1882 г. новое массовое повышеніе пошлинъ. Правда, подъ вліяніемъ неудачнаго эксперимента 1880 г., правительство теперь готово было признать, что, пожалуй, наилучшимъ средствомъ увеличенія дохода было бы не повышеніе, а пониженіе тарифа, такъ какъ оно могло бы вызвать значительное усиленіе потребленія. Но, къ великой скорби, — продолжало оно свои елейныя рѣчи — послѣдній способъ обѣщаетъ возрастаніе таможенного дохода лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; а ждать опять-таки невозможно, бюджетные дефициты не позволяютъ. Умѣренное же возвышеніе пошлинъ на жизненные припасы и сырье гарантируетъ немедленное увеличеніе таможенныхъ поступленій. Оно и менѣе чувствительно для населенія, чѣмъ увеличеніе прямыхъ налоговъ. А повышенныя пошлины вдохнуть жизнь въ отечественную промышленность, замѣнять заграничныя произведенія туземными, что, въ свою очередь,

должно улучшить нашъ торговый балансъ и уменьшить нашу задолженность заграницей. Словомъ, оно сулило млечныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ — результатъ такой простой и «безобидной» мѣры, какъ дальнѣйшее нажатіе таможенного пресса.

Такова была философія протекціонизма, равнагося вперёдъ, производившаго одинъ натискъ за другимъ.

Именно, уже спустя 3 года, въ 1885 г. новое огульное повышение пошлинъ по большей части статей на 20 проц. Нецѣлесообразность такой тарифной кампаніи правительство и теперь признавало — единственно правильнымъ является тщательный пересмотръ тарифа, расчлененіе и разложеніе его на части и выясненіе каждаго пункта въ отдѣльности. Но приходилось, якобы, отступить въ данномъ случаѣ отъ этого правила — на самомъ дѣлѣ все время отступали отъ него — изъ за пошлинъ на хлѣбъ, введенныхъ и усиленныхъ въ Германіи и Франціи. Поощряя земледѣліе въ этихъ государствахъ, пошлины на хлѣбъ должны неизбѣжно задержать нашъ вывозъ, къ чему присоединяется и надвигающаяся изъ за океана опасность — хлѣбъ изъ Америки, Австраліи и Индіи. А разъ нашему вывозу предстоить сокращеніе, то необходимо, въ интересахъ сохраненія благопріятнаго торгового баланса, произвести такую же ампутацію привоза иностранныхъ товаровъ, замѣняя его внутреннимъ производствомъ. Иначе говоря, нужно усилить таможенную броню, стать грудью на защиту страны отъ иноземныхъ товаровъ. Правда, въ Государственномъ Совѣтѣ раздавались голоса и противъ новаго повышенія пошлинъ: Германія и Франція попрежнему будутъ питаться привознымъ хлѣбомъ, но только, по милости нашихъ запретительныхъ пошлинъ, имъ придется искать болѣе выгодныхъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній, а это вызоветъ сокращеніе спроса на наши сельско-хозяйственные продукты; ихъ мѣсто займетъ съ успѣхомъ американскій или ость-индскій хлѣбъ. Для успѣшной борьбы съ заокеанскимъ зерномъ намъ надо заботиться объ удешевленіи нашего хлѣба, мы же дѣйствуемъ какъ разъ наоборотъ,

стѣсная ввозъ иностранныхъ товаровъ и тѣмъ удорожая фрахтъ на вывозимые изъ Россіи громоздкіе грузы. И ради чего правительство намѣрено вновь сильно повысить обложеніе предметовъ первой необходимости, которые не могутъ быть произведены въ Россіи, и сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ, безъ которыхъ наша промышленность не можетъ жить? Дѣлается это лишь изъ за совершенно гадательнаго, ничѣмъ не доказаннаго, почти фантастическаго предположенія о сокращеніи, якобы, въ будущемъ нашего хлѣбнаго вывоза за границу.

Страхи оказались ложными. Нашъ хлѣбный экспортъ вовсе не сократился; повышение пошлинъ въ Россіи привело лишь къ сжатію нашего привоза и къ увеличенію и ранѣе существовавшей разницы въ торговомъ балансѣ въ нашу пользу.

Параллельно съ этими повальными повышениями идетъ введеніе и усиленіе пошлинъ на отдѣльные товары, протекціонизмъ покоряетъ новыя домены. Тянутся эти новыя или повышенныя ставки длинной вереницей одна за другой; каждая тащитъ за собой рядъ другихъ. Началось дѣло съ установленія въ 1878 г. пошлины на хлопокъ, который ранѣе не облагался и обложеніе котораго не могло не вызвать жалобъ фабрикантовъ на удорожаніе сырья и требованій съ ихъ стороны повышенныхъ пошлинъ на бумажныя издѣлія. Затѣмъ пошло обложеніе въ 1884 г. каменнаго угля, завѣтная мечта горнопромышленниковъ. Пока ставки на него были еще умѣренны, правительство даже заявляло, что оно должно имѣть временный характеръ. Но временная мѣра существуетъ уже 30 лѣтъ и, что самое главное, въ значительно повышенномъ, противъ первоначальнаго уровня, размѣрѣ. Разъ ставши на путь обложенія сырья, поворота уже не было, правительство уже не считало возможнымъ отказывать промышленникамъ въ дальнѣйшемъ повышеніи ставокъ—они были дважды подняты въ 1886 и 1887 году. А между тѣмъ, добыча каменнаго угля непрерывно возростала какъ до, такъ и послѣ установленія и повышенія пошлинъ.

Затѣмъ очередь настала и для обложенія металловъ и машинъ. Въ 1878 году свершилось историческое событіе—министромъ финансовъ было внесено въ Государственный Совѣтъ одно изъ весьма рѣдкихъ по своему характеру предложеній: не повысить, а напротивъ понизить пошлину на сталь, въ виду важности ея для машиностроительнаго производства и для желѣзнодорожнаго строительства; невозможно рассчитывать на скорую замѣну выдѣляемой новѣйшими способами производства иностранной литой стали мѣстными издѣліями. Какъ и слѣдовало ожидать, оно вызвало такую бурю негодованія среди заинтересованныхъ заводчиковъ, оскорбленныхъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ—имъ и въ голову не могло придти, что можно понижать пошлины,—что Государственный Совѣтъ предложилъ «отложить рѣшеніе вопроса до болѣе благопріятнаго времени», иначе говоря похоронилъ его. Не былъ принятъ и другой «возмутительный» проектъ освобожденія отъ пошлины чугуна; онъ мотивировался тѣмъ, что машиностроительная промышленность, хотя и не можетъ выдѣлять еще сложныхъ механизмовъ, какъ напр. прядильно-ткацкихъ машинъ, но въ состояніи вырабатывать болѣе простые механизмы, и для этого нуждается въ дешевомъ металлѣ.

Напротивъ, въ 1880 г. стали закономъ двѣ прямо противоположныя, уже «благодѣтельные» мѣры: отмѣна допускаемаго съ 1861 г. льготнаго привоза чугуна для механическихъ заводовъ, такъ какъ эта льгота давно беспокоила горнопромышленниковъ, и установленіе пошлинъ на машины для текстильной промышленности. Такъ что не только ввозъ металловъ не былъ облегченъ, но, наоборотъ, полученіе ихъ удорожалось и облагались тѣ именно машины, на развитіе производства которыхъ въ скоромъ времени совершенно нельзя было рассчитывать.

Дальнѣйшая исторія таможенной охраны металлургической промышленности свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мило были вообще сердцу правительства всѣ предложенія, исходившія изъ лагеря протекціонистовъ, какъ хорошо оно себя чувствовало въ этой атмосферѣ. За отмѣной льготы беспошлиннаго

привоза послѣдовало уже четыре года спустя, въ 1884 году, повышение втрое пошлины на чугунъ (съ 5 коп. она постепенно подлежала увеличенію до марта 1886 г. вплоть до 15 коп.). Россіи нужно чугунно-плавильное производство или точнѣе нужна пошлина, достаточная для того, «чтобы гарантировать предпринимателя отъ всякихъ случайностей и убытковъ, сопряженныхъ съ паденіемъ цѣнъ привозного чугуна и обезпечить ему довольно солидную пользу на періодъ укрѣпленія производства». «Волны протекціонизма въ Россіи никогда не поднимались выше, никогда не вызывали большихъ противорѣчій интересовъ, чѣмъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, по поводу пошлинъ на чугунъ. Эти пошлины являлись пробнымъ камнемъ того, до какихъ предѣловъ правительство намѣрено идти въ области охраны національнаго труда, они являлись краеугольнымъ камнемъ всей таможенной политики и они являлись межевымъ камнемъ, указывающимъ на способъ согласованія различныхъ интересовъ» (Витчевскій).

Удорожаніе сырья влечетъ за собой повышение пошлинъ на издѣлія изъ него. Пришлось въ слѣдующемъ 1885 г. повысить пошлину и на желѣзо, сталь и издѣлія изъ нихъ,— одна пошлина рождаетъ другую. Тотъ же законъ 1885 г. создалъ усиленное обложеніе машинъ; мотивъ — повышение пошлинъ на металлъ, изъ котораго онѣ изготовляются (чугунъ, желѣзо, сталь). Кромѣ того, хотя пошлина 1880 г. и подѣйствовала оживляюще и укрѣпляюще на наше машиностроеніе, но есть одно препятствіе—весьма крупная, хотя и замѣтно понижающаяся, цифра привоза иностранныхъ машинъ. Мотивировка весьма слабая; разъ обнаруживается «замѣтное сокращеніе ввоза», то можетъ ли оно «препятствовать дальнѣйшему развитію машиностроенія»?

Безпошлинно привозились только сельско-хозяйственныя машины и орудія. Несмотря на многократныя требованія машиностроительныхъ заводчиковъ обложить и эти машины, ихъ пока еще не трогали. Но въ концѣ концовъ и они не избѣгли общей участи—попались въ сѣти протекціонизма. Проектъ былъ внесенъ въ 1885 г. Нужно было компенсиро-

вать высокія пошлины на чугунъ, такъ какъ безъ соотвѣтствующаго возмѣщенія послѣднихъ, механическіе заводы, работавшіе прежде на беспошлинно получаемомъ чугунѣ, не въ состояніи были бы соперничать съ иностраннымъ производствомъ. Но противъ этого возражали: заграницей охранительныя пошлины на машины сопровождаются пошлинами на хлѣбъ; у насъ же такой исходъ невозможенъ, почему пошлина ляжетъ цѣликомъ на земледѣльческій классъ. Между тѣмъ, сельскохозяйственное машиностроеніе у насъ и до сихъ поръ успѣшно развивалось, и изъ 340 заводчиковъ хлопочутъ о пошлинѣ всего 24. Введеніе значительной пошлины на чугунъ не можетъ поколебать этой промышленности, такъ какъ русскіе заводы могутъ всегда соперничать съ иностранными, вслѣдствіе дороговизны перевозки громоздкихъ заграничныхъ машинъ. Но это не помогло. Хотя и сторонники пошлины на земледѣльческія машины сознавались въ томъ, что она явится до нѣкоторой степени новымъ налогомъ на сельскую промышленность, но все же признавали ее безобидной въ качествѣ временной мѣры, и въ 1885 г. появилась пошлина въ 50 коп. зол. съ пуда.

Въ 1887 г. промышленники дошли уже до требованія запрещенія привоза чугуна. Правда, это предложеніе не было осуществлено, но все же пошлина на чугунъ была вновь повышена (съ 15) до 25—30 коп. зол., и, соотвѣтственно этому, пришлось, конечно, поднять пошлины на желѣзо и сталь, на металлическія издѣлія и паровозы. Въ новомъ повышеніи русскихъ пошлинъ на металлы въ 1887 г. Германія усмотрѣла ударъ, направленный противъ нея, и въ томъ же году значительно повысила свои пошлины на хлѣбъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, не столько въ интересахъ германскаго сельскаго хозяйства, сколько въ качествѣ возмездія по отношенію къ Россіи, въ видѣ отвѣта на нанесенную ей нами обиду.

Дѣйствительно, какъ указывалось въ представленіи Государственному Совѣту, кривая пошлины на чугунъ совершила такой подъемъ, что пошлина превышаетъ стоимость его на мѣстѣ производства, т. е. составляетъ болѣе 100 проц.,

такъ что ввозъ его долженъ почти прекратиться. Но при такихъ обстоятельствахъ, должно, очевидно, получиться сокращеніе таможенного дохода. Слѣдовательно, остановиться нельзя было; для покрытія убытка отъ предыдущихъ пошлинъ и въ виду предстоящихъ затрудненій при сведеніи бюджета, произведено было снова сплошное увеличеніе пошлинъ въ 1887 г.

Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь 12 лѣтъ, 1876—1887 г., нашъ прежній умѣренный протекціонизмъ совершилъ рѣзкій сдвигъ, принявъ обликъ почти запрети-тельной системы. Нѣсколько разъ—какъ мы видѣли—производилось универсальное поднятіе таможенныхъ барьеровъ: были вновь обложены сырые матеріалы и машины, пошлины на столь важные для развитія промышленности предметы, какъ металлы и каменный уголь, неоднократно повышались, непрерывно, какъ бы автоматически, двигались и были доведены до крайне высокихъ размѣровъ. Но одновременно съ этимъ почти ежегодно то вновь устанавливались, то подвергались увеличенію пошлины на цѣлый рядъ иныхъ товаровъ—тарифъ пухнулъ и разбухалъ все болѣе и болѣе. Достаточно было тѣмъ или другимъ фабрикантамъ заявить, что они не въ состояніи выдержать иностранной конкуренціи и что въ интересахъ поддержанія и поощренія отечественной промышленности, необходимо огражденіе ихъ пошлинами или поднятіе послѣднихъ—какъ правительство удовлетворяло ихъ ходатайство и издавало соотвѣтствующій законъ. Фабриканты льнопрядильныхъ издѣлій, владѣльцы химическихъ заводовъ, производители кирпича, воска, владѣльцы фортепианныхъ фабрикъ, паровозостроительныхъ заводовъ и т. д.—все они потянулись со своими просьбами, и отказа никому не было—пошлины лились рѣкой, часто въ ущербъ общимъ выгодамъ населенія, о существованіи котораго совершенно забыли. Все дѣлалось по опредѣленному трафарету, по разъ навсегда установленному шаблону, какъ бы по заготовленнымъ формулярамъ. Таможенный рычагъ работалъ безъ отдыха, въ немъ усматривали чуть ли не единственное, во всякомъ случаѣ наиболѣе вѣрное, быстро и сильно дѣйствующее,

выгодное для казны и для промышленниковъ, средство созданія и оплодотворенія русской индустріи.

Не только пошлина на чугуны въ 1897 г. превысила 100 проц., но пошлина на одѣяла, подѣ влияніемъ тарифныхъ повышеній 1877—1882 г.г., составляла, по расчетамъ экспертовъ отъ 34 до 125 проц. цѣны; для суровыхъ тканей она равнялась 71—121 проц., для бѣленаго миткаля—75 проц. Точно также при общемъ повышеніи пошлинъ въ 1882 г. министромъ финансовъ было признано, что уже одно переложеніе пошлинъ на золото и послѣдовавшая затѣмъ 10 проц. надбавка возвысили обложеніе всѣхъ фабричныхъ издѣлій въ размѣрахъ, для большинства изъ нихъ болѣе, чѣмъ достаточно. И все же—какъ мы видѣли—въ томъ же 1882 г. и въ послѣдующіе годы тетива и дальше натягивалась—повышеніе пошлинъ на тѣ же товары производилось неоднократно.

Для всякаго перепроизводства, для всякаго паденія цѣнъ было на лицо это универсальное и всемогущее лѣкарство. Но сплошь и рядомъ даже не обнаруживалось вообще неблагоприятныхъ условій—промышленность успѣшно развивалась, и все же вводились и повышались пошлины, «въ цѣляхъ охраны отечественнаго производства». Нерѣдко это приводило къ столкновенію интересовъ различныхъ группъ промышленниковъ и коммерсантовъ. Торговцы каменнымъ углемъ протестовали противъ пошлинъ на этотъ товаръ, владѣльцы передѣлочныхъ заводовъ возражали противъ пошлины на чугуны, ткацкіе фабриканты находили пошлину на пряжу чрезмѣрно высокой. Но болѣею частью противорѣчіе интересовъ устранялось тѣмъ, что одновременно съ обложеніемъ сырья повышалась пошлина на полуфабрикатъ, а за пошлинами на полуфабрикатъ слѣдовало соотвѣтствующее увеличеніе ставокъ на фабрикатъ—получалась цѣпь взаимно обусловленныхъ и постоянно возрастающихъ пошлинъ.

Такой образъ дѣйствій, поскольку онъ приводилъ къ сжатію привоза, увеличивалъ превышеніе вывоза надъ привозомъ; такъ что выигрывалъ торговый балансъ,—это признавалось необходимымъ въ виду нашей задолженности.

Сжатіе привоза, однако, могло идти въ разрѣзъ съ третьей цѣлью, преслѣдуемой правительствомъ, со стремленіемъ къ увеличенію таможеннаго дохода для того, чтобы свести концы съ концами въ нашемъ бюджетѣ. Нѣтъ, опасаться высокихъ ставокъ не приходилось—сокращая привозъ, они все же, въ виду своихъ размѣровъ, давали обильный урожай казнѣ. Наиболѣе выгодно не только для промышленниковъ и съ точки зрѣнія торговаго баланса, но и для фискальных цѣлей было именно весьма сильное повышеніе ставокъ тарифа. Это и окрыляло духовныхъ отцовъ протекціонизма, придавало имъ увѣренность и силу. Хотя оно и удорожало въ Россіи жизнь и ухудшало экономическое положеніе населенія, но обыкновенно давало казенному сундуку, несмотря на сокращеніе привоза, увеличенныя таможенныя поступленія. Благодаря такой политикѣ, эпоха усиленнаго протекціонизма 1877—1891 г.г. обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе таможеннаго дохода съ 72 милл. р. въ 1870—1876 г.г., до 84¹/₂ милл. въ 1877—1881 г.г., до 101¹/₂ милл. въ 1882—1886 г.г. и до 115 милл. въ 1887—1891 г.г.

Многочисленныя огульныя повышенія русскаго таможеннаго тарифа, не подвергавшагося пересмотру съ 1868 г., и многочисленные измѣненія въ отдѣльных частяхъ его, нагромодившія одни ставки на другія, создали изъ тарифа столь безформенную массу, что въ концѣ концовъ пришлось произвести общую реформу его, чтобы внести въ этотъ хаосъ какой-нибудь порядокъ. Введенію тарифа 1891 года предшествовало еще разъ сплошное повышеніе всѣхъ пошлинъ въ 1890 г. для предупрежденія усиленнаго привоза товаровъ передъ вступленіемъ въ силу новаго тарифа. Новый же тарифъ 1891 г. не только сводитъ воедино пошлины 80-хъ годовъ, но и дальше повышаетъ таможенные барьеры. Особенно сильно подняты пошлины на сырье и полуобработанные матеріалы. Для 63 проц., т. е. почти двухъ третей всего привоза, установлено увеличенное обложеніе; изъ 530 пунктовъ тарифа, дѣйствовавшаго до 1890 г., по 270 пунктамъ были сдѣланы повышенія. Причина—равномѣрное покровительство всѣмъ отраслямъ произ-

водства. Правда, одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ протекціонистовъ, оказавшій большое вліяніе на проведеніе въ Россіи рѣзко-протекціонной системы, Менделѣевъ, все же находилъ, что въ виду ограниченности въ Россіи свободныхъ капиталовъ и интеллигентныхъ силъ, слѣдуетъ довольствоваться протекціоннымъ воздѣйствіемъ на немногія наиболѣе важныя и наиболѣе способныя къ развитію отрасли промышленности. Напротивъ, промышленники настаивали на таможенной охранѣ производства во всѣхъ его видахъ; притомъ не только уже существующихъ отраслей промышленности, но и такихъ, «которыя не могли возникнуть за отсутствіемъ таможенной охраны», причемъ новый тарифъ долженъ быть созданъ «въ духѣ не только охранительномъ, но безусловно-покровительственномъ» (читай: запретительномъ).

Дѣйствительно, тарифъ 1891 г. покоится на приведенныхъ трехъ принципахъ, стоитъ на этихъ трехъ китахъ. Охрана всѣхъ отраслей производства — тарифъ сплошной, универсальный «безъ пробѣловъ». Защита такихъ производствъ, которыя отсутствуютъ или слабо развиты и на ростъ которыхъ въ ближайшемъ времени нѣтъ основанія рассчитывать, «протекціонизмъ въ кредитъ», какъ его называетъ проф. Соболевъ. Наконецъ, доведеніе таможенныхъ сооружений до такихъ предѣловъ, когда ни одинъ вражескій товаръ не можетъ проникнуть на нашу территорію, когда всѣ щели законопачены, когда пошлины пріобрѣтаютъ запретительный характеръ. Новое увеличеніе пошлинъ было произведено даже въ такихъ случаяхъ, когда признавалось благопріятное положеніе производства и сокращеніе привоза, когда за нѣсколько лѣтъ до того уже имѣло мѣсто усиленіе покровительства, и наиболѣе усердные протекціонисты, какъ и эксперты-представители отъ соотвѣствующихъ отраслей промышленности, находили существующее обложеніе вполне достаточнымъ и никакихъ претензій предъявить не могли.

Такъ, напр., несмотря на общее признаніе, что привозъ чугуна падаетъ, а производство растетъ, несмотря на многократное повышеніе пошлинъ на чугунъ въ 80-хъ годахъ, при-

чемъ, по словамъ экспертовъ, дѣйствіе только что (въ 1887 г.) введенныхъ пошлинъ еще не успѣло сказаться и поэтому дальше повышать ихъ не слѣдуетъ, — несмотря на все это, пошлина на чугуны была поднята до 30—35 коп. за пудъ. При увеличеніи пошлинъ на бумажную пряжу сами московскіе фабриканты сообщали, что они «не выбирали всей пошлины», т. е. не повышали цѣны пряжи до того уровня, который былъ возможенъ при существованіи пошлины. Последняя, такимъ образомъ, еще до тарифа 1891 г. была дальше цѣли: вмѣсто того, чтобы уравнивать издержки русскаго и иностраннаго производителя, она давала возможность русскимъ фабрикантамъ сбывать товаръ дешевле, чѣмъ та цѣна, по которой продавались привозные товары при такой ставкѣ, т. е. была равносильна закрытію дверей для заграничной пряжи. И, несмотря на такую чрезмѣрность существующей пошлины, тѣ же московскіе промышленники настаивали на еще большемъ повышеніи ея и добились этого, чтобы они могли «спокойно работать». По поводу пошлинъ на бумажныя ткани указывалось при обсужденіи тарифа самими же экспертами, что они имѣютъ запретительный характеръ, что промышленность эта не только удовлетворяетъ внутреннюю потребность, но и начинаетъ вывозить свои издѣлія за границу, что чрезмѣрно высокія пошлины вызываютъ перепроизводство, качественно же промышленность развивается медленно, такъ какъ фабрикантамъ нечего безпокоиться — они вполне обезпечены запретительными ставками. Казалось бы, это былъ именно тотъ случай, когда слѣдовало понизить обложеніе товаровъ самой распространенной и важной отрасли русской промышленности, обслуживающей народныя массы; казалось бы, надо было убавить переплачиваемыя населеніемъ на этихъ товарахъ поборы, разъ промышленность въ столь сильной охранѣ болѣе не нуждается. Но на это пороку не хватило; не нашлось присутствія духа на то, чтобы сократить ставки. Приведенными соображеніями чрезмѣрной тарифной охраны оправдывалось оставленіе тѣхъ же пошлинъ, какъ будто исходной точкой таможеннаго тарифа является обязательное и непрерывное повышеніе, какъ будто отдѣльные случаи сохраненія прежняго уровня пошлинъ необходимо особо

мотивировать; передъ промышленниками какъ бы извинялись въ томъ, что они не получили очередной прибавки.

Такимъ образомъ, тарифъ 1891 года подвелъ итоги пятнадцатилѣтней дѣятельности апостоловъ протекціонизма, итоги таможенной борьбы, свершилъ полный кругъ отъ умѣренной таможенной охраны къ все болѣе усиливающемуся покровительству и, наконецъ, къ почти запретительной системѣ обложенія. По сравненію съ тарифомъ 1868 г., въ 1891 г. произведено почти сплошное повышение пошлинныхъ ставокъ — изъ 620 только 34, т. е. 6 проц., остались безъ измѣненія; 432 статьи, или 70 проц., подняты, и почти пятая часть (114) беспошлинныхъ ставокъ вновь подвергнута обложенію. При этомъ почти четверть всѣхъ статей была увеличена болѣе, чѣмъ на 100 проц.; имѣлись повышенія въ размѣрѣ свыше 500 и даже свыше 1.000 проц.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что Россія могла обойтись безъ таможенной охраны. Такого подвижничества отъ нея никто и требовать не могъ. Если Англія, эта «нація обученныхъ купцовъ», могла открыть всѣ двери сельскому хозяйству и индустріи обоихъ полушарій, могла своей мощной грудью принять и выдержать ихъ натискъ, то это не значить, что бѣдная Россія съ ея едва вылупливавшейся изъ яйца промышленностью могла вступить въ неравный бой съ западно-европейской и американской индустріей, вооруженными не только высокой техникой, широкимъ кредитомъ, интенсивнымъ трудомъ, организованнымъ сбытомъ, но и тѣми же таможенными орудіями и укрѣпленіями, возведеніе которыхъ они не пріостанавливали ни на минуту. Но не надо забывать, что, въ отличіе отъ Запада, Россія никогда не отрекалась вполне отъ протекціонизма, и поэтому раціональная политика 80-хъ и 90-хъ годовъ могла заключаться не въ коренной ломкѣ, какъ тамъ, а лишь въ сохраненіи и частичномъ и временномъ усиленіи того умѣренно-охранительнаго тарифа, который и ранѣе существовалъ. Но если такое осторожное, вдумчивое обращеніе съ таможеннымъ аппаратомъ — какъ мы видѣли выше — было не по плечу даже Западной Европѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Россія,

узнавши чудодѣйственную силу протекціонизма, пошла по этому пути наименьшаго сопротивленія, что мы стали бить всей пятерней по этому столь тонкому инструменту, подобно неумѣлому музыканту, обращающемуся съ нѣжной мелодичной скрипкой, какъ съ оглушающимъ турецкимъ барабаномъ. Получился повальный запретительный тарифъ, облагающій все и вся въ безконечно высокихъ размѣрахъ,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Промышленность появилась на свѣтъ, но промышленность слабая, хилая, медленно развивавшаяся. Принятая ею порція протекціонизма была чрезмѣрна — такая доза дѣйствовала снотворно, усыпляюще. А потребитель страдалъ, жестоко страдалъ, переплачивая вездѣ и на всемъ, хотя столь высокія прибавки изъ его тощаго кармана вовсе не были нужны.

Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, начала свободной торговли пользовались успѣхомъ за океаномъ. Америка почти не была затронута волной фритредерскаго движенія. «Соединенные Штаты отъ рожденія, можно сказать, были протекціонистскими, ибо главной причиной возстанія ихъ противъ метрополіи было то, что послѣдняя ихъ обрекла на промышленное безплодіе». Мы не дадимъ имъ произвести ни одного гвоздя, ни одной подковы, — былъ лозунгъ Англіи, и было вполнѣ естественно, что первой заботой ихъ являлось завоеваніе своей индустриальной автономіи. Правда и казна со своими нуждами каждый разъ произноситъ свое вѣское слово — таможенные пошлины важный источникъ доходовъ союза. Но это не препятствовало тому, что въ теченіе свыше столѣтія, вплоть до начала XX вѣка, американская политика не выходитъ изъ накаленной атмосферы протекціонизма, хотя и обнаруживаются значительныя и рѣзкія колебанія протекціонистскаго барометра. Всякая перипетія въ борьбѣ двухъ главныхъ политическихъ партій — республиканской и демократической — находитъ себѣ немедленное отраженіе въ таможенномъ тарифѣ. Захватившая въ свои руки кормило правленія партія спѣшитъ помѣряться силами съ противникомъ на тарифѣ, по возможности сорвать все, что было сдѣлано предшественниками. Но несмотря на такіе перевороты, протекціонизмъ никогда вполнѣ не сходитъ

со сцены — тарифъ окрашивается только по временамъ въ болѣе блѣдныя тона.

Такъ, временно, въ періодъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, противникамъ протекціонизма удалось задержать его наступленіе, добиться смягченія покровительства возникающей промышленности—подъ этимъ знакомъ рождался и росъ протекціонизмъ—пошлины были понижены съ 45—50 проц. въ среднемъ (по тарифу 1833 г.) до 20—30 проц. цѣнности товаровъ. Но вскорѣ найденъ былъ другой доводъ—покрытіе расходовъ войны за независимость, необходимость уравниенія таможенныхъ пошлинъ съ повышенными подъ вліяніемъ войны внутренними налогами. Пошлины были снова подняты (въ 60-хъ годахъ) до 47 проц. Впослѣдствіи и этотъ предлогъ отпалъ, долгъ былъ выплаченъ, внутренніе налоги понижены, и все же обнаруживалось превышеніе доходовъ надъ расходами. Соединенные Штаты не знали, куда дѣвать деньги, получаемыя отъ таможенныхъ пошлинъ,—роздали милліарды на пенсіи такъ называемымъ инвалидамъ войны, и все таки оставался избытокъ, надъ которымъ ломали себѣ голову. Пришлось понизить пошлины, но это были уменьшенія почти исключительно фискальнаго характера; кофе и чай были совсѣмъ освобождены отъ пошлинъ. Напротивъ, болѣе серьезная мѣра 1873 г., въ видѣ пониженія всѣхъ ставокъ, въ томъ числѣ и на промышленныя издѣлія, на 10 проц., была весьма недолговѣчна: уже 3 года спустя, въ виду сильнаго промышленнаго кризиса, начавшагося въ 1873 г., она была отмѣнена, и получалось снова таможенное обложеніе въ среднемъ въ 40—45 проц. цѣнности обложенныхъ товаровъ (или 30 проц. цѣнности всего привоза).

Такъ писалась исторія американскаго протекціонизма вплоть до 1890 г., когда открылась новая страница—выступилъ на арену новый тарифъ, извѣстный подъ именемъ тарифа Макъ-Кинлея, тарифъ, вооружившій Америку «до зубовъ». Протекціонисты заявляли, что тѣ, кто возражаетъ противъ ихъ требованій, «служатъ интересамъ Европы», а не выгодамъ Америки. Отмѣна протекціонизма была бы пагубна для всѣхъ, за исключеніемъ лишь ростовщика и шерифа (чиновника)».

Прежде они аргументировали необходимостью защиты молодой американской индустрии от натиска старой, опытной Европы. Теперь на этомъ инструментѣ уже нельзя было играть, звуки слишкомъ рѣзали бы ухо. Промышленность превратилась въ такую силу, которая могла внушать лишь страхъ конкурентамъ—она сама выбрасывала черезъ океанъ свои издѣлія. Но разъ нужны были новые аргументы, они быстро нашлись: нужно дать жизнь возможно большому количеству отраслей производства въ странѣ, нужно охранять не только промышленность, но и сельское хозяйство, несмотря на земледѣльческій характеръ Соединенныхъ Штатовъ. Въ особенности же говорилось о «голодныхъ» заработкахъ европейскихъ рабочихъ; необходимы пошлины такихъ размѣровъ, которые позволяли бы сохранить высокую плату американскому населенію. Этимъ аргументомъ протекціонисты привлекали на свою сторону рабочихъ, которые признавали единственно правильной великую «американскую доктрину протекціонизма» безъ какихъ бы то ни было уступокъ. Повышеніе пошлинъ совпало съ обиліемъ денегъ въ странѣ, они снова переливались черезъ край, казна изнемогала отъ чрезмѣрнаго богатства. Но Макъ-Кинлей боролся съ этимъ своеобразнымъ, свойственнымъ одной Америкѣ, явленіемъ, не пониженіемъ пошлинъ—они были сбавлены лишь на тростниковый сахаръ, на нѣкоторые грубые сорта матерій и немногіе виды металлическихъ издѣлій, такъ какъ выяснилось, что эти товары не нуждаются болѣе въ защитѣ—а противоположнымъ способомъ, увеличеніемъ ихъ до такихъ предѣловъ, что привозъ становится почти невозможнымъ и казенный сундукъ освобождается отъ таможенного дохода. Цѣлью этого тарифа—заявлялъ Макъ-Кинлей—является не увеличеніе нашего дохода, а напротивъ, сокращеніе его, и въ результатѣ, когда пошлины достигнутъ необходимаго уровня, уничтоженіе его—примѣръ исключительно протекціонныхъ пошлинъ, безъ всякой примѣси фискализма.

Тарифъ Макъ-Кинлея являлся въ сущности полной побѣдой протекціонистовъ, хотя обложеніе и понизилось въ среднемъ съ 30 до 23 процентовъ всего привоза (такъ какъ многіе

товары были признаны беспошлинными—вмѣсто 32 проц. 54 всего привоза). Слѣдующій, выработанный уже 4 года спустя, тарифъ Вильсона 1894 г. обозначалъ отливъ—волны протекціонной системы спадали. Сторонники либеральныхъ реформъ, съ президентомъ Кливлендомъ во главѣ (демократическая партія), который называлъ протекціонизмъ «обманомъ и воровствомъ по отношенію къ массѣ населенія, въ интересахъ небольшой группы лицъ», настаивали на необходимости отмены пошлинъ на сырье и значительнаго пониженія ставокъ для промышленныхъ издѣлій. Но протекціонисты (республиканская партія) не дали имъ далеко продвинуться на своей территоріи, сумѣли добиться значительныхъ измѣненій въ первоначальномъ проектѣ. Изъ всѣхъ сырыхъ матеріаловъ только шерсть и мѣдъ были освобождены отъ обложенія, ставки же на промышленныя издѣлія удалось лишь нѣсколько ослабить, такъ что пошлины съ обложенныхъ товаровъ составляли и теперь еще въ среднемъ 40 процентовъ.

Тѣмъ не менѣе, протекціонистовъ возмутила и такая уступка, обозначавшая «варварскій ударъ въ спину промышленности Соединенныхъ Штатовъ» и грозившая «довести рабочихъ до нищенства». Имъ на руку былъ промышленный кризисъ. Хотя послѣдній и начался уже въ 1893 г. и даже въ 1892 г., т. е. до тарифа Вильсона, но масса населенія приписывала его этому тарифу. Депрессія сопровождалась и дефицитомъ въ бюджетѣ союза, что заставляло прибѣгнуть—ибо только что введенный подоходный налогъ былъ признанъ противорѣчащимъ конституціи—къ увеличенію таможеннаго дохода. Основаніе къ пересмотру тарифа, слѣдовательно, имѣлось, и уже три года спустя послѣ тарифа Вильсона, въ 1897 г., былъ изданъ новый—тарифъ Динглея, которымъ покровительственная система снова восстанавливалась въ своихъ правахъ; она возвращалась къ тарифу Макъ-Кинлея и даже являлась новымъ усиленнымъ изданіемъ его. Промышленныя издѣлія, кромѣ, однако жѣ, чугуна, желѣза и стали (для которыхъ сохранены ставки тарифа Вильсона), снова обложены въ повышенномъ размѣрѣ, составляя для шерстяныхъ издѣлій не менѣе 65 проц., для нѣкоторыхъ видовъ даже 150—160 проц.,

возродилась, и пошлина на шерсть; введены значительныя ставки для хлѣба, имѣющія въ общемъ платоническій характеръ, если не считать нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Канадой штатовъ, охраняемыхъ отъ конкуренціи канадскаго хлѣба. Была сдѣлана даже (неудавшаяся) попытка обложить хлопко́въ, главный предметъ вывоза Соединенныхъ Штатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что небольшое количество хлопка высшихъ сортовъ привозится изъ Египта, хотя могло бы также производиться въ странѣ. Всѣ эти требованія вытекали изъ принципа равномерной охраны какъ промышленности, такъ и сельскаго хозяйства. «Мы возвращаемся,— заявляли протекціонисты, имѣвшие большинство въ національномъ собраніи—съ полной увѣренностью къ политикѣ таможеннаго покровительства, основъ промышленной независимости Соединенныхъ Штатовъ». «Это истинно-американское направленіе облагаетъ иностранныя товары и вселяетъ духъ смѣлости въ національную индустрію, обезпечиваетъ внутренній рынокъ американскому производителю, удерживаетъ на американскомъ уровнѣ плату американскаго рабочаго, создаетъ фабрику рядомъ съ фермой, дѣлаетъ американскаго земледѣльца менѣе зависимымъ отъ иностраннаго спроса и цѣнъ на иностранныхъ рынкахъ и силу всѣхъ основываетъ на силѣ каждаго въ отдѣльности».

Такъ Америка «мчалась экспрессомъ», не зная отдыха и находя, что поршень могъ бы работать еще скорѣе. Европа съ ужасомъ слѣдила за дѣйствіями заокеанскаго колосса, отгонявшаго ея товары отъ своихъ береговъ. Въ тарифѣ Динглея Старый свѣтъ усматривалъ вызовъ, объявленіе чуть ли не таможенной войны, на которое надо отвѣчать репрессіями.

Для Соединенныхъ Штатовъ тарифъ Динглея не имѣлъ ожидаемыхъ фискальных результатовъ, но за нимъ послѣдовалъ періодъ благопріятной экономической конъюнктуры. Нужно ли было въ глазахъ населенія лучшее доказательство того, что онъ принесъ огромную пользу, явился для нея спасеніемъ, дѣйствовалъ оплодотворяющимъ образомъ на хозяйство страны?

III.

Протекціонистская кампанія на этомъ не остановилась. Новое столѣтіе ознаменовалось дальнѣйшимъ таможеннымъ вооруженіемъ, возведеніемъ еще болѣе высокихъ тарифныхъ укрѣпленій. За первымъ бурнымъ натискомъ послѣдовали дальнѣйшія завоеванія. Сѣти протекціонизма становились все болѣе частыми и непроницаемыми: ни одинъ товаръ не долженъ былъ прорваться сквозь нихъ, атмосфера взаимной торговой вражды и недовѣрія накалялась все болѣе и болѣе. Не только Швейцарія, гдѣ тарифъ 1891 г. еще не могъ мѣряться со своими собратьями по степени таможенной охраны, сочла нужнымъ въ 1902 г. усилить его, создавъ новый тарифъ; но и Испанія, которая, казалось бы, не имѣла и раньше (тарифъ 1891 г.) основанія жаловаться на слишкомъ низкій таможенный барьеръ, внимая требованіямъ промышленниковъ, пошла (въ 1906 г.) на дальнѣйшую спеціализацію и индивидуализацію ставокъ, сопровождавшуюся новымъ подъемомъ ихъ.

Подобно бомбѣ съ шумомъ и трескомъ разорвался надъ Европой новый германскій таможенный тарифъ 1902 г., въ теченіе болѣе года являвшійся центромъ общественной жизни въ Германіи и приковывавшій къ себѣ вниманіе и другихъ государствъ. Послѣднія въ разыгравшейся въ Германіи драмѣ справедливо усматривали событіе огромной важности—если германскій протекціонизмъ поднимется еще на нѣсколько градусовъ, если Германіи удастся, легкомысленно играя пропитаніемъ народа, осуществить планъ усиленныхъ аграрныхъ пошлинъ, наиболѣе жестокой формы таможеннаго покровительства, то это будетъ означать новую побѣду силы надъ разумомъ, побѣду, которая отразится далеко за предѣлами Германіи, ибо нѣтъ болѣе заразной болѣзни, чѣмъ та, которая именуется протекціонизмомъ. Борьба сторонниковъ и противниковъ новаго тарифа была жаркая, ожесточенная, съ обѣихъ сторонъ было пущено въ ходъ все, что возможно: наука въ лицѣ ея крупнѣйшихъ представи-

телей (за тарифъ высказались Wagner, Diehl, Oldenbourg, Pohle, противъ—Brentano, Schäffle, Dietzel, Conrad), повременная печать, агитація всевозможныхъ обществъ, союзовъ и организацій. Въ рейхстагѣ сраженіе все время шло съ перемѣннымъ успѣхомъ, окопы переходили изъ рукъ въ руки — и наконецъ побѣда осталась на сторонѣ протекціонистовъ, но лишь послѣ того, какъ они, нарушивъ парламентскій наказъ, цѣликомъ вотировали тарифъ, при сильнѣйшей обструкціи лѣвыхъ партій.

Повидимому они остались довольны своимъ дѣтищемъ, ибо провозглашали новый тарифъ «олицтвореніемъ всѣхъ достоинствъ и преимуществъ, разбросанныхъ по тарифамъ всѣхъ другихъ странъ», тарифомъ, въ равной мѣрѣ охраняющимъ и сельское хозяйство (высокія пошлины на зерно, скотъ, мясо, кормовыя средства и другіе продукты) и промышленность въ самыхъ разнообразныхъ ея развѣтвленіяхъ, тарифомъ съ такой специализаціей и такой широтой, что можно было бы выдать премію тому, кто найдетъ товаръ, не поименованный въ тарифѣ и потому свободный отъ обложенія. Нужды нѣтъ, что высокія пошлины на хлѣбъ вызывали возмущеніе въ широкихъ кругахъ населенія и снабдили составителей и поборниковъ тарифа лестнымъ прозвищемъ аграрныхъ ростовщиковъ. Нужды нѣтъ, что многія отрасли германской индустріи вовсе не нуждались въ высокихъ пошлинахъ, и примѣненіе самого слова «защита» звучало насмѣшкой по отношенію къ этимъ великанамъ, крѣпко стоявшимъ на міровомъ рынкѣ, побуждая даже самыхъ сильныхъ противниковъ—англичанъ. Солидарность интересовъ сельскаго хозяйства и промышленности была все же осуществлена, долгъ предъ страной былъ исполненъ, тарифъ, хотя и составлявшій послѣ многочисленныхъ измѣненій, пеструю мозаику ставокъ, а вовсе не систематически построенное зданіе, появился на свѣтъ, послуживъ основаніемъ для подражанія протекціонистамъ другихъ странъ.

Немедленно, уже въ 1907 г. съ него была снята, по обыкновенію, испорченная копія въ Австріи—копія, ибо цѣлый рядъ ставокъ почти списанъ съ нѣмецкихъ, но испорченная.

такъ какъ аграрныя пошлины, имѣвшія извѣстный смыслъ въ Германіи, нуждающейся въ иностранномъ хлѣбѣ, являлись недоразумѣніемъ въ Австро-Венгріи, хотя и прекратившей почти вывозъ зерна, но все же странѣ аграрной по преимуществу, не импортирующей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Испорченная еще и потому, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ Австрія отклонилась отъ подлинника, проявляя свою оригинальность въ гораздо болѣе повышенныхъ ставкахъ, въ особенности на издѣлія металлургической и химической промышленности. Первые обложены въ 3—5 разъ выше, по сравненію съ нѣмецкими ставками, вовсе не отличающимися умѣренностью; по 107 статьямъ металлургической промышленности пошлина превышаетъ 40 проц. цѣны (доходитъ до 175 проц. на трубы!) Такой таможенный терроризмъ, вовсе не вытекающій изъ нуждъ этой промышленности, не страдавшей отъ иностранной конкуренціи и дававшей огромныя дивиденды, въ то же время билъ собственную машиностроительную индустрію, вынужденную работать на дорогихъ матеріалахъ, какъ и тормозилъ все промышленное развитіе Австріи, такъ какъ машины, инструменты, всякаго рода желѣзныя сооруженія обходились втридорога. Химическая промышленность Австріи также находилась всецѣло подъ стекляннымъ колпакомъ огромнѣйшихъ ставокъ; но и это ей не помогало—несмотря на все, не удалось вдохнуть въ нее жизнь, обложили лишь высокими поборами производителей матерій, нуждающихся въ красивыхъ веществахъ.

Наконецъ, и Франція не успокоилась на тарифѣ 1892 г., а считала нужнымъ и дальше плыть по теченію, ссылаясь на образъ дѣйствій другихъ государствъ. «Нельзя заставить весь міръ повернуть вспять; мы имѣемъ передъ собою потокъ, которому мы должны слѣдовать». Хотя тарифъ 1892 г. и признавался «таможенной хартіей», которая должна и въ будущемъ лежать въ основѣ всей торговой политики, но наслоенія къ нему появились уже въ половинѣ 90-хъ годовъ—вновь повышались различныя ставки, въ 1895 г. онѣ были даже сразу подняты по 50 статьямъ тарифа, годомъ раньше была снова увеличена пошлина на хлѣбъ (до 7 фр.). А въ

1910 г. тарифъ 1892 г. былъ пересмотрѣнъ цѣликомъ въ томъ же охранительномъ духѣ.

Французскій производитель и теперь добивается только справедливости, ничего болѣе; «онъ добивается того, чтобы принималось во вниманіе чрезмѣрное бремя, лежащее на его трудѣ, причина его слабости, устраненіе которой не зависитъ отъ него»; онъ требуетъ, чтобы «точно было измѣрено разстояніе, отдѣляющее его отъ иностраннаго конкурента, и чтобы внесенная въ тарифъ цифра была выразителемъ этого разстоянія». Изъ этой «научной» системы опредѣленія издержекъ производства и исходили при пересмотрѣ тарифа. «Въ однихъ случаяхъ считали нужнымъ еще нѣсколько ободрить промышленность, въ другихъ—закрѣпить прорѣхи, образовавшіяся, вслѣдствіе появленія новыхъ отраслей и видовъ производства». Правда, были и противники усиленія тарифа, указывавшіе на то, что законъ 1892 г. изолировалъ Францію, вызвалъ вздорожаніе товаровъ въ странѣ, а платить вѣдь рядовой потребитель; они признавали недоказанной общую фразу, вѣчно повторяемую, будто бы заработная плата и налоги, какъ и вообще издержки производства, во Франціи выше, чѣмъ за границей. Въмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрное покровительство промышленности, которая и такъ находится въ благопріятномъ положеніи, лишь стѣсняетъ экспортъ, усиляетъ личную инициативу. «Мы слишкомъ много сидимъ дома, слишкомъ мало выходимъ», недостаточно вниманія обращаемъ на завоеваніе вѣншнаго рынка. Желаніе все производить у себя, все добывать собственнымъ производствомъ приводитъ къ потерѣ и расточенію силъ.

Протекціонисты и сами признавали, что положеніе страны не оставляетъ желать лучшаго, въ частности обнаружилось «блестящее возрожденіе сельскаго хозяйства»; но изъ этого они дѣлали лишь тотъ выводъ, что тарифъ 1892 г. явился благотѣльнымъ и надо идти и дальше по тому же пути. Дѣйствительно, съ половины 90-хъ годовъ высоко поднимались волны аграрной и промышленной жизни Франціи, застой предшествующаго 12-лѣтія смѣнился бод-

рымъ состояніемъ хозяйства. Можно ли было найти—какъ и въ Америкѣ—лучшее доказательство цѣлительныхъ средствъ, кроющихся въ протекціонномъ тарифѣ? Къ тому же «громовой ударъ», въ лицѣ новаго германскаго тарифа 1902 г., заставилъ Францію быть на чеку, зорко слѣдить за всѣми переменами въ производствѣ и на міровомъ рынкѣ и принимать необходимыя мѣры охраны противъ возможнаго врага въ экономической борьбѣ.

А разъ этотъ принципъ былъ установленъ, разъ «дверь къ привилегіямъ была открыта», то, естественно, всѣ, заинтересованные въ полученіи ихъ, старались туда войти. Нѣкоторые домогательства не были удовлетворены, такъ какъ они шли ужъ слишкомъ далеко, или авторы не сумѣли поддержать свои требованія. Но и безъ того осталось достаточно. Показательнымъ является хотя бы тотъ фактъ, что «производство автомобилей, родина котораго Франція и въ области котораго Франція выдается болѣе всѣхъ другихъ странъ, нуждалось въ повышеніи пошлины въ полтора раза». Нѣкоторые депутаты въ парламентѣ просили новыхъ пошлинъ для производствъ своего избирательнаго округа; «вѣдь всѣ добиваются этого», какъ же они одни вернутся домой съ пустыми руками?

Французскій тарифъ 1910 г., хотя и понизилъ нѣкоторыя ставки, но въ общемъ составляетъ дальнѣйшее усиленіе таможенныхъ укрѣпленій. Сельское хозяйство не только сохранило прежнія пошлины, но сумѣло вырвать новую добычу, повысивъ обложеніе оливокъ, лѣса, свеклы, картофеля и т. д. Изъ промышленныхъ издѣлій подняты пошлины на сталь, матеріи, одежду, бумагу, химическіе продукты, машины, часы, керамическія издѣлія и т. д. Въ среднемъ обложеніе составило по отношенію къ общей суммѣ привоза вмѣсто 6% (тарифъ 1892 г.) $8\frac{1}{2}\%$, хотя французскій тарифъ, какъ и германскій, швейцарскій и другіе, придерживается попрежнему принципа безпошлиннаго привоза сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности,—этимъ опъ можетъ гордиться предъ русскимъ протекціонизмомъ.

И Россія, не желая отставать отъ Запада, выступила въ 1903 г. съ новымъ тарифомъ. Витте ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что тарифъ надо обязательно повысить, и всѣми силами старался убѣдить въ этомъ и другихъ. Доводовъ было много. Охрана вообще недостаточна — тарифъ 1891 г. устарѣлъ, надо его «обновить»; родились цѣлыя отрасли — повышенныя ставки ихъ упрочать, оживать; измѣнить надо классификацію тарифа, детализировать статьи, выхватывая изъ группъ, цѣлыхъ семействъ товаровъ отдѣльные индивиды и особо поощряя ихъ усиленными ставками. Нужно закрѣпить повышенныя ставки 1900 г., введенныя для покрытія расходовъ по китайской войнѣ; правда, они именовались временными, но причина вовсе не отпала — расходы по упроченію нашего вліянія на Востокъ не исчезли, а еще болѣе увеличились. Но этого, конечно, мало, нужно еще прибавить обложенія по тѣмъ же и по другимъ статьямъ.

Увеличенія получились изрядныя, тарифъ 1903 г. переросъ своего предшественника (конвенціонный тарифъ 1894 г.) на нѣсколько головъ. Воспособленія промышленности находимъ повсюду, гдѣ угодно; шкуры выхухольи совершили подъемъ съ 9 р. 90 к. до 50 руб., разноцвѣтныя плитки глиняныя — съ 75 коп. до 1 р. 60 к., тонкіе оловянные листы — съ 3 до 12 р. (моремъ 14 р. 40 к.), приводные ремни изъ верблюжьей шерсти — съ 19½ до 60 коп., различныя чугуныя, желѣзныя и стальныя издѣлія, части машинъ и аппаратовъ, паровые котлы, паровыя пожарныя трубы, пишущія машины — съ 2 р. 10 к. до 4 р. 65 к. сушей и до 5 р. 58 к. моремъ. Особенно широкая пропасть между обоими тарифами получилась въ области химическихъ и фармацевтическихъ продуктовъ: общая для многочисленныхъ препаратовъ ставка прежняго тарифа въ 2 р. 25 к. «специализирована» такъ, что въ однихъ случаяхъ это дало 5 р., т.е. вдвое болѣе, въ другихъ 10 р. или вчетверо, въ третьихъ — 20 и 22 р. (іодистые калий и натрій, азотно-висмутовая соль, аптинеринъ, салиперинъ, фенацитинъ и т. д.); а мѣстами ставка взлетаетъ до 30 руб. (іодистыя соединенія) и даже до 80 руб., т. е. въ 35 разъ (кофеинъ, хининъ, стрихнинъ).

Тарифъ составлялся, по обыкновенію, втихомолку, критиковать его невозможно было, да и не полагалось; нѣкоторые биржевые комитеты и съѣзды промышленниковъ посылали телеграммы министру финансовъ опасаясь, какъ бы ихъ не обидѣли и не вздумали понижать пошлины. Въ этомъ выразилось «общественное мнѣніе». Парламента «къ счастью», не было, такъ что задержать новый тарифъ или испортить его, какъ это было въ Германіи, никто не могъ: Шмоллеръ вѣдь по поводу послѣдняго заявляетъ о «новомъ доказательствѣ неспособности большихъ парламентовъ создавать хорошіе таможенные тарифы».

Быль у насъ правда Государственный Совѣтъ, который имѣлъ право и обязанность разговаривать и разсуждать. И, надо ему отдать справедливость, онъ весьма скептически и недоувѣрчиво покачивалъ головой по поводу новаго произведенія Витте. Онъ находилъ, что разъ надбавки 1900 г. временныя, а о китайской войнѣ и забыть успѣли, то имъ пора и прекратить свое существованіе. Онъ вообще опасался чрезмѣрнаго покровительства—вѣдь и тарифъ 1891 г. крайне высокъ: пострадаютъ и торговые обороты, и пароходныя и желѣзнодорожныя предпріятія, и переплачивающіе потребители. Но передъ однимъ соображеніемъ и ему пришлось склониться: всѣ поступаютъ такъ же, вездѣ усиленно готовятся къ заключенію новыхъ торговыхъ договоровъ, поднимая все выше и выше таможенные стѣны. Неужели же Россіи отставать? «Намъ остается, по принципу необходимой обороны, идти по тому же пути».

Тарифъ—успокаивалъ Витте—«имѣетъ главнѣйше боевой характеръ». Если и другіе въ договорахъ сохранять прежнія ставки, то и мы не тронемъ стараго тарифа, если же они повысятъ намъ ставки, то мы отвѣтимъ тѣмъ же. Тарифъ нуженъ, чтобы торговаться, идти на уступки. Такъ что тарифъ имѣлъ лишь фиктивный характеръ—съ этимъ готовы были примириться. Дѣйствительно, краски протекціонизма были наложены въ немъ столь густыми мазками, лежали такими тройными пластами, что они явно и безъ малѣйшаго ущерба могли быть впослѣдствіи убавлены, доведены до и безъ того

высокаго уровня тарифовъ 1891 и 1894 г.г. И все же дѣло свершилось не совсѣмъ такъ. Хотя сбавки съ новаго тарифа и были велики, но когда новый договоръ (съ Германіей въ 1904 г.) былъ заключенъ и можно было подвести итоги, то половина всѣхъ пунктовъ, по сравненію съ прежнимъ договорнымъ тарифомъ 1894 г., оказалась поднятой, и притомъ нерѣдко основательно: химическіе продукты сдѣлали скачекъ на 78 проц., нѣкоторые на 122, 255 и 344 проц., іодистыя соединенія даже на 788 проц. Нѣкоторыя чугуны и желѣзныя издѣлія, различныя машины и части машинъ, получили 80—100 проц. надбавки. Шерстяныя матеріи, платье, приводные ремни, замки, фарфоръ вынуждены были довольствоваться меньшимъ, лишь зонтики выиграли много. Но и это уже былъ сильный пріемъ. А дальше идти было бы совершенно немислимо, прямо опасно для русскаго же потребителя. Въ самомъ дѣлѣ, могло ли русское населеніе скушать цѣликомъ тарифъ 1903 года, не рискуя имъ подавиться? Могла ли Россія плыть по морю международнаго обмѣна въ столь тяжеломъ панцырѣ протекціонизма? Не пошла ли бы она ко дну?

Единственный оазисъ среди бушующаго океана протекціонизма составляла попрежнему Англія, стойко державшая старое фритредерское знамя, полагаясь на свои собственныя силы, не боясь міровой конкуренціи, догонявшихъ ее и крѣпко опоясавшихъ себя пошлинами Германіи и Америки, — одинокая могучая карріатида, попрежнему подпиравшая всѣми покинутое зданіе фритредерства. Вокругъ нея группировалось еще нѣсколько мелкихъ государствъ — Данія, Нидерланды, Бельгія, послѣдніе могикане фритредерства, хотя жестокіе сосѣди, закрывшіе всѣ отверстія въ стѣнахъ, лишившіе ихъ свѣта и воздуха, достаточно испортили имъ удовольствіе, доставляемое свободной торговлей. Въ фискальныхъ цѣляхъ Англія повысила ставки тарифа во время всемірной войны, ввела во время войны и новыя пошлины на промышленныя издѣлія (спички), но въ то же время почти во всѣхъ случаяхъ соотвѣтственно обложила предметы внутренняго потребленія. Иное дѣло въ британскихъ колоніяхъ, въ Канадѣ, Австраліи и др., и сюда проникъ потокъ протекціонизма, и здѣсь онъ пробиваетъ себѣ удобное русло.

Соединенные Штаты въ самое послѣднее время совершили сдвигъ назадъ — перешли къ болѣе умѣренному протекціонному. Съ 1897 г. по 1909 г. дѣйствовалъ упомянутый нами выше рѣзко-покровительственный тарифъ Динглея. Но и замѣнившій его въ 1909 г. тарифъ Пайнтъ-Ольдрича имѣлъ тѣ же знакомыя черты и не оправдалъ надеждъ умѣренной партіи. Онъ освободилъ, правда, отъ обложенія кожи и нефть, понизивъ пошлину на другіе предметы сырья (лѣсъ, каменный уголь, руду, чугуны), а также на нѣкоторые промышленныя издѣлія, какъ напр., сталь и издѣлія изъ нея, кожи, обувь, иностранная конкуренція которыхъ для Америки не страшна. Но зато онъ отыгрался на новышеніи пошлинъ на рядъ другихъ товаровъ, — уступка протекціонистамъ. Въ противоположность этому тарифу, прошедшему подъ знакомъ «уравнительности издержекъ производства въ Америкѣ и Европѣ», при составленіи тарифа 1913 года (тарифъ Ундервуда) демократы объявили своимъ лозунгомъ «тарифъ, основанный на свободной конкуренціи». Покровительства заслуживаютъ лишь «законныя производства», хотя трудно выяснитъ, что подразумѣвалось подъ этимъ терминомъ: являются ли незаконными отраслями промышленности тѣ, которые могутъ грозить опасности при новомъ тарифѣ, тѣ, которые вообще не въ состояніи держаться безъ помощи государства, или тѣ, которые занимаютъ монопольное положеніе или же пользовались до сихъ поръ чрезмѣрной охраной.

Измѣненію тарифа въ 1913 году въ умѣренномъ направленіи помогло то же обстоятельство, которое вызвало переходъ отъ пониженнаго тарифа Вильсона къ усиленно — протекціонному тарифу Динглея въ 1897 г. — промышленный кризисъ 1907 г., за которымъ слѣдовалъ періодъ депрессіи, продолжавшійся и послѣ изданія тарифа Пайнтъ-Ольдрича въ 1909 г. Разъ въ періодъ благопріятной конъюнктуры, послѣдовавшій послѣ тарифа 1897 г., расцвѣтъ хозяйственной жизни приписывался чудодѣйственной силѣ протекціонизма, то неудивительно, что тотъ же тарифъ долженъ былъ отвѣчать и за наступившія плохія времена. А къ этому присоединилось вздорожаніе хлѣба и мяса и сильная вражда къ

трестамъ, которые, по распространенному въ народѣ мнѣнію, если и не были созданы высокимъ тарифомъ, то во всякомъ случаѣ поддерживались имъ.

Демократы принялись за генеральную чистку тарифа. Прежде всего покончили «разъ навсегда» съ пошлинами на зерно и муку, на скотъ и мясо, на молоко и яйца. Затѣмъ пали пошлины на руду, чугуны, на нѣкоторые сорта стали и на стальные рельсы. Остальной полупродуктъ въ этой отрасли обложенъ умеренно въ 5—10 процентовъ, лишь готовые издѣлія, какъ напр., трубы, подлежатъ пошлинѣ въ 15—20 процентовъ. Последний составляетъ максимумъ для металлургическихъ издѣлій, вмѣсто прежней обычной пошлины для металловъ въ 45 процентовъ. Металлургическая промышленность уже сбросила съ себя броню, получила аттестатъ зрѣлости.

Рѣшительную ломку тарифъ произвелъ и въ обложеніи сахара, шерсти и шерстяныхъ издѣлій. Отмѣна пошлины на сахаръ и шерсть (на покрытіе получаемого отъ нихъ таможенного дохода введенъ подоходный налогъ, постановление о которомъ составляетъ второй отдѣлъ тарифнаго закона) всегда стояла въ программѣ демократовъ и составляла центральный пунктъ въ борьбѣ партій, вокругъ котораго разгоралась наиболѣе жаркія схватки. Поэтому протекціонисты (республиканцы), замѣнивъ тарифъ Вильсона тарифомъ Динглей немедленно извлекли на свѣтъ обложеніе шерсти. Теперь когда поле сраженія оказалось за демократами, ихъ снова выбросили за бортъ, а это примирило и шерстяныхъ фабрикантовъ съ новымъ направленіемъ—они перешли на сторону демократической партіи; въ то же время реформа тарифа приобрѣла популярность среди населенія, дала ему дешевую шерстяную одежду. Прежде шерстяныя издѣлія были обложены въ размѣрѣ 100, нѣкоторыя даже 140—150 проц., почему послѣднія вовсе не проникали въ Америку (запретительный характеръ пошлинъ здѣсь ярко выраженъ); теперь не только отпала та часть пошлинъ на эти товары, которая компенсировала пошлину на шерсть, но, кромѣ того, и другая часть ея, предназначенная для охраны самой шерстяной

промышленности, упала съ 50—55 до 35 проц. съ цѣны. Сторонники этой мѣры признавали, что нѣкоторыя болѣе слабыя шерстоткацкія предпріятія не въ состояніи будутъ держаться, а другимъ придется пережить нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ прежде, чѣмъ они принаровятся къ измѣнившимся условіямъ рынка, такъ какъ конкуренція привозныхъ товаровъ сильно возрастетъ. Все же это создастъ нормальныя и здоровыя условія производства, въ противоположность существовавшей до сихъ поръ тепличной атмосферѣ въ шерстяной индустріи.

Такимъ образомъ тонъ было совершенно новый, ранѣе неизвѣстный; демократы дѣйствовали отважно и рѣшительно. Въ другихъ случаяхъ они шли на уступки, но и тутъ производили извѣстный, болѣе или менѣе значительный, ремонтъ тарифа, облегчая обложеніе въ особенности предметовъ массоваго потребленія. Дешевые сорта бумажной пряжи и бумажныхъ издѣлій тарифомъ Ундервуда значительно понижены, составляя 5—7¹/₂ проц. съ цѣны, такъ какъ они производятся въ Соединенныхъ Штатахъ такъ дешево, какъ нигдѣ. Напротивъ, съ повышеніемъ цѣнности бумажной пряжи, тканей и иныхъ бумажныхъ издѣлій (чулокъ, перчатокъ и т. п.), размѣръ пошлыны прогрессивно растетъ, доходя до 40—50 проц. для высшихъ сортовъ; послѣднимъ даны охранительныя пошлыны, ибо они не могутъ мѣряться съ дешевымъ производствомъ другихъ странъ. Но и здѣсь имѣется пониженіе, по сравненію съ прежнимъ чрезмѣрно высокимъ тарифомъ. Ставки уменьшены и для шелка и шелковыхъ издѣлій, керамическихъ и другихъ товаровъ; простыя гончарныя издѣлія обложены въ 35 вмѣсто прежнихъ 55 проц., такъ какъ это предметы народнаго потребленія и такъ какъ они въ широкихъ размѣрахъ производятся въ Соединенныхъ Штатахъ. Для болѣе дорогихъ сортовъ, предметовъ роскоши, сохранены высокія ставки.

Такимъ образомъ, протекціонизмъ изъ американскаго таможеннаго тарифа не исчезъ, не вытравленъ, его присутствіе попрежнему чувствуется, ощущается, но охрана стала гораздо болѣе умѣренной, чѣмъ это было прежде; таможенныя стѣны

не пали, но значительно понижены, въ страну вошелъ вольный воздухъ конкуренціи. Къ сожалѣнію, вліяніе новаго тарифа на промышленность едва ли можно будетъ выяснить, такъ какъ въ слѣдующемъ же году началась война, которая, благодаря огромнымъ заказамъ на предметы обороны, станки для выдѣлки ихъ, сталь и т. д., доставила Соединеннымъ Штатамъ золотой дождь иностранныхъ милліоновъ, тогда какъ привозъ европейскихъ издѣлій туда чрезвычайно сократился. Неужели масса населенія въ Америкѣ будетъ и теперь принисывать тарифу то, что въ данномъ случаѣ, менѣе чѣмъ когда-либо, вызвано имъ, будетъ объяснять блестящій ростъ американской индустріи умѣреннымъ тарифомъ Ундервуда!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Привозныя пошлины и запрещенія привоза въ Брестскомъ мирномъ договорѣ 1918 г.

I.

Достигнувъ апогея протекціонизма, высшей точки его—хотя мы пытались подняться еще выше—Россія была сразу сброшена внизъ, свергнута въ пропасть Брестскимъ миромъ.

Не довольствуясь конвенціоннымъ тарифомъ, дѣйствовавшимъ съ 1904—1906 г.г. и окружившимъ русскую промышленность тройными проволочными загражденіями, мы усердно готовились съ 1912—1914 г.г. къ новымъ торговымъ договорамъ, ибо наступалъ новый «кометный» годъ, часовая стрѣлка указывала на приближеніе той минуты, когда происходитъ смѣна, новый этапъ въ международномъ товарообмѣнѣ. Мы готовились встрѣтить врага, который пожелаетъ наводнить насъ своими товарами, во всеоружіи новаго усиленнаго тарифа; въ этомъ смыслѣ понимался «пересмотръ» тарифа, это обозначали съ виду безобидныя «подготовительныя работы» къ торговымъ договорамъ ¹⁾).

Война не измѣнила нашихъ намѣреній и плановъ, хотя и смягчила ихъ, примирила съ ними и тѣхъ, кто раньше вовсе не возлагалъ радужныхъ надеждъ на доводимый до высшаго градуса кипѣнія протекціонизмъ. Война создала тѣ вспухшія и вздернутыя цѣны, при которыхъ даже усиленіе пошлинъ теряло свою остроту, ибо оно не могло поспѣвать за кривой товарныхъ цѣнъ, летѣвшихъ стрѣлой вверху на русскомъ рынкѣ. Даже проектъ увеличенія тарифа на 200 процентовъ въ среднемъ, появившійся осенью прошлаго года, означалъ не болѣе, какъ удержаніе прежняго до-военнаго уровня охраны, пожалуй даже шагъ назадъ, невольный,

¹⁾ См. ниже, гл. о системахъ таможенныхъ тарифовъ и торговыхъ договорахъ.

конечно, ибо уже за время выработки тарифа цифры его старѣли, а къ моменту опубликованія несомнѣнно онъ успѣлъ бы скатиться на много ступеней внизъ по лѣстницѣ, ведущей отъ покровительства промышленности къ свободному привозу: товарныя цѣны не ждали, они росли съ каждымъ часомъ, росли съ головокружительной быстротой.

Становилось ясно, что удержаться на мѣстѣ немислимо, что сильное теченіе относитъ и неминуемо должно относитъ назадъ. Необходимо было ожидать болѣе спокойнаго времени, когда прибой прекратится и бушующія волны замкнутого въ четырехъ стѣнахъ товарнаго рынка найдутъ себѣ выходъ, когда уровень хозяйственной жизни приметъ, съ прекращеніемъ міровой войны, нормальный видъ. Только тогда можно будетъ исходить изъ какихъ либо цѣнъ, строить тарифы не на песокъ, а на прочныхъ данныхъ мірового рынка, возобновившагося международнаго товарообмѣна.

Это понимали другія страны, понимала и Германія, безплодныя попытки приводили къ этому и насъ. Но намъ Германія не пожелала дать возможности выработать тарифъ тогда, когда поднимется занавѣсъ возстановленнаго мірового рынка и спадетъ та пелена, которая скрываетъ будущее отъ нашихъ глазъ. Эту свободу она оставила себѣ, Россію же заставила немедленно запастись таможеннымъ тарифомъ и притомъ не на годъ и не на два, а по крайней мѣрѣ на восемь лѣтъ, до 31 декабря 1925 года, т. е. на такое время, въ теченіе котораго можетъ произойти еще много хозяйственныхъ пертурбацій, можетъ совершиться много такого, о чемъ можно только пророчествовать, но не серьезно говорить въ настоящее время.

Но и такой связывающій насъ на весь этотъ періодъ тарифъ мы не сами себѣ выбрали и не по соглашенію съ Германіей построили, а получили изъ рукъ побѣдителя: приказано было его принять.

Въ п. 1 приложенія второго къ мирному договору (ч. VI «Соглашеніе объ экономическихъ отношеніяхъ между Германіей и Россіей») говорится, правда, что «германско-русскій торговый договоръ 1894—1904 г.г. не вступаетъ больше въ

дѣйствіе», но это пустой звукъ, ибо въ приложеніи къ приложенію содержится почти цѣликомъ копія торговаго договора 1904 г. съ заключительнымъ протоколомъ и тарифомъ, копія во многихъ отношеніяхъ ухудшенная, снабженная новыми скорпіонами для насъ. Намъ дается правогласить п. 2 отд. VI—денонсировать всѣ эти соглашенія, начиная съ 30 іюня 1919 года, и тогда мы черезъ шесть мѣсяцевъ избавляемся отъ нихъ. Но отъ этого намъ не легче. Разорвавъ эти путы, мы еще вовсе не попадаемъ на волю: остается еще п. 7 того же отдѣла, который насъ не пропускаетъ; согласно ему, мы все—таки остаемся при томъ же тарифѣ 1904 года, не двигаемся съ мѣста ¹⁾). Такіе фокусы демонстрируетъ Брестскій миръ.

Такимъ образомъ, договорный тарифъ 1904 года, казалось бы, погребенный навсегда войной, съ легкой руки Германіи, воскресаетъ изъ мертвыхъ и становится тѣмъ аппаратомъ, который дается въ руки русской промышленности, тѣмъ оружіемъ, съ которымъ она послѣ заключенія мира выходитъ вновь на арену міровой экономической борьбы.

Представьте себѣ средневѣковаго рыцаря, вооруженнаго съ головы до ногъ и наводившаго ужасъ на своихъ враговъ, возстающаго изъ гроба и съ мечомъ и щитомъ, въ шлемѣ и панцирѣ, вступающаго нынѣ въ бой съ крупновскими пушками и бронированными автомобилями. Въ такомъ видѣ Германія выпустила насъ съ тарифомъ 1904 года въ рукахъ. За три года войны прежній тарифъ успѣлъ устарѣть болѣе, чѣмъ онъ старѣетъ въ нормальное время за полъ-столѣтія, онъ напоминаетъ обветшавшее, полуразвалившееся зданіе, въ которомъ хотятъ поселить людей съ современными требованіями комфорта.

По вычисленіямъ С. О. Загорскаго (въ журналѣ «Международная полит.» 1918, № 2, стр. 31), пошлина на чугунъ,

¹⁾ Мало того, даже нашъ общій тарифъ 1903 г., который дѣйствуетъ, поскольку ставки не закрѣплены договорами и который мы могли прежде измѣнять по своему усмотрѣнію, даже и онъ теперь закрѣпленъ, не подлежатъ измѣненію—и эта свобода отнята. (См. объ этомъ ниже, гл. о системахъ тарифовъ).

составлявшая по тарифу 1904 г. 90 коп. съ пуда, означала въ 1913 г. при цѣнѣ чугуна въ 68—75 коп. 120 проц. цѣны его, въ іюлѣ 1917 г. нормированная цѣна чугуна достигла 2 р. 85 к.—3 руб., т. е. пошлина упала до 25—30 проц. цѣнности товара. Пошлина на сортовое желѣзо установлена въ 75 коп., но цѣны на желѣзо съ 144—150 коп. въ 1903 г. взлетѣли въ концѣ 1917 г. до 8 руб., т. е. пошлина стремглавъ полетѣла съ 50 до 9 проц. цѣны. И такъ и на всемъ остальномъ. Таможенный тарифъ 1904 года, составлявшій когда-то непроходимое болото, окружавшее русскую границу, или быстро текущую рѣку, на которой нѣтъ переправы, превратился въ мелкую засохшую рѣченку, которую нѣмецъ пройдетъ, даже не замочивши сапогъ. Пошлины этихъ тарифовъ превращаются въ статистическія, которыя только регистрируютъ проходящіе мимо товары, но не имѣютъ ни малѣйшаго оттѣнка покровительства: они безсильны регулировать ввозъ товаровъ и нормировать цѣны на внутреннемъ рынкѣ, беспомощны въ дѣлѣ содѣйствія оживленію и освѣженію русской промышленности.

Получился рѣзкій переходъ отъ крайняго протекціонизма 1891—1914 г.г. и отъ замкнутаго хозяйства созданнаго войной 1914—1917 г.г., къ полнѣйшей, ничѣмъ не сдерживаемой конкуренціи, огромный скачекъ, безъ всякихъ посредствующихъ ступеней. Русская промышленность, которую въ теченіе десятилѣтій держали подъ стекляннымъ колпакомъ, кутали въ самыя теплыя и непроницаемыя одежды, сразу изъ этой тепличной атмосферы вынесена на сильнѣйшую стужу и вьюгу, выгнана обнаженная, оголенная на морозъ, на сквозной вѣтеръ свободной конкуренціи мірового рынка. Было бы чудомъ, если бы она выдержала такой опытъ, осталась въ живыхъ послѣ такой операціи.

Русская промышленность никогда не могла похвалиться цвѣтущимъ здоровьемъ, никогда не обнаруживала особаго стремленія впередъ; но все же понемногу и постепенно она росла и подвигалась какъ до войны, такъ и въ военное время. Последнее не остановило ее, лишь нѣсколько отклонило отъ прежняго пути, но въ то же время и подталкивало ее:

возникали цѣлыя отрасли производства, вызванныя нуждами войны, отсутствіемъ привозныхъ товаровъ, но и желаніемъ въ будущемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, справиться собственными силами.]

Но прошелъ ураганъ и смель эти здоровые ростки, эти деревца, которыя могли дать плоды въ будущемъ. Фабрично-заводское производство, порядокъ и организація котораго созданы столѣтнимъ опытомъ, накопившимся со времени появленія на свѣтъ машинъ и фабрикъ, — этотъ строй былъ перевернутъ вверхъ дномъ, поставленъ вверхъ ногами. Столѣтняя практика соорудила по всѣмъ правиламъ архитектуры стройное зданіе фабрично-заводской организаціи, зданіе, возглавляемое куполомъ въ видѣ управленія — единоличнаго или коллективнаго, подъ которымъ ярусами шли различныя виды умственнаго и физическаго, квалифицированнаго и простаго, распорядительнаго и исполнительнаго труда. Все вмѣстѣ составляло единое цѣлое, дисциплинированный отрядъ, идущій въ тактъ къ намѣченной цѣли, создавало внутреннюю гармонію производительнаго процесса. И гармонія была нарушена, убита совершенно и окончательно. Не только предприниматель былъ объявленъ тѣмъ «мальчуганомъ, который лѣзетъ черезъ заборъ въ чужой садъ и воруетъ яблоки, усматривая въ яблокахъ вознагражденіе за тяжелую работу перелѣзанія» (какъ когда то характеризовалъ предпринимателя Kautsky) и прибыль его была предана анафемѣ, какъ измышленіе ада, — нѣтъ, мало того, и инженеры и мастера съ нахлобученными на голову мѣшками были вывезены на тачкахъ и выброшены въ грязь. Все, что такъ или иначе представляло собою умственный трудъ, содержало хотя бы частицу его, напоминаніе о немъ, было низвергнуто, сметено, вырвано съ корнемъ. Свершилась на яву басня о томъ, какъ члены человѣческаго тѣла, собравшись вмѣстѣ, порѣшили обойтись безъ головы, упразднить ее за ненадобностью — все равно она ничего путнаго не дѣлаетъ, только командуетъ ими, оѣи и безъ нея справятся, и гораздо лучше. И получилась промышленность съ отсѣченной головой — руки машутъ, ноги двигаются, но направлять ихъ некому; получился обшир-

ный, громоздкій механизмъ, гдѣ винтики и колесики вертятся, но главное маховое колесо отсутствуетъ, выключено, сломано.

А между тѣмъ еще Марксъ училъ, что только ремесленникъ въ своей небольшой мастерской самъ себѣ и предприниматель, подобно скрипачу, который является и своимъ же капельмейстеромъ. Но какъ въ оркестрѣ необходима дирижерская палочка, которая объединяетъ музыкантовъ и ведетъ ихъ за собой, такъ и крупному предпріятію нужно лицо, которое стояло бы у руля — предприниматель, направляющій ходъ большого судна, ведущій его по фарватеру. И онъ же сопоставлялъ трудъ простой съ трудомъ сложнымъ, трудъ ткача съ трудомъ скульптора, и объяснялъ различіе въ цѣнности перваго и второго, отдавая должное и тому и другому.

Но все это было забыто — капельмейстеръ былъ низвергнутъ, его палочка сломана, первая скрипка разбита, какъ инструментъ слишкомъ сложный и нѣжный, — и получилось то, что должно было получиться: сильнѣйшій диссонансъ, рѣжущій ухо, нѣчто такое, чего не въ состояніи выдержать барабанная перепонка.

Въ каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна, которая питала Россію своимъ горючимъ матеріаломъ, приводя въ движеніе паровозы и пароходы, машины и аппараты, производительность рабочаго (количество добычи, дѣленное на среднее количество рабочихъ) составляла въ 1915 г. 9 тыс. пуд. въ годъ, въ 1916 г. 7,4 тыс., а въ 1917 г. 5,4 тыс. Производительность одного рабочаго первой половины 1917 г. ниже производительности первой половины 1916 г. на 25 проц., а производительность второй половины 1917 г., по сравненію со второй половиной 1916 г., упала на 28 проц. (Торгово-промышл. газ. 1917 г. № 231). Въ 1915 г. на русскихъ паровозостроительныхъ заводахъ построено 910 паровозовъ, или въ мѣсяцъ въ среднемъ 75, въ 1916 г. 599 или 50 въ мѣсяцъ, въ теченіе 9 мѣсяцевъ 1917 г. всего 301 или 33 паровоза въ мѣсяцъ — противъ 1915 г. производство упало на половину. (Тамъ же, № 232).

Вотъ еще наугадъ выхваченные примѣры, иллюстраціи на тему о «ростѣ» производительности труда съ сокращеніемъ числа рабочихъ часовъ и съ увеличеніемъ заработной платы. (Тамъ же, № 191). На льнопрядильной фабрикѣ «Двина» (1.500 рабочихъ) лѣтомъ 1917 г., послѣ перехода фабрики съ 18-часового рабочаго дня на 16-часовой (двѣ смѣны) производительность труда упала на 35 проц., т.е. втрое болѣе, чѣмъ сократился рабочій день (на 11 проц.) «Каменьщики кладутъ въ настоящее время 60 кирпичей въ день, тогда какъ раньше клали 275 — 300 шт., между тѣмъ плата повысилась на 300 проц.» На шорной фабрикѣ т-ва Осиповъ и Комп. въ Петроградѣ производительность труда сократилась на цѣлыхъ 40 — 60 проц., въ частности въ связи съ переходомъ со сдѣльной на поденную плату. Иначе говоря, интенсивность труда пала — рабочему нѣтъ надобности «напрягаться», разъ онъ все равно получить условленное, и выработка въ каждую единицу времени понижается, — а не повышается съ сокращеніемъ рабочаго дня, какъ насъ учили въ былое время.

Исторія знаетъ двѣ системы труда, производство, построенное на двухъ различныхъ началахъ. Одно: низкая заработная плата — продолжительный рабочій день — незначительная интенсивность труда. Второе: высокая оплата — сокращенное рабочее время — весьма интенсивный трудъ. Первая система беретъ дешевизной рабочей силы и длиннымъ рабочимъ днемъ — они покрываютъ минусъ въ видѣ вялаго, невнимательнаго, медленнаго труда. Таково производство на низкихъ ступеняхъ хозяйства, таково оно было и у насъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, еще недавно. Но европейская и американская наука уже давно превозносили вторую систему — она выгоднѣе и для человѣка и для производства: сокращеніе въ рабочихъ часахъ и прибавка въ платѣ съ избыткомъ покрываются расторопнымъ, умѣлымъ, прилежнымъ трудомъ въ теченіе каждаго часа. Хорошо оплачиваемый, сытно поѣвшій, выспавшійся и отдохнувшій, понимающій свою машину и идущій съ ней въ унисонъ, рабочій оставляетъ позади своего съ виду дешеваго, въ дѣйствительности же

гораздо болѣе дорогого, малограмотнаго и полуголоднаго коллегу, который въ десять и двѣнадцать часовъ не даетъ того, что первый въ восемьъ и въ девять.

Все это было извѣстно, было ясно и понятно. Но одного исторія не знала и одно останется навсегда темнымъ и неразгаданнымъ. Это третья, если такъ можно выразиться, комбинированная система: высокая заработная плата при непродолжительномъ рабочемъ днѣ, соединенная—съ низкой интенсивностью труда. Надо только вдуматься въ это предположеніе, чтобы понять всю абсурдность его. Стремглавъ летящая внизъ кривая интенсивности труда даетъ такой минусъ продукта, при которомъ немыслимо ни сокращеніе рабочаго времени, ни подъемъ платы. Какъ второе и третье въ состояніи существовать рядомъ съ первымъ, какъ А не разможило и не уничтожило Б и В? Таковъ тотъ сфинксъ, который создала русская дѣйствительность, то новое изобрѣтеніе, соединяющее несоединимое, которое мы явили міру. Хорошо оплачиваемый рабочій, занятый восемь часовъ—это Европа, Соединенные Штаты, Новая Зеландія. Но къ этому медленный, невнимательный, сонный трудъ, по системѣ «авось»—это Азія, Африка, Патагонія. Получается нѣчто въ вродѣ того повелителя Камеруна, который ходилъ въ костюмѣ Адама, подобно своимъ подданнымъ, но носилъ на головѣ цилиндръ послѣдней парижской моды.

И вотъ такая промышленность, составляющая недоразумѣніе, кроющая въ себѣ внутреннее противорѣчіе, съ пятномъ непроизводительности на челѣ, промышленность съ отсѣченной головой, доведенная до абсурда, промышленность, совершенно обезсиленная, изнеможденная, снабжается тарифомъ, который въ состояніи выдержать лишь крѣпко стоящая на ногахъ, прочная, насквозь пропитанная творческимъ духомъ, организаторскимъ диспозитивнымъ трудомъ, индустрія. На тяжело больного взвалена ноша, которая по силамъ только здоровенному дѣтинѣ. Надъ хилымъ и слабымъ производится фритредерскій экспериментъ. Фритредерскій! Можно ли болѣе тяжелую обиду, болѣе жестокое оскорбленіе нанести тѣмъ людямъ, которые всегда гордо носили это званіе, кого назы-

вали фантазерами, людей, которые увлекались, быть может, но никогда не пренебрегали нуждами и потребностями своего отечества?

Фритредеры говорили и настаивали на постепенномъ переходѣ къ фискальному тарифу, фритредеры исходили изъ добровольнаго отказа отъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ, фритредеры предполагали и требовали всеобщаго таможеннаго разоруженія. Нѣтъ большаго глумленія надъ фритредерствомъ, чѣмъ тарифъ, сразу, однимъ ударомъ обнажающій всю промышленность и въ моментъ, когда она доведена до крайней степени слабости и отчаянія, тарифъ, не являющійся ни протекціоннымъ, ни фискальнымъ, ибо и чисто-фискальныя пошлины Россія не смѣетъ тронуть съ мѣста, тарифъ навязанный, насильственно надетый на страну, тарифъ, окруженный со всѣхъ сторонъ свободно возводимыми, по своей инициативѣ и по старому протекціонистскому трафарету, иностранными тарифами. Что общаго между фритредерствомъ и правомъ сильнаго?

Поднесенный намъ подарокъ является—на сей разъ—не произведеніемъ слѣпнаго интернаціонализма, для котораго интересы Россіи и страны готтентотовъ равны, одинаково близки и одинаковы далеки. Нѣтъ, это продуктъ германскаго генія, для котораго «Deutschland über alles»; Германія мѣритъ лишь на два разныхъ аршина—одинъ для себя, другой—для всѣхъ прочихъ. Россіи—ея старый, вынутый изъ хлама, «фритредерскій» тарифъ—съ нея довольно и этого; себѣ—полную свободу дѣйствія. Пока пускай остается и германскій конвенціонный тарифъ 1904 года, все равно онъ теперь никому не нуженъ; а если Россія пожелаетъ, пока Германія, еще не покончила со своими врагами на западѣ и не обезпечила себѣ свободу морей, по этому тарифу снабжать ее съѣстными припасами и сырьемъ, то они будутъ приняты съ распростертыми объятіями, съ низкими поклонами—давайте побольше. Когда настанетъ время, Германія денонсируетъ тарифъ—это можно сдѣлать уже съ 30 Іюня 1919 г. и срокъ прекращенія наступаетъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Тогда одинъ только русскій тарифъ продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало

попрежнему автоматически дѣйствовать, какъ маятникъ, никѣмъ не остановленный — отбивать часы до 1 Января 1926 года. Германія же, сбросивъ съ себя эту ветошь 1904 года, сумѣетъ ладно скроить и крѣпко сшить для себя новое платье, несомнѣнно изъ новѣйшаго протекціонистскаго сукна; она вовсе не предалась фритредерамъ.

Протекціонизму предстоитъ еще великая будущность — міровой пожаръ его не уничтожилъ: его пока отложили, но о немъ не забыли. Напротивъ, онъ можетъ рассчитывать на новыхъ и сильныхъ адептовъ, на переходъ къ нему одного изъ наиболѣе опасныхъ его враговъ, строившихъ ему наибольшія козни и западни, на того, въ сущности единственнаго, но стоящаго многихъ, противника, одно существованіе котораго являлось для протекціонизма всегда тяжкимъ укоромъ, ставило заслуги его подъ знакъ вопроса. Едва ли какое-либо ученіе, движеніе, направленіе праздновало ту блестящую побѣду, которая выпадетъ на долю протекціонистовъ, когда глашатай фритредерства, гордый Альбіонъ — хотя и съ оговорками и ограниченіями — внесетъ первую пошлину на хлѣбъ въ свой тарифъ, а въ то же время освободитъ отъ нея колониальныя грузы; это будетъ тотъ бѣлый флагъ, который выкидываетъ побѣжденный.

Зданіе великобританскаго фритредерства уже давно стоитъ одиноко, не обнесенное заборами, не окруженное другими строеніями, которыя составляли бы съ нимъ одно цѣлое. Дѣти Британіи — колоніи пошли по другому пути, прониклись иными идеалами и отъ нихъ ей помощи въ борьбѣ за свободную торговлю ждать не приходится. Напротивъ, они же подкапываются подъ это уцѣлѣвшее отъ временъ фритредерства зданіе, стоящее среди бурь протекціонизма, подобно ковчегу, вокругъ котораго бушуетъ злобствующая стихія ошалѣлыхъ волнъ, грозя его поглотить въ своей пасти. Протекціонизмъ неоднократно пытался залить этотъ послѣдній очагъ фритредерства, снести его. Но напрасно. Напрасны были попытки Чемберлена доказать, что одинъ въ полѣ не воинъ, а Англія тотъ безоружный человѣкъ, который окруженъ вооруженными людьми. Напрасно колоніи, подобно бѣднымъ

родственникамъ, пытались выклянчить себѣ нѣсколько пенсовъ (устанавливаемыхъ въ Англіи!) пошлинъ на жизнь, на самое необходимое — на хлѣбъ, мясо, масло, сыръ, — богатая Англія отъ этого не обѣднѣетъ. Казалось бы, зачѣмъ имъ, колоніямъ, нужны таможенные заставы въ Соединенномъ Королевствѣ, какое имъ дѣло до того, охраняетъ ли Англія себя отъ иностранныхъ продуктовъ? Вѣдь имъ она не мѣшаетъ воздвигать протекціонные тарифы по своему усмотрѣнію, ихъ свободы нисколько не стѣсняетъ. И не должны ли бы колоніи, напротивъ, протестовать, если бы метрополія вздумала обложить сельскохозяйственные продукты — а этого именно они требуютъ. Въ чемъ же дѣло? Да, конечно, вовсе не въ общемъ и равномъ для всѣхъ тарифѣ. Колоніи добиваются пошлинъ для другихъ, но свободы для себя — открываютъ себѣ британскій рынокъ, очищаютъ его отъ иностранныхъ продуктовъ.

До сихъ поръ они старались ступать безшумно и мягко, подносили своей прародительницѣ богатые дары въ видѣ специальныхъ пониженныхъ для нея (преференціальныхъ) тарифовъ (см. ниже), дѣлая видъ, что имъ ничего для себя не нужно, что они не ждуть никакой благодарности. И Англія принимала выраженія ихъ чувствъ какъ должно, какъ естественное проявленіе сыновней преданности, ни къ чему ее не обязывающее. Когда же бѣдные родственники, постепенно успѣвшіе разбогатѣть, потерявъ терпѣніе, дѣлали тонкіе и весьма прозрачныя намеки и на счетъ своихъ собственныхъ интересовъ, то Англія либо пропускала ихъ жалобы мимо ушей, либо раздражительно заявляла, что она не намѣрена удорожать жизнь своему населенію и прибавляла, что «насколько извѣстно, Соединенное Королевство есть также часть Британской имперіи», такъ что, заботясь о нуждахъ послѣдней, не слѣдуетъ пренебрегать и выгодами королевства.

Но все это было до войны, и то, чего не сумѣли добиться предшествующія десятилѣтія, то свершила четырехлѣтняя война. Если она сдѣлала возможнымъ то, что казалось невысказаннымъ, могло придти въ голову только безумцу — созданіе обязательной воинской повинности, пріостановку дѣйствія фабричнаго законодательства, монополизацию въ рукахъ госу-

дарства различныхъ отраслей производства, наконецъ — или прежде всего — самое участіе Англіи въ войнѣ — кто бы этому повѣрилъ! — то и протекціонизмъ, который еще четыре года тому назадъ былъ бы совершенно невѣроятенъ, теперь сталъ исполнѣнъ возможенъ. То внутреннее противорѣчіе, которое скрывалось въ выраженіи — Англія, принявшая покровительственный тарифъ, исчезло, незамѣтно испарилось, разсѣялось. Но переворотъ не только возможенъ, онъ и необходимъ.

Англичане могутъ попрежнему спорить о качествахъ протекціонизма. Одни будутъ доказывать, что Англія могла бы съ успѣхомъ производить многіе изъ тѣхъ товаровъ, красокъ, электротехническихъ принадлежностей, оптическихъ приборовъ, фармацевтическихъ препаратовъ, которыми ее снабжала Германія и отсутствіе которыхъ съ началомъ войны вызвало столь острую боль во всемъ организмѣ Великобританіи, образовало такую трещину въ ея народномъ хозяйствѣ. Англичане долго еще будутъ вспоминать съ ужасомъ о томъ, какъ въ началѣ всемірной войны, когда лозунгомъ стало прекратить всякій экспортъ Германіи, Англія, стоявшая на стражѣ этой мѣры, вынуждена была сдѣлать исключеніе для себя же, для своей же хлопчатобумажной индустріи и вывозить красящіе матеріалы изъ Германіи, такъ какъ иначе пришлось бы закрыть англійскія фабрики и рассчитать полтора миліона рабочихъ. Этотъ позорный случай явится сильнымъ козыремъ въ рукахъ протекціонистовъ, доказывая имъ необходимость, во избѣжаніе подобнаго рода событій въ будущемъ, окружить британскую имперію таможенными окопами, такъ какъ только съ этимъ случаѣмъ обезпечена экономическая независимость Англіи и заработокъ милліоновъ ея рабочихъ.

Но фритредеры попрежнему будутъ повторять, что сила Англіи на водѣ, что на свободной торговлѣ зиждется и торговое посредничество Англіи между народами міра, и трассированіе векселей по товарамъ, закупленнымъ въ любой части свѣта, во всякую другую мѣстность земного шара, на лондонскіе банки, и господство англійскаго фунта въ качествѣ универсальной платежной единицы. «Тарифъ» облегчилъ бы, быть можетъ, открытіе нѣсколькихъ новыхъ красочныхъ

фабрикъ и мастерскихъ оптическихъ стеколъ, но опустѣли бы англійскіе порты, заглохъ бы ломбардстритъ, закрылась бы расчетная палата.

Но жизнь пройдетъ мимо спорящихъ, она скажетъ свое слово, вынесетъ свое рѣшеніе, не слушая ихъ аргументовъ, не взвѣсивая ихъ доказательствъ. Она будетъ руководствоваться иными доводами, тѣми, которые приводитъ третье лицо—война. До войны Англія могла не обращать вниманія на колоніи, могла пропускать мимо ушей ихъ предложенія, намеки и жалобы, могла не читать принятыхъ ими на между-колоніальныхъ конгрессахъ резолюцій. Теперь она не можетъ, она должна, обязана, вынуждена выслушивать ихъ, мало того, считаться съ ихъ желаніями и претензіями. Англія потребовала отъ нихъ не только хлѣба, но — что гораздо важнѣе — крови, и требуетъ все новыхъ и новыхъ человѣческихъ транспортовъ изъ Канады, Южной Африки, Австраліи, Новой Зеландіи. А это что нибудь да значить; совместно пролитая кровь обязываетъ, неумолимо ведетъ и къ экономическому объединенію всей «Величайшей» Британіи — Великобританіи съ ея колоніями. А объединеніе внутри означаетъ отдѣленіе отъ внѣшняго міра, отмежеваніе, огражденіе себя таможеннымъ заборомъ. По окончаніи войны британскому правительству будетъ предъявленъ счетъ, по которому придется платить, и платить не деньгами, а пошлинами, пошлинами, взимаемыми въ пользу самой же Англіи съ иностранныхъ, но не съ привозимыхъ изъ колоній, товаровъ.

Такъ война подтачиваетъ гордое зданіе англійскаго фритредерства, подводитъ, мины подъ него; безмолвно оно рухнетъ какъ кампанелла въ Венеціи.

II.

Часъ протекціонизма еще далеко не пробилъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что грядущій протекціонизмъ обреченъ на безплодіе, что онъ можетъ и долженъ носить все ту же и только ту избрѣтенную много вѣковъ тому назадъ избитую форму, которая именуется таможенными пошлинами.

Что новаго въ этой области создатьъ и внести европейская война, пока еще не видно, она вѣдь еще не кончилась, хотя, казалось бы, если война не только разрушаетъ и сметаешь съ лица земли, но и является «отцомъ всего», если изъ пепла сожженныхъ селъ и городовъ встаютъ новыя идеи и институты, то прежде всего она должна перевоспитать экономическую жизнь и экономическія сношенія народовъ.

Пока война въ области таможенной политики (мы не говоримъ въ данномъ случаѣ о политикѣ импорта и экспорта вообще, объ организаціи того и другого) воспользовалась лишь однимъ, правда давно извѣстнымъ и весьма первобытнымъ, средствомъ — запрещеніями привоза и вывоза, передѣлавъ ихъ, однако же, на новый ладъ, такъ что этотъ устарѣлый, давно заржавѣвшій механизмъ обнаружилъ живучесть, въ которую трудно было бы повѣрить, доказалъ свою пригодность для новыхъ, создавшихся вмѣстѣ съ войной, условій международныхъ сношеній.

Запрещенія привоза (и вывоза) когда то составляли — какъ мы видѣли см. выше стр. 55) — обычное, повседневное, широко примѣняемое средство торговой политики. Но мы видѣли также, что они въ XIX вѣкѣ успѣли пережить себя, оказались несомнѣстными съ тѣмъ своеобразнымъ міропониманіемъ, которое допускало повышение таможенныхъ барьеровъ до недоступной для прохода товаровъ высоты, но не могло вынести прямого запрета, усматривало въ послѣднемъ, и только въ послѣднемъ, нарушеніе принципа свободной торговли, идеи свободнаго импорта и экспорта. Поскольку же отступленія отъ этого свято хранимаго догмата въ чрезвычайныхъ случаяхъ допускались (см. стр. 58), они могли имѣть только абсолютный характеръ — именно потому, что они допускались вообще изъ полицейскихъ, но не изъ протекціонистскихъ соображеній. Было бы бессмыслицей разрѣшать въ отдѣльныхъ случаяхъ привозъ порнографическихъ сочиненій, контингентировать импортъ виноградной лозы, разъ она можетъ занести филлоксеру. Но тамъ, гдѣ запрещеніе преслѣдовало охрану національнаго хозяйства — такіа запрещенія являлись нарушеніемъ, обходомъ правила — тамъ, конечно, они могли имѣть различную

дозировку, запретъ могъ смягчаться исключеніями, переходить въ нормировку привоза, лучшее доказательство обхода нарушенія—какъ это было у насъ съ вывозомъ руды чрезъ западную границу (см. ниже) и съ проходомъ нашихъ свиней въ Германію (въ верхнюю Силезію)—нѣмцы пропускали не болѣе 2500 штукъ въ недѣлю (это постановленіе сохранено и Брестскимъ мирнымъ договоромъ).

Война, разорвавъ одни трактаты, примѣнивъ къ другимъ оговорку о «чрезвычайныхъ обстоятельствахъ», оправдывающихъ нарушеніе ихъ, очистила себѣ мѣсто для примѣненія запретительной системы, тѣхъ мѣръ, которыя по своей упрощенности и рѣшительности наиболѣе соотвѣтствуютъ военному времени. Въмѣсто сотенъ таможенныхъ ставокъ съ ихъ сложной, детально разработанной дифференціаціей, возродились къ новой жизни однообразные запреты, попросту перечислявшіе группы товаровъ, третируя всѣхъ на одинъ манеръ, подводя подъ одну общую скобку.

Но этимъ все же и война не могла ограничиться. Отбросивъ постепенность таможеннаго тарифа, его усиливающіе и ослабляющіе тона, запретительная система вынуждена была въ своихъ предѣлахъ выработать собственную іерархію, внести извѣстные отбѣнки въ примѣняемые запреты. Запретительная система имѣла въ виду не защиту производства—во время войны опасаться наплыва иностранныхъ товаровъ не приходилось, вездѣ обнаруживалось безтоварье, внутреннее производство было занято инымъ, не поспѣвало. Она охраняла валюту—при параличѣ вывоза можно ли было дать свободу привозу? Она сберегала тоннажъ флота и вагоны для болѣе важныхъ грузовъ. Вся суть заключалась именно въ степени важности этихъ грузовъ; станки для заводовъ, выдѣлывающихъ снаряды, сельскохозяйственные машины, сырые матеріалы, одежда и обувь для населенія, галантерея, предметы искусства, кружева—все это товары, по этому масштабу, не равноцѣнные, не равновеликіе, а составляющіе ступени нисходящей лѣстницы, построенной по степени ихъ необходимости для страны, а слѣдовательно, и по степени допустимости привоза ихъ въ ея предѣлы. Получалась много-

образная контингентировка, начиная отъ фактически почти полной свободы привоза для верхняго ряда—ибо никому не отказывалось въ разрѣшеніи—до совершеннаго запрета для стоящихъ въ самомъ низу, какъ излишнихъ, въ военное время даже недопустимыхъ, предметовъ роскоши, развлечения, удовольствія, или же такихъ, которые желательны и полезны, но имѣются въ странѣ въ достаточномъ—измѣряя на аршинъ военнаго времени—количествѣ.

Закрывъ въ 1917 г. въѣздъ въ Англію спиртнымъ напиткамъ, articles de Paris и т. д., Ллойдъ-Джоржъ ограничилъ привозъ чая, допустилъ въ томъ же году консервированную рыбу въ предѣлахъ половины привоза прежнихъ лѣтъ, томаты, виноградъ, миндаль нормировалъ въ 25 проц., бумагу въ 640 тыс. тоннъ (вмѣсто 1,8 милл., импортированныхъ въ 1916 г.), книгамъ и періодическимъ изданіямъ разрѣшилъ доступъ только по одиночкѣ и почтовыми посылками. Но и абсолютныя запрещенія его имѣютъ различный смыслъ—отдѣльными разрѣшеніями они могутъ смягчаться въ большихъ или меньшихъ предѣлахъ, приобретають растяжимый характеръ. «Воскресли покоившіяся сто лѣтъ мирнымъ сномъ лиценціи Наполеоновской континентальной блокады—печальное орудіе покровительства однимъ въ ущербъ другимъ, источникъ злоупотребленій»—воскликаетъ Yves Guyot.

Вездѣ, гдѣ есть усмотрѣніе, возможны, конечно, и злоупотребленія—быть можетъ, въ отдѣльныхъ воюющихъ странахъ они и доходили до геркулесовыхъ столбовъ наполеоновской эпохи. Но иной способъ исключался—ни свобода, ни полное запрещеніе, а лишь лавированіе въ широкихъ предѣлахъ между тѣмъ и другимъ, считаясь съ временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами, диктовались условіями войны.

Такъ вмѣсто топора, бьющаго съ плеча по привозу (или вывозу), получался болѣе совершенный, легко примѣняющійся къ обстоятельствамъ, механизмъ. Притомъ такой механизмъ, который при помощи разнаго рода передаточныхъ частей входилъ въ тѣснѣйшій контактъ съ общимъ хозяйственнымъ механизмомъ страны, являлся въ сущности лишь однимъ изъ многочисленныхъ колесъ и винтиковъ послѣдняго, двигался

вмѣстѣ и рука объ руку со всѣми прочими частями. Новая разрѣшительно-запретительная система не составляла чего-либо случайнаго, самостоятельнаго, оторваннаго отъ всѣхъ прочихъ мѣропріятій военнаго времени, а выражала собою одно изъ началъ, проходившихъ красной нитью чрезъ новую организацію народнаго хозяйства. Она означала ту планомѣрность въ національномъ хозяйствѣ, которая все болѣе и болѣе проникала въ экономическій строй народовъ, сначала подъ вліяніемъ новаго могучаго фактора—военныхъ интересовъ, а затѣмъ и въ связи со слѣдовавшими за ними пертурбаціями во всемъ отрѣзанномъ отъ вѣшняго міра хозяйствѣ страны.

Тотъ же общій планъ переустройства національнаго хозяйства, оказавшагося оторваннымъ отъ міроваго рынка, отдѣленнымъ пропастью отъ своихъ прежнихъ сосѣдей, снабжавшихъ его необходимыми товарами,—тотъ же планъ, который приводилъ къ ограниченію, а частью и полному исключенію свободной конкуренціи внутри страны (не только въ воюющихъ, но и въ нѣкоторыхъ нейтральныхъ странахъ), содержалъ и требованія нормированія привоза и вывоза товаровъ на опредѣленныхъ началахъ. Изъ замѣны прежней «игры» спроса и предложенія на внутреннемъ рынкѣ дѣятельностью правительственныхъ и общественныхъ организацій по закупкѣ и заготовкѣ товаровъ, по храненію и распредѣленію ихъ вытекала необходимость и дальнѣйшаго шага—исходя изъ наличности опредѣленныхъ запасовъ и потребностей, оцѣнивая степень и характеръ послѣднихъ, принимать соотвѣтствующія мѣры и въ области вѣшнихъ торговыхъ сношеній. Одно находилось въ тѣснѣйшей связи съ другимъ, являлось выводомъ изъ данной, осуществляемой въ жизни, предпосылки. Планомѣрная организація въ одной части не могла сопровождаться хаосомъ и предоставленной себѣ самой борьбой индивидуальныхъ интересовъ въ другихъ областяхъ.

Все это было людямъ XX вѣка чуждо, непонятно, ибо неизвѣстно до-военной эпохѣ. Но идеи, казавшіяся первоначально странными, невѣроятными, недопустимыми, скоро привились; новыя учрежденія вошли въ сознаніе населенія и къ нимъ стали

относиться такъ, какъ будто бы они существовали съ незапамятныхъ временъ, какъ будто люди никогда не жили и не думали иначе. Сколько шуму поднималъ вопросъ о таксаціи цѣнъ на продукты во всѣхъ странахъ на протяженіи Европы, сколько протестующихъ голосовъ раздавалось по поводу каждаго новаго товара, подвергаемаго этой операціи, какъ возобновлялись они всякій разъ съ новой силой! Сколько сомнѣній, опасеній и пересудъ вызывала карточная система въ примѣненіи къ тому или иному продукту въ Германіи и Австріи, какъ и въ Италіи, Франціи, Россіи. Какія предсказанія не дѣлались только при попыткахъ сосредоточенія закупки и разверстки товаровъ тѣми или иными учрежденіями, внезапно замѣнившими торговый аппаратъ, который выполнялъ эти функціи хотя и не съ сотворенія міра, но во всякомъ случаѣ со времени появленія раціонально организованнаго хозяйства.

Но человѣкъ ко всему привыкаетъ. Соображеніе о печальной необходимости, настоятельно требующей такого рода мѣропріятій, пониманіе, что въ окруженной со всѣхъ сторонъ крѣпости, въ положеніи которой очутились и Россія, и Германія, и рядъ другихъ странъ, иначе быть не можетъ, смѣнилось постепенно новой идеологіей—сознаніемъ цѣлесообразности этихъ мѣръ, необходимости преобразованія той хозяйственной организаціи, которая господствовала до всемірной войны.

А изъ этого вытекала мысль о сохраненіи, по крайней мѣрѣ, отчасти, средствъ военного времени и на слѣдующую переходную, эпоху, въ томъ числѣ примѣненія въ извѣстныхъ предѣлахъ и разрѣшительно—запретительной системы въ области внѣшней торговли. При дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи положенной въ ея основаніе мысли она можетъ оказаться во многихъ отношеніяхъ болѣе раціональнымъ средствомъ урегулированія конкуренціи иностранныхъ товаровъ, чѣмъ тѣ привозныя пошлины покровительственнаго характера, которыя въ теченіе свѣше полустолѣтія составляютъ едва ли не единственный нашъ багажъ въ области торговой политики, единственное приспособленіе, регули-

рующее притокъ товаровъ изъ-за-границы. Въ отличіе отъ таможенныхъ пошлинъ, аппарата весьма громоздкаго, не допускающаго частой перестановки и измѣненія, разрѣшительная система обладаетъ по самому характеру своему эластичностью и приспособляемостью къ постояннымъ колебаніямъ на товарномъ рынкѣ, имѣя возможность быстро слѣдовать за перемѣнами въ запасахъ, находящихся внутри страны, за цѣнами, являющимися барометромъ состоянія спроса и предложенія.

Но помимо этого, при помощи установленія контингента привозныхъ товаровъ на тотъ или другой промежутокъ времени достигается прямо и непосредственно та цѣль, къ которой таможенный тарифъ ведетъ лишь окольнымъ путемъ, долго кружить, подвигаясь къ намѣченному пункту, обращается къ различнымъ посредствующимъ элементамъ. Стремясь къ сжатію иностраннаго привоза, таможенные пошлины прибѣгаютъ къ удорожанію цѣнъ привозныхъ товаровъ и тѣмъ самымъ затрудняютъ ихъ проникновеніе въ предѣлы страны. Но этотъ результатъ достигается далеко не всегда. Сплошь и рядомъ протекціонизмъ равносильнъ лишь взиманію дополнительной ренты съ потребителя въ пользу промышленника, давая ему возможность поднимать цѣны на производимые товары, тогда какъ усиленіе казенныхъ доходовъ является лучшимъ доказательствомъ того, что самый размѣръ привоза не сократился; иностранные товары, несмотря на нерѣдко весьма высокія взимаемыя съ нихъ на таможенѣ ставки, находятъ для себя выгоднымъ проходить чрезъ таможену, разъ покупатели выражаютъ свое согласіе на приобрѣтеніе ихъ и по такимъ повышеннымъ цѣнамъ.

Въ такого рода случаяхъ зарабатываетъ и казна, и промышленность—первая получаетъ налогъ съ привозныхъ товаровъ, вторая—съ однородныхъ произведеній, изготовленныхъ внутри страны. Но весьма важная, иногда наиболѣе существенная цѣль протекціонизма—сокращеніе платежей за-границу, улучшеніе вексельнаго курса и расчетнаго баланса забыта, — не достигается. Разрѣшительно-запретительная система, напротивъ, прямо и вѣрно бьетъ въ цѣль: въ страну

допускается лишь то количество товаровъ, которое необходимо населенію, при которомъ цѣна ихъ стоитъ на надлежащемъ—но не чрезмѣрно высокомъ—уровнѣ и которое приводитъ въ соотвѣтствіе привозъ съ вывозомъ, даетъ активный расчетный балансъ, не наноситъ ущерба валютѣ.

Но есть, какъ всегда, и обратная сторона медали. Какъ всякій усовершенствованный инструментъ, разрѣшительно-запретительная система требуетъ осторожнаго и умѣлаго обращенія и грозитъ крупнымъ ущербомъ странѣ при неправильномъ и необдуманномъ примѣненіи ея. Тамъ, гдѣ таможенные пошлины лишь стѣсняють и затрудняютъ привозъ товаровъ, тамъ эта система имѣетъ возможность совершенно остановить его, не только лишая страну тѣхъ или иныхъ предметовъ привоза, но и вызывая репрессіи со стороны другихъ державъ, приводя къ конфликтамъ, къ таможеннымъ войнамъ. Но и самый фактъ контингентированія привоза товаровъ того или другого рода, принципъ свободнаго или обильнаго допущенія однихъ и сокращенія количества другихъ, легко нарушаетъ интересы различныхъ государствъ, создаетъ у нихъ подозрѣнія въ намѣренномъ враждебномъ отношеніи къ нимъ, т. е. опять таки означаетъ отвѣтныя запрещенія, грозитъ отрѣзать страну отъ мірового рынка или воспрепятствовать возобновленію связей съ послѣднимъ. Наконецъ, запретительно-разрѣшительная система по существу своему гораздо болѣе далека отъ того свободнаго международнаго товарообмѣна, который всегда останется идеаломъ человечества, чѣмъ болѣе слабо дѣйствующія таможенные пошлины, не доходящія до полнаго запрещенія привоза. Хотя принципиально она допускаетъ любую форму организаціи внѣшней торговли—государственной монополіи на тѣ или другіе товары, принудительныхъ синдикатовъ, свободныхъ акціонерныхъ товариществъ и т. д., но все же уже одна необходимость руководствоваться установленной на данный срокъ нормой, нерѣдко и испрашивать разрѣшенія привоза стѣсняетъ частную инициативу въ области импорта, ставитъ ей различныя преграды и препоны, суживаетъ ея поле дѣятельности.

А между тѣмъ уже въ настоящее время вездѣ и повсюду раздается призывный кличъ: назадъ къ свободной конкуренціи, къ частной инициативѣ во внутренней, какъ и во внѣшней торговлѣ, гдѣ предпримчивость частнаго капитала забита, задавлена, заслонена всевозможными правительственными и общественными учрежденіями и организаціями. Ту самую свободную конкуренцію, которой всегда приписывали чуть ли не всевозможные смертные грѣхи, о которой говорили, что она есть право сильного, что она уничтожаетъ хуже вооруженнаго капиталомъ, болѣе разборчиваго въ средствахъ, — теперь, когда она столь жестоко пострадала, когда съ ней обошлись такъ круто, стали всячески провозносить, находя у нея одни лишь достоинства—*de mortuis nil nisi bene*. Теперь вспоминаютъ безсмертныя заслуги свободной инициативы и частной предпримчивости, которая свершила великое дѣло, огромный подвигъ, сумѣла въ теченіе минувшаго столѣтія прокормить увеличившееся вдвое населеніе Европы, и прокормить его несравненно лучше и обильнѣе, чѣмъ прежде. Этого ореола славы нельзя отнять у свободной конкуренціи—она воздвигла себѣ этотъ памятникъ нерукотворный. И поэтому рано еще писать о ней некрологъ—она возстанетъ изъ мертвыхъ, какъ вернется и сложный, имѣющій крупныя достоинства, аппаратъ профессиональной торговли; безъ свободной конкуренціи прогрессъ въ хозяйственной жизни немыслимъ.

Другой вопросъ—какъ согласовать ее съ тѣми новыми формами и принципами хозяйственной жизни, которыя создала война и которыя не могутъ быть аннулированы однимъ ударомъ. Такіе скачки въ развитіи, которые она обнаружила, не могутъ быть немедленно сведены на нѣтъ. Новыя потребности и силы могутъ лишь отклонить движеніе, замѣнить чистыя формы смѣшанными образованіями. Къ такимъ средствамъ, которыя были мобилизованы во время войны и по окончаніи ея не могутъ войти немедленно въ число демобилизуемыхъ, принадлежитъ не только запретительно-разрѣшительная система, но и самая плановѣрная организація импорта и экспорта при помощи разнаго рода учреждений и ассоціацій.

Мыслима монополизация отдѣльныхъ отраслей торговли казной или принудительные синдикаты или образованія смѣшаннаго типа, мыслимы свободныя частныя организаціи подѣ контролемъ государства или общественныхъ союзовъ. Какія формы получатся ¹⁾, въ какихъ предѣлахъ возродится и сохранится частная инициатива, какую роль въ этихъ случаяхъ сыграетъ временно сохраняемая разрѣшительно—запретительная система, насколько рационально будетъ составленъ и примѣненъ планъ регулированія внѣшней торговли—это будетъ зависеть отъ общественно-экономическихъ, политическихъ и правовыхъ условій каждаго государства: при низкомъ уровнѣ политической организаціи и общественного устройства трудно создать что-либо правильное, болѣе или менѣе удачное и въ этой области, вмѣсто прогресса можетъ получиться шагъ назадъ.

У насъ эта опасность особенно велика. Въ области внутренняго снабженія продуктами населенія мы съ трескомъ провалились: тѣ же заимствованныя у культурнаго Запада продовольственные органы, та же нормировка, таксы, карточная система—все это, перенесенное въ нашъ дикій климатъ, дало совершенно обратные результаты. Продовольственные органы вмѣсто использованія силъ и навыковъ профессиональ-

¹⁾ Въ Германіи въ послѣднее время выдвигается предложеніе сохранить и послѣ войны (въ особенности въ переходное время) монополизацію привоза важнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ, кормовыхъ средствъ и сырьевыхъ продуктовъ, подобно тому, какъ привозъ ихъ во время войны находится въ рукахъ центральныхъ закупочныхъ и сырьевыхъ товариществъ (см. напр. Hainisch. Das getreidehandelsmonopol. Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 155 T. I. Iaffe. Volkswirtschaft im Kriege. Grabowsky. Weltpolitik und Finanzpolitik. Подробно развиваетъ эту мысль Keller (Einfuhrmonopole. Schmollers Jahrbuch. 1916. IV). Монополизация, по его плану, должна распространяться лишь на внѣшнюю торговлю, не затрагивая внутренней, должна касаться нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ отраслей импорта; она должна имѣть смѣшанную форму акціонерной компаніи, образуемой изъ фирмъ, занимавшихся ранѣе импортомъ товаровъ даннаго рода, при участіи имперіи и союзныхъ государствъ съ опредѣленными, предоставляемыми имъ уставомъ преимуществами. Подобное синдицированіе, используя силы купеческаго класса—прежніе торговцы должны войти въ составъ общества въ качествѣ членовъ правленія, директоровъ, агентовъ, коммиссіонеровъ—вмѣстѣ съ тѣмъ дать такой единой организаціи возможность вліять на закупочныя цѣны въ смыслѣ ихъ пониженія: правительство же, пользуясь привилегированнымъ положеніемъ въ обществѣ, будетъ въ состояніи проводить свою торговую политику въ области импорта.

ной торговли и контроля надъ ней превратились въ средство исключенія всего торговаго аппарата, оставленія за штатомъ всѣхъ его дѣятелей и участниковъ. Карточка вмѣсто векселя платежеспособнаго и добросовѣстнаго должника, немедленно и исправно уплачивающаго полностью долги, превратилась въ документъ, предъявляемый обанкротившемуся дѣльцу, ломающему рубль, удовлетворяющему кредиторовъ въ размѣрѣ двадцати, а то и десяти копеекъ за рубль. Свободная торговля внутри страны стала лозунгомъ, все громче и громче раздающимся, единственной надеждой населенія.

Теперь тотъ же провалъ намъ грозитъ и въ области международной торговли — и тутъ мы начинаемъ не съ того конца, и тутъ повальная монополизациа казной всей внѣшней торговли, со всѣми странами, всякаго рода товарами, во всѣхъ направленіяхъ, должна обратиться въ средство упраздненія всякой частной инициативы, создать нѣчто совершенно не жизнеспособное — если, конечно, жизнь позволить осуществиться этому эксперименту. Забываютъ о томъ, что придется вступить въ борьбу съ сильными, вооруженными по послѣднему слову искусства, прекрасно организованными и отлично подготовленными, противниками — другими народами, которые сумѣютъ извлечь всѣ выгоды изъ нашего невѣжества, непониманія и игнорированія собственныхъ національныхъ интересовъ.

И все же, несмотря на огромный рискъ, сопряженный съ неумѣлымъ и неосторожнымъ примѣненіемъ запретительно-разрѣшительной системы, въ комбинаціи съ организаціей внѣшней торговли на вредныхъ и опасныхъ для нашей хозяйственной жизни началахъ, — все же въ ближайшее время другого исхода нѣтъ: разъ мы стѣсняемъ и нормируемъ вывозъ недостающихъ для насъ и нужныхъ намъ продуктовъ, то не можемъ же мы открыть свои объятія привозу всевозможныхъ иностранныхъ товаровъ.

Брестскій мирный договоръ, отрѣзавъ намъ путь во многихъ направленіяхъ, эту дверь милостиво оставилъ открытой, допустивъ исключенія изъ свободы привоза, вывоза и транзита не только по обычнымъ причинамъ (гигіена, ветеринар-

ный надзоръ, общественная безопасность, а также предметы, являющіеся государственной монополіей), но — это новое постановление, не имѣвшееся въ русско-германскомъ договорѣ 1904 г.—«вслѣдствіе вѣскихъ политическихъ и экономическихъ основаній, въ особенности въ связи съ послѣ военнымъ переходнымъ временемъ». (Приб. А къ прил. 2, ст. 5). Въ этотъ періодъ «могутъ быть издаваемы для преодоленія послѣдствій войны постановленія, ограничивающія сношенія, равно какъ и запрещенія ввоза, вывоза и провоза». (Тамъ же). Правда, «они должны проводиться въ жизнь такъ, чтобы ощущаться наименѣе тягостнымъ образомъ, а какъ только обстоятельства позволяютъ, они должны быть отмѣнены», — выраженія неясныя, туманныя, двусмысленныя, допускающія любое толкованіе: Германія, очевидно, будетъ опредѣлять, что «ощущается тягостнымъ образомъ» и когда «обстоятельства позволяютъ отмѣнить».

Но въ какихъ—то предѣлахъ мы можемъ примѣнять запретительно—разрѣшительную систему, и при тарифѣ 1904 года, пріобрѣвшемъ чисто-регистраціонный характеръ, она является тѣмъ спасательнымъ кругомъ, за который мы вынуждены ухватиться, чтобы наша промышленность, брошенная въ воду и едва держащаяся на поверхности, при совершенно прорванной тарифной плотинѣ не пошла окончательно ко дну, не потонула въ потокѣ тѣхъ нѣмецкихъ товаровъ, которые въ самомъ скоромъ времени могли бы нахлынуть и наводнить страну.

А затѣмъ на очереди стоитъ подготовка къ новому торговому договору, ибо «договаривающіяся стороны обязуются начать возможно скорѣе послѣ заключенія всеобщаго мира... переговоры относительно заключенія новаго торгового договора». Договоръ этотъ долженъ соответствовать нашимъ потребностямъ, а не противорѣчить имъ, но это вовсе не значитъ еще, что содержащійся въ немъ тарифъ долженъ быть огульный и доходящій до крайнихъ предѣловъ—напротивъ, собственные интересы, правильно понятыя, со всѣхъ точекъ зрѣнія, ведутъ къ выбору немногихъ, наиболѣе существенныхъ для насъ отраслей промышленности, охраняя ихъ

пока болѣе высокой стѣной, но въ расчетѣ на сокращеніе ставокъ въ будущемъ, когда болыная промышленность встанетъ со своего ложа. А на то, что она выздоровѣетъ, мы все же надежды не теряемъ, не можемъ терять—это значило бы поставить крестъ надъ всей будущностью Россіи—должны же люди когда нибудь опомниться, когда-нибудь взяться за работу въ самомъ прямомъ, непосредственномъ смыслѣ слова, стать къ станкамъ, опуститься въ шахты, пустить въ ходъ двигатели, должна вернуться голова на свое мѣсто, гдѣ она руководить другими членами тѣла, долженъ вновь стать капельмейстеръ къ своему пюпитру и своей палочкой заставить музыкантовъ идти въ тактъ, должны снова зазвучать инструменты, политься звуки бодро, сильно и ярко... А тогда никакой Брестскій миръ намъ не страшенъ; осмысленный и интенсивный трудъ и удешевленіе собственного производства есть наилучшая и наиболѣе крѣпкая защита отъ всякой иностранной конкуренціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вывозныя пошлины и запрещенія вывоза.

Много данныхъ въ литер. по исторіи таможенной политики (см. литер. въ гл. II), см. также общіе курсы торговой политики (литер. въ введ.) и финансовой науки (литер. въ гл. I). Специально о вывозныхъ пошлинахъ и запрещеніяхъ вывоза: **Levy**. Ausfuhrzölle und die deutsche Handelspolitik. 1907. **Pape**. Ausfuhrverbote und Ausfuhrzölle. 1910. **Arndt**. Ein-Durch-und Ausfuhrverbote und deren rechtliche Natur. Annalen des Deutschen Reiches. 1895. **Mayr**. «Ein-und Ausfuhrverbote». Stengel, Wörterbuch des Deutschen Verwaltungsrechts u Suppl. B. I—III. **Lexis**. Ausfuhrzölle und Ausfuhrverbote. Handw. der Staatswiss. 3 Aufl. B. I.

Вывозныя или отпускныя пошлины, взимаемыя на границѣ государства, старше привозныхъ и имѣли когда-то гораздо большее фискальное значеніе, чѣмъ привозныя. Первые пограничныя вывозныя пошлины появились во Франціи въ 1340 г., привозныя же не ранѣе XVI вѣка. Во французскомъ тарифѣ 1664 г. содержалось 700 статей по привозу и 900 по вывозу. Въ Англіи въ XVI ст. привозныя пошлины доставляли 42 тыс. ф. ст., вывозныя—185 тыс. Одновременно съ ними какъ и въ области привоза, существовали запрещенія—только они, какъ и тамъ, имѣли экономическій характеръ и вызывались соображеніями протекціонизма. Запрещался вывозъ сырья, инструментовъ, переселеніе самихъ рабочихъ, чтобы въ другихъ странахъ не могли возникнуть тѣ же отрасли производства. Въ итальянскихъ городахъ средневѣковаго періода, когда имъ принадлежала фактическая монополія шелковаго производства, запрещенъ былъ вывозъ въ другія страны сырья и станковъ; эмигрировавшіе за границу рабочіе подлежали смертной казни, если же ихъ не могли найти, то сажали въ тюрьму семью и родственниковъ виновнаго, а изображеніе послѣдняго сжигалось на кострѣ рукой палача. Еще въ XVIII ст. Венеція посылала людей во Францію и Австрію,

которые умерщвляли не желавшихъ вернуться обратно рабочихъ стекольной и зеркальной промышленности или подсыпали имъ яду — они не должны были сообщать тайну производства другимъ странамъ. (См. мой Лекціи по Исторіи экономич. быта, изд. 5-е, стр. 117, 297 и 326). При Фридрихѣ Вел. задерживались въ Прусеи ящики, нагруженные чулко-вязальными станками, отправляемые подъ названіемъ мебели за границу. Въ Англіи уже въ XVI ст., въ интересахъ наиболѣе важной отрасли промышленности страны, шерстяной, запрещенъ былъ вывозъ за границу живыхъ барановъ, ягнятъ и овецъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и потери лѣвой руки; въ XVII ст. вывозъ шерсти наказывался ссылкой въ колоніи, а при повтореніи даже смертной казнью. А въ XVIII ст. къ этому было присоединено запрещеніе вывоза примѣняемыхъ въ текстильной промышленности инструментовъ и орудій — появились уже машины, которыя должны были оставаться секретомъ Англіи — и выѣзда рабочихъ этихъ отраслей производства. Виновнымъ грозила конфискація имущества, лишеніе права наслѣдованія и другія тяжелыя наказанія. Знаменитый Кокериль, насаждавшій фабрики по всему континенту, за вывозъ машинъ былъ приговоренъ въ Англіи къ гражданской смерти, другой предприниматель — Бовенсъ едва избѣгъ ареста, обманувъ бдительность англійской полиціи, но закупленные имъ машины были конфискованы, агенты его приговорены къ тюрьмѣ и ссылкѣ.

Рядомъ съ этими запрещеніями имѣлись, однако, и запрещенія вывоза иного порядка, установленныя ради фискальных цѣлей. Вывозъ того или иного продукта, напр., хлѣба, скота, соли, вина и т. д., запрещался, но за плату можно было добиться изъятій изъ общаго правила, получить разрѣшеніе вывоза, лиценцію, — изъ такихъ лиценцій возникали постепенно вывозныя пошлины. Въ Нидерландахъ вывозныя пошлины на хлѣбъ и впослѣдствіи именовались *Congiégeld*, т. е. лиценціи на вывозъ, хотя онѣ давно уже успѣли превратиться изъ платы, устанавливаемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ за право вывоза опредѣленнаго количества товара, въ постоянныя, равныя для всѣхъ, таможенныя пошлины.

Въ Россіи вывозныя пошлины въ XVII и XVIII ст. взимаются со всѣхъ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, и пограничныя вывозныя пошлины мотивируются тѣмъ, что «заграницей пошлины на русскаго великаго государя не берутъ»,—иначе говоря, будучи вывезены за предѣлы Россіи, эти товары уже никакихъ доходовъ казнѣ не дадутъ; стало быть, нужно ихъ обложить при вывозѣ. Въ русскомъ тарифѣ 1724 г. внесено 218 видовъ товаровъ привозныхъ и 117 отпускныхъ; изъ послѣднихъ только 15 видовъ товаровъ дозволено вывозить беспошлинно. Всѣ же невошедшіе въ тарифъ товары обложены 5 проц. при ввозѣ и 3 проц. при вывозѣ. Запрещенъ вывозъ золота и серебра, шерсти и т. д.

Но къ этому времени привозныя пошлины уже продвинулись на первый планъ, оттѣсняя пошлины, взимаемыя при вывозѣ товаровъ, и постепенно все болѣе и болѣе оставляя ихъ позади. Да и вообще мало по малу измѣняется отношеніе къ послѣднимъ, какъ къ источнику фискальнаго дохода. Jean Bodin въ XVI ст. еще одобрялъ французскія вывозныя пошлины, будучи убѣжденъ, что сѣверные сосѣди Франціи не могутъ обойтись безъ ея вина, соли, оливковаго масла и потому вынуждены нести пошлину. Напротивъ, въ XVII ст. англичанинъ Petty настаивалъ на отмѣнѣ этихъ пошлинъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда тотъ или другой товаръ сбывается за границу по монопольнымъ цѣнамъ. Король Георгъ I называлъ въ 1721 г. вывозъ промышленныхъ издѣлій важнымъ источникомъ народнаго благосостоянія и въ связи съ этимъ въ Англіи началось гоненіе на вывозныя пошлины. Въ 1660 г. насчитывалось свыше 200 такихъ статей тарифа; въ 1787 г. отъ нихъ осталось всего 50. За Англіей послѣдовали другія страны, поспѣшивъ понизить и даже упразднить вывозныя пошлины на фабрикаты, тогда какъ на сырые матеріалы и инструменты онѣ, въ интересахъ собственной промышленности, еще повсюду сохранялись. Въ Россіи въ 1811 г. (въ правилахъ, составленныхъ въ руководство министру финансовъ) указывалось на то, что «должно стараться облегчить вывозъ внутреннихъ произведеній, почему тѣ роды отпускныхъ товаровъ, которые могутъ быть замѣ-

нены произведеніями другихъ земель, должны быть при выпускѣ свободны отъ всякаго налога; тѣ, которые исключительно принадлежатъ Россіи или преимуществуютъ по изобилію и дешевизнѣ, могутъ быть облагаемы умѣренной пошлиной».

Величина пошлинъ при вывозѣ изъ государства, въ особенности переработанныхъ произведеній, — писалъ въ 1818 г. профессоръ петербургскаго университета Николай Тургеневъ въ своемъ «Опытѣ теоріи налоговъ» — «должна также сообразоваться съ совмѣстничествомъ (т. е. конкуренціей), въ коемъ находятся купцы сего государства съ другими на иностранномъ рынкѣ». Онъ указывалъ на опасность: «иностранцы могутъ уменьшить потребленіе свое, или иногда даже начинать сами производить сіи предметы; и въ такомъ случаѣ сбудутся слова Свифта, что въ финансовой ариѳметикѣ два и два часто дѣлаютъ не четыре, но одинъ» (2 изд. 1819 г. стр. 172—74).

Но число товаровъ, которые производились бы исключительно въ странѣ, и въ Россіи, и въ другихъ государствахъ все болѣе и болѣе сокращалось. Всѣ важнѣйшіе товары, облагаемые прежде вывозными пошлинами, становились объектами международной торговли, должны были выдерживать конкуренцію на міровомъ рынкѣ. А въ этомъ случаѣ, хотя казна и получаетъ отъ этихъ пошлинъ доходъ, но страна, ея народное хозяйство, несетъ отъ нихъ одинъ убытокъ. Они оказываютъ такое же вліяніе на вывозъ товара, какъ привозныя пошлины, которыя товаръ уплачиваетъ въ другихъ странахъ, съ той лишь разницей, что фискальный доходъ получаетъ наша таможня, а не иностранныя казначейства. Привозныя пошлины запираютъ дверь снаружи, вывозныя — закрываютъ ее извнутри; въ первомъ случаѣ надо платить на чужой территоріи, чтобы попасть на нее, во второмъ — у себя дома, чтобы пройти таможенную черту. Особенно печально это должно отзываться на вывозѣ, если другія страны дѣйствуютъ благоразумнѣе, не взимаютъ вывозныхъ пошлинъ, открываютъ своимъ товарамъ двери для выѣзда за границу. Тогда государство съ вывозными пошли-

нами ставить свои товары въ исключительное положеніе— какъ если бы имъ приходилось уплачивать привозныя пошлины въ то время, какъ ихъ конкуренты изъ другихъ странъ освобождены отъ этого. Что же дѣлать производителямъ такихъ товаровъ? Либо повысить цѣну на сумму пошлины, т. е. переложить пошлину на потребителя, но тогда тѣ же товары изъ другихъ странъ, не неся пошлины, будутъ продаваться дешевле и вытѣснятъ ихъ. Либо взять ее на себя, т. е. вывозить товаръ на невыгодныхъ условіяхъ.

Иное дѣло, если страна пользуется монополіей. Когда итальянскіе города были единственными, снабжавшими всю Европу шелковыми матеріями, когда Англія вывозила тонкія и легкія узорныя ткани, которыя не производились въ другихъ странахъ, а Франція при Кольберѣ создала свое производство кружевъ, зеркалъ, дорогихъ духовъ и галантерейныхъ товаровъ, на которые были падки и нѣмцы, и австрійцы, и другія націи, ихъ не выдѣлывавшія,—тогда, еще въ XVIII ст., можно было произвольно устанавливать цѣны на эти товары, и покупатель ихъ охотно платилъ. Тогда утверждали, что покупатель несетъ вывозныя пошлины, взимаемыя съ этихъ издѣлій, и это утвержденіе было правильно. Но постепенно положеніе измѣнилось, и John Sinclair въ 1790 г. могъ уже заявить, что «неправильность этого взгляда доказана». Другія страны стали создавать у себя тѣ же отрасли производства, ту же шелковую, шерстяную, зеркальную и т. д. промышленность, и монополія исчезла, потребитель уже отказывался брать на себя вывозную пошлину. Желѣзныя дороги, эти артеріи, создавшія міровой рынокъ, заокеанское пароходство, какъ бы уничтожившее океаны, отдѣляющіе одни части свѣта отъ другихъ, революціонировавъ все хозяйство, упразднивъ все, что не могло или не желало идти въ уровень съ новой экономической организаціей, нанесли ударъ и вывознымъ пошлинамъ. Пришлось отказаться отъ этого источника дохода не только при вывозѣ фабрикатовъ, но и сырья; шерсть и ленъ, каменный уголь и чугуны, мѣдъ, кожи,—все стало объектомъ міровой торговли, все должно было выдерживать международную конкуренцію, а

вывозныя пошлины были тѣмъ свинцомъ, который тянетъ внизъ, не даетъ свободно двигаться, вести экономическую борьбу съ конкуррентами на равныхъ основаніяхъ.

Вывозныя пошлины являлись плотью отъ плоти той эпохи, когда «гордый и высокомерный купецъ»,—какъ его описываетъ экономистъ XVIII вѣка—не спѣша обслуживалъ обычный кругъ покупателей, мало интересуясь вкусами и привычками ихъ, вывозя за границу лишь немногіе, занимавшіе особое положеніе на иностранныхъ рынкахъ, товары, предназначенные для высшихъ классовъ населенія, и устанавливая цѣны ихъ по своему усмотрѣнію, зная, что богатая аристократія ихъ всегда заплатитъ. Но они являлись анахронизмомъ для эпохи мірового хозяйства, такимъ анахронизмомъ, какимъ былъ бы вельможа временъ Людовика XIV въ напудренномъ парикѣ и золоченомъ кафтанѣ, появившійся въ современномъ обществѣ; являются пережиткомъ въ ту эпоху, когда господствуетъ принципъ: «время—деньги», когда экспортеру приходится бѣгать и «ухаживать» за покупателемъ, вести отчаянную борьбу съ конкуррентами, всячески пытаясь втиснуть свой товаръ въ толпу товаровъ, обращающихся на иностранныхъ рынкахъ, когда каждая страна старается экспортировать возможно больше и возможно болѣе разнообразныя товары, когда всякая липняя копѣйка отзывается на успѣшности экспорта и правительство вынуждено не только устранять препятствія въ области экспорта, но нерѣдко вдаваться и въ иную крайность: не только не брать ничего отъ экспортеровъ, но еще возмѣщать имъ уплаченные при ввозѣ пошлины на сырье, изъ котораго выдѣланъ товаръ, и даже прибавлять изъ своего кармана для поощренія вывоза—выдавать вывозныя преміи.

Законодателю пришлось пустить въ ходъ свою сѣкиру отмѣняющихъ постановленій. Въ обширномъ лѣсу вывозныхъ пошлинъ зазвучалъ топоръ дровосѣка, цѣлыя группы ставокъ стали падать, образовались обширныя прогалины—путь для экспорта расчищался. Началось, какъ мы видѣли, уже въ XVIII ст. съ пошлинъ на фабрикаты, которые ранѣе, чѣмъ сырье, становятся объектами международной торговли; но

затѣмъ принялись и за сырье; послѣднее долго облагалось не только изъ фискальныхъ, но также и прежде всего изъ экономическихъ, охранительныхъ соображеній—сохранить въ странѣ и удешевить нужную промышленности шерсть, ленъ, кожи, бумажную массу и т. д. Но не довольствуясь туземнымъ сырьемъ, промышленники стали вскорѣ обращаться за нимъ къ міровому рынку. Къ чему были тогда вывозныя пошлины, эти смягченныя запрещенія вывоза,—затѣмъ препятствовать сельскому хозяйству сбывать свои продукты на наиболѣе выгодномъ рынкѣ?

Работа предстояла, слѣдовательно, не малая: запрещенія вывоза и вывозныя пошлины и притомъ пошлины, какъ фискальнаго, такъ и охранительнаго характера,—все это надо было упразднить, все должно было пойти на смарку.

И тутъ первая начала дѣйствовать Англія, выступая одновременно на два фронта—поцѣды не было стѣсненіямъ торговли, будь то привозъ или вывозъ. Въ 1825 г. сошли со сцены насчитывавшія многовѣковую исторію запрещенія вывоза шерсти и кожъ. Правда, пока непроходимыя загражденія еще не были просто сняты и путь освобожденъ, а лишь замѣнены болѣе низкимъ заборомъ—пошлинами и даже значительными съ тѣхъ же товаровъ. Высоко облагался еще и каменный уголь; вывозъ простыхъ машинъ былъ въ 1825 г. дозволенъ, тогда какъ новѣйшія усовершенствованія и, вообще, сложные аппараты не должны были проникать за границу, оставаясь монополіей Англіи. Но это было въ сущности все—во всѣхъ другихъ случаяхъ отъ вывозныхъ пошлинъ сохранилось одно громкое названіе: взималось $\frac{1}{2}$ проц. съ цѣны; это обозначало, что въ сущности они уже вымерли. Въ 40-хъ годахъ пришлось покончить и съ немногими остававшимися (упомянутыми) стѣсненіями. Постановленіе о недопущеніи вывоза сложныхъ механизмовъ оказывалось столь же неосуществимымъ, какъ и сохранявшееся еще запрещеніе эмиграціи искусныхъ рабочихъ; сплошь и рядомъ самыя хитроумныя части механизмовъ пропускались, а простые инструменты задерживались, машины вывозились по частямъ, въ моделяхъ, рисункахъ и чертежахъ; механики привлекались за границу высокими заработками, удержаніе ихъ въ странѣ противорѣ-

чило свободѣ передвиженія. Наконецъ, каменноугольная промышленность уже имѣлась на континентѣ, и обложеніе при вывозѣ каменнаго угля било самихъ же англійскихъ экспортеровъ. Такимъ образомъ, Англія уже не въ состояніи была бороться съ возникновеніемъ крупной фабричной промышленности въ другихъ странахъ, обрекая ихъ на невозможность полученія изобрѣтенныхъ въ Англіи машинъ, привозимаго оттуда каменнаго угля, народившагося класса опытныхъ англійскихъ механиковъ и рабочихъ. Дальнѣйшая борьба оказывалась безплодной; пришлось убрать и эти преграды. Въ 1850 г. пала послѣдняя сиротливо стоявшая еще въ англійскомъ тарифѣ вывозная пошлина—на каменный уголь, вывозимый на иностранныхъ судахъ. Лишь въ 1901 г. англо-бурская война съ ея чрезвычайными расходами, заставила вернуться къ вывозной пошлинѣ на каменный уголь, но теперь уже изъ фискальныхъ соображеній. Уголь облагался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но въ 1906 г. былъ снова освобожденъ отъ пошлины. Хотя Англія и занимала первенствующее мѣсто по снабженію міра каменнымъ углемъ, но все же получилось вытѣсненіе ея въ различныхъ странахъ, гдѣ она являлась поставщикомъ каменнаго угля; мѣсто ея заняли въ особенности нѣмцы, доставлявшіе уголь дешевле; имъ не приходилось платить вывозной пошлины.

И Франція, гдѣ не только привозныя пошлины, но даже запрещенія привоза вплоть до половины XIX ст. пышно цвѣли, въ области вывоза не отставала отъ своей заморской сосѣдки, не щадила вывозныхъ пошлинъ. Уже въ 1701 г., въ особенности же въ 1743 г. исчезаютъ вывозныя пошлины на ткани, шляпы, бумагу; въ тарифѣ 1791 г. та же участь постигла всѣ пошлины на вывозимые фабрикаты, такъ что фискальныхъ вывозныхъ пошлинъ Франція почти не знала болѣе. Облагались попрежнему свѣстные припасы, особенно хлѣбъ, далѣе, сырье и полуфабрикаты,—ради сохраненія ихъ въ странѣ. Но въ 1841 г. и отъ большей части ихъ остались только слѣды въ видѣ чисто-номинальной ставки въ $\frac{1}{4}$ проц. съ цѣны; лишь для нѣсколькихъ предметовъ сырья (строительнаго лѣса, шелка, кожь) они были еще высоки.

Въ 1860 г. нанесенъ послѣдній ударъ—въ вывозномъ тарифѣ сохранились лишь ставки на отбросы: тряпье, полубумажную массу и старые канаты; но и они вскорѣ канули въ лету.

Въ 1871 г. правительство, нуждаясь въ средствахъ на покрытіе расходовъ франко-прусской войны, сдѣлало попытку возстановить ихъ на нѣкоторые товары (вино, спиртъ и др.), но парламентская коммисія похоронила проектъ.

Въ Германіи прусскимъ тарифомъ 1818 г. былъ установленъ новый для того времени принципъ: вывозъ по общему правилу свободенъ отъ пошлинъ, исключенія указываются въ тарифѣ. Такихъ исключеній было тогда, однако, такъ много, что они уничтожали самое правило; въ особенности сырье высоко облагалось. Но затѣмъ постепенно стали дѣйствительно осуществлять положеніе закона; одни вывозныя пошлины отменялись, другія понижались. Въ Баденѣ вывозныя пошлины еще въ 1820 г. доставляли 165 тыс. гульд. дохода, т. е. $\frac{2}{3}$ того, что получалось отъ привозныхъ пошлинъ (250 тыс.), десять лѣтъ спустя отъ привозныхъ пошлинъ поступало уже въ 5 разъ болѣе (696 тыс.), чѣмъ отъ вывозныхъ (140 тыс. гульд.). Въ 1861 г. таможенный союзъ упразднилъ почти всѣ; остались лишь ставки на шерсть, кожу и шкуры, тряпье, конскій волосъ и еще нѣсколько предметовъ сырья. А по торговому договору съ Франціей 1862 г., вывозныя пошлины взаимно вычеркивались, за исключеніемъ лишь пошлинъ на тряпье и другіе отбросы. Наконецъ, имперскій тарифъ 1873 г. въ интересахъ «бѣдныхъ тряпичниковъ» упразднилъ послѣдніе остатки—пошлину на тряпье, несмотря на сильный протестъ владѣльцевъ бумажныхъ фабрикъ, которые требовали сохраненія ихъ до тѣхъ поръ, пока главные поставщики тряпья для Германіи—Россія и Австрія затрудняютъ вывозъ его. Съ этихъ поръ вывозныхъ пошлинъ въ Германіи не было, и «никто не пролилъ слезы надъ ихъ могилой» (Lotz).

Въ 1900 и 1906 г.г. Германія однако рѣшила воскресить эти орудія вывозной политики—ввести вывозную пошлину на каменный уголь, въ виду недостатка его, въ особенности же на кали, важное удобрительное средство, которымъ она обладаетъ, но котораго нѣтъ въ другихъ странахъ; Соеди-

ненные Штаты вынуждены имъ запасаться въ Германіи, Америка и будетъ уплачивать пошлину на кали; они удобное оружіе и въ борьбѣ съ синдикатами, которые держатъ цѣны въ странѣ на весьма высокомъ уровнѣ, но тѣ же товары дешево выбрасываютъ за границу. Вывозная пошлина, задерживая экспортъ, тѣмъ самымъ усиливаетъ предложеніе въ странѣ и получится пониженіе цѣнъ. Но опасались отвѣтныхъ репрессій со стороны заокеанской республики, въ случаѣ обложенія кали при вывозѣ, да и продуктъ этотъ можетъ быть замѣненъ другими удобреніями, такъ что монопольнаго положенія не занимаетъ. Грозитъ и перепроизводство и гибель многихъ предпріятій, въ случаѣ невозможности экспорта: выиграютъ отъ паденія цѣнъ на кали одни лишь крупные землевладѣльцы, которые будутъ его дешево покупать. Проектъ былъ положенъ подъ сукно.

Швейцарскій тарифъ 1851 г. еще кишѣлъ вывозными пошлинами; въ итальянскомъ тарифѣ 1866 г. можно насчитать 57 статей, обложенныхъ при вывозѣ. Лишь въ 70-хъ годахъ эти пошлины уходятъ въ вѣчность, но все же ни Италія, ни Швейцарія не избавились отъ нихъ вполне. Напротивъ, Швеція съ 1863 г., Бельгія съ 1868 г., Нидерланды съ 1877 г. распростарились съ ними совершенно.

И въ Россіи въ теченіе первой половины XIX ст. былъ объявленъ походъ противъ вывозныхъ пошлинъ. Они понижаются, число облагаемыхъ товаровъ сокращается; въ 1824 г. они, напр., сбавлены на сырье, «остающееся за излишкомъ безъ пользы для фабрикъ», а съ вывоза обработанныхъ издѣлій эти оковы сняты совсѣмъ. Въ тарифѣ 1857 г. пестрѣло около 25 вывозныхъ статей, исключительно сырья (въ томъ числѣ хлѣбъ, скотъ, ленъ, пенька, мѣдъ, поташъ, сало, сырая кожи, тряпье), но пошлины умѣренные. Нарушалась стройность тарифа и нѣсколькими запрещеніями вывоза, напр., дегтя, коры древесной, желѣзной руды (послѣдней черезъ польскія таможи), кредитныхъ билетовъ. Въ 1864 г. прекратили свое существованіе всѣ еще оставшіяся вывозныя статьи, за исключеніемъ лишь костей, піявокъ, тряпья, цинковой руды, яичекъ шелковичнаго червя.

Къ началу XX вѣка запрещенія вывоза составляли въ Европѣ анахронизмъ, встрѣчавшійся лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, вродѣ напр., запрещенія въ Италіи вывоза предметовъ искусства (для сохраненія ихъ въ странѣ); въ Россіи, въ цѣляхъ полицейскихъ или государственной обороны—билетовъ государственнаго казначейства (ст. 8), оружія и пороха по азіатской границѣ или изъ портовъ Чернаго или Азовскаго моря (въ Китай и по европейской границѣ, ст. 9). На вывозъ желѣзной руды и шлаковъ изъ таможенъ Царства Польскаго у насъ необходимо было особое каждый разъ разрѣшеніе, которое получить было нелегко, ибо наша руда не должна была питать силезскую промышленность; при этомъ взималась пошлина въ $1\frac{1}{2}$ коп. съ пуда (ст. 5). Вывозъ голубей не дозволенъ, такъ какъ, если ихъ вывезти за границу, то они прилетаютъ въ прежнія мѣста; такъ что могутъ выдать, якобы, военныя тайны.

Но если запрещенія вывоза—какъ впрочемъ и привоза—по общему правилу исчезли (чрезвычайныя обстоятельства, напр. неурожай хлѣбовъ 1891 г. у насъ, слабый сборъ кормовыхъ средствъ въ Германіи и Австріи, кукурузы въ Румыніи заставляли временно закрывать выходъ изъ страны этимъ припасамъ),—то и вывозныя пошлины въ Европѣ составляютъ достопримѣчательность, которая водится лишь въ немногихъ тарифахъ, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ; вывозныя пошлины, какъ массовое явленіе, давно прекратили свое существованіе. Въ то время, какъ привозныя пошлины являлись всегда какъ бы необходимымъ членомъ нашего тѣла, составной частью нашего «я»,—мыслима ли исторія послѣднихъ десятилѣтій безъ пограничныхъ таможенъ и привозныхъ пошлинъ? —вывозныя пошлины, послѣ капитальной чистки въ серединѣ минувшаго столѣтія, сохранились въ видѣ отдѣльныхъ, случайно уцѣлѣвшихъ пней огромнаго когда то лѣса, да и дни послѣднихъ уже сочтены. Но и тамъ, гдѣ еще красуется этотъ пережитокъ добраго стараго времени, онъ преслѣдуетъ не фискальныя цѣли, а удержаніе въ странѣ сырья и отбросовъ, если ихъ мало; иногда идутъ и дальше, обнаруживая желаніе создать промышленность,

которая перерабатывала бы это сырье дома, выпускала бы его въ готовомъ видѣ.

Отсюда давнишнія пошлины на вывозъ тряпья и лоскутъ всякаго, шерстяныхъ обрѣзковъ и бумажной полумассы—они должны снабжать матеріаломъ ту промышленность, которая даетъ возможность воспроизводить человѣческую мысль и слово. Но когда бумагу стали выдѣлывать не изъ тряпья, а изъ целлюлозы, пошлина эта оказалась, очевидно, архаизмомъ. Германія и Франція, Бельгія и Нидерланды ее дѣйствительно убрали; но Италія, Испанія, Швейцарія и Румынія никакъ не могутъ на это рѣшиться. Россія же хотя и внесла ее по старой памяти (она имѣлась съ 1868 г., когда бумажное производство еще только зарождалось, а нужное ему тряпье уходило за границу) въ свой тарифъ 1903 г., но въ 1904 г. Германія при заключеніи торговаго договора этого не допустила.

Въ Швеціи и Норвегіи, въ Румыніи обложенъ вывозъ сырого лѣса. Цѣль — предотвратить облысеніе страны и поощрять лѣсопильное и деревообрабатывающее производство. У насъ эта пошлина имѣлась до 1868 г., затѣмъ, въ 1890 г. возродилась вновь, но лишь въ качествѣ исключенія для нѣкоторыхъ, особенно цѣнныхъ, сортовъ дерева (орѣховое и пальмовое и орѣховый—очень дорогой—наплывъ). Мы попытались возстановить и ее въ прежнемъ видѣ, но Германія въ 1904 г. и на это наложила свое veto — по договору, сырой или отесанный лѣсъ вывозится свободно и беспошлинно.

Пошлины на руду держались вплоть до Брестскаго договора 1918 г. въ нашемъ тарифѣ — на желѣзную руду при вывозѣ чрезъ западную границу, поскольку она вообще допускалась къ вывозу (см. стр. 162), далѣе, на свинцовую, цинковую (галмей) и мѣдную. Они имѣются и въ Италіи (съ желѣзной, свинцовой и мѣдной руды) — столь бѣдной металлами, хотя пошлина ей не помогаетъ, руда все-таки уходитъ за границу, куда ее манятъ болѣе выгодныя условія обработки. Находимъ ихъ и въ Испаніи, но преграды, которыя ставятся свинцу, выгодны лишь для немногихъ извлекающихъ серебро (серебро-свинцовыхъ) рудниковъ, пошлина же на желѣзную руду

имѣть тамъ совершенно иную, фискальную, фізіономію; экспортъ этой руды широко поставленъ и долженъ дать испанской казнѣ надлежащій доходъ.

Наконецъ, до нынѣшняго времени мы взимали вывозную пошлину съ костей—такъ поступаютъ и Швейцарія, Испанія, Сербія—чтобы сохранить этотъ удобрительный матеріалъ земледѣльцу. Пошлины же на сырыя кожи, рога и копыта, и до сихъ поръ здравствующія въ Швейцаріи, Сербіи, Румыніи (поощреніе кожевенной промышленности и производства гребней, пуговицъ и т. д.), у насъ не пережили 60-хъ годовъ: ясно было, что мы не въ силахъ обрабатывать все сырье этого рода и только затрудняемъ ему конкуренцію на иностранныхъ рынкахъ.

Быль у насъ попрежнему обложенъ и вывозъ яичекъ шелковичныхъ червей—для производства изъ нихъ коконовъ, которые представляютъ интересъ для Кавказа и Туркестана. Отсюда мы вывозили коконы во Францію и въ Италію; послѣдняя, весьма нуждаясь въ иностранныхъ коконахъ для своего производства шелка-сырца и шелковыхъ матерій—важнѣйшихъ отраслей итальянскаго экспорта—добилась, по договору съ нами 1907 г., беспошлиннаго вывоза изъ Россіи шелковичныхъ коконовъ, такъ что обложенными являлись только яички шелковичныхъ червей. Наконецъ, пошлина взималась у насъ съ вывоза каучуковыхъ отбросовъ.

Большую живучесть вывозныя пошлины обнаруживаютъ—въ противоположность Европѣ—въ заокеанскихъ странахъ. Но выступаютъ они и здѣсь въ старой фискальной роли, которую выполняли когда-то на европейской сценѣ. Они—важный источникъ, орошающій бѣдную государственную казну экзотическихъ странъ. Полуденнымъ странамъ, съ ихъ яркимъ, все озаряющимъ солнцемъ, съ вѣчносинимъ небомъ, съ многоцвѣтными красками ландшафта, природа создаетъ исключительное положеніе. Тропическая флора и фауна даетъ имъ такіе продукты, которыхъ суровая и холодная Европа производить не можетъ. Эту монополію различныхъ товаровъ они и стараются эксплуатировать.

Монопольное положеніе занимаетъ Чили въ области селитры, Перу въ отношеніи гуано (удобреніе), Куба въ производствѣ высшихъ сортовъ табака, Эквадоръ въ сбытѣ панамской соломы для шляпъ и т. д. Чай и кофе, перецъ и имбирь, слоновая кость, красное дерево, каучукъ и гуттаперча и многіе другіе продукты могутъ вынести пошлины при вывозѣ, — ихъ платитъ европейскій покупатель. А если не удастся переложить пошлину на него, — разсуждаетъ государство — то и это не бѣда: прибыль отъ сбыта этихъ товаровъ такъ велика, что производитель или экспортеръ могутъ пожертвовать часть ея казнѣ, нуждающейся въ средствахъ.

Французскія и португальскія колоніи, Мексика, Филиппинскіе острова, Конго, Персія широко распоряжаются этими уже отжившими въ Европѣ инструментами. То, что въ Старомъ свѣтѣ является остаткомъ отъ прежнихъ эпохъ, въ молодыхъ заокеанскихъ странахъ еще находится въ полномъ расцвѣтѣ. Въ Турціи и Египтѣ всѣ вывозные товары подлежатъ пошлинѣ, какъ это было въ Европѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ, но только опекающая ихъ Европа заставила ихъ ограничиться пошлиной въ 1 проц., тогда какъ сама она когда-то не встрѣчала препятствій въ своихъ дѣйствіяхъ. Изъ европейскихъ странъ Италія имѣетъ возможность взимать фискальную пошлину съ сѣры, Испанія и Португалія — съ пробковой коры, — немногихъ продуктовъ, сохранившихъ еще въ Европѣ монопольный характеръ.

Но конкуренція, столь убійственная для вывозныхъ пошлинъ, проникла и въ тропики. Произведенія однихъ странъ стали переносить въ другія и прививать ихъ тамъ, создавать новыя плантаціи кофе, какао, пряностей; столь выгодное производство ихъ стало быстро расти, перегоняя спросъ на міровомъ рынкѣ. И заокеанскія страны узнали, что такое конкуренція, перепроизводство, паденіе цѣнъ, кризисъ. Пришлось разстаться въ такихъ случаяхъ съ вывозными пошлинами. Китай снялъ ихъ для вывозимаго чая со времени появленія конкуренціи Цейлона и Британской Индіи. Цейлонъ, въ свою очередь, пожертвовалъ пошлинами на вывозъ корицы; широкое распространеніе, благодаря высокимъ цѣнамъ,

плантацій въ тропическихъ странахъ, Явѣ, Гвіанѣ, лишило его монопольнаго положенія. Перепроизводство кофе, по сравненію съ спросомъ на міровомъ рынкѣ, заставило Бразилію сбавить вывозныя пошлины на кофе и даже временно отказаться отъ нихъ ¹⁾).

Въ Соединенныхъ Штатахъ вывозныхъ пошлинъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть—конституція запрещаетъ «взиманіе какихъ бы то ни было налоговъ или сборовъ на таможенныхъ съ товаровъ, экспортируемыхъ изъ какого-либо изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ».

II.

Война и въ области вывоза—какъ и въ сферѣ привоза—воскресила старинные, давно забытые приемы, вернула имъ то положеніе, которое они когда то занимали. Въ Россіи, напр., осенью 1914 года былъ запрещенъ вывозъ хлѣба, мяса, яицъ, масла коровьяго, рыбы, сала, овощей, птицы и дичи, животныхъ, лѣсныхъ матеріаловъ, каменнаго угля, нефти и издѣлій изъ нея, кожъ и шкуръ, шерсти, селитры; особымъ распоряженіемъ запрещенъ вывозъ руды марганцевой, мѣди, латуни, стали, свинца. Вывозъ запрещенъ былъ чрезъ сухопутную границу Европейской Россіи и чрезъ всѣ порты (Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей). Этотъ длинный списокъ запрещеній, свидѣтельствуя о возвращеніи и тутъ къ рѣшительнымъ и рѣзкимъ мѣрамъ, свойственнымъ военному времени, означалъ еще болѣе крутой поворотъ къ старому, чѣмъ принадлежащія къ той же семьѣ запрещенія привоза, возвратъ не къ прошедшему, а къ давнопрошедшему, ибо не только запрещенія вывоза, но и ихъ преемники и продолжатели—вывозныя пошлины были уже вполне и основательно забыты.

¹⁾ Иной характеръ имѣетъ обложеніе страусовъ—пошлина въ 100 ф. ст. (въ Южной Австраліи) привела къ тому, что вывозъ ихъ упалъ съ 933 штукъ въ 1881 г. до нуля въ 1884 г.—но такова была именно цѣль пошлины.

Правда, во время войны у насъ и о нихъ снова усердно заговорили. Надо обрабатывать сырье дома, а не выпускать за границу: лѣсъ вывозится въ сыромъ видѣ за границу, а наша деревообрабатывающая промышленность испытываетъ лѣсной голодъ. Круглый лѣсъ изъ Вильны идетъ на лѣсопильни Восточной Пруссіи, а кіевскіе заводы жалуются на недостатокъ матеріала; орѣхъ и пальма уходятъ во Францію и возвращаются обратно въ Петроградъ въ видѣ пропеллеровъ для аэроплановъ. Плѣтничный и столярный промыселъ, лѣсопильный, спичечный и писчебумажный (послѣднему нужна целлюлоза), — всѣ въ одинъ голосъ домогались вывозной пошлины, и хотя получили въ результатѣ ставку въ 1 коп. съ пуда круглаго лѣса (вывозимаго чрезъ западную сухопутную и балтійскую морскую границу, но остались недовольны ея размѣрами и добивались дальнѣйшаго повышенія.

Но во время войны пошлина имѣла чисто платоническій — даже не фискальный характеръ — лѣсъ удерживался въ странѣ запрещеніями. Все сводилось къ принципиальной сторонѣ — воспользоваться тѣмъ, что договоръ съ Германіей былъ разорванъ, а онъ отнималъ право облагать лѣсъ при вывозѣ: теперь руки были развязаны и можно было готовить себѣ для будущаго, послѣ-военнаго, времени новыя средства оживленія промышленности. Но расчетъ былъ слабый. Что могли сдѣлать одни стѣсненія вывоза сырья, при дорогомъ стоющемъ, но мало производительномъ трудѣ, при отсутствіи техникувъ и обученныхъ мастеровъ, при необходимости отыскивать вышедшія изъ моды машины на «кладбищахъ» у старьевщиковъ? Какая могла получиться лѣсопильная, деревообдѣлочная и всякая иная промышленность?

Перечисляли и много другихъ продуктовъ, «которые сами напрашиваются на вывозныя пошлины», какъ напр. руды желѣзныя изъ Кривого Рога, руды марганцевыя, пушной товаръ, кожи сырыя, щетина, отруби, жмыхи. Такимъ путемъ — утверждали у насъ — не только создадимъ новыя отрасли національной индустріи, но и откроемъ казнѣ, совершенно обезкровленной военными расходами, новый цѣлебный источ-

никъ. Платить ихъ будутъ нѣмцы, ибо при отсутствіи сырья послѣ войны, покупатель дастъ все, что отъ него потребуютъ, лишь бы получить матеріалы, а слѣдовательно, сырье обойдется имъ дороже, чѣмъ намъ, получится преимущество для русской промышленности; окажется и козырь въ нашихъ рукахъ при заключеніи будущаго русско-германскаго торговаго договора, объектъ для торга, для различныхъ компенсацій. Основанія для возвращенія къ вывознымъ пошлинамъ имѣлись. Война вѣдь повернула хозяйственную жизнь народовъ вспять, возродила давно погибшее заменное національное хозяйство, упразднила конкуренцію, міровой рынокъ, а на сценѣ національнаго хозяйства вывозныя пошлины являются обычной, постоянной декораціей, необходимымъ и вполне естественнымъ аксессуаромъ. До тѣхъ поръ, пока этотъ реставрированный періодъ не канетъ вновь въ лету, до тѣхъ поръ, пока учиненныя войной прорѣхи въ добычѣ жизненныхъ припасовъ и сырья и созданныя ею же послѣдствія необычайной прожорливости въ поглощеніи сырья на военные цѣли,— пока и то другое не будетъ наवरстано, покрыто, возвращено къ нормальному состоянію, до тѣхъ поръ такое безтоварье, такой, въ особенности сырьевой, голодъ даетъ возможность обложить иностраннаго покупателя вывозной пошлиной, прибавить къ сильно поднявшимся цѣнамъ еще и эту мзду въ пользу казны.

Эти идеи, въ особенности какъ средство борьбы съ германской индустріей, пропагандировались и въ другихъ враждебныхъ Германіи странахъ. Англія успѣла уже ввести вывозную пошлину на пальмовыя зерна (которая остается въ силѣ въ теченіе не менѣе пяти лѣтъ по окончаніи войны), удорожая матеріалъ для нѣмецкихъ маслобоенъ, въ интересахъ англійскихъ. А въ постановленіяхъ Парижской экономической конференціи 1916 г. прямо говорилось, что «союзнники предоставятъ другъ другу естественныя богатства своихъ странъ и облегчатъ обмѣнъ этими продуктами».

Германія не на шутку испугалась такого плана взять ее изморомъ, отнимая у нея сырье или удорожая его. Но рѣшенія союзниковъ, принятыя въ Парижѣ, сослужили ей службу.

Они явились тѣмъ случайно обнаруженнымъ планомъ атаки противника, который, открывая его карты, указываетъ, какъ предупредить внезапное наступленіе, куда направить свои удары. Мѣропріятія Германіи и являются ничѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на постановленія Парижской конференціи. Тамъ еще только судили, да редили, а Германія уже на это отвѣчала рѣшительными и сильными дѣйствіями, отзывавшимися, подобно ударамъ молота, на несчастномъ народномъ хозяйствѣ Россіи. Весь Брестскій миръ и является такой предупреждающей наступленіе контръ-атакой, построенъ на принципѣ—разстроить обнаружившіеся на Парижской конференціи планы союзниковъ, смѣшать ихъ карты. Мы увидимъ это дальше повсюду и вездѣ, встрѣтимъ на каждомъ шагу.

Въ частности въ области вывоза Германія прежде всего снимаетъ вновь вставленную нами во время войны пошлину на лѣсъ, такъ что Россія не можетъ ни запрещать вывозъ сырого или отесаннаго лѣса, ни облагать его вывозными пошлинами. Но затѣмъ она идетъ и далѣе, выбрасывая и тѣ немногіе остатки вывозныхъ пошлинъ, которые еще доживали свой вѣкъ въ старомъ тарифѣ и на которые она въ 1904 году еще пошла. Вывозъ всякаго рода руды объявленъ, по Брестскому миру, свободнымъ и беспошлиннымъ. Такъ что и запрещеніе вывоза желѣзной руды по западной границѣ, и пошлина въ $1\frac{1}{2}$ коп., въ случаѣ полученія особаго разрѣшенія на вывозъ этой руды, и ставки на руду свинцовую, цинковую (галмей) и мѣдную, сразу пошли на смарку. А чего на успѣла сдѣлать Германія, то докончила Австрія. Тѣмъ же мирнымъ договоромъ она «выговорила» себѣ беспошлинный вывозъ изъ Россіи (онъ, конечно распространяется на Германію и на прочія страны) костей, тряпья и лоскутъ и каучуковыхъ отбросовъ (прил. 3, п. 3). Тряпье и лоскутъ все-равно не могутъ облагаться, въ силу возродившагося тарифа 1904 года, кости же и каучуковые отбросы до сихъ поръ платили пошлину при вывозѣ; только теперь и эти ставки упразднены.

Такъ Германія и Австрія совмѣстными силами почти совершенно очистили и безъ того уже сильно сжавшуюся «роспись товаровъ отпускныхъ» — остались одни ставки на яички шелковичныхъ червей, да на дерево пальмовое и орѣховое (если не считать полныхъ запрещеній вывоза оружія, голубей и кредитныхъ билетовъ). А новыхъ пошлинъ мы, по тому же договору, вносить не смѣемъ — старый тарифъ закрѣпленъ полностью, измѣненіямъ не подлежитъ вовсе (см. ниже, гл. VIII).

Изъ того, что Германія гарантировала себѣ двѣ вещи — свободный и безпошлинный вывозъ лѣса, съ одной стороны, и руды, съ другой, видно, гдѣ она болѣе всего чувствуетъ опасность, откуда ожидаетъ наступленія врага въ будущей экономической войнѣ. Изъ полученнаго Германіей въ 1912 г. на 406 милл. мар. лѣса 164 милл. или 40 проц. составлялъ русскій лѣсъ — эти 40 проц. она себѣ обезпечила во всякомъ случаѣ. Въ области металловъ мы до сихъ поръ давали Германіи немного, привозъ ихъ шелъ отъ ея противниковъ на Западѣ: мѣдь почти цѣликомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ (въ 1912 г. 217 милл. мар. изъ 313 милл.), отчасти изъ Австраліи (15,7 милл.), цинковая и свинцовая руда изъ Австраліи (первая — 22,2 милл. изъ 40,5, вторая — 25 милл. изъ 30,1), вольфрамъ изъ Австраліи и Великобританіи (2,1 и 2,1 милл. изъ 9 милл. мар.). Только ферроманганъ получался изъ Россіи и Индіи (12,8 и 6,1 милл. изъ 21,5 милл.) а платина всецѣло изъ Россіи; желѣзная же руда главнымъ образомъ изъ Швеціи и Испаніи (по 72—73 милл. мар. изъ 201), отчасти также изъ Франціи и Россіи (по 17 милл.).

Но именно это-то обстоятельство — зависимость отъ Соединенныхъ Штатовъ, Великобританіи и ея колоній дѣлаетъ для Германіи угрозу остаться безъ руды весьма реальной: противники ея по ту и по эту сторону океана могутъ захлопнуть двери передъ своимъ сырьемъ, пытающимся отплыть въ Германію. На полученіе австралійскаго цинка Англія уже заключила контрактъ на время войны и на 10 лѣтъ по окончаніи ея, да и въ самой Австраліи (въ Тасманіи) сооружаются обширные заводы для переработки цинка; со свин-

цомъ можетъ случиться то же самое, между тѣмъ привозъ его составлялъ половину потребляемаго Германіей количества. Россія же не только снабжала ее платиной и ферроманганомъ, занимая въ обоихъ случаяхъ первое и главное мѣсто, но и отдавала Германіи въ послѣдніе годы третью часть своего вывоза цинковой руды, двѣ трети мѣдной и три четверти свинцовой; а желѣзной руды мы, хотя и вывезли въ 1913 г. всего 1,6 милл. пуд. въ Германію, но зато отправили 23,4 милл. изъ 28,7 милл. пуд. всего нашего вывоза въ Голландію, т. е. на Амстердамъ въ ту же Германію; и точно также марганцевой руды прямо въ Германію шло 5,4 милл. пуд., но туда же на Бельгію и Голландію—36 милл. пуд. изъ общаго экспорта въ 72,9 милл. пуд.

Абсолютно, конечно, все это величины небольшія и покрыть даже часть потерь, которыя могутъ нанести Германіи прежніе главные поставщики ея, Россія при томъ же вывозѣ не въ состояніи. Но это нѣмцевъ мало трогаетъ — они сумѣютъ усилить вывозъ, сокращая до минимума наше собственное потребление, сумѣютъ выкачать все, что возможно, представляя намъ обходиться безъ металловъ, какъ и безъ лѣса. Мало того, они расширяютъ и самую добычу рудъ всякаго рода, использовавъ лежащія втунѣ богатства, они проникнутъ въ глубь земли и извлекутъ оттуда сокровища, которыхъ мы не цѣнили и выкапывать не умѣли, и направятъ ихъ къ себѣ на родину. Такъ, гарантировавъ себѣ свободный безошлинный вывозъ руды, нѣмцы тѣмъ самымъ прорвали единый экономическій фронтъ союзниковъ, созданный Парижской конференціей, обезпечили себѣ тылъ, приняли своевременно необходимыя для снабженія своей индустріи мѣры.

Впрочемъ, вывозъ другихъ товаровъ, кромѣ лѣса и руды, мы, согласно Брестскому миру, вправе регулировать. Та же ст. 5 (приб. къ прил. 2), которая позволяетъ примѣнять въ какихъ то неопредѣленныхъ предѣлахъ («такъ, чтобы ощущаться наименѣе тягостнымъ образомъ») и въ теченіе какого-то неизвѣстнаго времени («пока обстоятельства послѣвоеннаго времени потребуютъ») запретительно-разрѣшительную систему къ привознымъ товарамъ (см. выше, стр. 150),

открываетъ этотъ исходъ и для организаціи вывоза, аннулируя въ извѣстныхъ случаяхъ установленную тѣмъ же мирнымъ договоромъ обязательность беспошлиннаго экспорта.

Эта система примѣнялась и во время войны, примѣнялась и къ привозу, но и тутъ не однообразно, ходульно и топорно, а соображаясь съ обстоятельствами. Изъ того, что перечисленные выше (стр. 166) многообразные товары были запрещены, вовсе не слѣдуетъ, что ни одинъ изъ нихъ никуда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ быть вывезенъ. Было прибавлено, что «министромъ финансовъ могутъ быть допускаемы изыятія въ пользу союзныхъ и дружественныхъ Россіи государствъ». Такъ что получалась лишь нормировка вывоза путемъ выдаваемыхъ каждый разъ разрѣшеній. Считались со многими обстоятельствами: съ необходимостью обезпечить населенію товаръ и съ недопущеніемъ его въ непріятельскія страны; но и съ потребностями союзниковъ, которыхъ надо было снабдить, и съ возможностью обмѣнять продукты въ нейтральныхъ странахъ на другіе, болѣе необходимые товары, — система компенсаций, которую при помощи сбыта угля, желѣза, красокъ, химическихъ продуктовъ (по высокимъ цѣнамъ) проводила удачно Германія, гораздо менѣе успѣшно — путемъ вывоза льна и льна — Россія.

Если сразу открыть настежь границы вывозу жизненныхъ припасовъ и сырья можетъ только безумный, если вывозныя пошлины Германія вырвала изъ нашихъ рукъ, такъ что возвращеніе къ этимъ, правда рѣдко выполнявшимъ удачно заданную имъ задачу, инструментамъ вообще невозможно, то что же иное остается на первое время въ области вывоза, какъ не запретительно-разрѣшительная система? Какой иной исходъ можно найти, даже имѣя въ виду ту построенную на фантази, а не на реальной дѣйствительности, организацію вѣншей торговли — сплошная монополія казны — которая намъ приготовлена ¹⁾)?

¹⁾ См. объ этомъ выше, стр. 149.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Запрещенія транзита и транзитныя пошлины.

(См. литер. гл. II и V).

Разъ государство облагало въ свою пользу свои же товары, вывозимые въ другія страны, то тѣмъ болѣе оно имѣло основанія взимать пошлины съ иноземныхъ товаровъ, проходившихъ чрезъ его территорію, провозимыхъ въ третью государства, т. е. идущихъ транзитомъ. Иногда оно шло и дальше, вовсе загораживая имъ проходъ, запрещая транзитъ. Штапельное право давало возможность городу заставить иногороднихъ торговцевъ сбывать привозимые товары мѣстнымъ жителямъ для того, чтобы прибыль отъ вывоза въ другія мѣстности доставалась своимъ, а не иноземцамъ. А государство вовсе не намѣрено было поощрять торговлю другихъ странъ; исходя изъ принципа, что выгода одной страны всегда происходитъ за счетъ убытка, наносимаго другой, оно запрещало нерѣдко транзитъ чрезъ свою территорію, желая сбывать въ той странѣ, куда транзитомъ направляются товары, свои собственные продукты. Если же транзитъ былъ дозволенъ, то товары, конечно, платили, какъ и всѣ другіе вывозимые и привозимые, т. е. облагались дважды — привозной пошлиной при вступленіи на территорію и вывозной при выходѣ изъ нея. Иными словами, транзитныхъ пошлинъ, какъ таковыхъ, не существовало, не было такой особой категоріи пошлинъ, особыхъ постановленій объ обложеніи товаровъ, проходящихъ черезъ страну, но не поступающихъ на внутренний рынокъ.

Но первоначально это не вызывало значительныхъ неудобствъ. Уплачиваемыя на границѣ страны привозныя, а затѣмъ вывозныя пошлины составляли лишь небольшую долю въ томъ безконечномъ количествѣ мостовыхъ, дорожныхъ, гостинныхъ и иныхъ внутреннихъ сборовъ, которымъ подвергался товаръ, пересѣкая страну ¹⁾. Медленно двигаю-

¹⁾ Эти проѣздные сборы, взимаемые со всѣхъ товаровъ, какъ транзитныхъ, такъ и остающихся въ странѣ, не слѣдуетъ смѣшивать съ транзитными пошлинами—послѣднихъ, какъ указано, въ эту эпоху еще не было.

щимся возамъ, нагруженнымъ товарами, останавливаемымъ на каждомъ шагѣ таможенниками, вполне соответствовали двукратно уплачиваемыя пограничныя пошлины съ транзита—они могли легко включаться въ цѣну товара, тормозили транзитъ гораздо меньше, чѣмъ плохія дороги, превращавшіяся въ дождливое время въ болото, гдѣ застревали возы, падали лошади, а нерѣдко погибали и самый грузъ.

Лишь съ улучшеніемъ транспорта, съ проведеніемъ шоссеиныхъ дорогъ и устройствомъ почты, съ сокращеніемъ числа внутреннихъ заставъ, долженъ былъ возникать вопросъ и объ облегченіи транзита въ смыслѣ взимаемыхъ пограничныхъ пошлинъ, — вѣдь провозимые товары не конкурируютъ съ мѣстнымъ производствомъ, зачѣмъ же затруднять ихъ провозъ? Попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ во Франціи уже Кольберъ, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны откупщиковъ таможенныхъ пошлинъ и вынужденъ былъ отказаться отъ своей мысли. Откупщики опасались контрабанднаго провоза, того, что объявленные транзитными товары попадутъ на внутренній рынокъ. И дѣйствительно, мыслимъ ли былъ въ тѣ времена контроль ихъ? Ухищренія контрабандистовъ были такъ велики, контрабанда столь открыто проникла въ страну, контрабандисты давали такія сраженія пограничной стражѣ, что были всѣ основанія предполагать, что они воспользуются льготами, установленными для транзита, въ широкихъ размѣрахъ, сумѣютъ внѣдрить подъ этимъ именемъ всевозможные товары, въ особенности запрещенные къ ввозу; а число такихъ было, какъ мы видѣли, весьма велико. Льготы въ области транзита допускались лишь для колониальныхъ товаровъ и, кромѣ того, въ качествѣ специальныхъ привилегій, дарованныхъ различнымъ заокеанскимъ компаніямъ.

Нидерланды еще въ началѣ XIX вѣка частью вообще запрещали привозъ товаровъ, шедшихъ моремъ въ устьѣ Рейна, частью облагали ихъ, подъ названіемъ «*droits maritimes*» высокими транзитными пошлинами, чтобы воспрепятствовать провозу ихъ вверхъ по Рейну въ Германію и заставить торговцевъ продавать эти товары голландцамъ, которые уже затѣмъ сбывали

бы ихъ въ Германію. Въ Саксоніи провозимые чрезъ страну товары еще въ началѣ XVIII ст. облагались не только всѣми пошлинами и сборами, взимаемыми съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ (въ томъ числѣ внутренними акцизами, по своему характеру близко подходившими къ таможеннымъ пошлинамъ), но во время лейпцигской ярмарки подлежали, кромѣ того, специальному транзитному акцизу (пошлинѣ) для того, чтобы иностранные товары шли на ярмарку и тамъ продавались, а не провозились дальше. Въ Пруссіи обложение идущихъ транзитомъ товаровъ было неодинаково, въ зависимости отъ того, въ какомъ направленіи купецъ везъ товары; понижалось въ интересахъ, напр., Магдебурга, торговлю котораго короли поощряли, повышалось, чтобы затруднить провозъ товаровъ изъ Польши въ Саксонію чрезъ Силезію. Къ концу XVIII ст. былъ разрѣшенъ транзитъ многихъ товаровъ изъ Италіи, Франціи и съ лейпцигской ярмарки въ Россію, съ уплатой 8, позже 3 талеровъ съ центнера, но транзитъ другихъ товаровъ черезъ Пруссію былъ попрежнему закрытъ.

Отношеніе къ транзиту измѣняется, измѣняется, правда, лишь постепенно, начиная со второго и третьяго десятилѣтія XIX вѣка. Совершается это частью въ связи съ общей обстановкой—съ иными таможенными облегченіями, въ видѣ пониженія и отмѣны вывозныхъ пошлинъ, частью потому, что уничтоженіе запрещеній привоза дѣлало транзитъ менѣе опаснымъ, чѣмъ раньше, да и контроль надъ провозимыми товарами былъ теперь лучше организованъ. Факты заставляли помнить и о томъ, что затрудненіе транзита вызываетъ обходное движеніе товаровъ въ другія страны, такъ что конкуренція иностранныхъ товаровъ на третьихъ рынкахъ не устраняется, страна лишь теряетъ доходы, получаемые отъ провоза товаровъ. Чтобы избавиться отъ высокихъ транзитныхъ пошлинъ при провозѣ товаровъ изъ Россіи и Польши чрезъ Силезію въ Саксонію, русскіе и польскіе купцы обходили Силезію и ѣздили въ Саксонію чрезъ Богемію и Моравію, дѣлая огромный кругъ. Нидерланды, послѣ того, какъ Бельгія отъ нихъ отдѣлилась, вынуждены были снять транзитныя пошлины и запрещенія транзита для товаровъ, идущихъ

вверхъ по Рейну: теперь эти товары могли легко пройти моремъ въ Бельгію, а оттуда въ Германію, минуя Нидерланды.

Такимъ образомъ, на отмѣнѣ запрещеній и замѣнѣ привозныхъ пошлинъ специальными пониженными пошлинами движеніе не остановилось. Необходимо было пойти дальше и покончить и съ транзитными пошлинами. Послѣднія являлись лишь временной мѣрой, переходнымъ состояніемъ между двукратнымъ обложеніемъ транзита и полнымъ освобожденіемъ его—они должны были облегчить этотъ переворотъ, смягчить рѣзкость его.

Во Франціи въ 1818 г. былъ дозволенъ транзитъ значительнаго количества товаровъ съ уплатой лишь $\frac{1}{20}$ привозной пошлины, но транзитъ допускался только въ опредѣленныхъ направленіяхъ и не касался запрещенныхъ къ ввозу товаровъ, къ числу которыхъ въ то время относилось большинство промышленныхъ издѣлій. Напротивъ, въ 1832 г. былъ допущенъ и транзитъ послѣднихъ и транзитныя пошлины были установлены въ минимальныхъ размѣрахъ. Они исчезли въ 1845 году, а въ настоящее время имѣются лишь запрещенія транзита военныхъ припасовъ и незаконно перепечатанныхъ книгъ,—въ цѣляхъ, конечно, полицейскаго характера.

Большое значеніе транзитъ имѣлъ всегда для Швейцаріи. Географическое положеніе ея въ центрѣ Европы, на перекресткѣ торговыхъ дорогъ, положеніе страны, вкрапленной между Франціей, Германіей, Австріей и Италіей, сдѣлало ее издавна страной транзита *par excellence*, мѣстомъ, гдѣ проходили товары изъ средней Европы чрезъ Альпы въ Италію и съ запада на востокъ, и Швейцарія всегда умѣла извлекать не только экономическія, но и фискальныя выгоды изъ этихъ естественно создавшихся условій. Но въ половинѣ XIX ст. сохраненіе и тѣхъ и другихъ доходовъ отъ транзита оказывалось несомвѣстимымъ, создавало непримиримое противорѣчіе—приходилось пожертвовать фискальными выгодами, чтобы сохранить транзитъ вообще и связанные съ нимъ заработки населенія. Это поняло правительство вновь образовавшагося въ 1848 г. швейцарскаго союза. «Оживленный транзитъ заявляло оно, дѣйствуетъ какъ теплый дождь, освѣжающій

всю страну. Онъ поощряеть и кормить рядъ промысловъ. Всякое государство старается облегчить транзитъ и перетянуть его къ себѣ, такъ какъ онъ является для многихъ жителей важнымъ промысломъ, который почти не сопряженъ съ рискомъ». Транзитныя пошлины были значительно понижены тарифомъ 1851 г.; транзитъ оживился. Но такъ какъ вскорѣ онъ снова сталъ сокращаться, то въ 1859 г. заставы были еще разъ понижены, на основаніи же договора, заключеннаго Швейцаріей съ Австріей въ 1868 г., совершенно сняты.

Въ Пруссіи еще по тарифу 1818 г. идущіе транзитомъ товары подлежали привознымъ и вывознымъ пошлинамъ, но освобождались отъ наиболѣе крупной статьи обложенія привозныхъ товаровъ — отъ акциза. На основаніи договора съ Россіей 1825 г., Пруссія установила особый тарифъ транзитныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ товаровъ, которые привозятся черезъ русскую границу отъ Мемеля до Вислы и вывозятся черезъ Данцигъ, Эльбингъ, Кенигсбергъ и Мемель, или въ обратномъ направленіи (ст. 17). Съ возникновеніемъ Германскаго Таможеннаго Союза взималась лишь небольшая пошлина съ идущихъ транзитомъ товаровъ; она сохранялась какъ орудіе давленія на германскія государства, отказывавшіяся вступить въ Союзъ. Но въ 50-хъ годахъ это соображеніе уже исчезло: всѣхъ, кого можно было, уже успѣли включить въ Таможенный Союзъ, оставшихся же за дверьми его этимъ путемъ побудить невозможно было — ганзейскіе города предпочитали морской путь сухопутному. Приходилось постепенно устанавливать изыятія и облегченія. Транзитъ изъ Нидерландовъ, Бельгіи и Франціи въ Швейцарію и Австрію былъ совершенно свободенъ или же подлежалъ незначительнымъ пошлинамъ, тогда какъ послѣднія ложились тяжелымъ бременемъ на провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ германскихъ портовъ Сѣвернаго и Балтійскаго моря въ Россію, Австрію и Швейцарію. Необходимо было окончательно сдать въ архивъ эти пошлины. Но Таможенный Союзъ не могъ столкнуться на этотъ счетъ — всегда находились протестовавшія государства. Рѣшеніе

упразднить ихъ было принято въ 1861 г., а въ 1862 г., во избѣжаніе возврата къ нимъ, оно было закрѣплено торговымъ договоромъ съ Франціей. Германскій законъ 1869 г. разъ навсегда опредѣлилъ, что никакіе сборы съ транзита не допускаются.

Съ 50-хъ годовъ нѣтъ транзитныхъ пошлинъ ни въ Англіи, ни въ Бельгіи, съ 70-хъ нѣтъ и въ Нидерландахъ, и нидерландскіе «сборщики привозныхъ, вывозныхъ и транзитныхъ пошлинъ» переименованы въ сборщиковъ «привозныхъ пошлинъ и акцизовъ». Въ Австріи транзитныя пошлины были установлены въ 1822 г. взаменъ взимаемыхъ ранѣе привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ со слѣдующихъ транзитомъ товаровъ, а въ 1865 г. транзитъ былъ вовсе освобожденъ отъ обложенія.

Эти пошлины, не игравшія роли въ тѣ времена, когда экспортировались лишь немногіе цѣнные товары, являлись постороннимъ тѣломъ, нарушавшимъ функціи новаго хозяйственнаго организма, въ эпоху мірового хозяйства, гдѣ всякое удорожаніе товара является препятствіемъ къ вывозу его и заставляеть экспортера искать иныхъ путей, связанныхъ съ меньшими расходами. Не даромъ ихъ называли «дифференціальными пошлинами въ интересахъ иностранныхъ купцовъ». Возможныя при медленной гужевоѣ перевозкѣ, они были немыслимы, когда желѣзныя дороги перерѣзывали континентъ, объединяли Европу въ одно цѣлое. Желѣзнымъ дорогамъ нужно было дать пищу въ видѣ грузовъ, нужно было снабдить ихъ товарами, и транзитъ составилъ для нихъ важный промыселъ, доходную статью. Транзитъ не только нельзя было стѣснять, а, напротивъ, надо было поощрять положительными мѣрами: поставивъ крестъ надъ транзитными пошлинами, пришлось идти и далѣе, понижая желѣзнодорожныя тарифы для идущихъ транзитомъ грузовъ, подобно тому, какъ за отказомъ отъ вывозныхъ пошлинъ послѣдовало установленіе возврата пошлинъ при вывозѣ и даже выдача вывозныхъ премій изъ казны. И тутъ и тамъ казна вынуждена была не только пожертвовать доходной статьей, но иногда пойти и на убытки, въ интересахъ народнаго хозяйства.

И Россія не могла относиться безучастно къ вопросу объ освобожденіи транзита отъ стѣснявшихъ его загражденій. И у насъ въ XVII и XVIII ст., по общему правилу, съ идущихъ транзитомъ товаровъ взимались привозныя и вывозныя пошлины, а въ отдѣльныхъ случаяхъ давались особыя льготы. Напр., въ 1734 г. по трактату съ Англіей (ст. 8) «великобританскимъ подданнымъ такожь позволяется, что они въ Россію всякія вещи и товары привозить, и чрезъ Россійскія области ближайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ въ Персію провозить могутъ, платя проѣзжей пошлины по три процента ефимками съ оцѣнки тѣхъ товаровъ, а кромѣ того, съ нихъ ничего ни подъ какимъ претекстомъ не брать». По правиламъ 1782 г., открытъ транзитъ иностранныхъ товаровъ чрезъ Ригу, Польшу, Литву и Курляндію, причемъ съ большинства товаровъ, оплаченныхъ въ Ригѣ привозной пошлиной, возвращалось $\frac{7}{8}$ послѣдней. По транзитному обложенію 1804 г. былъ дозволенъ транзитъ товаровъ изъ Одессы въ Австрію и Пруссію, съ уплатой опредѣленныхъ пошлинъ и съ обязанностью провоза по указаннымъ (разрѣшеннымъ!) дорогамъ.

Въ 1811 г. въ общемъ учрежденіи министерствъ говорится, что «транзитная торговля, обращаясь къ ощутительной пользѣ государства, заслуживаетъ особаго одобренія правительства». Но въ изданномъ вскорѣ послѣ этого «Положеніи о транзитномъ торгѣ отъ европейской границы въ Одессу» имѣется все же транзитная пошлина въ 30 коп. съ пуда брутто, а затѣмъ она увеличена еще прибавочнымъ сборомъ въ $12\frac{1}{2}$ проц. Только въ 1874 г. дозволенъ беспошлинный транзитъ изъ Пруссіи въ Австрію: интересы сооруженной къ этому времени сѣти желѣзныхъ дорогъ требовали и въ Россіи допущенія свободнаго транзита, въ особенности въ Западномъ краѣ.

Существенное значеніе имѣлъ транзитъ въ другомъ направленіи — изъ Западной Европы въ Закавказье и Персію. Временно онъ былъ допущенъ уже въ 20-хъ годахъ, ко съ уплатой пошлины въ 5 проц., затѣмъ прекратился, но въ 1846 г. былъ снова дозволенъ, и теперь уже беспошлинно. Въ началѣ 70-хъ годовъ былъ, однако, возбужденъ вопросъ,

нельзя ли ограничить европейскій транзитъ чрезъ Закавказскій край (на Баку) установленіемъ пошлины на идущіе въ Персію европейскіе товары, такъ какъ эти товары пагубны для русской торговли съ Персіей. Но только съ открытіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія между Чернымъ и Каспійскимъ морями, которое могло еще болѣе привлечь въ Персію иностранные товары, рѣшено было, не ограничиваясь транзитными пошлинами, вовсе запретить транзитъ иностранныхъ товаровъ чрезъ Закавказскій край—что и было сдѣлано въ 1883 г.

Запрещеніе сохранилось и впослѣдствіи, такъ какъ въ торговыхъ договорахъ Россія хотя и обязалась допускать свободный транзитъ, но за исключеніемъ тѣхъ направлений, которыя для транзита будутъ закрыты. И Германія, скрѣпя сердце, пошла на это въ договорѣ 1904 года. Однако, отказавшись формально отъ возможности везти свои товары въ Персію чрезъ Россію, нѣмцы, отчасти и другіе иностранцы, въ дѣйствительности на этомъ вовсе не успокоились. Они сумѣли обойти запрещеніе транзита въ Персію: отправка грузовъ замѣнялась почтовыми посылками. Россія не подумала о томъ, что Персія ничто не препятствуетъ применить къ международной почтовой конвенціи и что можетъ быть организованъ экспортъ товаровъ туда по тарифу для маловѣсныхъ (до 5 килогр.) посылокъ.

Посредствомъ такого скрытаго транзита Западная Европа, въ особенности Германія, сумѣла открыть себѣ лишь небольшую узкую щель, но все же и черезъ нее въ значительномъ количествѣ проникали бумажныя и шерстяныя матеріи, модные товары и обувь, пробираясь въ самые глухіе уголки страны, попадая на такіе рынки, гдѣ Россія еще вчера не знала никакихъ конкурентовъ. Каждая заграничная посылка, хотя бы въ одинъ фунтъ, вѣде замѣняетъ такое же количество русскаго товара, почему персы и заявляли, что «голову слѣдовало бы отрубить тому изъ вашихъ министровъ, который согласился на пропускъ въ Персію посылокъ». (Шавровъ. Внѣшн. торг. Персія. 1913, стр. 89). «Мы снабжаемъ сѣверную Персію, что называется, всѣмъ до послѣдняго гвоздя»—на самомъ дѣлѣ мы снабжали до недавняго времени, ибо если

одни наши фабриканты поддѣлывались подъ персидскій вкусъ, ввозя шелковыя ткани персидскихъ типовъ и рисунковъ, спички съ этикетками на персидскомъ языкѣ, то другіе находили, что персидскій рынокъ долженъ прилаживаться къ нимъ, или укупоривали ткани въ рогожу, такъ что онѣ портились, а посуду такъ, что 30 проц. боя считались нормальными. Неудивительно, что и маловѣсныя посылки создавали имъ огромную опасность, и ставился вопросъ, дѣйствительно ли мы безсильны бороться съ этимъ обходомъ.

Но Германія сняла этотъ вопросъ съ очереди, замѣнивъ узкое отверстіе широко открытой дверью: ст. 5 отд. VII Брестскаго мирнаго договора, устанавливающая свободу транзита, уже не снабжена болѣе прибавкой: «за исключеніемъ тѣхъ направленій, которыя для транзита будутъ закрыты». Такихъ направленій нѣтъ болѣе, все открыто для транзита германскихъ товаровъ. Исключеніе этихъ нѣсколькихъ словъ означаетъ ни что иное, какъ исключеніе многихъ произведеній русской промышленности изъ Персіи. Если слабая струя посылокъ доставляла огорченія русскимъ фабрикантамъ, то нетрудно себѣ представить, къ чему поведетъ тотъ фонтанъ въ видѣ огромныхъ грузовъ, провозимыхъ чрезъ Россію, который теперь забьетъ. Достаточно произнести эти слова, чтобы понять, во что намъ обойдется это «косвенное, боковое» давленіе Германіи въ видѣ открытія прямого сообщенія чрезъ Россію въ Персію и Афганистанъ и свободнаго транзита, что станетъ съ «зоной экономическаго вліянія Россіи», къ чему нынѣ сведется для насъ емкость персидскаго рынка. Германія открыла себѣ доступъ въ славящуюся своимъ богатствомъ и многообразіемъ тропической растительности непосредственно прилегающую къ Россіи, прибрежную (у Каспійскаго моря) полосу Персіи, гдѣ разлиты въ воздухъ ароматы апельсинныхъ рощъ, равнину — какъ утверждаетъ поклонникъ ея — «прекраснѣе итальянскихъ и французскихъ береговъ Средиземнаго моря». До сихъ поръ оттуда пріѣзжали въ Нижній Новгородъ на ярмарку персидскіе торговцы для закупки русскихъ товаровъ. Но послѣ Брестскаго мира мы напрасно станемъ ожидать «прежнихъ торговыхъ гостей съ прекрасной Каспійской Ривьеры».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пошлины съ цѣны и пошлины специфическія.

Первоначальный масштабъ взиманія торговыхъ сборовъ, въ томъ числѣ и пограничныхъ, былъ весьма грубый—брали съ воза, съ саней, съ лодки, брали и подушный сборъ съ торговца (у насъ напр. головщина, т. е. поголовная пошлина). Это было неточно, топорно, примитивно; но въ тѣ времена съ этимъ мирились, въ иномъ масштабѣ не нуждались—онъ соотвѣтствовалъ характеру обмѣна, условіямъ всей хозяйственной жизни. Когда мѣръ и вѣсовъ вообще не было или куски дерева или камни примѣнялись въ качествѣ гирь, то можно ли было требовать болѣе точнаго масштаба въ обложеніи, чѣмъ возъ или лодка?

Въ дальнѣйшемъ развитіе должно было остановиться передъ проблемой—къ чему перейти: къ обложенію по цѣнѣ товара или по вѣсу, мѣрѣ и т. д. Эти два масштаба мы различаемъ въ настоящее время—пошлины съ цѣны или цѣновныя, *ad valorem*, и пошлины специфическія, взимаемыя по опредѣленнымъ внѣшнимъ признакамъ: по числу, мѣрѣ, вѣсу и другимъ измѣреніямъ (вѣсовыя, мѣрныя пошлины).

Естественнымъ является, само собою разумѣется, обложеніе по цѣнѣ, а не по вѣсу или мѣрѣ. Вѣсъ или мѣра признакъ искусственный; для удобства можно, конечно, дать распоряженіе таможенѣ брать съ пуда столько-то копеекъ, причемъ для каждаго товара приходится опредѣлять особую ставку, ибо нельзя же облагать пудъ хлѣба и пудъ кружевъ въ одномъ и томъ же размѣрѣ. Нельзя облагать прежде всего потому, что ихъ цѣнность весьма различна, и то, что въ одномъ случаѣ составляло бы всего нѣсколько процентовъ съ цѣны, въ другомъ превышало бы цѣну во много разъ. Но изъ этого видно и то, что цѣна является въ значительной мѣрѣ тѣмъ критеріемъ, на основаніи котораго дѣйствительно строится всякій таможенный тарифъ, независимо отъ его внѣшней формы, отъ того, въ какомъ видѣ онъ, готовый,

напечатанный подносится для пользованія импортерамъ и таможеннымъ чинамъ. Созданный по этому масштабу тарифъ, т. е. тарифъ, приказывающій брать пошлыны съ цѣны, покоится, слѣдовательно, на признакъ, дѣйствительно вытекающемъ изъ самой сущности таможеннаго обложенія.

При фискальномъ характерѣ старинныхъ тарифовъ, установленныхъ по цѣнѣ, весь тарифъ сводился къ одной фразѣ: со всѣхъ товаровъ берется такой-то процентъ съ цѣны. Въ древней Греціи бралось 2 проц. съ цѣны всѣхъ товаровъ, привозимыхъ и вывозимыхъ изъ портовъ, въ Римѣ—5 проц. пошлыны (*vicesima*), позже, во времена Имперіи, $\frac{1}{8}$ цѣны всѣхъ товаровъ. Таковы были и во Франціи *droit de rève*, *traite foraine*, въ Англіи—*antiqua costuma* (въ XIII ст. $\frac{1}{15}$ съ цѣны всѣхъ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ), *roundage* или фунтовая пошлына (въ XIV ст. 1 шилл. съ фунта стерл. цѣны), у насъ—тамга (въ XIV ст. «а тамги и осьминичаго съ рубля алтынъ»). Въ 1653 г. въ Россіи замѣнены почти всѣ прежнія торговыя и большая часть проѣзжихъ сборовъ, взимаемыхъ по количеству большихъ и малыхъ телѣгъ, съ пѣшеходовъ, съ мелкихъ лодокъ и большихъ судовъ—одной рублевой пошлыной съ цѣны, по 10 денегъ съ рубля (продажной цѣны).

Тарифы цѣновыхъ пошлынъ постепенно усложняются и дифференцируются. Въмѣсто однообразнаго процента со всѣхъ товаровъ устанавливается различное обложеніе по группамъ и отдѣламъ, такъ какъ государство облегчаетъ привозъ однихъ товаровъ и затрудняетъ импортъ другихъ—пошлыны вѣдь берутъ на себя и задачу охраны производства, которая прежде возлагалась на запрещенія. Но и такіе тарифы отличаются все же краткостью и простотой: въ предѣлахъ группы процентъ обложенія одинъ и тотъ же, нѣтъ сотенъ статей, нѣтъ пестроты, громоздкости и сложности тарифовъ, построенныхъ по вѣсу, мѣрѣ, числу и т. д. Вся дальнѣйшая ихъ дифференціація уже совершается естественнымъ путемъ, безъ всякаго участія законодателя: каждый пудъ сырья оказывается обложеннымъ ниже, чѣмъ пудъ полуобработаннаго продукта, а послѣдній ниже, чѣмъ пудъ готовыхъ издѣлій, ибо по мѣрѣ

обработки товара, по мѣрѣ перехода его изъ состоянія сырого матеріала на дальнѣйшія ступени производства, цѣнность его возрастаетъ. Слѣдовательно, поднимаясь по этой лѣстницѣ, товаръ автоматически переходитъ изъ одного разряда въ другой, болѣе высокій, притомъ переходъ совершается непрерывно, какъ бы незамѣтно. Тогда какъ при обложеніи специфическими пошлинами пришлось бы создавать искусственно всю эту массу разрядовъ и категорій, и все же переходъ отъ одного къ другому совершался бы скачками, ибо предусмотрѣть не только всѣ многообразные виды и отклоненія, но даже большую часть ихъ невозможно и означало бы увеличить число ставокъ и безъ того массивныхъ и тяжело-вѣсныхъ тарифовъ еще во много разъ болѣе.

Автоматичность тарифа пошлинъ съ цѣны обнаруживается не только въ пространствѣ, въ соотношеніи между обложеніемъ отдѣльныхъ товаровъ, но и во времени — со всякимъ повышеніемъ цѣны товара повышается и пошлина, которой онъ подлежитъ; съ паденіемъ цѣны, и пошлина понижается, такъ что тяжесть обложенія остается одна и та же, степень охраны производства не измѣняется.

Но и у этой системы есть ахиллсова пята, чрезвычайно уязвимая. Обложеніе съ цѣны всецѣло покоится на томъ предположеніи, что товаръ облагается по дѣйствительно существующей цѣнѣ, по той цѣнѣ, которая уплачивается въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. А если выяснить эту цѣну невозможно, если правильныхъ свѣдѣній о привозимыхъ товарахъ нѣтъ и добыть немислимо? Тогда исчезаетъ тотъ фундаментъ, который подведенъ подъ тарифное сооруженіе; послѣднее оказывается построеннымъ на пескѣ и должно рухнуть.

Во всякомъ обложеніи вообще и таможенномъ въ частности работа распадается на двѣ части: во 1-хъ, на стадію составленія самаго тарифа, стадію разработки, обсужденія и окончательнаго изготовленія его — работа законодательная, и во 2-хъ, на стадію примѣненія его при обложеніи, при исчисленіи и взиманіи пошлинъ, на таможенную процедуру, —

работа административная. Прибѣгая къ тарифу съ цѣны, законодатель значительно облегчаетъ себѣ работу, сводить ее къ минимуму, онъ указываетъ лишь процентъ, который надо взимать съ цѣны товаровъ. Всю же остальную работу, дѣятельность по выясненіи этой цѣны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, онъ сваливаетъ на таможенную, предъявляя къ ней требованія, которыхъ она добросовѣстно выполнить не въ силахъ. Откуда таможеннѣ имѣть свѣдѣнія о цѣнности каждаго товара? Гдѣ добыть ихъ? Приходится полагаться на заявленія купцовъ, которые отнюдь не заинтересованы въ показаніи правильной цѣны; напротивъ, чѣмъ выше процентъ обложенія, тѣмъ большую прибыль имъ сулитъ систематическое объявленіе пониженныхъ цѣнъ. А провѣрить ихъ невозможно. Въ болѣе отдаленныя времена у нихъ вообще не было ни записей, ни фактуръ, книгъ они не вели, товаръ часто возили въ страну, не имѣя еще покупателя и не зная, по какой цѣнѣ продадутъ. Позже появились накладныя, но появились двойныя накладныя, одна—для покупателя, другая—для таможи. Такъ поступали англійскіе фабриканты, продавая матеріи на континентѣ Европы; неудивительно, что они протестовали противъ англо-французскаго договора 1860 г., требующаго отъ Франціи перехода къ специфическимъ пошлинамъ.

Такимъ образомъ, таможенныя пошлины съ цѣны превращались изъ налога, устанавливаемаго государствомъ на основаніи опредѣленнаго масштаба, въ добровольный сборъ: «иностранные промышленники въ дѣйствительности сами опредѣляютъ ту пошлину, которую они желаютъ уплатить».

Правда за неправильное показаніе цѣны торговецъ могъ поплатиться—ему угрожали и небесныя и мірскія кары: первыя за ложную присягу, ибо заявленіе дѣлалось подъ клятвой, вторыя — не только въ виду наказанія, полагавшагося за обманъ, но и потому, что таможеннѣ предоставлялось право приобрѣсти въ свою пользу товаръ по заявленной торговцемъ цѣнѣ, обыкновенно съ прибавкой небольшого процента. Последняя угроза—наиболѣе существенная—имѣлась повсюду. Въ Англіи такое правило было установлено весьма давно: въ

XVI ст. товары приобѣтались, въ случаѣ сомнѣнія въ правильности показаній, казной по объявленной цѣнѣ съ прибавкой 10 проц., позже—5 проц., то же было въ Австріи (по тарифу 1755 г.—прибавка 10 проц. и расходы по перевозкѣ); въ соглашеніи между Швеціей и Нидерландами 1659 г. сказано, что король можетъ скупить всякій товаръ по объявленной цѣнѣ съ прибавленіемъ 20 проц. Во Франціи еще послѣ 1860 г., поскольку сохранились пошлины съ цѣны, таможня приобѣтала товаръ съ прибавленіемъ 5 проц. У насъ такое постановленіе встрѣчается въ первомъ тарифѣ 1724 г. и вошло затѣмъ въ изданный въ 1819 г. таможенный уставъ, который дѣйствовалъ вплоть до 80-хъ годовъ. Согласно этому уставу, въ случаѣ подозрѣнія таможни, что цѣна объявлена слишкомъ низкая, товаръ удерживается таможней съ уплатою хозяину объявленной имъ цѣны съ надбавкой въ 5 проц. (по тарифу 1724 г. съ надбавкой въ 20 проц.). Онъ продается съ аукціона, причемъ излишекъ, вырученный за покрытіемъ уплаченнаго грузовладѣльцу, расходовъ по продажѣ и пошлины, дѣлится между таможенными чиновниками. Въ случаѣ же невыручки на аукціонѣ уплаченной хозяину цѣны съ прочими издержками и пошлиной, недостающая сумма пополняется тѣми же чиновниками ¹⁾).

Казалось бы, это средство должно было оказаться дѣйствительнымъ: для импортера создавалась западня. Если онъ слишкомъ понижалъ цѣну, настолько, что обманъ былъ ясенъ, онъ попадался, ибо таможня объявляла о томъ, что она покупаетъ товаръ по этой цѣнѣ (съ прибавкой 5—10 проц.) Отступить торговецъ уже не могъ, это значило бы признаться въ обманѣ; онъ несъ заслуженный убытокъ, выигрывали же таможенники—продавъ товаръ, они разницу клали себѣ въ карманъ. Но предположеніе, что кушцы будутъ попадаться въ эту мышеловку, поставленную таможней, не оправдывалось фактами: таможенники цѣнъ не знали и легко могли сами попасться на удочку, приобѣсти товаръ по высокой цѣнѣ и

¹⁾ По нашему Торговому уставу 1653 г. велѣно товаровъ не утаивать и цѣнъ имъ не убавлять, подъ страхомъ конфискаціи, а при повтореніи этого во второй и третій разъ бить кнутомъ нещадно.

сбыть его съ убыткомъ для себя. О послѣднемъ импортеры весьма заботились: на аукціонахъ, устраиваемыхъ таможеней для продажи оставленныхъ ею за собой товаровъ, они входили между собой въ стачку, посылали подставныхъ лицъ или служащихъ для скупки этихъ грузовъ. А разъ обжегшись на этомъ, таможенники уже долго остерегались ловить такимъ путемъ купцовъ. Война между тѣми и другими уступала мѣсто мирному сожительству: импортеры показывали завѣдомо пониженную цѣну, вырученнымъ же на этомъ барышомъ дѣлились съ таможенниками. Довольны были обѣ стороны, теряла только казна, да производство не получало обѣщанной защиты.

Въ виду этого, государство сдѣлало еще одну попытку, уже въ другомъ направленіи. Оно освободило таможеню отъ непосильной для нея работы опредѣленія цѣнъ привозимыхъ товаровъ, привявъ эту обязанность на себя. Устанавливались официальные цѣны, которыми таможеня должна пользоваться при обложеніи товаровъ; если торговецъ показываетъ болѣе низкую цѣну, то таможеня примѣняетъ цифру, указанную въ казенномъ «прейскурантѣ цѣнъ». Такіе реестры цѣнъ находимъ во Франціи, какъ и въ Англіи (*books of rates*—списки цѣнъ) уже съ XVI ст.; у насъ въ 1797 г. были установлены постоянныя цѣны опѣночнымъ товарамъ, составленныя при участіи именитыхъ купцовъ для предотвращенія злоупотребленій въ показаніяхъ цѣнъ на таможеняхъ.

Но уничтожая такимъ способомъ злоупотребленія, государство тѣмъ самымъ убивало и самую систему, «выливая ванну, выбрасывало изъ нея и ребенка». Смыслъ системы заключался въ обложеніи товаровъ по дѣйствительной цѣнѣ ихъ. При составленіи списковъ официальныхъ цѣнъ это было совершенно недостижимо—это были въ лучшемъ случаѣ среднія цѣны за тотъ или другой предшествующій періодъ, среднія для цѣлой группы товаровъ, а не для индивидуальнаго товара опредѣленнаго вида, качества, сорта. Такъ что главное и основное достоинство всей системы пошлинъ, взимаемыхъ по цѣнѣ—ихъ соотвѣтствіе цѣнности индивидуальнаго товара въ данное время совершенно исчезало. Получалась столь-же произвольная опѣнка, какъ и при взиманіи

пошлинъ на основаніи показаній торговцевъ, съ той только разницей, что тамъ хотъ сохранялась видимость обложенія по цѣнности—предполагалось, что можно грузовладѣльца заставить показать правильную цѣну—и цѣны имѣли индивидуальный характеръ, относясь всегда къ опредѣленному товару. Здѣсь же ни видимости, ни индивидуализаціи не было—ясно было, что цѣна, установленная много лѣтъ тому назадъ (а часто измѣнять списки невозможно было) для цѣлой группы товаровъ, ничего общаго не имѣла съ дѣйствительной цѣной провозимаго черезъ таможенную груза.

Различіе было еще и другое—торговецъ показывалъ цѣну, по своему усмотрѣнію, государство же при составленіи оффиціальныхъ цѣнъ уже старалось использовать это свое право, проводя опредѣленные принципы таможенной политики. Такъ напр. въ англійскомъ тарифѣ цѣнъ 1660 г. читатель находитъ, къ своему великому удивленію, различныя цѣны для одного и того же товара, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о привозѣ или о вывозѣ ихъ. Такъ, напр. цѣна квартера чугуна опредѣлена въ 7 шилл. при ввозѣ и въ 16 шилл. при вывозѣ, т. е. во второмъ случаѣ болѣе; чѣмъ вдвое выше; цѣна укуса въ $5\frac{1}{2}$ ф. при ввозѣ, наоборотъ, всего въ $2\frac{1}{4}$ ф. при вывозѣ, т. е. въ послѣднемъ случаѣ почти въ $2\frac{1}{2}$ раза ниже и т. д.

Въ чемъ тутъ дѣло? Путемъ дифференціаціи въ оцѣнкахъ проводится политика меркантилизма—облегчается привозъ сырья и, напротивъ, затрудняется вывозъ; привозъ же промышленныхъ издѣлій всячески стѣсненъ путемъ преувеличенныхъ оцѣнокъ, а вывозъ ихъ при помощи пониженныхъ оцѣнокъ допущенъ безъ затрудненій.

Но при такихъ условіяхъ пошлины съ цѣны теряли всякій смыслъ. Исходной точкой являлось уже желаніе взять съ пуда, мѣры, дюжины товара опредѣленную пошлину. А такъ какъ пошлина уже была опредѣлена для всѣхъ товаровъ, допустимъ, въ 5 или 10 проц., то для полученія желательной пошлины нужно было оцѣнить товаръ въ опредѣленную сумму. Такъ и поступали, совершенно не считаясь съ его

дѣйствительной цѣной. Но тогда проще было прямо указать ставку съ пуда или единицы товара, а не дѣйствовать подобнымъ обходнымъ путемъ. Выходило вѣдь на одно, развѣ что для государства достигалась та весьма существенная въ прежнія столѣтія выгода, что оно имѣло возможность незамѣтно для другихъ странъ повышать свой таможенный тарифъ, сохраняя тѣ же ставки, но увеличивая оцѣнку товаровъ. Такъ какъ міровой цѣны не было и цѣны иностранныхъ рынковъ были мало извѣстны, то провѣрить соотвѣтствіе между официальными и дѣйствительными цѣнами невозможно было, а это избавляло государство отъ таможенныхъ и настоящихъ войнъ, къ которымъ могло бы повести рѣзкое повышеніе тарифа.

Если же не считать этой выгоды, терявшей постепенно, съ образованіемъ мірового рынка, свое прежнее значеніе, то здравый смыслъ долженъ былъ логически привести къ обложенію по внѣшнимъ признакамъ—по мѣрѣ, вѣсу, числу. Хотя построеніе тарифа по цѣнѣ являлось наиболѣе естественнымъ, а обложеніе по этимъ внѣшнимъ признакамъ, напротивъ, исходило изъ весьма искусственного масштаба, не находящагося ни въ какой внутренней связи съ облагаемымъ предметомъ, но все же, въ виду точности этихъ признаковъ и возможности ихъ легко установить, они оказывались наиболѣе приемлемыми.

Это не значитъ, конечно, что съ переходомъ къ специфическимъ пошлинамъ игнорируется столь важный моментъ, какъ цѣнность грузовъ, проходящихъ таможенно. Она принимается—рядомъ съ другими обстоятельствами—въ соображеніе, такъ какъ иначе могъ бы получиться совершенно абсурдный тарифъ. Но только ею руководствуется законодатель при самомъ составленіи тарифа¹⁾. При системѣ специфиче-

¹⁾ И при специфическихъ пошлинахъ, сравнивая тарифы нѣсколькихъ государствъ или нѣсколько тарифовъ одной и той же страны, мы сводимъ ихъ къ цѣнности вѣсъ, привозимыхъ или же только обложенныхъ пошлинами товаровъ и сопоставляемъ съ суммой вырученныхъ пошлинъ; это единственный масштабъ, который возможно примѣнить.

скихъ пошлинъ онъ самъ принимаетъ на себя всю работу, сводя роль таможи къ взвѣшиванію или измѣренію товара и подведенію его подъ соотвѣтствующую статью тарифа.

Первыя специфическія пошлины появляются уже въ Римской имперіи и въ средневѣковый періодъ (въ Англіи напр. съ бочки вина, съ квинтала воску), но въ широкихъ размѣрахъ упраздненіе пошлинъ съ цѣны произведено впервые Питтомъ въ Англіи въ 1797 г.—изъ свыше 1200 статей привоза и вывоза было оставлено обложеніе по цѣнѣ всего для 300 предметовъ; послѣ этого въ Англіи переживаютъ лишь остатки ихъ вплоть до 1860 г. Этотъ годъ, памятный для международной экономической исторіи—торговый договоръ между Франціей и Англіей, начинающій новую эру—рѣшилъ и участь пошлинъ съ цѣны. Покончивъ въ Англіи съ послѣдними остатками ихъ—впрочемъ сколько въ Англіи вообще осталось еще пошлинъ!—онъ заставилъ Францію (ст. 13 договора) совершить переворотъ: преобразовать обычные у нея цѣновныя пошлины въ специфическія. Исполнивъ обѣщаніе относительно нѣкоторыхъ товаровъ, Франція, подойдя къ прочимъ, остановилась—задача была слишкомъ сложна. Переводить надо было въ предѣлахъ выговореннаго 25 проц. максимума ставокъ, а сортовъ и видовъ товаровъ было весьма много, и, что хуже всего, французы большинства ихъ не знали въ лицо. Привозъ цѣлыхъ группъ ихъ еще недавно былъ вовсе запрещенъ; они не показывались въ предѣлы Франціи, если не считать просвѣтительной дѣятельности контрабанды, но она то менѣе всего давала уроки таможенному управленію, на которомъ лежала задача выработки новаго тарифа. Пришлось выжидать и учиться на практикѣ товаровѣдѣнію. Лишь слѣдующему французскому тарифу 1881 г. работа оказалась по силамъ, хотя Англія—при заключеніи новаго договора—осталась выполненіемъ весьма недовольна, находила, что Франція ее обсчитала, перевела ставки въ слишкомъ высокія специфическія пошлины. Разногласіе объяснялось тѣмъ, что англичане исходили изъ наименьшихъ товарныхъ цѣнъ, французы—изъ среднихъ цѣнъ; должны были получиться два различныхъ рѣшенія задачи.

И въ Германіи 60-ые годы оказались роковыми для пошлинъ съ цѣны. Съ этихъ поръ они вымираютъ, лишь одинъ членъ нѣкогда обширнаго ихъ рода—пошлина съ желѣзнодорожныхъ вагоновъ—отличался поразительной долговѣчностью, только новое столѣтіе (1902 г.) прекратило и его жизнь. Въ Италіи нѣтъ пошлинъ съ цѣны съ 1878 г.; въ Австріи они выплыли снова наружу въ тарифѣ 1906 г. въ обложеніи химическихъ продуктовъ. Въ Бельгіи, Нидерландахъ, Швеціи они сохранились, тогда какъ въ другихъ странахъ Западной Европы (въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Балканскихъ государствахъ) уже давно успѣли забыть о пошлинахъ съ цѣны ¹⁾ ²⁾.

Нѣтъ ихъ больше и въ Россіи. Въ XVII ст. и у насъ цѣновныя пошлины являлись общимъ правиломъ; внутреннія и пограничныя, привозныя и вывозныя пошлины,—всѣ измѣнялись на этотъ аршинъ, иного способа, повидимому, и не представляли себѣ. Первые попытки перейти къ мѣрѣ и вѣсу сдѣланы въ первомъ общегосударственномъ тарифѣ 1724 г.—въ примѣненіи къ нѣкоторымъ вывознымъ ставкамъ. Опытъ продолженъ и расширенъ въ слѣдующемъ тарифѣ 1731 г.; опредѣлены пошлины въ 5 и 10 процъ съ цѣны, но большая ихъ часть переведена, на основаніи опредѣленной расцѣнки товаровъ, въ ставки съ вѣса и мѣры. Но до общаго перехода къ специфическимъ пошлинамъ было еще далеко, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующихъ тарифахъ обнаруживались колебанія въ ту и въ другую сторону. Лишь къ серединѣ

¹⁾ Бельгія, по договору съ Германіей, оставила за собою право замѣнить ихъ специфическими пошлинами; это нужно было оговорить, такъ какъ иначе при такомъ переходѣ отъ одной системы къ другой специфическія пошлины (при пониженіи цѣны) могутъ оказаться выше прежнихъ пошлинъ съ цѣны. Болгарія и Сербія, готовясь перейти къ специфическимъ пошлинамъ, вынуждены были, въ виду этого, предоставить (на основаніи торговыхъ договоровъ) импортерамъ право выбора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—они могутъ уплачивать по своему усмотрѣнію пошлины либо новыя специфическія, либо прежнія съ цѣны, смотря по тому, что для нихъ выгоднѣе. Иначе новая система могла бы послужить средствомъ нарушенія только что заключеннаго договора.

²⁾ Во время войны и Турція, воспользовавшись прекращеніемъ капитуляцій, повысила пошлины съ цѣны съ 8 проц. до 15 и даже до 30, а затѣмъ перешла въ 1916 г. къ специфическимъ ставкамъ.

XIX вѣка, импортеры, въ своихъ показаніяхъ о цѣнѣ прямо глумившіеся надъ казной, заставили покончить съ этимъ измѣрительнымъ приборомъ—на этомъ настаивалъ особенно Канкринъ—и перейти къ иному: въ тарифѣ 1857 г. кромѣ полотна, платя, бѣлья, платковъ и т. п., все обложено специфическими пошлинами. Вскорѣ и эти остатки исчезли. По дополненію къ Туркманчайскому договору съ Персіей, Россія (какъ и Персія) обязалась не повышать пошлинъ по этой границѣ свыше 5 проц. (ст. 3), но деклараціей 1901 г. пошлина эта замѣнена тарифомъ—переведенныхъ изъ того же расчета—специфическихъ ставокъ (ст. 1 и тарифъ В).

Такую же процедуру совершила и Персія для товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи или вывозимыхъ оттуда. Но по общему правилу и она и другія, какъ азіатскія, такъ и вообще экзотическія страны, еще крѣпко держатся за старый аршинъ—цѣновную пошлину. А отъ послѣдней не отстаютъ и тѣны ея—право таможи удерживать за собой товаръ съ прибавкой 10 проц. (Бельгія, Нидерланды, Египетъ, Аргентина). Но замѣчается и переходное состояніе отъ пошлинъ съ цѣны къ специфическимъ: оно выражается въ тарифѣ рыночныхъ цѣнъ (Египетъ, Аргентина, Южно-африканскій союзъ, Нидерландская Индія), т. е. въ той самой формѣ, которую Западная Европа прошла нѣсколько столѣтій тому назадъ. Исторія повторяется, развитіе принимаетъ тѣ же очертанія вездѣ и повсюду, только здѣсь институты появляются раньше и измѣняются скорѣе, тамъ—нарождаются позже, держатся дольше.

Иногда масштабъ обложенія свидѣтельствуетъ объ еще болѣе примитивной эпохѣ. И теперь еще на Востокѣ нерѣдко количество товаровъ, которыми нагруженъ верблюдъ или мулъ, приравнивается къ опредѣленной суммѣ и грузъ каждаго мула обложенъ въ одномъ и томъ же размѣрѣ—своеобразная комбинація не только цѣновыхъ и специфическихъ пошлинъ, но и тѣхъ и другихъ съ наиболѣе старинной системой обложенія по числу вьючныхъ животныхъ, по средствамъ транспорта, пестрая смѣсь изъ самыхъ разнородныхъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, элементовъ и понятій. Или же въ Марокко, Персіи и т. д. якобы существующая пошлина

въ 5 проц. съ цѣны принимаетъ такого рода натуральную форму: вмѣсто оцѣнки торговецъ разбиваетъ товаръ на 20 пакетовъ, изъ которыхъ таможенникъ выбираетъ любой,— подобно тому, какъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ представитель короля бралъ въ его пользу одну изъ каждаго двадцати бочекъ вина, привозимыхъ иноземными купцами.

Ожесточенная борьба изъ-за масштаба обложенія ведется за океаномъ. Отношеніе къ нему является однимъ изъ пунктовъ программъ обѣихъ главныхъ политическихъ партій Соединенныхъ Штатовъ—республиканской и демократической; такой высокой чести скромная проблема цѣновыхъ и специфическихъ пошлинъ нигдѣ не добилась. Въ глазахъ американцевъ признаніе того или другого масштаба равносильно выступленію за или противъ усиленнаго протекціонизма: нѣтъ «надлежащей» охраны промышленности безъ специфическихъ пошлинъ; кто отвергнулъ ихъ, тотъ измѣнникъ дѣлу протекціонизма. Поэтому достаточно просмотрѣть съ этой внѣшней стороны любой американскій тарифъ и по этому платю вы немедленно опредѣлите, кто онъ такой, кто стоялъ у колыбели въ моментъ его рожденія, кто былъ кормчимъ, проводившимъ его чрезъ законодательныя учрежденія, какова степень присвоеннаго ему протекціонизма.

Отсюда постоянныя колебанія то въ ту, то въ другую сторону — территория каждый разъ переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ пошлинъ съ цѣны къ специфическимъ и обратно. Въ тарифахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, гдѣ краски протекціонизма клались все гуще и гуще, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдѣли и ряды пошлинъ съ цѣны, будучи сведены въ тарифъ Макъ-Кинлея 1890 г. всего къ третьей части всѣхъ ставокъ. Напротивъ, тарифъ Вильсона 1894 г., умѣривъ пылъ протекціонизма, вернулъ имъ снова большинство—двѣ трети общаго числа статей. Волны протекціонизма въ тарифѣ Динглея 1897 г. смыли ихъ въ сильной степени, вознеся на поверхность специфическія пошлины. Наконецъ, оказавшись вновь у власти, демократы тарифомъ Ундервуда 1913 г. рѣшили «разъ навсегда» покончить не только со многими пошлинами, но и вообще съ системой специфическихъ пошлинъ—конечно,

до слѣдующей побѣды республиканцевъ; почти весь тарифъ состоитъ изъ пошлинъ съ цѣны — немногія специфическія ставки не нарушаютъ новаго порядка.

Извѣстный американскій экономистъ Taussig, сторонникъ новаго умѣренного тарифа, утверждаетъ, что иначе поступить немислимо было: сложность и запутанность классификаціи товаровъ при системѣ специфическихъ пошлинъ доходила до геркулесовыхъ столбовъ. Пошлины съ текстильных издѣлій устанавливались, напр., въ зависимости отъ числа нитей на квадратный дюймъ, отъ числа аршинъ на фунтъ, отъ способа бѣленія, крашенія, набойки тканей. «Что обозначала вся эта сложная комбинація въ смыслѣ размѣровъ таможенной охраны, могъ понять только посвященный во всѣ тонкости данной отрасли промышленности, иначе говоря одни промышленники. Утверждали, что фабриканты, предлагая законодательнымъ учрежденіямъ ввести тѣ или другія ставки, вырабатывали ихъ такимъ образомъ, что имъ обезпечивалась не только высокая таможенная защита, но болѣе высокая, чѣмъ та, которую они получили бы, если бы другіе вполне понимали смыслъ этихъ ставокъ».

При системѣ пошлинъ съ цѣны это — по мнѣнію Taussig'a — совершенно немислимо, дѣло сразу упрощается. Своимъ критикамъ, заявляющимъ, что въ смыслѣ господства обманныхъ операцій тѣ и другіе виды пошлины могутъ помѣряться: неизвѣстно, гдѣ больше обмановъ, при платежѣ специфическихъ пошлинъ съ ихъ до крайности сложной классификаціей, или же напротивъ тамъ, гдѣ даются показанія относительно цѣны — Taussig отвѣчаетъ: совершенно вѣрно. Но разница, и крайне существенная, въ томъ, что послѣдняго можно избѣгнуть, перваго — нѣтъ: съ каждымъ пониженіемъ пошлинъ съ цѣны стимулъ къ обману прогрессивно падаетъ. Конечно, тамъ гдѣ пошлины достигаютъ 45 — 60 проц. съ цѣны, искушеніе показать неправильную цѣну такъ велико, что никакія кары міра не могутъ устранить этого. Такъ что неожиданный результатъ всей аргументаціи — низкій тарифъ; тогда отрицательныя явленія, связанныя съ показаніемъ цѣны, отпадаютъ — что и требовалось доказать представителю демократической партіи.

Соединенные Штаты представляют картину пошлинъ съ цѣны въ ихъ наиболѣе усовершенствованномъ видѣ, даютъ максимумъ того, что можетъ быть достигнуто при этой системѣ обложенія. Имѣются специалисты-оцѣнщики, для провѣрки показаній импортеровъ о цѣнѣ, цѣлая корпорація оцѣнщиковъ—мѣстные, высшіе (генеральные), наконецъ «управленіе генеральныхъ оцѣнщиковъ» (General Board of general Appraisers) — апелляціонная инстанція и даже спеціальный судъ по таможеннымъ дѣламъ, къ которому обращаются въ кассационномъ порядкѣ. Всѣ они разсматриваютъ и провѣряютъ документы, оцѣниваютъ и разрѣшаютъ. Но до какихъ предѣловъ доходить при этомъ требовательность заокеанской республики, какіе инквизиторскіе приемы примѣняются для полученія правильной оцѣнки! По прибытіи судна импортеръ обязанъ не только подать заявленіе, содержащее всѣ элементы цѣны товара, подъ которой понимается оптовая цѣна на главныхъ рынкахъ той страны, изъ которой товаръ импортируется, но фактура должна быть провѣрена и правильность содержащейся въ ней цѣны удостовѣрена американскимъ консуломъ, находящимся въ той странѣ (въ томъ консульскомъ округѣ), гдѣ товаръ произведенъ или купленъ (тарифъ 1913 г., отд. III. I). А это значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ посвященіе американскихъ консуловъ во всѣ условія производства и сбыта экспортирующей страны, открытіе коммерческой тайны,—притомъ ему, консулу, котораго самая должность, по американскимъ понятіямъ, обязываетъ всемѣрно печься о процвѣтаніи родной индустріи и торговли, пользоваться довѣренными ему свѣдѣніями въ интересахъ и нуждахъ Америки.

Но этимъ дѣло не ограничивается: американскіе таможенники и оцѣнщики проникаютъ въ самую святая святыхъ европейскаго купца — въ его торговые книги, которыя онъ обязанъ немедленно открыть, какъ бы оголить себя, по первому ихъ требованію. Иначе ему грозитъ прибавка въ 15 проц. съ цѣны, которая можетъ взиматься—трудно даже повѣрить!—«пока такое неисполненіе или отказъ продолжаются, со *всѣхъ* товаровъ, отправленныхъ или привезенныхъ, погруженныхъ

или назначенныхъ для сдачи лицу, лицамъ, корпораціямъ или инымъ обществамъ, сіе неисполняющимъ или отказывающимся исполнить» (отд. III. V). Неудивительно, что американскія таможенныя учрежденія, терроризирующія подобнымъ образомъ иностранную торговлю, получили по эту сторону океана почетное названіе «застѣнка», гдѣ къ импортеру примѣняются «самыя изысканныя орудія пытки».

Но Америку обвиняють и въ иномъ, пожалуй, гораздо большемъ преступленіи: благодаря пошлинамъ съ цѣны, она имѣетъ возможность проводить свою политику, не взирая ни на кого и не считаясь ни съ кѣмъ, дифференцировать съ виду равныя для всѣхъ таможенныя ставки, поощряя одни страны, глубоко поражая другія. Для этого ей достаточно повышать цѣны на товары, привозимые наиболее опасными ея конкуррентами, тѣмъ самымъ поднимая для нихъ таможенныя ставки. Отдается—говорятъ—соотвѣтствующій приказъ оцѣнщикамъ, и дѣло сдѣлано, на крики страдающихъ импортеровъ никто не обращаетъ вниманія. Но если такъ, то какой смыслъ можетъ имѣть заключеніе торговыхъ договоровъ съ Соединенными Штатами, какой прокъ отъ добытыхъ, обычно купленныхъ весьма не дешевой цѣной, уступокъ? Они превращаются въ чистѣйшую фикцію, ихъ на другой же день можно взять обратно приказомъ о порядкѣ оцѣнокъ.

Такова наиболее совершенная, наиболее рационально поставленная система пошлинъ съ цѣны. Она внушаетъ одинъ только страхъ, едва ли вызоветъ у кого-либо охоту подражать ей, перенять ее. Специфическія пошлины, хотя далеко не свободны отъ пороковъ, но все же, по сравненію съ такого рода системой, кажутся чуть ли не блестящимъ изобрѣтеніемъ, специально созданнымъ для того, чтобы доставлять одно только удовольствіе импортеру ¹⁾. Таможенная процедура вообще явленіе весьма непріятное, связанныя съ уплатой пошлины обрядности нерѣдко не меньше тормозятъ торговлю, чѣмъ

¹⁾ Хотя и въ этихъ случаяхъ приходится иногда отправлять образцы импортируемыхъ товаровъ (въ особенности тканей) въ спеціальныя лабораторіи для анализа ихъ качества и выясненія, подъ какой пунктъ тарифа они должны быть подведены.

самая уплата пошлины; поэтому то такъ заманчива мечта обойтись когда-нибудь безъ таможенъ и таможниковъ. Но то, что при специфическихъ пошлинахъ составляетъ лишь неудобство и непріятность, при пошлинахъ, взимаемыхъ по цѣнѣ, превращается въ прямое мученіе, вызывая возмущеніе и озлобленіе.

Конечно, сравнительной простотѣ и дешевизнѣ взиманія специфическихъ пошлинъ, упрощеннымъ формальностямъ и гораздо меньшимъ спорамъ и нареканіямъ необходимо противопоставить тѣ отрицательныя явленія, которыя связаны съ самими тарифами и на которыя мы уже указывали. При крайней громоздкости и сложности тарифовъ, чрезъ лабиринтъ которыхъ пробраться не—специалисту весьма нелегко, все же приходится устанавливать на многіе товары одну и ту же ставку, несмотря на различіе ихъ въ качествѣ, почему будучи опредѣлена сообразно цѣнности товара средняго качества и сорта, она для прочихъ оказывается чрезмѣрно тяжелой (для болѣе дешевыхъ) или, напротивъ, слишкомъ легкой (для болѣе дорогихъ). А съ другой стороны, всякое колебаніе въ цѣнѣ измѣняетъ бремя обложенія. При пониженіи цѣны та же пошлина означаетъ обложеніе въ повышенномъ процентѣ, иначе говоря, усиленіе покровительства данной отрасли производства, тогда какъ съ ростомъ цѣны обложеніе становится слабѣе, охрана меньше.

Первое—отсутствіе соотвѣтствія между качествомъ товара и обложеніемъ его, особенно невыгодно для тѣхъ странъ, которыя изготовляютъ товары различныхъ сортовъ, въ особенности рядомъ съ простыми и болѣе тонкія, такъ какъ лишаетъ ихъ возможности соотвѣтственно обложить тѣ и другіе. Поэтому Бельгія и Франція всегда стояли на почвѣ пошлинъ съ цѣны; специфическія пошлины не давали возможности провести границу между пряжей и тканями различнаго качества. Франція боялась, что высокіе сорта, ею вырабатываемыя, окажутся недостаточно защищенными, и только по настоянію Англіи, совершила этотъ переходъ. Напротивъ, Таможенный союзъ и впослѣдствіи Германія были довольны специфическими пошлинами—установленная въ договорахъ ставка для пряжи и

тканей, будучи принаровлена къ издѣліямъ средняго качества, являлась высокою для грубыхъ сортовъ, выдѣлываемыхъ нѣмецкой промышленностью, такъ что охраняла ее въ достаточной мѣрѣ. Плохо пришлось эльзасской текстильной промышленности, когда она оказалась съ 1871 г. включенной въ германскую таможенную черту; она вынуждена была перейти къ выработкѣ болѣе простыхъ, болѣе дешевыхъ сортовъ.

Наиболѣе распространенной формой специфическихъ пошлинъ является пошлина, взимаемая по вѣсу. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ (Франціи, Италіи, Германіи), огромное большинство пошлинъ установлено по вѣсу, при чемъ они взимаются большей частью съ вѣса нетто, т. е. съ чистаго наличнаго вѣса товара безъ упаковки. Лишь поскольку это практически неосуществимо, такъ какъ снять упаковку невозможно (напр. духи во флаконахъ, нитки, намотанныя на катушки) облагается вѣсъ брутто (т. е. съ упаковкой). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, обложеніе по вѣсу немыслимо вообще и приходится устанавливать пошлины на основаніи объема, различныхъ мѣръ (для жидкостей, сыпучихъ тѣлъ) или поштучно (напр. для скота). Получается извѣстное разнообразіе въ единицахъ обложенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ оно весьма велико: фунты, тонны, галлоны, дюймы, штуки и т. д. Напротивъ, Швейцарія все, кромѣ скота, облагается по вѣсу, такъ что рояли, микроскопы, часы, скульптурныя произведенія и т. д. уплачиваютъ пошлину съ вѣса, несмотря на то, что въ этихъ случаяхъ вѣсъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ цѣнностью товара. Другія же государства занимаютъ среднее мѣсто, допускаютъ отступленія отъ принципа обложенія по вѣсу. Такъ напр., у насъ (какъ и въ другихъ странахъ) нѣкоторыя пошлины поштучныя — съ музыкальныхъ инструментовъ, часовъ, шляпъ, экипажей, велосипедовъ, автомобилей и вагоновъ; суда морскія и рѣчныя подлежатъ пошлинѣ по объему.

Иногда комбинируется нѣсколько различныхъ признаковъ — кромѣ вѣса принимается во вниманіе еще другой моментъ, благодаря чему достигается большее соответствіе съ цѣнностью товара, чѣмъ въ случаѣ пользованія однимъ лишь при-

накомъ, устраняется обложеніе товаровъ различнаго качества одной и той же пошлиной. Такія пошлины именуются градаціонными или штафельными. Примѣромъ является обложеніе у насъ издѣлій изъ мѣди; такъ какъ издѣлія болѣе легкія представляютъ собою въ этомъ случаѣ болѣе цѣнныя работы, чѣмъ мѣдные предметы тяжелые, то пошлина опредѣляется не только по вѣсу, но и по инымъ признакамъ — издѣлія, имѣющія въ штукѣ 5 фунтовъ вѣса, платятъ по договорному тарифу по 9 руб. съ пуда, а свыше 5 фунтовъ вѣса по 8 руб. (а по общему тарифу 13 руб. 70 коп. и 9 руб.). Во Франціи находимъ лѣстницу изъ 19 ставокъ на простую бумажную пряжу, въ зависимости отъ ея качества. Такой болѣе дробной классификаціей Франція смягчаетъ указанные выше послѣдствія системы специфическихъ пошлинъ, послѣдняя становится болѣе гибкой, хотя, конечно, тарифъ еще болѣе усложняется и увеличивается.

Напротивъ, другой порокъ специфическихъ пошлинъ — колебанія въ степени охраны хозяйства страны, происходящія съ каждымъ измѣненіемъ въ цѣнѣ товаровъ, — это обстоятельство неустранимо, никакія, даже частичныя, поправки въ этомъ направленіи немислимы. Въ половинѣ 60-хъ годовъ Германскій таможенный союзъ при своемъ старомъ, въ сущности фритредерскомъ тарифѣ 1818 года, вдругъ оказался подъ защитой весьма высокой таможенной стѣны; тарифъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свой обликъ, такъ что его и узнать нельзя было. Всѣ цѣны, съ распространеніемъ машинъ и двигателей пали, а ставки стояли на томъ же мѣстѣ, иначе говоря, поднялись во многихъ случаяхъ до 50 и болѣе процентовъ цѣнности товара. Единственный исходъ былъ — пересмотръ тарифа, измѣненіе пошлинъ, но протекціонистски настроенныя южныя государства на это не шли. Они были весьма довольны такимъ оборотомъ, свалившей съ неба охраной промышленности и не желали пожертвовать ею.

Всемирная война совершила переворотъ въ противоположномъ направленіи: все поднялось, кромѣ однихъ только пошлинъ. Цѣны такъ выросли, что пошлины, укрывавшія промышленность съ головой, оказались лишь по поясъ ей. Цѣны

далеко переросли таможенные укрѣпленія, и промышленность оказалась оголенной, беззащитной. Какъ тутъ быть? И какъ предусмотрѣть возможные въ будущемъ дальнѣйшія измѣненія въ уровнѣ цѣнъ? Будущее открытіе мірового рынка можетъ поднести много новыхъ и весьма неожиданныхъ сюрпризовъ.

Сохраняя специфическія пошлины, возможно лишь одно — законодатель вынужденъ двигаться за цѣнами, производить измѣненія въ самомъ тарифѣ, слѣдуя за перемѣнами въ цѣнахъ, ибо изъ самаго свойства этихъ пошлинъ вытекаетъ, что на нихъ положиться невозможно, что они сами игнорируютъ колебанія цѣнъ. Чтобы заставить пошлины считаться съ послѣдними, включеніе въ той или иной формѣ элемента цѣнности, момента цѣновыхъ ставокъ непредотвратимо. А всякое пользованіе имъ означаетъ — какъ мы видѣли — либо превращеніе таможенныхъ пошлинъ изъ строго-опредѣленнаго налога въ добровольную лепту импортера, либо созданіе американской процедуры; достаточно вспомнить о послѣдней, чтобы отпала всякая охота возвращаться къ этой системѣ, хотя бы въ той или иной комбинаціи съ иными признаками.

Такую смѣсь пошлинъ специфическихъ съ пошлинами съ цѣны составляютъ рекомендуемые иногда скользящія шкалы ставокъ — они вѣдь «скользятъ» сообразно измѣненію въ цѣнахъ. Такова была пресловутая шкала пошлинъ на хлѣбъ въ Англіи 1828 года, по образу и подобию которой скомпонованы были и всѣ прочія шкалы пошлинъ на тотъ же хлѣбъ — французская, шведская, нидерландская и прочія; изъ нихъ только португальская оказалась весьма долговѣчной, дожила до нашихъ дней ¹⁾. А въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія каждый разъ выплывали проекты такой лѣстницы хлѣбныхъ пошлинъ, встрѣчаемые, однако, всеобщимъ протестомъ.

Но эти скользящія шкалы первой половины минувшаго вѣка, помимо ихъ первороднаго грѣха — связи съ цѣнами на хлѣбъ, были построены вовсе не для обезпеченія сельскому хозяйству одинаковой охраны, независимо отъ уровня цѣнъ.

¹⁾ См. о нихъ въ моихъ «Лекціяхъ по исторіи экономич. быта», изд. 5-ое. 1918. Стр. 490 и сл.

а напротивъ, созданы были для предотвращения колебаній въ самыхъ цѣнахъ на хлѣбъ. Мало того, они являлись вовсе не поправкой къ специфическимъ пошлинамъ, а способомъ борьбы съ пошлинами съ цѣны—вмѣсто того, чтобы послѣднія автоматически измѣнялись при каждой перемѣнѣ въ цѣнѣ, абсолютно повышаясь или понижаясь въ своемъ размѣрѣ, они здѣсь съ повышеніемъ цѣны на хлѣбъ падали, облегчая привозъ при недостаткѣ хлѣба, и росли при пониженіи цѣнъ, когда привозъ надо было стѣснить. Такъ что для указанныхъ нами цѣлей они совсѣмъ непригодны, относятся къ совершенно иной области ¹⁾.

А если возвращеніе къ тарифу съ цѣны немыслимо—да и Германія, испытавъ всѣ американскія таможенныя прелести, этого не допустить—то единственный исходъ—на ближайшіе годы, пока міровой рынокъ не возстановился, пока будущее, даже ближайшее будущее покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности, не связывать себя долгосрочными договорами, оставлять себѣ руки свободными, чтобы корректировать свой тарифъ по товарнымъ цѣнамъ. Такъ несомнѣнно поступять

¹⁾ Въ экзотическихъ странахъ вывозныя пошлины, имѣющія тамъ фискальный характеръ, иногда строятся въ формѣ такой же скользящей шкалы. Здѣсь обложеніе идетъ параллельно съ цѣной, а не противъ теченія, какъ въ приведенныхъ выше случаяхъ, но только пропорціональность обложенія, свойственная пошлинамъ съ цѣны, замѣняется прогрессіей, такъ какъ по мѣрѣ увеличенія цѣнъ, растетъ взимаемый съ цѣны товара процентъ, при низкихъ же цѣнахъ пошлина совсѣмъ отпадаетъ. Такъ на Малайскомъ архипелагѣ, пока цѣна пикчуи кофе ниже 19 долл., онъ выпускается беспошлинно, если же она повышается до 19—21 долл., то появляется вывозная пошлина въ 1 проц., при цѣнѣ въ 23—25 долл. ставка доходитъ до 2 проц., а при цѣнѣ еще болѣе высокой равняется 2½ проц., на этомъ шкала кончается. Помимо цѣлей фискальнаго характера—усиленно облагать экспортеровъ, разъ они хорошо наживаются, здѣсь достигается, какъ и въ шкалахъ привозныхъ пошлинъ, известная равновѣрность въ цѣнѣ—при низкихъ цѣнахъ, когда обнаруживается обиліе товара въ странѣ, онъ совершенно свободно выпускается отсюда, при всякомъ повышеніи, свидѣтельствующемъ о недостаткѣ его, вывозъ затрудняется. На ближайшее время могла бы возникнуть мысль о примѣненіи и у насъ такого рода скользящихъ шкалъ къ вывознымъ товарамъ, если, бы они не были построены по цѣнѣ, если бы можно было опредѣлить теперь же, какія цѣны должны считаться нормальными и когда, слѣдовательно, надо облегчать, или, напротивъ, стѣснять вывозъ того или другого товара, и если бы наконецъ, мы имѣли вообще право вводить вывозныя пошлины. Словомъ, требуется столько условій, что самую мысль приходится бросить.

другія государства, въ томъ числѣ и Германія. Но намъ Брестскій миръ этотъ путь закрылъ; пока мы закабалены до 31 декабря 1925 года. Цѣны могутъ расти и падать, издержки производства мѣняться, экспортъ и импортъ шириться и сокращаться, — ставки все же остаются неизмѣнными, неподвижными, мы не смѣемъ ихъ тронуть. Когда-нибудь, надо надѣяться, это состояніе прекратится, мы снова выйдемъ на волю, но будетъ ли она намъ нужна тогда? Будетъ ли тогда, когда волны улягутся, наступитъ успокоеніе и рынокъ прояснится, необходимость въ частой перемѣнѣ специфическихъ ставок? Не станутъ ли тогда долгосрочные торговые договоры съ закрѣпленными на многіе годы специфическими пошлинами снова нормальнымъ явленіемъ, наиболѣе правильнымъ и раціональнымъ средствомъ международной торговой политики?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Системы таможенных тарифов, торговые договоры.

Кромѣ общихъ сочиненій по торговой политикѣ (см. введение) и монографій о таможенной политикѣ во второй половинѣ XIX ст. (см. литер. вѣст. II), курсы международного права, въ которыхъ трактуется вопросъ о торговыхъ договорахъ: **Westlake**. International Law. Vol. I. 1904. **Moore**. A Digest of International Law. Vol. V. 1906. **Wharton**. Digest of the international law of the United States. 1886. **Merignhac**. Traité de droit public international. T. II. 1907. **Rivier**. Principes du droit des gens. 1896. **Pradier-Fodéré**. Traité de droit international public européen et américain. Vol. IV. 1888. **Funck-Brentano** et **Sorel**. Précis de droit des gens. 1877.

Сборники договоровъ: **Martens**. Recueil manuel et pratique des traités, conventions etc., къ нему Supplément, Nouveau Supplément, Nouveau recueil général continué. **Мартенсъ, Ф. Ф.** Собрание трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. **Hauterive-Cussy**. Recueil des traités de commerce et de navigation. T. I—IX. 1834—1844. **И. И. Ивановскій**. Собрание дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. 1890. Сборники дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній. T. I. 1882 (Изд. Мин. Иностр. Дѣлъ). Сборникъ торговыхъ договоровъ и другихъ вытекающихъ изъ нихъ соглашеній. 1915. Изд. Мин. Торговли и Промышл.

Монографіи экономическія по вопросамъ таможенныхъ тарифовъ и торговыхъ договоровъ (контроверза автономнаго и договорнаго тарифа) и въ области международного права относительно торговыхъ трактатовъ: **Steck**. Versuch über Handels- und Schiffahrtsverträge. 1782. **Boiteau**. Les traités de commerce. 1863. **Bouchaud**. Théorie des traités de commerce entre les nations. 1877. **Schraut**. System der Handelsverträge und der Meistbegünstigung. 1886. **Philbert**. De la liberté du commerce dans les traités de commerce. 1902. **Veillevitch**. Les traités de commerce. 1892. **Funck-Brentano et Dupuis**. Les tarifs douaniers et les traités de commerce. 1896. **Amé**. Etude sur les tarifs de douane et sur les traités de commerce. 1876. **Arnauné**. Le commerce extérieur et les tarifs de douane. 1911. **Gothein**. Die Wirkung der Handelsverträge. 1895. **Staudt**. Handelsverträge, deren Bedeutung und Wirkung für Deutschland. 1901. **Vosberg-Rekow**. Die Politik der Handelsverträge. 1898. **Weber**. System der deutschen Handelsverträge. 1912. **Schweighoffer**. Zollpolitik und Handelsverträge. 1914. **Horstmann**. Handelsverträge und Meistbegünstigung. 1916. **Rudloff**. Maximal- und Minimaltarif. (Schmollers Jahrbuch. 1911). **С. О. Зарорскій**. Война послѣ мира. 1917. **М. Н. Соболевъ**. Перестройка принциповъ торговой политики Россіи. 1915. **Мелле**. Торговые трактаты. Пер. подъ ред. бар. Нольде. 1906.

Eysoldt. Der Zollkrieg zwischen Frankreich und der Schweiz. 1913. **Echallier**. Le traité franco-suisse et les objections générales au principes des traités de commerce. 1894. **Sombart**. Die neuen Handelsverträge, insbes. Deutschlands. (Schmollers Jahrbuch. 1892). **Wuttke**. Der deutsch-oesterreichisch-ungarische Handelsvertrag vom 6 Dezember 1891 (Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 98). **Human**. Der deutsch-russische Handels- und Schiffahrtsvertrag. 1896. **Schippel**. Amerika und die Handelsvertragspolitik. 1906.

Hoare. Preferential Trade. 1904. **Le Monnier.** La politique des tarifs préférentiels dans l'empire Britannique. 1913. **Bosc.** Unions douanières et projets d'unions douanières. 1904. **Ashton.** Essay on Imperial Customs or Fiscal Union. 1896. **Drage.** The Imperial Organisation of Trade. 1911. **Trescher.** Vorzugszölle. 1908.

М. Н. Соболевъ. Исторія русско-германскаго торговаго договора. 1915. Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей. Сборникъ статей подъ ред. проф. Соболева. 1913. **И. М. Гольдштейнъ.** Русско-германскій торговый договоръ и задачи Россіи. 1912. **Н. П. Ланговой.** Во имя чего мы сражаемся. 1915 Вопросы вѣншей торговой политики въ русской современной печати. 1916. (Сборникъ изд. Мин. Торг.)

Общій таможенный тарифъ по европейской торговлѣ Изд. М-ва Фин. 1916 г. (Tarif général des douanes de Russie, contenant les modifications et additions apportées en vertu du décret du 28 février 1915). Таможенные тарифы по Европейской торговлѣ (общій и конвенціонный) съ измѣненіями и дополненіями по 1 іюля 1913 г. Изд. М-ва Торговли и Промышленности 1913 г.

Подготовительныя работы къ пересмотру русско-германскаго торговаго договора 1904 г. и таможеннаго тарифа 1903 г., изданныя въ 1912—1917 г. г. Министерствомъ Торговли и Промышленности, Редакціей періодическихъ изданій М-ва Финансовъ, Департаментомъ Таможенныхъ Сборовъ, Россійской экспортной палатой, Харьковскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства и др. организаціями.

I.

Раннія эпохи хозяйственной жизни не знаютъ единого общаго тарифа примѣняемаго ко всѣмъ товарамъ даннаго рода и качества. Ставки неодинаковы, въ зависимости отъ національности не столько самихъ товаровъ, сколько привозящихъ или вывозящихъ ихъ купцовъ. Проводится различіе не только между своими и чужими (у насъ—мѣстные жители, торговцы изъ ближнихъ городовъ и иностранцы), но и среди «чужихъ», т. е. купцовъ другихъ странъ и городовъ, имѣются градаціи: для каждой національности особыя правила, какъ въ отношеніи права селиться въ странѣ, имѣть своихъ представителей—консуловъ, производить торговлю въ розницу, привозить или вывозить тѣ или другіе товары, такъ и въ области уплаты таможенныхъ пошлинъ—отъ полнаго освобожденія или приравненія къ мѣстнымъ жителямъ (въ Англіи ганзейцы платили даже меньше послѣднихъ) вплоть до высокихъ и очень высокихъ ставокъ¹⁾.

¹⁾ См. объ этомъ мои «Лекціи по исторіи экономическаго быта», изд. 5-ое, а также ч. II, гл. I.

Лишь съ теченіемъ времени объединяющееся въ политическомъ и экономическомъ отношеніи государство создаетъ общій тарифъ, хотя и съ различными дополненіями и надбавками (для товаровъ привозимыхъ на иностранныхъ судахъ, чрезъ иностранные порты и т. д.), тарифъ постепенно распространяющійся на всѣхъ купцовъ, независимо отъ ихъ національности.

Этотъ принципъ невмѣшательства иностранныхъ государствъ въ конструкцію тарифа и размѣры его ставокъ, въ установленіе запрещеній привоза или вывоза и т. д. выдерживается вплоть до половины XIX вѣка: господствующая тарифная система — тарифъ автономный, односторонне, по своему усмотрѣнію, устанавливаемый государствомъ, и въ равной мѣрѣ примѣняемый къ товарамъ всевозможнаго происхожденія и назначенія.

Встрѣчаются, конечно, и исключенія, они то и перебрасываютъ мостъ отъ автономныхъ къ договорнымъ тарифамъ, т. е. составляемымъ по обоюдному соглашенію сторонъ путемъ взаимныхъ уступокъ. Но переходъ этотъ совершается лишь постепенно; только къ 60-мъ годамъ XIX ст. онъ можетъ считаться совершившимся. До этого времени торговые договоры тщательно обходили вопросъ о пошлинныхъ ставкахъ, избѣгали его, какъ вопросъ, не подлежащій ихъ вѣдѣнію. Если же въ отдѣльныхъ случаяхъ затрагивали его, то возможно меньше и возможно осторожнѣе. Пониженіе охватывало въ лучшемъ случаѣ нѣсколько статей тарифа, слѣдовательно, самую незначительную часть его, не нарушая въ сущности автономнаго характера его, да и касалось оно только определенной страны, не имѣя отношенія къ другимъ государствамъ.

Такого рода исключенія, гдѣ въ автономный тарифъ вкраплены отдѣльныя договорныя, зафиксированныя соглашеніемъ, ставки составляютъ слѣдующіе договоры: Метуэнскій 1703 г. между Англіей и Португаліей — уступка на англійскихъ шерстяныхъ матеріяхъ и на португальскихъ винахъ; между

Англійей и Ганзейскими городами въ началѣ XVIII ст.— пошлыны на сельди; русско-англійскій договоръ 1734 г.— ставки на англійское сукно; наши трактаты: съ Австріей 1785 г.— пониженіе пошлынь на русскую нефть, пушные товары, икру; съ Обѣими Сициліями 1787 г.— льготы для русскихъ кожъ, сала, икры, желѣзныхъ балокъ и полотна; съ Португаліей: половинныя ставки на привозимыя изъ Россіи доски и дерево для кораблестроенія, желѣзныя балки, якоря, пушки, ядра, бомбы; Россія всѣмъ этимъ государствамъ дѣлаетъ скидку на обложеніи винъ. Дѣйствительно договорный тарифъ, ибо охватывающій большое количество статей — они установлены въ одинаковыхъ размѣрахъ для обѣихъ сторонъ — представляетъ собою Эденскій трактатъ, заключенный между Франціей и Англійей въ 1786 г. Онъ распространяется на бумажныя и льняныя издѣлія, на галантерейные товары, металлическія вещи, мебель, предметы изъ стекла и фарфора и т. д. Но онъ просуществовалъ всего три года — революція его смела — и едва ли по самому своему характеру могъ въ тѣ времена рассчитывать на долговѣчность; государства не склонны были связывать себя въ области тарифовъ.

Пруссія создала въ 1818 г. свой знаменитый тарифъ, «протекціонный лишь при сравненіи съ другими германскими странами, но фритредерскій, если сопоставить его съ прочими государствами», тарифъ, который въ 1820 г. Лондонская торговая налата превозносила въ качествѣ достойнаго подражанія событія, проводящаго принципы свободной торговли, и который впослѣдствіи, когда другія германскія государства склонялись на сторону протекціонизма, Пруссія ихъ заставила принять, навязала таможенному союзу. Этотъ тарифъ до 60-хъ годовъ стоялъ неизменно; хотя въ немъ и образовалась отъ старости трещина, но никакая чужая рука до него не дотрагивалась, никакіе торговые договоры не могли подорвать его. Франція со временъ Наполеона I окружила себя высокой оградой, «усѣянной запрещеніями и запретительными пошлынами» и ни одинъ договоръ не въ состояніи былъ пробить въ нихъ брешь вплоть до другого Наполеона — Напо-

леона III. И даже Британія, направивъ свой парусъ къ солнцу свободной торговли, обезпечивъ себя умѣлыми кормчими и неуклонно идя къ этой цѣли, дѣйствовала вполнѣ автономно, не входя въ соглашенія съ другими странами, не нуждаясь въ нихъ. Дѣйствуя отъ своего ума, пониманія экономическихъ условій, а не подъ давленіемъ другихъ, добивающихся уступокъ въ тарифѣ, она совершила это «форменное ауто-дафе всѣхъ частныхъ интересовъ», пожертвовала всѣми противорѣчащими народному благосостоянію монополіями, — «картина, которую исторія видѣла всего одинъ разъ, въ памятную ночь 1789 г., когда всѣ привилегированныя сословія Франціи спѣшили наперерывъ принести на алтарь отечества свои прерогативы».

Сколь ни невѣроятнымъ это можетъ показаться въ настоящее время, когда «навязчивые остатки фритредерства» выдають себя за самое необходимое, самое глубокое и самое крѣпкое ядро всякаго парламентскаго большинства при заключеніи торговыхъ договоровъ» (Schippel), — но истинные фритредеры того времени не признавали торговыхъ договоровъ, этой «системы взаимности», «системы возмездія». «Посмотрите, какъ восхитительно выдумана эта система возмездія — восклицалъ Prince—Smith. Изъ за англійскаго хлѣбнаго закона прусскій земледѣлецъ вынужденъ продавать шефель пшеницы на 10 грошеновъ дешевле, поэтому его хотятъ заставить покупать ситцевое платье для жены на 10 грошеновъ дороже... Почему Пруссія не желаетъ сдѣлать своимъ подданнымъ уступку въ видѣ дешеваго ситца, безъ того, чтобы не выговорить уступку въ видѣ дешеваго хлѣба для англійскаго рабочаго? Конечно, для нѣмецкаго сельскаго хозяйства было бы желательно добиться и этой выгоды, но она вовсе не неразрывно связана съ первой. Относительно первой выгоды Пруссія сама можетъ принять рѣшеніе, относительно второй это не въ ея власти; почему же она не пользуется, по крайней мѣрѣ, той выгодой, которая въ ея рукахъ?».

Торговать, а не торговаться! Робертъ Пиль, производя тарифную реформу, заявлялъ, что нельзя ни одного лишняго дня отнимать у своего населенія дешевые стѣстные припасы

и фабрикаты ради того, чтобы побудить другія страны къ такимъ же мѣрамъ; откладываніе одновременнаго полученія обѣихъ выгодъ есть путь къ потерѣ и той и другой. А Гладстонъ, закончившій эту реформу, усматривалъ въ неудавшихся попыткахъ Англіи въ 40-хъ годахъ заключить торговые договоры съ различными государствами, нѣчто болѣе, чѣмъ неудачу. «Вся операція ставила Англію въ неловкое положеніе: другія страны, производя измѣненія въ своемъ законодательствѣ, которыя, правда, выгодны и для иностранцевъ, но наибольшую пользу принесли бы своимъ же подданнымъ, разсматривали эти реформы какъ подарокъ чужимъ и поэтому относились къ нимъ завистливо и подозрительно». Этотъ взглядъ, что «пониженіе пошлинъ въ ихъ тарифахъ выгодно для насъ и убыточно для нихъ... былъ поколебленъ, когда весь міръ увидѣлъ, что мы открываемъ свои острова, до того времени окруженные оградой, доступу свободной конкуренціи, не требуя соотвѣтствующихъ облегченій отъ другихъ странъ».

Правда въ 1853 году Пруссія отклонилась отъ системы автономнаго тарифа—заключила договоръ съ Австріей, на основахъ возможнаго уравниенія тарифовъ обѣихъ странъ, поскольку они касаются товаровъ, привозимыхъ изъ прочихъ государствъ, и съ установленіемъ спеціальнаго, особо-пониженнаго тарифа между Германіей и Австріей. Значитъ, обѣ стороны не только измѣняютъ свой общій, примѣняемый ко всѣмъ, тарифъ, въ цѣляхъ сближенія его, но и создаютъ второй спеціальнѣйшій тарифъ для возможнаго облегченія взаимнаго бмѣна. Но это не было попросту соглашеніе объ измѣненіи тарифовъ на договорныхъ началахъ. Это было нѣчто гораздо большее—первый шагъ къ таможенному сліянію двухъ странъ. Такова была, по крайней мѣрѣ, цѣль и задача Австріи,—создать единую экономическую территорію съ населеніемъ въ 70 милліоновъ, огромная для того времени цифра. Отсюда не простое соглашеніе о взаимныхъ уступкахъ, нѣтъ, требованіе одинаково высокой таможенной стѣны, общей ограды, отдѣляющей обѣ территоріи отъ внѣшняго міра, съ невысокимъ, легко перемѣнимымъ заборомъ между ними. Слѣдующій шагъ—убрать и

его—мечта Австріи, включеніе въ обще-германскій Таможенный союзъ, т. е. именно то, чего Пруссія допустить не могла.

Такой же смыслъ имѣлъ и другой договоръ—Франціи съ Бельгіей въ 1842 году. Это была только «льняная конвенція»—касавшаяся лишь льняной и пеньковой пряжи и тканей, а также литого желѣза и вина. Но и тутъ суть заключалась въ пониженныхъ пошлинахъ на франко-бельгійской границѣ, повышенныхъ на всѣхъ прочихъ границахъ, и конвенція составляла первую часть широкаго плана французовъ объединить Францію съ Бельгіей или, точнѣе, включить послѣднюю въ качествѣ части Франціи, каковой она уже трижды была—въ галльскій періодъ, въ феодальный и въ революціонный. Но именно этого то Бельгія и боялась—«объединеніе» могло превратиться въ «включеніе», и въ качествѣ протеста, чтобы дать понять Франціи, что первый шагъ ее ни къ чему не обязываетъ, Бельгія, два года спустя, предоставила тѣ же льготы германскому Таможенному союзу. Въ этомъ договорѣ французы усмотрѣли не только демонстрацію, но и сближеніе Бельгіи съ Таможеннымъ союзомъ, которое должно было, по ихъ мнѣнію, немедленно привести къ таможенному объединенію съ Союзомъ, если Франція не сумѣетъ этого предупредить. Идти либо съ Франціей, либо съ Германіей; иного выхода для Бельгіи нѣтъ.

Широко примѣняетъ идею тарифнаго договора Кавуръ въ 50-хъ годахъ: объединяя одной рукой итальянскія области въ единое національное цѣлое, онъ въ то же время путемъ торговыхъ договоровъ переводитъ Сардинію, которая должна стать зародышемъ королевства Италіи, отъ протекціонизма къ свободной торговлѣ. Рядомъ съ общимъ, болѣе высокимъ тарифомъ, здѣсь едва ли не впервые возникаетъ и договорный тарифъ, охватывающій рядъ статей и предоставляемый различнымъ государствамъ—Бельгіи, Нидерландамъ, Франціи, германскому Таможенному союзу взаимныя уступки, дѣлаемые ими въ пользу Сардиніи.

Въ еще большей мѣрѣ не простымъ торговымъ договоромъ, облегчающимъ сношенія между двумя странами, а орудіемъ

обдуманной фритредерской политики являлись договоры, заключенные Франціей въ 60-хъ годахъ.

Послѣ того, какъ Англія создала общій для всѣхъ тарифъ, примѣняемый ко всѣмъ безъ различія, никому не отдавая предпочтенія, никого не обижая,—послѣ этого Michel Chevalier обратился къ Кобдену съ просьбой пріѣхать въ Парижъ для заключенія торговаго договора съ Франціей. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Франція и такъ получила англійскій тарифъ, Англія ей никакихъ условій не ставила. Какъ истинный фритредеръ, Кобденъ не признавалъ торговыхъ договоровъ, называя доктрину взаимности «антиподомъ экономической (т. е. фритредерской) доктрины». Лучшее есть врагъ хорошаго, — а такимъ лучшимъ является равный для всѣхъ странъ автономный — конечно, чисто фискальный — тарифъ.

Но такой договоръ необходимъ былъ для Франціи. Ей нужно было вырвать у себя же уступки: «иначе—писалъ Шевалье—Франція вѣчно останется прикованной къ колесницѣ сторонниковъ запретительнаго тарифа». И Кобденъ пошелъ на это, «хотя Англія вовсе не нуждается въ открытіи для себя новыхъ рынковъ во Франціи или въ другихъ странахъ». Онъ сдѣлалъ это по совершенно иной причинѣ. «Я буду счастливъ, если можно будетъ устранить препятствія, которыя ваше глупое законодательство воздвигаетъ между обѣими странами». Кобденъ облегчилъ Франціи рѣшеніе задачи, такимъ окольнымъ путемъ способствовалъ освобожденію ея отъ протекціоннаго тарифа, въ расчетѣ на то, что индивидуальныя льготы въ пользу Англіи будутъ затѣмъ обобщены. Онъ не ошибся: 10 договоровъ Франціи 1861—67 г.г. устранили различіе между національностями на французскомъ рынкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ французское правительство обходило протекціонистски настроенный парламентъ, черезъ его голову понижало пошлины договорнымъ путемъ.

Какъ мы видимъ на примѣрѣ Франціи, международные торговые договоры этой эпохи весьма мало походятъ на тотъ типъ договора, который при упоминаніи этого термина

встаетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Мы привыкли къ трактатамъ послѣдующаго періода, въ которыхъ каждая ставка являлась результатомъ продолжительнаго и нерѣдко ожесточеннаго торга—совсѣмъ какъ на рынкѣ—ибо каждая сторона боялась «обнажить» какую-либо отрасль своего производства, открыть иностраннымъ товарамъ какую-нибудь дверь въ своемъ протекціонномъ тарифѣ. Но совершенно иную фізіономію имѣли договоры фритредерской эпохи, когда покупатель вовсе не скупился, а, напротивъ, заявлялъ продавцу—требуи возможно большаго, все получишь! и еще самъ прибавлялъ ему, когда иностранецъ являлся лишь удобнымъ предлогомъ для тарифной реформы у себя дома. Предоставленныя ему скидки вовсе не разсматривались какъ уступки за полученныя отъ него выгоды, отпадающія по истеченіи срока договора. Вовсе нѣтъ, они усваивались какъ постоянное приобрѣтеніе, какъ собственное достояніе. Потому то каждая страна возводила новый договорный тарифъ на степень общаго тарифа, распространяя его на всѣ страны, даруя его и такимъ, которые ни въ какія соглашенія съ ней не вступали.

Это подтверждаетъ образъ дѣйствій не только Англіи и Франціи, но также Бельгіи и Пруссіи.

Бельгія попросту приняла ставки французскаго тарифа, установленнаго въ договорѣ Франціи съ Англіей 1860 г.; прусскій договорный тарифъ, правда, отличается отъ французскаго, но все же разница между франко-бельгійскимъ и франко-прусскимъ договорами не столь значительна, чтобы въ послѣднемъ нельзя было узнать характерныя черты оригинала, съ котораго снята копія. Словомъ, при помощи трехъ договоровъ произведено широкое ассимилированіе таможенныхъ ставокъ, осуществлена идея фритредерства. И сдѣлано это не только во Франціи и Бельгіи, но и въ Германіи, ибо Пруссія, заключивъ договоръ съ Франціей, поставила вопросъ ребромъ и подъ дамокловымъ мечомъ ухода ея изъ Таможеннаго союза и распаденія послѣдняго, прочіе члены дали свое вынужденное согласіе; Германія сама себя навязала тарифъ, построенный на принципахъ свободной торговли, что авто-

номнымъ путемъ сдѣлать было немислимо. Вслѣдъ за этимъ, Бельгія четырнадцатью договорами (1860—63 г.г.) распространила уступки, сдѣланныя Франціи и Таможенному союзу, почти на весь міръ, такъ что прежній тарифъ былъ фактически упраздненъ. Въ 1865 г. Бельгія отреклась отъ него и формально, замѣнивъ его новымъ договорнымъ тарифомъ, примѣняемымъ ко всѣмъ почти государствамъ съ прибавленіемъ, и исключительно по своей инициативѣ, еще нѣсколькихъ пониженій (на желѣзо, сталь, машины, ткани, а также на вывозъ тряпья). Иначе говоря, Бельгія сохранила единый тарифъ, внеся въ него всѣ измѣненія, произведенныя договорами, и присовокупивъ въ придачу еще новыя, имѣвшія автономный характеръ.

Торговые договоры излишни, даже вредны—говорилось въ (германскомъ) Таможенномъ парламентѣ съ 1868 г.—нуженъ единый для всѣхъ тарифъ, построенный сообразно собственнымъ нуждамъ и потребностямъ. А вышедшій за два года до того «Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre» Rentsch'a, «эта теоретическая квинтэссенція фритредерства», прибавлялъ къ этому, что періодъ «расцвѣта торговыхъ договоровъ прошелъ, и фритредерскія тенденціи экономической науки не могутъ мириться съ заключеніемъ сепаратныхъ торговыхъ договоровъ». Свободная торговля идетъ быстрыми шагами впередъ и не нуждается въ помощи извнѣ, къ тому еще столь «сомнительными» средствами, какъ торговые договоры. Единственно правильная торговая политика—единый общій для всѣхъ странъ тарифъ; «если гдѣ-либо еще заключаются торговые договоры, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, по крайней мѣрѣ, одна изъ сторонъ не вполне принялась истиннымъ пониманіемъ задачъ торговли».

Дѣйствительно, заключивъ послѣ торговыхъ договоровъ съ Франціей и Англіей еще трактаты съ Бельгіей и Швейцаріей, и Германскій таможенный союзъ слилъ договорный тарифъ съ общимъ. Ту же операцію Германія—уже Германская имперія—повторила послѣ новыхъ договоровъ, въ 1870 году, съ приложеніемъ, по примѣру Франціи и Бельгіи, новыхъ скидокъ. Въ этомъ выразился принципъ: мы должны

вести самостоятельную торговую политику, не считаясь съ сосѣдями. Автономныя добавленія нужны были для устраненія шереховатостей и нескладностей въ тарифѣ, вызванныхъ послѣдними договорами: разъ лошади были допущены безпошлинно, то нельзя было стѣснять попрежнему ословъ и муловъ; соглашенія насчетъ пониженныхъ ставокъ на ткани и химическіе продукты требовали сокращенія пошлинъ и на сырье, изъ котораго они выдѣлывались. Такъ новый единый тарифъ былъ закругленъ, отполированъ, превращенъ, если и не въ органическое цѣлое, то все же въ нѣчто переваримое.

Но подобныя поправки и дополненія, автономныя примѣси къ договорному тарифу, вовсе еще не означали упраздненія послѣдняго, не означали, что надъ договорами поставленъ крестъ и ведется исключительно автономная политика. За періодомъ единого автономнаго тарифа эпохи стараго протекціонизма наступаетъ—какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ—новая эпоха также единого тарифа, какъ этого желали фритредеры, но единого тарифа, являющагося все же не автономнымъ, какъ требовалъ ихъ катехизисъ, а обобщеніемъ предшествующихъ торговыхъ договоровъ съ частичной лишь начинкой болѣе низкими автономными ставками. Международные торговые договоры,—какъ мы видимъ—первоначально разсматриваемые, какъ орудіе сближенія отдѣльныхъ государствъ между собою—по примѣру образовавшагося германскаго Таможеннаго союза—(попытки Франціи, Австріи), стали затѣмъ средствомъ одарить самого же себя фритредерскимъ тарифомъ. Въмѣсто первоначальнаго плана—объединяясь съ одними при помощи снесенія всякихъ таможенныхъ преградъ, отдаляться отъ всѣхъ прочихъ или по крайней мѣрѣ сохранять прежнее отчужденіе отъ остальнаго міра,—они осуществили гораздо болѣе грандіозный планъ равнаго сближенія со всѣми путемъ пониженія таможенныхъ стѣнъ. То, что терялось на глубинѣ, возмѣщалось широтою—достигался единый, равный для всѣхъ, построенный на фритредерскихъ началахъ, притомъ съ однородными въ различныхъ государствахъ ставками (примѣръ Бельгіи, Пруссіи), таможенный тарифъ.

II.

Равный для всѣхъ тарифъ достигался, однако, и инымъ способомъ. Франція уже въ эту эпоху формально не создавала еди-наго тарифа, и все же договорный тарифъ ея въ 60-хъ годахъ былъ одинаковый для всѣхъ странъ. Каждой державѣ, съ которой Франція заключаема трактатъ, она дѣлала новыя уступки, предоставляла новыя пониженія. Казалось бы, при такихъ условіяхъ должно было бы получиться столько различныхъ договорныхъ тарифовъ, сколько установлено было соглашеній. Но этого не случилось, такъ какъ въ каждомъ тарифѣ было сдѣлано добавленіе: всякая льгота, даруемая какой-либо иной странѣ, распространяется и на данное государство. Благодаря этому, каждой державѣ, заключавшей торговый договоръ съ Франціей, было совершенно безразлично, имѣется ли то или другое условіе въ ея договорѣ или въ какомъ-либо иномъ, заключенномъ Франціей,—она все равно пользовалась имъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ одинаковой мѣрѣ.

Такое равноправное положеніе достигалось, благодаря знаменитой оговоркѣ наибольшаго благопріятствованія (*clause de la nation la plus favorisée*), благодаря взаимному признанію договаривающихся сторонъ наиболѣе благопріятствуемой державой (см. объ этомъ подробно гл. I и II ч. II). Эта оговорка проводитъ знакъ равенства между всѣми государствами, получившими право наибольшаго благопріятствованія. Франція заключила въ 60-хъ годахъ 11 договоровъ, и всѣ ея контрагенты оказывались въ равномъ положеніи, всѣ они пользовались тѣми же выгодами, какъ если бы каждый изъ нихъ выговорилъ себѣ одни и тѣ же уступки, какъ если бы имѣлся одинъ только общій для всѣхъ тарифъ. Всѣ эти договоры такимъ образомъ создавали одно замкнутое цѣлое, строили цѣльную систему, были тѣсно связаны между собой, «подобно стаѣ мышей, сросшихся хвостами». Достаточно было одному получить уступку, какъ аппаратъ наибольшаго благопріятствованія, какъ если бы онъ былъ снабженъ электрическимъ токомъ, немедленно и авто-

матически передавалъ ее на всѣхъ прочихъ, снабжалъ ихъ безвозмездно, безъ какихъ-либо льготъ съ ихъ стороны.

Благодаря такому универсальному характеру наибольшаго благопріятствованія, Бельгія еще до возведенія условленнаго съ Франціей и Таможеннымъ союзомъ тарифа на степень общаго, въ сущности создала его: 15 странъ, въ силу этой оговорки, пользовались однимъ и тѣмъ же тарифомъ.

По той же причинѣ въ послѣдующія десятилѣтія, несмотря на замѣну одинаго договорнаго тарифа иной системой, все же фактически наибольшее благопріятствованіе создавало единый равный для всѣхъ державъ тарифъ.

Эта новая система отличалась отъ предыдущей тѣмъ, что рядомъ съ конвенціоннымъ тарифомъ (*tarif conventionnel*) фигурируетъ и общій (генеральный) тарифъ (*tarif général*), который, въ отличіе отъ перваго, имѣетъ автономный характеръ. Получается двойственная тарифная система или система двойного тарифа (двухтарифная). Будучи напечатаны рядомъ, параллельно, общій и конвенціонный тарифы даютъ такую картину. Часть статей идетъ въ двѣ колонны—ставки того и другого тарифа различны, перваго выше, чѣмъ второго (или во второмъ сказано: беспошлинно). Другая часть, напротивъ, имѣетъ видъ одной колонны—ставки одинаковы, но при нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлается отмѣтка—закрѣплена. Это значить, что въ конвенціонномъ тарифѣ, хотя и примѣняется та же ставка, что и въ общемъ, ибо никакихъ льготъ трактатомъ не выговорено, но она зафиксирована, консолидирована—ее нельзя трогать, нельзя повышать за все время существованія договора. Только та группа ставокъ, третья—которая также идетъ въ одну колонну, но въ то же время не закрѣплена договорами, отсутствуетъ въ конвенціонномъ тарифѣ, осталась въ общемъ тарифѣ,—только она сохраняетъ характеръ автономіи; этими ставками можно свободно оперировать, не взирая на договоры, такъ какъ въ нихъ объ этой группѣ статей ничего не предусмотрено.

Первыя двѣ группы ставокъ—пониженные и закрѣпленные, именуемая вмѣстѣ «связанными», и образуютъ конвенціонный тарифъ; чѣмъ больше ихъ число, тѣмъ болѣе конвенціонный

тарифъ отличается отъ общаго или—какъ выражаются—тѣмъ большую часть таможеннаго тарифа обнимаетъ конвенціонный тарифъ, тѣмъ меньше свободы дѣйствій у государства въ таможенной области. Впрочемъ послѣдняя никогда не исчезаетъ вполне, ибо не всѣ ставки связаны; часть не затрагивается договорами, остается въ общемъ тарифѣ, хотя возможенъ, конечно, тотъ идеальный случай, когда въ силу ряда договоровъ, связывающихъ то тѣ, то другія ставки, весь общій тарифъ оказался бы исчерпаннымъ—ни одна ставка не являлась бы свободной, автономія свелась бы на нѣтъ¹⁾.

Фактически и съ замѣной однотарифной системы двойственнымъ тарифомъ властвуетъ попрежнему равный для всѣхъ договорный тарифъ, не единый въ смыслѣ отсутствія какого-либо иного тарифа, какъ было прежде, ибо теперь рядомъ съ нимъ имѣется еще второй—общій тарифъ, но единый въ томъ смыслѣ, что изъ всѣхъ договорныхъ тарифовъ образуется одинъ, примѣняемый ко всѣмъ заключившимъ договоры государствамъ. Конвенціонный тарифъ, представляя собою пеструю

¹⁾ Послѣ изданія (послѣдняго) русскаго автономнаго тарифа 1903 года, въ силу заключенныхъ нами въ 1904—1906 г. г. договоровъ съ Германіей, Австро-Венгріей, Франціей и Италіей, наибольшая часть ставокъ была связана (понижена и закрѣплена), составляла конвенціонный тарифъ, остальные же остались въ общемъ тарифѣ и могли быть измѣнены нами односторонне, что и дѣлалось еще до войны. Подобнымъ же образомъ и значительная часть статей германскаго, австрійскаго, итальянскаго тарифа была понижена и консолидирована конвенціями съ различными странами. Съ начала войны договоры съ враждующими государствами повсюду прекратили свое дѣйствіе, такъ что изъ конвенціоннаго тарифа исчезли ставки, связанные въ силу договоровъ. Однако, у насъ первоначально, 3 Августа 1914 г. послѣдовало распоряженіе объ оставленіи въ силѣ всѣхъ конвенціонныхъ пошлинъ, содержащихся въ отмѣненныхъ договорахъ, для товаровъ дружественныхъ и нейтральныхъ странъ, и только 28 Февраля 1915 г. всѣ эти ставки были отмѣнены, у насъ были развязаны руки въ отношеніи ставокъ, связанныхъ по договору съ Германіей и Австріей (поскольку тѣхъ же льготъ не выговорили себѣ Франція и Италія или еще раньше, въ 1895 г., Португалія), такъ что теперь многочисленныя статьи и пункты перемѣстились въ общій тарифъ, гдѣ мы имѣли возможность значительно повысить ихъ во время войны (прибавка въ 10 проц. ко многимъ ставкамъ общаго тарифа, иногда еще большая). Врестскимъ миромъ Германія не только возстановила въ прежнемъ размѣрѣ всѣ связанныя по договору 1904 г. статьи, но закрѣпила и всѣ статьи, оставшіяся въ общемъ тарифѣ 1903 года, такъ что нашъ тарифъ цѣликомъ связанъ—упоминаемый въ текстѣ исключительный случай (см. ниже, гл. IX).

мозаику изъ разнообразныхъ льготъ—пониженій (освобожденій) и закрѣпленій, допущенныхъ въ пользу то одного, то другого государства, скрѣпленъ универсальнымъ принципомъ наибольшаго благопріятствованія. Отсюда, несмотря на разнокалиберность постановленій въ договорахъ, получается единый конвенціонный тарифъ, который выбираетъ изъ каждаго договора то, что въ немъ имѣется болѣе льготнаго для иностранныхъ государствъ, болѣе выгоднаго, по сравненію съ прочими договорами: при различномъ размѣрѣ ставокъ побѣждаетъ низшая, при пониженіи пошлинъ и полномъ освобожденіи отъ нихъ—послѣднее, при закрѣпленіи ставки общаго тарифа въ одномъ трактатѣ и уменьшеніи ея въ другомъ—пониженная ставка.

Само собою разумѣется, что этотъ матеріалъ свой конвенціонный тарифъ черпаетъ изъ одной лишь группы торговыхъ договоровъ, изъ тѣхъ, въ которыхъ выговорены связанные статьи—пониженія, освобожденія или закрѣпленія пошлинъ, обычно приправленные наибольшимъ благопріятствіемъ—это тарифные договоры. Есть вѣдь вторая группа договоровъ, именуемая договорами наибольшаго благопріятствованія, которая не содержитъ никакихъ тарифныхъ постановленій и поэтому ни малѣйшаго вліянія на тарифъ оказывать не можетъ. Такіе договоры заключаютъ тѣ государства, которыя, ничего не давая, хотятъ только брать, прибѣгая къ своему праву наибольшаго благопріятствованія, но зато, конечно, оказываются въ сторонѣ отъ общаго дѣла, берутъ то, что имъ перепадаетъ съ чужого стола. Только перваго рода договоры со связанными ставками и титулуютъ нерѣдко договорами, только на нихъ съ мечомъ бросаются враги торговыхъ договоровъ, только изъ за нихъ происходитъ часто ожесточенная борьба въ парламентахъ, когда дебатировается вопросъ, заключать ли торговые договоры. Противъ соглашеній вообще, противъ такихъ трактатовъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ скидокъ и которымъ часто отказываютъ въ высокомъ званіи договора, и протекціонисты по общему правилу не возражаютъ, будучи готовы мириться съ «безобиднымъ» наибольшимъ благопріятствіемъ.

Обычно даже въ тѣ эпохи, когда договоры сыплются, какъ изъ рога изобилія, и въ частности обилень урожай тарифныхъ договоровъ, послѣдніе все же составляютъ меньшинство. Огромное большинство трактатовъ построено на голомъ наибольшемъ благопріятствованіи (напр., у насъ къ началу войны дѣйствовали договоры съ 30 государствами, но только 7 изъ нихъ являлись тарифными договорами). Такъ что лишь немногія страны играютъ активную роль при составленіи конвенціоннаго тарифа той или другой державы—все остальные, пробиваясь однимъ наибольшимъ благопріятствованиемъ, никакого активнаго участія въ торговой политикѣ не принимаютъ.

Такое положеніе является результатомъ нежеланія многихъ государствъ идти на какія-либо уступки, т. е. заключать тарифные договоры. Тогда дѣло сводится къ взаимному предоставленію наибольшаго благопріятствованія,—но сводится только въ лучшемъ случаѣ. Противная сторона можетъ не пойти на такой компромиссъ, заявить: или пониженіе пошлинъ или вообще никакого договора, даже съ простымъ наибольшимъ благопріятствованиемъ. Что же тогда наступаетъ? Тогда получается бездоговорное состояніе, тогда вступаетъ въ силу общій тарифъ. Онъ то и является тѣмъ пугаломъ, при видѣ котораго другія государства выражаютъ готовность идти на уступки, чтобы не подпасть подъ его тяжелую руку. Въ послѣднемъ случаѣ они не только лишаются вліянія на постройку тарифовъ другихъ государствъ—это имѣетъ мѣсто уже при отсутствіи тарифнаго договора—но не пользуются даже равноправіемъ, ихъ постигаетъ бичъ общаго по названію, но въ дѣйствительности исключительнаго тарифа.

Въ такомъ положеніи гражданъ второго разряда очутилась Россія въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка. Не желая пожертвовать своей тарифной автономіей, она отказалась вовсе принять участіе въ общемъ международномъ движеніи, держалась поодаль отъ всякихъ договоровъ, и въ результатѣ была исключена изъ договорнаго тарифа, ощутивъ на себѣ тяжелую руку общаго тарифа. До тѣхъ поръ, пока Германія имѣла единый общій тарифъ, Россія располагала

имъ наравнѣ со всѣми, когда же Германія, отказавшись отъ дальнѣйшей генерализаціи договорнаго тарифа, приняла двух-тарифную систему, Россія попала въ весьма плачевное положеніе. Не имѣя вообще никакого договора съ Германіей, а слѣдовательно, не являясь наиболѣе благопріятствуемой державой, она вынуждена была оплачивать свои товары по общему германскому тарифу, т. е. занимать на нѣмецкомъ рынкѣ худшее положеніе, чѣмъ ея конкуренты.

Вотъ въ такого рода случаяхъ проявляется различіе между системой одинаго договорнаго тарифа и системой договорнаго тарифа, сопровождаемаго общимъ тарифомъ. И при двойственной системѣ фактически общимъ является не тотъ тарифъ, который такъ именуется, а другой—договорной тарифъ. Онъ господствуетъ, онъ примѣняется по общему правилу, но все же не безъ исключенія. При единомъ тарифѣ никакого другого, кромѣ него, нѣтъ. Здѣсь же онъ хотя обычно и безмолвствуетъ, но все же существуетъ; онъ стоитъ за дверьми и можетъ въ любой моментъ выйти на сцену и заговорить. Это происходитъ тогда, когда нѣтъ договора съ тѣмъ или другимъ государствомъ—тогда призывается къ исполненію своихъ обязанностей общій тарифъ въ качествѣ карательнаго средства. Это означаетъ состояніе таможенной войны, и поэтому обѣ стороны его всячески избѣгаютъ, но на всякій случай все же держатъ общій тарифъ наготовѣ, запасаются этимъ оружіемъ.

Но на общій тарифъ возложены еще и обязанности иного рода. «Какъ ни различны по своему свойству оба тарифа, общій и договорной, противорѣчія между ними нѣтъ: это лишь различные способы охраны интересовъ страны. Съ цѣлью повышенія тарифа не заключаютъ договоровъ, это дѣлаетъ каждый въ отдѣльности, и для этого годенъ автономный—общій тарифъ. Когда же онъ выполнилъ свою обязанность и ставки достигли надлежащихъ размѣровъ, тогда, чувствуя себя болѣе свободнымъ, можно и экспорту предоставить ту долю, которая ему по праву принадлежитъ, и его смѣняютъ торговые договоры» (Резз. р. 126). Но общій тарифъ является опять-таки условіемъ заключенія выгодныхъ

договоровъ; имѣя его въ рукахъ, можно торговаться съ противной стороною, соглашаться на скидки съ общаго тарифа съ тѣмъ, чтобы контрагентъ отвѣтилъ тѣмъ же.

Роль торговыхъ договоровъ постепенно измѣнилась кореннымъ образомъ, измѣнялась по мѣрѣ того, какъ страстное влеченіе къ свободной торговлѣ уступило мѣсто холодному разсудку, осторожно взвѣшивающему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, насколько выгодно дальнѣйшее пониженіе той или другой ставки, а тѣмъ болѣе по мѣрѣ перехода къ протекціонизму, когда всякая страна старалась поднимать таможенные барьеры возможно выше и удерживать ихъ возможно дольше.

Прежде государство понимало, что, понижая свой тарифъ, оно благодѣтельствуетъ не только иностранныхъ импортеровъ, но и собственное населеніе, удешевляя потребляемые имъ привозные товары, и поэтому при заключеніи торговыхъ договоровъ оно охотно давало все, что отъ него требовалось, и даже больше. Теперь оно смотритъ на всякую уступку какъ на приносимую имъ жертву и естественно старается скинуть возможно меньше и вымѣнять всякую сбавку возможно дороже; оно дѣйствительно торгуется, торгуется долго, усердно и настойчиво.

Для этой цѣли ему нуженъ общій тарифъ — безъ него оно стоитъ безоружное, у него нѣтъ силы добиться уступокъ у другихъ, нѣтъ средствъ кушить ихъ. Другія страны могутъ съ нимъ поступать по своему усмотрѣнію; захотятъ — дадутъ, не пожелаютъ — ничего не подѣлаешь. Оно можетъ только просить, а просьба, чисто платоническая просьба, не подкрѣпляемая звономъ монеты въ той или иной формѣ, плохое средство тамъ, гдѣ дѣло идетъ о коммерческихъ вопросахъ не только у частныхъ лицъ, но и среди государствъ. Англія съ ея единымъ (автономнымъ) тарифомъ сплошь и рядомъ оказывалась въ такомъ положеніи просителя, нищаго, протягивающаго руку. У нея одинъ общій для всѣхъ тарифъ, съ котораго нечего скинуть, у нея нѣтъ угрозъ въ видѣ второго, болѣе высокаго тарифа, и поэтому ей нечего предложить другимъ государствамъ взаимныя уступки съ ихъ стороны;

«за ея благосклонность никто мѣднаго гроша не дастъ». Она должна быть довольна, если ее не лишаютъ того, что выговорили себѣ другіе — она сама на новыя льготы претендовать не можетъ. — если она пользуется конвенціоннымъ тарифомъ въ силу наибольшаго благопріятствованія, ибо бывали случаи, когда ей отказывали (напр. Испанія) и въ такой милости, и она оказывалась безсильной бороться противъ такой обиды.

Какъ мы видѣли, Франція съ самаго начала періода договоровъ примѣняла двухтарифную систему, примѣняла уже тогда, когда она въ началѣ 60-хъ годовъ выступила піонеромъ системы торговыхъ договоровъ, явилась инициаторомъ т. наз. эры западно-европейскихъ торговыхъ договоровъ, которые въ 60-хъ годахъ густой сѣтью покрыли Европу. Формально во Франціи вплоть до 1882 г. дѣйствовалъ старинный общій тарифъ съ многочисленными запрещеніями привоза, установленными еще въ началѣ столѣтія, тогда какъ фактически почти исключительно функционировалъ фритредерскій конвенціонный тарифъ 60-хъ годовъ. Невозможность однако же примѣнять первый — эту египетскую мумію, даже къ тѣмъ немногимъ странамъ, съ которыми не было заключено договоровъ, какъ и необходимость перейти (въ силу договора съ Англіей) къ пошлинамъ специфическимъ, вмѣсто пошлинъ съ цѣны (см. выше), заставила сдать въ архивъ старинный тарифъ и выработать новый общій тарифъ. Последний составлялся такъ, чтобы ставки его были нѣсколько выше статей дѣйствующаго конвенціоннаго тарифа. Хотя увеличеніе пошлинъ вовсе не имѣлось въ виду, но разстояніе такое соблюдать нужно было: запрашивая, можно было затѣмъ снизить до прежнихъ конвенціонныхъ ставокъ въ обменъ на уступки со стороны другихъ государствъ. Дѣйствительно, въ началѣ 80-хъ годовъ переговоры велись Франціей на почвѣ новаго общаго тарифа, который предупредительно понижался такимъ образомъ, что образовался новый конвенціонный тарифъ: общій тарифъ содержалъ теперь всего 300 ставокъ, тогда какъ всѣ остальные 1200 вошли въ конвенціонный тарифъ — были либо понижены, либо закрѣплены. Россія воспользовалась послѣднимъ тарифомъ въ силу права

наибольшаго благопріятствованія, установленнаго договоромъ 1874 года—тарифнаго договора у насъ не было.

Въ противоположность Франціи, Германія, переходя съ конца 70-хъ годовъ къ протекціонизму, не только покончила съ системой единаго договорнаго тарифа, но и вообще усмотрѣла въ торговыхъ договорахъ явленіе, якобы свойственное наивной эпохѣ фритредерства (какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ, фритредеры ихъ прежде вовсе не признавали), но не совмѣстимое съ серьезной политикой охраны національнаго труда. Правда промышленности, экспортирующей за границу, надо было облегчить борьбу на иностранныхъ рынкахъ, вываривая для нея различныя скидки, и на это Германія готова была охотно идти. Но только хотѣла совмѣстить несовмѣстимое: открывая рынки экспортирующей промышленности, въ то же время держать на запорѣ свои границы—никакихъ уступокъ не дѣлать въ аграрныхъ пошлинахъ и, по возможности, не двигать съ мѣста и промышленныхъ. Задача какъ будто нарочно была задана такая, которую рѣшить невозможно, нѣчто вродѣ квадратуры круга. И приходится еще удивляться тому, что кое-что получилось, что оказалось возможнымъ заключить сравнительно сносные торговые договоры.

Впрочемъ, лишь экзотическія страны (Южной и Средней Америки, Африки и т. д.), довольствуясь однимъ наибольшимъ благопріятствованиемъ съ ея стороны, могли соглашаться на пониженіе ставокъ въ пользу Германіи: дипломатическій блескъ Бисмарка ихъ ослѣплялъ, Германія сумѣла свою политическую силу реализовать здѣсь въ матеріальныхъ цѣнностяхъ. Напротивъ, Южная Европа—Испанія, Италія, Греція пошли лишь на тарифъ, связанный съ обѣихъ сторонъ: скидкамъ и фиксаціямъ ставокъ на промышленныя издѣлія соотвѣтствовали уступки въ германскомъ тарифѣ на южные фрукты, оливки, коринку, рисъ, пробковое дерево и т. п.—товары, обложеніе которыхъ для Германіи имѣло лишь фискальное значеніе, а также на предметы сырья, въ безпошлинномъ привозѣ которыхъ была заинтересована сама германская индустрія (шелкъ—сырецъ, хлопокъ, желѣзная руда, цинкъ, мраморъ, сѣра, сырыя кожи и т. д.). Что же

касается промышленных странъ, сосѣдей Германіи, то тарифные договоры съ ними «разсѣялись» въ простое наибольшее благопріятствованіе, и не только договоры съ Бельгіей и Швейцаріей, но даже съ наиболѣе близкой ей Австро-Венгріей. Но и эти договоры не разъ висѣли на волоскѣ и лишь кряхтя и протестуя, эти государства пошли даже на такого рода соглашенія—наибольшее благопріятствованіе при такихъ условіяхъ давало имъ весьма мало реальныхъ цѣнностей. Новое же повышеніе пошлинъ Германіей въ слѣдующіе годы (1885 г.) еще болѣе понизило цѣнность этихъ договоровъ, вызвало даже столь сильное недовольство со стороны Швейцаріи (задѣты были важнѣйшія отрасли ея экспорта—бумажныя ткани, вышивки, часы и т. д.), что ради успокоенія ея пришлось сдѣлать исключеніе изъ принципа—пришлось заключить съ ней тарифный договоръ.

Это былъ первый шагъ къ повороту въ новомъ направленіи—къ «спасительнымъ дѣйствіямъ» Канриви: отношенія съ сосѣдями были настолько натянуты, что только провозглашеніе тарифныхъ договоровъ и конвенціонныхъ тарифовъ въ качествѣ системы германской торговой политики могло вывести Германію изъ тупика, въ который она попала, открыть широкую дорогу экспорту.

Поворотъ отъ такого положенія, когда Германія питалась однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ, былъ необходимъ, ибо прежнее «незаконное состояніе должно было привести къ страшному концу». Съ окончаніемъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ между собою другими странами, «цѣнность тѣхъ прекрасныхъ трактатовъ съ наибольшимъ благопріятствованіемъ, которые оставались на рукахъ у Германіи, должна была свестись для нея къ стоимости бумаги, на которой они были изложены. Они доставили ей весьма благопріятствовавшее ей положеніе, при которомъ нѣмецкіе товары вездѣ подлежали вновь повышеннымъ тарифнымъ ставкамъ» (Sombart. Schmollers Jahrbuch. 1892. p. 569). Германіи пришлось прекратить свое высокомѣрное воздержаніе и взять теперь въ свои руки брошенный Франціей руль—выступить инициаторомъ новой системы торговыхъ догово-

ровъ. Это и были «Средне-европейскіе» торговые договоры 90-хъ годовъ.

Каприви заявилъ, что театръ всемірной исторіи настолько расширился, его границы такъ широко раздвинулись, что государство, которое прежде могло играть роль въ качествѣ великой державы, въ настоящее время по своей экономической силѣ составляетъ лишь небольшую страну. На сцену выступаютъ новыя государства, обширные комплексы территорий—онѣ имѣли въ виду Америку и Россію—и если западно-европейскія страны желаютъ сохранить свое положеніе на земномъ шарѣ, то единственное средство—сближеніе, объединеніе, взаимопомощь. «Наступитъ день, когда они сами придутъ къ сознанію, что есть гораздо болѣе благородная цѣль, чѣмъ идти брать на брата. Тогда они сомкнутъ свои ряды въ экономической борьбѣ на жизнь и на смерть, а это дастъ имъ побѣду».

Государства должны подать другъ другу руку, связующее звено—торговые договоры, тарифные договоры. Каприви заключилъ въ декабрѣ 1891 г. договоръ съ Австро-Венгріей. Но это былъ не простой тарифный договоръ: онъ не только былъ построенъ на принципѣ сближенія тарифовъ обѣихъ сторонъ, онъ шелъ гораздо дальше—онъ заключалъ въ себѣ цѣлую программу торговой политики. Переговоры съ третьими державами Германія и Австрія должны были вести совместно, исходя изъ опредѣленныхъ, заранее установленныхъ, началъ. Ихъ соглашеніе разсматривалось въ качествѣ «кристаллизационнаго пункта», вокругъ котораго группировались бы прочія государства, должно было притягивать послѣднія, подобно магниту. Государства будутъ заключать между собою тарифные договоры, эти договоры будутъ скрещиваться и перекрещиваться, образуя новую сѣть комерческихъ трактатовъ, будутъ расти и множиться, обращаясь въ огромную цѣпь, которая тѣснымъ кольцомъ окружитъ Европу, явится выразителемъ экономической солидарности народовъ.

Отъ этихъ идей до дѣйствительности было далеко; «соединенные штаты Европы» не возникли. Но австро-германское соглашеніе явилось все же крупнымъ событіемъ—четыре

тарифныхъ договора, заключенныхъ Германіей въ декабрѣ 1891 г. (съ Австріей, Италіей, Бельгіей, Швейцаріей), и столько же договоровъ Австріи съ тѣми же государствами и въ томъ же декабрѣ 1891 г. (почему всѣ эти договоры и именуются «Декабрьскими») явились исходной точкой для цѣлой сѣти иныхъ тарифныхъ договоровъ. Хотя въ дальнѣйшія соглашенія Германія и Австрія уже вступили раздѣльно, не выдерживая начертанной программы, но все же система Декабрьскихъ или Среднеевропейскихъ договоровъ сдѣлала свое дѣло, установила хоть временную передышку въ безудержной гонкѣ на пути протекціонизма, въ этомъ «протекціонистскомъ припадкѣ, достигшемъ крайней своей степени». Фритредерскія идеи были давно похоронены и никакіе договоры не могли оживить ихъ, но извѣстная свѣжая струя ими все же была внесена въ спертый воздухъ европейской таможенной политики.

Правда, прошли Декабрьскіе договоры далеко не гладко: участники не сразу соглашались на избавленіе себя же отъ чрезмѣрно высокихъ пошлинъ, именуя его уступкой и требуя соотвѣтствующей платы. Каждая сторона считала себя обсчитанной и обвѣшанной другими: «отдаемъ пудами, а получаемъ золотниками». Въ каждомъ парламентѣ ругали своихъ представителей за то, что они дали себя провести. Въ Германіи въ особенности выступали защитники «національной свиньи» — ветеринарная конвенція съ Австріей открыла вновь доступъ австрійскому скоту. Еще больше возмущались правыя партіи парламента пониженіемъ пошлинъ на хлѣбъ, по новымъ договорамъ. Среди населенія, напротивъ, еще никогда, кажется, не были такъ популярны лозунги: «свободный хлѣбъ и свободный воздухъ» и «долой аграрныхъ ростовщиковъ». Но прорвать ряды аграріевъ въ рейхстагѣ правительство никогда не могло бы — пришлось обойти это препятствіе путемъ договора, представить парламенту пониженные ставки (съ 5 до 3½ мар. за 100 килогр.) въ качествѣ *fait accompli*, — необходимая мѣра, за которую правительство «готово было отвѣтить передъ Богомъ и людьми». Во всѣхъ парламентахъ — германскомъ, австрійскомъ, итальянскомъ, рѣкой лились рѣчи

о пошлинахъ на вино—по количеству произнесенныхъ словъ даже разговоры о ставкахъ на зерно не могли съ ними мѣряться: «въ нихъ обнаружилась вся подвижность и легкая возбудимость южныхъ народовъ». Германія облегчила доступъ къ себѣ крѣпкихъ, пригодныхъ для сдѣлыванія винъ—въ особенности изъ Апуліи и Сициліи. Но противники пониженія пошлинъ называли такое смѣшеніе красныхъ и бѣлыхъ винъ ни болѣе ни менѣе, какъ нарушеніемъ, караемымъ закономъ о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ, а на заявленіе, что, напротивъ, дешевизна разбавленныхъ винъ явится средствомъ борьбы съ фальсификаціей, отвѣчали, что искусственныя вина невозможно вытѣснить, «пока сахарная вода дешевле всякаго вина». Въ результатѣ, пониженія все же прошли и нѣмцы могли считать уступку скорѣе приобрѣтеніемъ въ свою пользу. По требованію Австріи въ особенности Германія понизила различныя ставки на стеклянныя, керамическія, текстильныя, кожевенныя, бумажныя, деревянныя издѣлія,—но все въ умѣренныхъ размѣрахъ. Они были ниже тарифа 1871 г. по абсолютному размѣру, но процентъ съ цѣны получался нерѣдко болѣе высокій—цѣны съ тѣхъ поръ значительно упали.

И другіе контрагенты пошли на уступки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на значительныя уступки. Но утѣшенія они доставляли мало, ибо предварительно были сочинены новые, сильно повышенные «бумажные» (фиктивные) тарифы, съ которыхъ и дѣлались скидки, причемъ все же получалось обложеніе болѣе высокое, чѣмъ прежде, и всякая выручка для Германіи сводилась къ закрѣпленію этихъ, хотя и повышенныхъ, ставокъ на 12 лѣтъ. Менѣе всего дала Италія, державшая себя, «подобно неприступной красавицѣ; ея благосклонности горячо добивались всѣ сосѣди, результатъ же дѣлаетъ честь ея стойкости». Многія скидки въ ея тарифѣ имѣли прямо комичный характеръ. Пошлина на чугуныя трубы вмѣсто 15 лиръ (со 100 кил.) въ новомъ общемъ тарифѣ—14 (по договорамъ), пошлина на якоря, вагонныя оси и т. п. вмѣсто 10 лиръ—9, на желѣзо и сталь (второй полупродуктъ) вмѣсто 13¹/₂ и 17¹/₂ лиръ—13¹/₄ и 17¹/₄.

Стоило ли столь микроскопическія скидки, которые приходится съ лупой отыскивать, вообще регистрировать въ договорномъ тарифѣ?

И все же Германія могла благословлять день и часъ заключенія новыхъ договоровъ. «Она страдала полнокровіемъ и задохлась бы, если бы во время не избавилась отъ чрезмерно тяжелыхъ оковъ и не предотвратила бы своевременно хотя бы ограниченія своего поля дѣятельности заграницей». Правда, многіе находили что экспортировать ей нѣтъ надобности, можно порвать узы, которыми она связана съ другими странами, достаточно и собственнаго быстро расширяющагося рынка. «Но изъ чего производить фабрикаты, которые мудрые авторы подобныхъ совѣтовъ желали бы сбывать внутри страны? Чѣмъ накормить населеніе? Или послѣднее, если даже предположить, что аграріи исполнять свое обѣщаніе и будутъ производить въ странѣ необходимый хлѣбъ и скотъ, откажется отъ привычныхъ колониальныхъ товаровъ, въ интересахъ отечественной овсяной похлебки? Можетъ быть, вытащить изъ чулана лучину и масляную лампу или ожидать открытія нѣмецкой Пенсильваніи или нѣмецкаго Баку? Если же Германія не хочетъ и не можетъ отказаться отъ всего этого, то нужно имѣть средства платить за товары, а ихъ она въ состояніи найти лишь въ своихъ промышленныхъ издѣліяхъ. Въ этомъ заключается весьма простое оправданіе экспорта нынѣ и вовѣки». (Sombart).

Другіе противники Декабрьскихъ договоровъ утверждали, что цѣль послѣднихъ состояла главнымъ образомъ въ закрѣпленіи Тройственнаго союза, но находили, что этотъ союзъ въ такой поддержкѣ вовсе не нуждается, напротивъ послѣдняя способна лишь компрометировать политическій союзъ Германіи съ Австріей и Италіей. Если Тройственный союзъ требуетъ такихъ жертвъ отъ Германіи, — а въ томъ, что жертвы огромны, они не сомнѣвались — то и симпатизирующие союзу люди не могутъ не покачивать головой. Экономическій упадокъ будутъ приписывать политическому союзу, вражда къ нему не можетъ не усилиться. «Въ концѣ концовъ народъ охотнѣе согласится вести войну, чѣмъ постоянно

голодать. И столь низко мы еще не пали въ Германіи въ теченіе полутора года, чтобы намъ приходилось уплачивать дань за то, чтобы найти себѣ политическаго союзника».

Эти подозрѣнія не только не прекратили своего существованія, когда замерли послѣдніе дебаты о договорахъ въ рейхстагѣ, но, подъ вліяніемъ сильнаго паденія цѣнъ на хлѣбъ въ 1892 г., послѣ декабрьскихъ договоровъ, превратились въ грозные крики противъ чрезмѣрно низкихъ ставокъ на зерно и противъ уже закрѣпленныхъ до 1903 года трактатовъ. «Мы должны разорвать договоры съ Австріей и Италіей, хотя бы съ мечомъ въ рукахъ!» Еще болѣе мятежный характеръ приняла борьба съ дальнѣйшими договорами—румынскимъ и русскимъ, которые распространяли тѣ же ставки и на эти страны. Она сопровождалась обвиненіями биржи въ искусственномъ повышеніи цѣнъ, совершенномъ въ предшествующемъ году, чтобы этимъ путемъ убить пошлины; аграріи, въ своемъ безграничномъ возмущеніи, требовали гарантіи минимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ—подъ этимъ знаменемъ графа Каница они всѣ объединились, объявили правительству борьбу не на жизнь, а на смерть и грозили перейти въ ряды социаль-демократовъ.

И все же договоры были заключены съ Румыніей, съ Россіей, съ прочими государствами. Поддерживали ихъ и умѣренные протекціонисты и фритредеры, т. е. тѣ самые, которые когда то требовали автономной политики; они теперь возмущались и желаніемъ ограничить право правительства заключать договоры—парламентъ можетъ сдѣлать это право совершенно иллюзорнымъ. Имъ приходилось бороться такимъ — хотя и довольно рискованнымъ—способомъ съ протекціонистскимъ большинствомъ парламента, приходилось настаивать на мирной операціи заключенія договоровъ, въ отличіе отъ минимальныхъ пошлинъ, устанавливаемыхъ парламентомъ—требованіе аграріевъ. Но приходилось, конечно, выслушивать и обидныя слова о стойкости ихъ принциповъ, иллюстрирующихъ измѣнчивость всего земного, брѣнность и тлѣнность всѣхъ доктринъ и программъ. «Гдѣ ужъ быть стойкому постоянству принциповъ, когда окружающій насъ хозяйственный міръ такъ

поразительно круглъ и въ непрестанномъ движеніи вертится!» (Schippel).

Система европейскихъ торговыхъ договоровъ 90-хъ годовъ такимъ образомъ расширялась: изъ западноевропейской и средне-европейской превращалась въ общеевропейскую. Не только Балканскія государства охотно вступали въ этотъ кругъ—имъ необходимо было проявить только что добытую и еще не вполне признанную политическую самостоятельность,—но и Россію, столь подозрительно относившуюся къ этому движенію, удалось извлечь изъ своей уединенности, заставить примкнуть къ цѣпи европейскихъ торговыхъ договоровъ. Россія, правящимъ кругамъ которой еще въ 70-хъ и 80-хъ годахъ смыслъ и значеніе системы тарифныхъ договоровъ едва ли были многимъ яснѣе, чѣмъ неграмъ Центральной Африки—Россія, которая считала, что она совершила все, что отъ нея можно требовать и даже болѣе того, если она соглашалась на признаніе наибольшаго благопріятствованія—не станетъ же кто либо посягать на суверенитетъ самодержавной Россіи въ таможенной области, въ сферѣ опредѣленія тарифныхъ ставокъ,—Россія, послѣ долгихъ колебаній и послѣ печальнаго опыта предыдущихъ лѣтъ, вступила въ семью европейскихъ народовъ, признала принципъ торговыхъ договоровъ и конвенціонныхъ тарифовъ обязательнымъ и для себя.

До 80-хъ годовъ, пока господствовали фритредерскія начала и единый тарифъ, Россію мало трогало все, что происходило въ области европейской таможенной политики. Когда же фритредерство, не успѣвъ расцвѣсти, отцвѣло и пошлины на сельскохозяйственные продукты лишній разъ подчеркнули, что на возвратъ его нѣтъ надежды, тогда и Россія не могла оставаться далѣе равнодушной къ тому, что совершалось вокругъ нея: этотъ фазисъ протекціонизма наносилъ ей рану въ самое сердце. Необходимо было протестовать противъ повышения аграрныхъ пошлинъ, настаивать на скидкахъ, кричать, требовать, и ужъ во всякомъ случаѣ добиваться равнаго съ конкуррентами положенія — правъ болѣе благопріятствуемой державы.

Но даромъ этого невозможно было получить: другія державы давали Россіи при наибольшемъ благопріятствованіи все то, что было выговорено системой среднеевропейскихъ тарифныхъ договоровъ, въ томъ числѣ пониженныя ставки на зерно, лѣсъ, масло, яйца, скоть и т. п., т. е. наиважнѣйшіе продукты нашего вывоза. Голое наибольшее благопріятствованіе со стороны Россіи равносильно было бы для нихъ полученію чека, подписаннаго лицомъ, у котораго нѣтъ ни копѣйки на текущемъ счету. У Россіи требовали платы наличными: скидокъ съ высокаго, доводившаго до крайности протекціонную систему, тарифа, такихъ скидокъ, которыя давали бы хоть какую-нибудь возможность иностраннымъ товарамъ проникать на русскій рынокъ.

Въ результатъ Россія въ 1893 г., по договору съ Франціей, понизила 10 статей выработаннаго въ 1891 г. тарифа, въ 1895 г. сократила въ договорѣ съ Португаліей пошлину на пробковое дерево, въ особенности же въ 1894 г., въ силу трактата съ Германіей, (послѣ таможенной войны, см. ниже гл. IX) связала себя по 71 статьѣ тарифа изъ общаго числа 218, частью понижая ставки, частью закрѣпляя ихъ. Взамѣнъ этого Россія получила германскій конвенціонный тарифъ (результатъ Декабрьскихъ и послѣдующихъ тарифныхъ договоровъ) и, кромѣ того, закрѣпленіе пошлинъ для ряда товаровъ, имѣвшихъ существенное значеніе для насъ. Германія называла это открыто побѣдой—«періодъ съ начала 90-хъ годовъ открывается крупной побѣдой Германіи надъ Россіей».

Такъ и въ Россіи возникло два таможенныхъ тарифа. Общій тарифъ—тарифъ 1891 г.—по мѣрѣ заключенія договоровъ, все болѣе уступалъ на практикѣ мѣсто другому, конвенціонному, являвшемуся плодомъ германскаго и французскаго договоровъ; прочія страны въ 1894—97 г.г. получили главнымъ образомъ право наибольшаго благопріятствованія, но право имѣвшее для нихъ, послѣ русско-германскаго договора, крупную цѣнность.

Разъ ставши на этотъ путь, Россія уже не сходила съ него. Когда въ началѣ новаго столѣтія истекъ срокъ заключенныхъ въ 90-хъ годахъ (на 10—12 лѣтъ) торговыхъ до-

говоромъ и наступала новая эра договоровъ, открывалась новая эпоха въ исторіи международнаго товарообмѣна, мы немедленно же заключили цѣлую серію новыхъ тарифныхъ договоровъ, связавъ себя ими снова на 10—12 лѣтъ, такъ что только въ 1915—17 г.г. срокъ имъ истекалъ и накануне самой войны возникалъ вопросъ: что же дальше? Онъ подлежить разрѣшенію въ 1917 году—говорили у насъ, хотя это былъ конечный моментъ для одного лишь трактата съ Германіей, скромно именуемаго «дополнительной конвенціей» къ договору 1894 года, заключенной 15/28 Іюля 1904 г., на самомъ же дѣлѣ содержавшаго совершенно новые конвенціонные тарифы для русскихъ и для германскихъ товаровъ, которые являлись отраженіемъ новыхъ общихъ тарифовъ (нашего 1903 г. и германскаго 1902 г.—см. выше, стр. 115 и 120). Дополнительная конвенція эта со своими скидками и закрѣпленіями общаго тарифа, хотя и предохраняла насъ отъ крайностей протекціонизма, но все же во многихъ случаяхъ настолько глубоко и широко проникала въ русскую жизнь, такъ сильно выдвигала интересы германскаго экспорта на русскомъ рынкѣ, что она давала названіе всему періоду русскихъ торговыхъ договоровъ начала новаго вѣка¹⁾. «Заключая трактатъ въ 1894 г., Германія взяла съ насъ «вексель» срокомъ по конецъ 1904 г. и въ томъ же 1904 г. заставила насъ переписать его съ отдаленіемъ срока по конецъ 1917 г.».

¹⁾ Германія закрѣпила свои (минимальныя, см. ниже) пошлины на хлѣба и кромѣ того связала себя (частію понизила, частію закрѣпила) въ отношеніи гороха, бобовъ, сѣмянъ, льна и пеньки, хмѣля, лѣса, лошадей, свиней, птицы, дичи, мяса, икры, масла коровьяго, яицъ, пера, горчицы, минеральныхъ маселъ, эфирныхъ маселъ, ртути. Россія сдѣлала пониженія и закрѣпленія по слѣдующимъ видамъ товаровъ: рисъ, мука картофельная, овощи, хмѣль, вино, рыба, конскій волосъ, воскъ, кожи, мягкая рухлядь, кожаныя издѣлія, деревянные товары, цементъ, камни, кирпичъ, трубы, половыя плитки, черепица, фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія, химическіе и фармацевтическіе продукты, дубильныя и красильныя вещества, краски, желѣзо, сталь, цинкъ, золото и серебро въ издѣліяхъ, издѣлія изъ мѣди и мѣдныхъ сплавовъ изъ жести, изъ чугуна, желѣза и стали, изъ олова и цинка, игольный и ножевой товаръ, инструменты, машины и аппараты и части ихъ, часы, музыкальныя инструменты, велосипеды, писчебумажный товаръ, книги, картины и карты, бумажная пряжа, шерсть, шелкъ, ткани разнаго рода, вязаныя матеріи, кружева, бѣлье и платье, зонтики, пуговицы, галантерейный и туалетный товаръ, карандаши.

Прочіе тарифные договоры—русско-французскій 16/29 Сентября 1905 г. ¹⁾, русско-австрійскій 2/15 Февраля 1906 г. ²⁾ и русско-итальянскій 15/28 Іюня 1907 г. ³⁾ (а также еще сохранившійся русско-португальскій 27 Іюня/9 Іюля 1895 г.) ⁴⁾ разсматривались какъ своего рода прибавки къ основному трактату—германскому, какъ получавшія отъ него смыслъ и направленіе, хотя на самомъ дѣлѣ всѣ они были не менѣе самостоятельны, чѣмъ договоръ съ Германіей, содержали (договоры съ Франціей и Австріей) въ свою очередь обширные тарифы связанныхъ пошлинъ; но—въ этомъ вся суть—это были тарифы, которые все же затрагивали русскую жизнь лишь на поверхности. Всѣ пять тарифныхъ договоровъ вмѣстѣ образовали (въ силу наибольшаго благопріятствованія) единый конвенціонный тарифъ по европейской торговлѣ ⁵⁾; только товары, не вошедшіе въ послѣдній, оплачивались по общему тарифу 1903 года.

¹⁾ Франція закрѣпила пошлины своего автономнаго (минимальнаго) тарифа (обязываясь ихъ не повышать) для нѣкоторыхъ товаровъ: для хлѣбовъ въ зернѣ, овощей, яицъ, кожъ, лѣса, льна, пеньки, отрубей, нефтяныхъ маселъ, марганцовой руды. Съ своей стороны, мы сдѣлали уступки Франціи по большому количеству статей, касающихся винъ, спиртныхъ напитковъ, устрицъ, фруктовъ, сыра, парфюмеріи и косметики, мыла, кружевъ и вышивокъ, шляпъ, перьевъ, искусственныхъ цвѣтовъ, обуви, зеркальныхъ стеколъ, лѣкарства, шерсти, шерстяныхъ, шелковыхъ и вязаныхъ издѣлій, галантерейныхъ и туалетныхъ вещей, письменныхъ принадлежностей и писчебумажнаго товара, кожаныхъ издѣлій, автомобилей.

²⁾ Австро-Венгрія частью закрѣпила свои (минимальныя) пошлины на хлѣба, частью сдѣлала уступки и закрѣпленія по нѣкоторымъ продуктамъ, какъ то: сѣмена, птица и дичь, яйца, лошади, ленъ и пенька, лѣсъ. Мы сдѣлали ей уступки по многочисленнымъ статьямъ: вина, издѣлія изъ дерева, камня, кирпичъ, произведенія изъ олова и цинка, стеклянные товары, ножовые и металлическіе, бумажная масса и писчебумажные предметы, книги, шерстяныя издѣлія, галантерейныя.

³⁾ Въ этомъ договорѣ связано очень немного статей: въ итальянскомъ тарифѣ—хлѣба и минеральныя масла, въ нашемъ—фрукты и ягоды, камни, всякаго рода гипсъ и алебастръ, винный камень, масла растительныя, дубильныя вещества и шелкъ сырой, крученый и пряденый; кромѣ того Россія обязалась безпошлинно допускать вывозъ шелковичныхъ коконовъ.

⁴⁾ Въ Португальскомъ тарифѣ связаны въ нашихъ интересахъ Португаліей: кожи, ленъ и пенька, кленки, обручи, лѣсъ, минеральныя масла, чай, треска, сыръ, свѣчи, Россіей—только пробковое дерево.

⁵⁾ Кромѣ того, имѣлись особые тарифные договоры съ Китаемъ, Кореей и Персіей, но они не касались тарифа по европейской торговлѣ.

Какъ мы видѣли, во всѣхъ странахъ новымъ договорамъ предшествовали — это считалось аксіомой — новые усиленные общіе тарифы начала XX вѣка (см. выше стр. 115 и сл.) — этимъ путемъ получался возможно болѣе широкій просторъ для уступокъ. Такое запрашиваніе путемъ болѣе высокаго общаго тарифа иногда достигало гигантскихъ размѣровъ. Въ общій тарифъ вносились ставки, въ которыхъ страна, даже если мѣрить на аршинъ наиболѣе убѣжденныхъ протекціонистовъ, вовсе не нуждалась. Другія повышались свыше размѣра, требуемаго заинтересованными лицами, а затѣмъ при переговорахъ правительство обнаруживало свой либерализмъ, свою уступчивость, готовность пойти навстрѣчу интересамъ другихъ странъ. Оно понижало или даже вовсе упраздняло эти псевдо-пошлины, эти мнимыя ставки, отъ которыхъ оно заранѣе рѣшило отказаться. Иногда ихъ понижали въ пользу странъ, которымъ эти скидки вовсе не нужны были и которыя объ этомъ не просили, понижали, якобы, въ доказательство своей услужливости, въ дѣйствительности, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ нихъ. А разъ одна сторона прибѣгала къ такимъ ложнымъ ставкамъ, то и другая вынуждена была слѣдовать ея примѣру, запрашивать возможно больше, ибо каждая такая фиктивная ставка уступалась за скидку съ противной стороны; надо было, слѣдовательно, готовиться, вооружаться, строить тарифы на 50 и болѣе процентовъ выше того, что въ дѣйствительности нужно было. Общій тарифъ, какъ правило, получалъ фальшивый, лицемѣрный характеръ; но немедленно, по минованіи надобности, по составленіи конвенціоннаго тарифа, его сдавали въ архивъ и вынимали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно было пугнуть того, кто не желалъ вступать въ соглашеніе — разница между нимъ и конвенціоннымъ тарифомъ было дѣйствительно столь велика, что и смѣлаго могъ объять страхъ, одинъ видъ общаго тарифа могъ заставить подчиниться.

Примѣромъ такихъ псевдо-пошлинъ являются въ германскомъ общемъ тарифѣ 1902 года ставки на различные сорта кормовыхъ средствъ. Они и прежде были свободны отъ пошлинъ и теперь ихъ не имѣлось въ виду облагать; все же пошлина

въ 1 мар. была установлена и затѣмъ упразднена въ договорахъ съ Австріей и Швейцаріей. Свѣжія овощи также и въ прежнемъ и въ новомъ конвенціонномъ тарифѣ изъяты отъ обложенія, въ общемъ же тарифѣ содержатся ставки, достигающія, напр., для спаржи, ревеня и т. д., 20 мар. съ тонны, что равносильно было бы полному запрещенію привоза. Они должны были служить козыремъ при заключеніи договоровъ, сохранять ихъ никто и не думалъ. Съ однимъ изъ видовъ тропическаго лѣса произошло даже слѣдующее веселое событіе. Этотъ лѣсъ, привозимый исключительно изъ Аргентины, облагался до 1902 г. въ $1\frac{1}{2}$ марки съ тонны, но въ общемъ тарифѣ 1902 г. былъ обложенъ въ 7 мар., т. е. въ 14 разъ больше, что составляло около 80 проц. его цѣнности. Для того, чтобы какъ нибудь избавиться отъ такой ставки, которая прекратила бы привозъ, ничего не оставалось, кромѣ пониженія ея въ договорахъ съ Италіей и Австро-Венгріей, для которыхъ эта пошлина была совершенно безразлична.

Надо, впрочемъ, признать, что рядомъ съ такими мнимыми, бутафорскими ставками въ общемъ тарифѣ имѣются и пошлины иного рода, установленныя въ крупныхъ размѣрахъ по требованію заинтересованныхъ лицъ, пошлины, отличающіяся, слѣдовательно, вполне реальнымъ и серьезнымъ характеромъ. Договоры же заставляютъ отказаться отъ нихъ, отъ чрезмѣрно далеко зашедшаго протекціонизма. Такъ, напр., въ томъ же германскомъ тарифѣ 1902 г. пошлины на обувь были повышены съ 65 мар. за тонну (по конвенціонному тарифу) на 120 мар., «для предупрежденія наводненія нѣмецкаго рынка иностранной обувью», но затѣмъ, по требованію Италіи, уменьшены до 100 мар., согласно договору съ Швейцаріей,—на 90 мар. и въ соглашеніи съ Австріей установлены въ 80 мар.; послѣдняя ставка и включена въ конвенціонный тарифъ. Увеличительныя стекла и стекла для очковъ, обложенныя въ 12 и 15 мар., были увеличены, по требованію фабрикантовъ, на 60 мар., но Австро-Венгрія настояла на пониженіи ставки до 15—30 мар. Пошлина на оливковое масло составляла прежде въ конвенціонномъ тарифѣ 3 мар., въ 1902 г. въ общемъ тарифѣ сохранена прежняя ставка (общаго тарифа) въ 10 мар., Италія

же добилаcь полнаго освобожденія отъ пошлыны. Значительныя сокращенія Германія сдѣлала и по торговому договору съ Россіей 1904 г., вовсе отказавшись по нѣкоторымъ статьямъ отъ пошлинъ, установленныхъ въ общемъ тарифѣ 1902 г. (сѣмена, гуси, перья), понизивъ ихъ болѣе, чѣмъ на 50 проц., въ другихъ случаяхъ (ячмень, горохъ, лошади, пернатая дичь, яйца, рожи и нѣкоторые сорта лѣса). Еще большія уступки мы вынуждены были сдѣлать въ томъ же договорѣ въ пользу Германіи—по ряду статей договорный тарифъ пониженъ, болѣе чѣмъ на 50 проц., сравнительно съ общимъ тарифомъ, составленнымъ въ Россіи въ 1903 году (простыя огородныя овощи, хмѣль, различныя издѣлія изъ камней, плитки глиняныя глазурованныя, различныя химическія и фармацевтическія вещества, нѣкоторыя вязаныя и басонныя издѣлія, части часовыхъ механизмовъ и т. д.).

Правда, несмотря на то, что изъ нашего общаго тарифа 1903 г. сохранилось всего 25 ставокъ, тогда какъ по 213 пунктамъ были сдѣланы Германіи уступки, все же, по сравненію съ конвенціоннымъ тарифомъ 1894 г., нашъ договорный тарифъ 1904 г. содержалъ 69 повышеній и всего 8 небольшихъ пониженій. Точно также Германія, при своихъ уступкахъ, все же значительно затруднила намъ привозъ, по сравненію съ прежнимъ конвенціоннымъ тарифомъ, пониженія же допустила лишь на ячмень и нѣкоторые виды сырого лѣса.

И все же нельзя отрицать того, что протекціонизмъ бушевалъ бы еще сильнѣе и производилъ бы еще большія опустошенія въ международномъ обмѣнѣ, если бы онъ не имѣлъ противовѣса въ видѣ торговыхъ (тарифныхъ) договоровъ. Договоры—это все-таки узда, налагаемая на вождельнія заинтересованныхъ группъ населенія, это все-таки извѣстное veto, заставляющее государство, при всемъ своемъ желаніи сохранить внутренній рынокъ для національной промышленности, если не открывать вполне дверь иностраннымъ товарамъ, то все же полуоткрывать ее, въ результатѣ чего они такъ или иначе пробираются. Матеріалы по составленію общихъ тарифовъ неопровержимо доказываютъ, что рядомъ съ псевдо-пошлинами въ нихъ включаются въ большомъ количествѣ и такія, которыя

стараятся отстоять во что бы то ни стало, и лишь печальная необходимость, угроза противной стороны сохранить въ свою очередь чрезвычайно высокій барьеръ, заставляетъ покинуть занятыя позиціи и благородно ретироваться. Въ 1904—06 г.г. Италія напр., заключила три тарифныхъ договора—съ Германіей, Австро-Венгріей и Швейцаріей; въ пользу первой Италія частью отмѣнила пошлины, частью понизила по 204 статьямъ, почти столько же уступокъ получила Швейцарія, и, наконецъ, значительныя сбавки и изъятія были сдѣланы въ пользу Австріи. Конвенціонный итальянскій тарифъ (эти страны съ своей стороны пошли навстрѣчу требованіямъ Италіи и Швейцаріи) составлялъ извѣстную преграду и преграду довольно высокую, которую усиленному протекціонизму начала XX вѣка не легко было перескочить на своемъ пути.

Такимъ образомъ, торговые договоры означали своего рода перемиріе во время длительной таможенной войны въ видѣ со всѣхъ сторонъ наперерывъ повышаемыхъ протекціонныхъ пошлинъ, въ борьбѣ, которая становилась все болѣе и болѣе кровавой и ожесточенной, они означали — говоритъ Sombart — «передышку, предоставленіе другъ другу времени для собиранія и концентраціи силъ послѣ періода безпокойства и волненій въ области торговой политики». На 10—12 лѣтъ наступало успокоеніе—миръ былъ гарантированъ отъ новыхъ таможенныхъ вооруженій. Другіе экономисты шли въ этомъ отношеніи и дальше, смотрѣли на торговые договоры вообще какъ на средство избѣгнуть таможенныхъ столкновеній, какъ на попытку поддержать между народами экономическій миръ, трещащій по всѣмъ швамъ, какъ на орудіе, при помощи котораго возможно разогнать тѣ облака, которыми столь густо былъ покрытъ горизонтъ мірового рынка въ послѣднія десятилѣтія. Имъ хотѣлось, однако, еще большаго—хотѣлось прочнаго, постояннаго мира въ экономической жизни народовъ, такого, за судьбу котораго не приходилось бы бояться ежедневно и ежечасно, хотѣлось чистаго, безоблачнаго неба. И хотѣлось вѣрить, что къ этому ведутъ торговые договоры, что они знаменуютъ зарю новой эры, являются предвѣстниками того, что достигнутое соглашеніе основано на взаимномъ

пониманіи, на готовности считаться съ интересами другого. Оптимистамъ договоры внушали надежду на то, что за ними послѣдуетъ дальнѣйшее сближеніе народовъ, ведущее къ новымъ, болѣе прочнымъ хозяйственнымъ организаціямъ, къ созданію обширныхъ таможенныхъ территорій безъ заставъ и преградъ, раздѣляющихъ міръ на мелкіе кусочки ¹⁾).

¹⁾ О таможенныхъ союзахъ см. ч. II, гл. III.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Таможенные тарифы и таможенные войны.—Брестский миръ и таможенный тарифъ.

I.

Истинные конвенціонные тарифы отличаются взаимностью — каждая сторона сооружаетъ свой общій тарифъ и затѣмъ, и та и другая, изложивъ свои требованія другъ другу, частями срываетъ его. Но не всѣ такъ поступаютъ: есть противящіеся и протестующіе, цѣлко держащіеся за свое избрѣненіе, за свой тарифъ. Они требуютъ себѣ конвенціонный тарифъ, уже связанный для другихъ, хотя и безъ новыхъ уступокъ для себя, вымѣнивая его на свой автономный тарифъ, который они измѣнить и передѣлывать ни для кого не желаютъ. Такъ получаются рядомъ двѣ системы — страны съ общимъ договорнымъ тарифомъ и страны, гдѣ снова выплываетъ наружу, хотя и въ иной формѣ, автономный тарифъ.

Причина возрожденія автономнаго тарифа — все тотъ же, не знающій чувства мѣры, протекціонизмъ. Тарифы ему кажутся всегда слишкомъ малы, конвенціи только задерживаютъ ихъ ростъ.

Въ самомъ дѣлѣ, протекціонистамъ чистой воды, послѣднія не могутъ доставить ни малѣйшаго удовольствія; въ тарифныхъ договорахъ и конвенціонныхъ тарифахъ они усматриваютъ опаснаго и надоѣдливаго врага, который портитъ имъ всякое серьезное дѣло. Созываешь специалистовъ по различнымъ отраслямъ производства, которые съ убѣдительностью, не допускающею сомнѣній, доказываютъ, что безъ сильнаго повышенія таможенныхъ ставокъ опредѣленные отрасли производства неминуемо погибнуть, печатаешь многочисленные матеріалы, въ которыхъ то же устанавливается, какъ дважды

два — четыре, тратишь массу времени и силъ на агитацію, и когда наконецъ все ясно, какъ день, когда (или: если) парламентъ, послѣ продолжительныхъ споровъ и пререканій, принялъ, хотя и не всѣ предложенныя ему ставки, но все же пошлины въ достаточномъ размѣрѣ, когда столь тяжелые роды закончены, и младенецъ, наконецъ, увидѣлъ свѣтъ, — тогда появляются на сцену новые хирурги и начинаютъ мудрить надъ новорожденнымъ тарифомъ, рѣзать и кропать живое тѣло его. Созывается конференція изъ представителей своего и другого государства, и не одна конференція, а нѣсколько, иногда цѣлый рядъ, по числу заключаемыхъ тарифныхъ договоровъ, конференцій, дѣйствія которыхъ напоминаютъ «тѣ дипломатическія операціи, которыя совершаются надъ старыми брюками и сюртуками». Послѣ такихъ многократныхъ торговъ только что выработанный тарифъ превращается въ нѣчто неузнаваемое: отъ удобнаго, увѣнчаннаго куполомъ зданія остаются сиротливо стоящія голыя стѣны, въ другихъ случаяхъ зданіе сохранилось, но внутри его все перерыто, перепорчено, перевернуто вверхъ дномъ, какъ послѣ пожара.

Конечно, въ общемъ тарифѣ было запрошено столько, что и послѣ скидокъ и уступокъ остается достаточно — самый тарифъ вѣдь такъ писался. Но когда къ одной конференціи присоединяется вторая, третья, быть можетъ, пятая и шестая, то уже никакого общаго тарифа не хватитъ, отъ него отламывается то тутъ, то тамъ новый кусокъ, иногда въ томъ же мѣстѣ по нѣсколько разъ, и въ результатѣ новорожденный конвенціонный тарифъ, продуктъ всей этой дѣятельности, представляетъ собою весьма грустную картину. Многое вовсе сведено къ прежнему тарифу, другое — повышено, но въ совершенно недостаточныхъ размѣрахъ, въ третьемъ — пробѣлы и исключенія весьма нежелательныя.

Вернувшись съ той или другой конференціи парламентары вносятъ каждый разъ болѣе или менѣе истерзанный тарифъ въ парламентъ, и послѣдній волей-неволей принимаетъ его, ибо свобода законодательныхъ учрежденій въ этомъ случаѣ существуетъ лишь на бумагѣ; въ дѣйствительности

имъ приставленъ ножъ къ горлу, они превращаются въ регистрирующее учрежденіе ¹⁾).

Разговаривать парламенту не приходится, обсуждать отдѣльныя статьи онъ не можетъ, ибо не утвердить хотя бы одну изъ нихъ, значить уничтожить всю работу конференціи, отказаться отъ условій, принятыхъ другой стороною и порвать съ даннымъ государствомъ всякія сношенія. Находясь подъ такимъ дамокловымъ мечомъ, парламентъ, конечно, выбираетъ меньшее изъ двухъ золъ—принимаетъ весь договоръ en-bloc, хотя бы промышленность и сельское хозяйство противъ него рѣшительно протестовали. И притомъ принимаетъ его на 10—12 лѣтъ, связываетъ себѣ руки на такой періодъ, когда въ эпоху пара и электричества происходитъ больше перемѣнъ и переворотовъ, чѣмъ прежде въ теченіе столѣтія. Правительство отлично сознаетъ, что необходимо поддержать падающую отрасль производства, что надо увеличить ея подпорки, иначе она рухнетъ, понимаетъ, что только усиленная доза пошлинъ можетъ вернуть ее къ жизни. Но оно не смѣетъ ни шагу сдѣлать—срокъ договора не истекъ еще, многочисленные трактаты окружаютъ его желѣзнымъ обручемъ, налагаютъ на него пудовыя кандалы.

Очевидно, отъ всего этого необходимо избавиться возможно скорѣе. Какъ же это сдѣлать? Протекціонисты разрѣшили эту столь сложную задачу весьма просто. Прежде всего—упразднить тарифные договоры. Тарифъ можетъ и долженъ вырабатываться государствомъ самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, на основаніи одного собственнаго усмотрѣнія. И этотъ автономный тарифъ уже не будетъ фиктивнымъ, тѣмъ тарифомъ, который можетъ быть аннулированъ на конференціи, а тѣмъ самымъ тарифомъ, который будетъ дѣйствовать. Это настоящій тарифъ: никакія измѣненія, никакія уступки въ немъ не допускаются. Онъ твердъ какъ скала, онъ непоколебимъ какъ гранитъ. А такъ какъ могутъ появиться государства, которыя все-таки, привыкнувъ

¹⁾ Характерно, что такое «демократическое сердце» внезапно обнаруживается у тѣхъ, кто вовсе не имѣетъ обыкновенія отстаивать права парламента—у наиболѣе правыхъ партій.

къ конвенціоннымъ тарифамъ, требуютъ себѣ уступокъ, и безъ скидокъ и закрѣпленій ни на какія соглашенія не пойдутъ, то надо запастись еще вторымъ тарифомъ, увеличивая первый на 50—100 проц. Надо бронироваться: кто договора не заключить, тому будетъ поднесенъ подарокъ въ видѣ такого повышеннаго тарифа. Договоры, конечно, не исключаются; но это уже не тарифные договоры, а конвенціи, предоставляющія первый—болѣе низкій—тарифъ и наибольшее благопріятствованіе, и притомъ не на 10—12 лѣтъ, а съ правомъ денонсировать соглашеніе въ любое время, предупредивъ за $\frac{1}{2}$ —1 годъ впередъ. Лишь при такихъ условіяхъ сельское хозяйство и промышленность обезпечены отъ вражескаго нашествія въ видѣ болѣе дешевыхъ иностранныхъ товаровъ, могутъ спокойно работать, зная, что государство не поступитъ ихъ нуждами и интересами, что ихъ представители въ парламентѣ пользуются дѣйствительной свободой устанавливать пошлины и измѣнять ихъ, сообразно условіямъ времени, не считаясь съ желаніями другихъ странъ и не боясь нарушить того или другого договора.

Плодомъ такихъ требованій явилась новая система таможенныхъ тарифовъ. Мѣсто конвенціоннаго тарифа, результата взаимныхъ уступокъ, занялъ вновь автономный тарифъ—возвращеніе къ старому, но только возвращеніе не въполнѣ: не единый автономный тарифъ, а двойной, новая двойственная или двухтарифная система, система двухъ автономныхъ тарифовъ. Первый автономный тарифъ — тарифъ минимальный, а рядомъ съ нимъ для тѣхъ, кто не вступаетъ ни въ какое въ соглашеніе—второй, своего рода боевой, тарифъ или максимальный, именуемый иногда общимъ тарифомъ и соотвѣтствующій ему. Ниже минимальнаго тарифа идти нельзя—это было бы абсурдомъ, безсмыслицей¹⁾. Это та черта, та граница, которую нельзя

¹⁾ Но такой же безсмыслицей является и наименованіе минимальнаго тарифа «льготнымъ», по сравненію съ возможными между нимъ и общимъ (максимальнымъ) тарифомъ средними «штафельными» тарифами. Это абсурдъ, ибо во 1-хъ при наличности наибольшаго благопріятствования, здѣсь, какъ и въ конвенціонномъ тарифѣ, дѣйствуютъ наименьшія ставки, т. е. ставки минимальнаго тарифа, и во 2-хъ, потому, что, въ противоположность многочисленности конвенціонныхъ тарифовъ, вызываемыхъ

перейти. Въ этомъ—по словамъ сторонниковъ минимальнаго тарифа—значеніе послѣдняго, смыслъ и заслуга его; въ этомъ гарантія соблюденія интересовъ національнаго хозяйства, столь страдающихъ при конвенціонныхъ тарифахъ.

Едва ли однако народное хозяйство, какъ цѣлое, приносится въ жертву при системѣ конвенціонныхъ тарифовъ. Убытокъ можетъ возникнуть для отдѣльныхъ отраслей, которыя не получила ожидаемой таможенной прибавки, но вовсе не для всего сельскаго хозяйства и промышленности страны. Интересы различныхъ отраслей производства многообразны, нерѣдко противорѣчивы, и задача состоитъ въ томъ, чтобы найти золотую середину, найти то примиряющее начало, которое наилучшимъ образомъ обезпечило бы нужды государства, какъ хозяйственной единицы. Получивъ опредѣленные инструкціи, представители на конференціи—они отнюдь не дѣйствуютъ по собственному усмотрѣнію, для нихъ вырабатываются директивы—взвѣшиваютъ каждую уступку, каждое предъявляемое къ нимъ требованіе, внимательно обсуждаютъ про и contra, сопоставляютъ выгоды сохраненія внутренняго рынка для однихъ отраслей производства съ интересами въ области экспорта для другихъ. Они выдвигаютъ на первый планъ тѣ отрасли, на которыхъ покоится хозяйственная жизнь страны, настаиваютъ и требуютъ, когда рѣчь идетъ о нихъ, и уступаютъ на производствахъ второстепенной и третьестепенной важности для страны.

Для минимальнаго тарифа такихъ различій не существуетъ. Здѣсь все равноцѣнно, и крупное и мелкое, и основныя отрасли промышленности, составляющія гвоздь хозяйства, на которыхъ покоится благосостояніе населенія, экспортъ, валюта, и какое-нибудь мелкое производство, насчитывающее пару тысячъ рабочихъ и не имѣющее сколько-нибудь серьезной будущности.

различными требованіями участвующихъ въ договорахъ государствъ, здѣсь заранѣе извѣстенъ минимальный тарифъ, почему всѣ государства настаиваютъ на этой наименьшей границѣ. Только при отсутствіи наибольшаго благопріятствованія появляются особые тарифы какъ при этой, такъ и при конвенціонной системѣ, напр. минимальный тарифъ распространяется лишь частью на данную страну или она получаетъ лишь часть конвенціонныхъ ставокъ (дифференціальные тарифы)—см. ниже.

И то и другое минимальный тарифъ отстаиваетъ въ равной мѣрѣ, защищаетъ съ одинаковымъ рвеніемъ и упорствомъ. Но устроить всѣхъ и вся и онъ не можетъ, это не въ его силахъ—есть вѣдь еще противная сторона, тѣ государства, съ которыми ведется торговля. Можно построить тарифъ по своей волѣ, не уступая ни на іоту — это и есть минимальный тарифъ, но это ведетъ къ протесту, къ отпору со стороны другихъ державъ, которымъ минимальный тарифъ диктуетъ безповоротно свои условія, желаетъ навязать свою волю. Весь гнѣвъ этихъ державъ обрушивается на экспортъ, предъ которымъ воздвигается китайская стѣна. Минимальный тарифъ охраняетъ внутренній рынокъ, но теряетъ внѣшній; онъ защищаетъ всѣ отрасли промышленности, всѣ индивидуальныя интересы, связанные съ стѣсненіемъ доступа иностранныхъ товаровъ, но въ то же время закрываетъ международный рынокъ для своего экспорта. Онъ создаетъ огульный, сплошной, универсальный тарифъ, при которомъ гарантированы всѣ отрасли производства внутри страны, но не гарантирована ни одна въ своемъ вывозѣ за предѣлы государства.

Конвенціонный тарифъ—это эластичный предметъ, растяжимый, сгибающійся, сообразно потребностямъ страны. Минимальный тарифъ—камень, который не гнется, не растягивается, а только ломается на части. И легко ломается. Другія страны, зная заранѣе, что они получаютъ—эти открытыя карты также составляютъ слабость минимальнаго тарифа—либо съ своей стороны держатся заменуто, не идутъ на уступки, либо попросту заявляютъ, что этотъ тарифъ для нихъ неприемлемъ, даютъ ему чистый отказъ. Тогда остается одно изъ двухъ: или поставить на немъ крестъ, разбить минимальный тарифъ и послать своихъ представителей на конференцію для выработки договорнаго тарифа, либо объявить таможенную войну и прекратить торговые сношенія съ данною страной.

Первый способъ не только выдаетъ «свидѣтельство бѣдности» минимальному тарифу, но и уничтожаетъ ту гарантию, на которую рассчитывали при выработкѣ его соответствующія отрасли промышленности. Возможность такого ис-

хода лишаетъ ихъ единственнаго достоинства этого тарифа—опредѣленности, связанной съ невозможностью измѣнить установленныя парламентомъ ставки. Еще больше та же неопредѣленность даже для этихъ отраслей производства во второмъ случаѣ: разрывъ хотя и даетъ имъ возможность временно распоряжаться на внутреннемъ рынкѣ съ полномочіями диктатора, но лишаетъ ихъ нужнаго имъ сырья, орудій производства, создавая совершенно непредвидѣнные препятствія.

Мы не говоримъ уже о томъ, кто больше всего страдаетъ—объ экспортѣ. Если вообще стрѣлы минимальнаго тарифа, отскакивая отъ таможенныхъ стѣнъ противника попадаютъ въ собственный экспортъ, то такой разрывъ есть для него смертный приговоръ и никакое помилованіе впоследствии не можетъ уже вернуть его къ прежней жизни.

Но неопредѣленность, неустойчивость, неясность получается и въ самомъ лучшемъ случаѣ. Минимальный тарифъ принятъ—цѣль достигнута, идеаль быть хозяиномъ въ собственномъ домѣ, не терпя никакого вмѣшательства, осуществленъ. Но надолго ли? На одинъ годъ, ибо долгосрочные договоры не признаются; ежегодно можно мѣнять свои ставки, но ежегодно получать и сюрпризы отъ другихъ. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ планомѣрное, спокойное поступательное движеніе въ области сельскаго хозяйства, промышленности и торговыхъ оборотовъ? Не долженъ ли минимальный тарифъ, какъ бы прекрасно онъ ни былъ продуманъ и составленъ, выграненъ и отшлифованъ, вызывать скачки, рѣзкіе толчки и перевероты въ процессѣ хозяйственнаго развитія?

Эти предположенія вполне подтверждаются экспериментами, продѣланными въ разныхъ странахъ съ минимальнымъ тарифомъ. Минимальный тарифъ несъ международному обмѣну не миръ, а мечъ, вызывалъ распри и столкновенія. Онъ оказался «хозяйственнымъ монологомъ»: страна обладаетъ «прекраснымъ тарифомъ, но никто не желаетъ уплачивать его». За минимальнымъ тарифомъ въ первый періодъ его жизни, какъ тѣнь по пятамъ слѣдуетъ таможенная или та-

рифная война. Анализъ послѣдней—къ которому мы и обращаемся—по необходимости долженъ предшествовать исторіи минимальнаго тарифа.

Матеріальные интересы государства могутъ быть нарушены другимъ государствомъ различными способами, между прочимъ нарушителемъ можетъ быть и таможенный тарифъ. И реагировать оно можетъ различно. Прежде всего рѣшить споръ огнемъ и мечомъ, какъ поступали въ прежнія времена, напр. Голландія послѣ изданія Кромвелемъ Навигаціоннаго акта или въ отвѣтъ на повышенный тарифъ Кольбера 1667 года. Но и тогда не всегда хватались за оружіе; въ отвѣтъ на тарифную обиду нерѣдко отвѣчали такой же обидой не мѣдными, а таможенными пушками—запрещеніями вывоза во «враждующую» страну (Англія напр. прекращаетъ вывозъ шерсти въ Нидерланды) или приостановкой транзита (напр. Фридрихъ Вел. въ отношеніи саксонскихъ товаровъ) или наконецъ недозволеніемъ привоза тѣхъ или иныхъ товаровъ (напр. Англія запрещаетъ привозъ фламандскихъ кружевъ въ 1697 г., на что Фландрія отвѣчаетъ запрещеніемъ привоза англійскихъ матерій). Современная практика замѣнила запрещенія повышенными пошлинами и притомъ на одинъ лишь привозъ иностранныхъ товаровъ, пошлинами болѣе высокими, по сравненію съ тѣмъ, что платятъ товары другихъ странъ, пошлинами, дифференцирующими, слѣдовательно, провенансы той страны, противъ которой направлены мѣры борьбы.

Казалось бы, въ этой дифференціаціи вся суть, она изгоняетъ «врага» изъ даннаго рынка, больно бьетъ его, и для этого вполне достаточно обращенія противъ него повышеннаго тарифа, при обычной двухтарифной системѣ—общаго тарифа вмѣсто конвенціоннаго или максимальнаго вмѣсто минимальнаго. Но на этомъ по общему правилу обычно дѣло не останавливается: слѣпая ненависть создаетъ спеціальныя надбавки въ 50, а то и въ 100 проц. къ наивысшему тарифу, особыя дополнительные боевыя пошлины (*droits de représailles, traitement différentiel, Kampfzölle, Retorsionszölle*). И такъ какъ никакого разумнаго, исходящаго изъ какихъ

либо основаній, масштаба для нихъ нѣтъ и быть не можетъ, то для усмотрѣнія открывается весьма широкое поле дѣятельности.

Италія «довольствуется» надбавкой въ 50 проц., а для товаровъ, допускаемыхъ по общему тарифу беспошлинно—пошлиной въ 25 проц. цѣнности; это примѣняется къ провенансамъ тѣхъ странъ, гдѣ итальянскіе товары или суда облагаются дифференціальной пошлиной, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ декретомъ опредѣляется, какіе товары подлежатъ дополнительной пошлинѣ и въ какомъ размѣрѣ; декретъ немедленно вносится на утвержденіе парламента.

Другія страны идутъ еще дальше. Германія допускаетъ надбавки до 100 проц. (для беспошлинныхъ товаровъ—обложеніе въ половину ихъ стоимости), Австрія—надбавки до 200 проц. (для беспошлинныхъ—до 100 проц. стоимости), Франція предусматриваетъ даже полное запрещеніе привоза въ отвѣтъ на запрещеніе ея товаровъ. А у насъ вовсе нѣтъ ограниченій: по ст. 469 Уст. Таможн., министру торговли и промышленности предоставляется, по соглашенію съ министрами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, издавать распоряженія о взиманіи съ товаровъ тѣхъ странъ, которыя будутъ облагаться ввозимые въ нихъ русскіе товары повышенными ставками противъ ихъ общихъ таможенныхъ тарифовъ, соотвѣтственныхъ надбавокъ. Размѣръ послѣднихъ неограниченъ. Такую же свободу даетъ правительству и Швейцарія, съ тѣмъ лишь, чтобы всѣ дѣйствія его были внесены на утвержденіе законодательныхъ учреждений. Но Швейцарія идетъ дальше и въ другомъ отношеніи. Она даетъ правительству возможность примѣнять это крайнее средство не только въ тѣхъ случаяхъ, когда ея товары поставлены въ исключительно невыгодное положеніе, но и тогда, когда вообще таможенные тарифы другихъ странъ являются для нея крайне невыгодными, чрезмѣрно высокими. Боевыя пошлины, слѣдовательно, получаютъ расширенное примѣненіе—при помощи ихъ Швейцарія рассчитываетъ препятствовать дальнѣйшему возведенію тѣхъ высокихъ стѣнъ, которыми протекціонизмъ окружилъ ее со всѣхъ сторонъ.

До какихъ геркулесовыхъ столбовъ можно дойти въ этомъ направленіи,—объ этомъ свидѣлствуютъ единственные въ своемъ родѣ постановленія Канады. Послѣдняя угрожаетъ примѣнять боевыя пошлины не только къ тѣмъ странамъ, которыя устанавливаютъ повышенное обложеніе ея провенансовъ, но и къ товарамъ дружественныхъ государствъ, если въ составъ ихъ входитъ какой-либо продуктъ той страны, противъ которой направлены боевыя пошлины. Если бы Канада напр. примѣнила дифференціальное обложеніе къ Аргентинѣ, то подъ эту мѣру подпало бы и англійское сукно, экспортируемое въ Канаду и произведенное изъ аргентинской шерсти.

Иначе говоря, Канада, не довольствуясь обычными средствами борьбы въ видѣ закрытія враждебной странѣ своего рынка, требуетъ, чтобы такъ же поступили и всѣ другія государства. Надо окончательно доканать врага, всѣ должны его бойкотировать, въ противномъ случаѣ они сами, не будучи ни въ чемъ повинны предъ Канадой, очутятся подъ ея бойкотомъ. Если же они выполнятъ ультиматумъ Канады, чтобы не навлечь ея гнѣва на себя, они могутъ сами очутиться въ безвыходномъ положеніи, лишаясь необходимаго имъ сырья или полуобработанныхъ матеріаловъ. Съ другой стороны, отказавшись бойтировать враждебную Канадѣ страну, и будучи за это наказаны ею, они въ свою очередь могутъ отвѣтить репрессіями. Тогда возгорится таможенная война совершенно неслыханныхъ размѣровъ, таможенная война, какой до сихъ поръ не знала вселенная, и при которой виновница всего, Канада, была бы стерта съ лица земли, ибо дула таможенныхъ орудій всѣхъ странъ были бы обращены противъ нея. Такъ что роя яму другимъ — въ приведенномъ примѣрѣ Аргентинѣ, которую она желаетъ отрѣзать отъ всего міра — она сама попала бы въ нее. Такой результатъ можетъ служить гарантіей того, что объявленный Канадой остракизмъ останется на бумагѣ. Неосуществима ея фантазія и по другой причинѣ: она можетъ требовать, чтобы привозимое въ Канаду сукно не было изготовлено изъ аргентинской шерсти, если она объявила таможенную войну Аргентинѣ, но не можетъ же заставить всѣ страны отказаться отъ

выдѣлки изъ аргентинской шерсти сукна, которое они сами потребляютъ или экспортируютъ за границу помимо Канады. А если такъ, то кто можетъ опредѣлить, изъ какой шерсти изготовлены вывозимыя въ Канаду англійскія ткани — изъ аргентинской, индійской, австралійской или русской?

Однако, и помимо чрезмѣрно высокихъ, лишенныхъ смысла, боевыхъ пошлинъ, помимо такой стрѣльбы изъ пушекъ по воробьямъ, уже одинъ фактъ примѣненія общаго или максимальнаго тарифа, являясь ущемленіемъ противника въ достаточной мѣрѣ, означаетъ пагубную для него таможенную войну, результаты которой, несмотря на мирный съ виду характеръ, оказываются не менѣ жестокими и ужасными, чѣмъ столкновение народовъ на полѣ сраженія: и тутъ страна отдается на потокъ и разграбленіе, выходитъ изъ такой войны перѣдко измученной, обезсиленной, разоренной. Но то же оружіе одновременно обращается и противъ того, кто изъ него стрѣляетъ, ибо даже примѣняя только общій или максимальный тарифъ, т. е. повышенный противъ нормальнаго (конвенціоннаго или минимальнаго), такой, въ которомъ страна вовсе не нуждается, она не пропускаетъ нужныхъ ей же самой товаровъ, товаровъ, къ которымъ населеніе успѣло привыкнуть и которые теперь вынуждено исключить изъ своего обихода, замѣняя ихъ суррогатами, или же, если товары и проникаютъ въ страну, то потреблять въ меньшемъ количествѣ и оплачивать дороже.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ современная война бьетъ не только врага, но и самого себя, такъ и ея младшая сестра — таможенная война ведетъ къ обезкровленію обѣихъ сторонъ. Если одинъ изъ признаковъ послѣдней заключается въ дифференцированіи товаровъ противной стороны, то другой характерной ея особенностью, вытекающей изъ того оружія, которое находится въ арсеналѣ страны, является стѣсненіе привоза противника свыше той мѣры, какая считается необходимой въ интересахъ собственнаго хозяйства.

Мало того, разъ противникъ исключается изъ рынка, разъ онъ не въ состояніи продавать, то онъ лишенъ возможности и покупать — обезсиленный противникъ плохой покупатель, и государство, доводящее его до такого состоянія, остается съ

запасами товаровъ на рукахъ, которые ему некуда дѣвать, ибо лучший, нерѣдко, покупатель его доведенъ до полной протраціи. Такимъ образомъ, нанося ударъ другому, въ отместку за причиненную ему несправедливость, государство себя самого еще больше бьетъ, «напоминая ребенка, который, ударившись объ столъ, бьетъ его, т. е. ушибается еще разъ». Ущербъ, наносимый таможенной войной, еще болѣе усиливается для каждой стороны, вслѣдствіе обычно происходящаго одновременнаго объявленія войны обѣими сторонами — каждое государство въ отвѣтъ на боевыя пошлины другого съ своей стороны примѣняетъ то же оружіе. Въ результатѣ каждый бьетъ и себя и другого, получается нѣчто въ родѣ японской дуэли, при которой «каждый изъ дуэлянтовъ распарываетъ себя животь только для того, чтобы мучить другого».

Не надо забывать и того, что изъ такого единоборства извлекаютъ выгоды третьи государства — захватываютъ то, что плохо лежитъ, присваиваютъ себя территорію, покинутую другими. Эти постороннія державы вступаютъ въ наслѣдство, оставленное на произволъ судьбы сильнымъ конкурентомъ. Нерѣдко получается такая картина, что этотъ новый наслѣдникъ, не имѣя самъ достаточнаго количества товаровъ для привоза на освободившійся рынокъ, скупаетъ ихъ у своего же предшественника, которому доступъ закрытъ, по выгодной цѣнѣ и подъ видомъ своихъ, въ своей упаковкѣ со своими этикетками и надписями привозятъ ихъ туда же, гдѣ они прежде продавались подъ ихъ истиннымъ наименованіемъ ихъ дѣйствительными производителями. Въ такихъ странахъ и послѣ окончанія таможенной войны не легко возстановить утраченные права. Новый конкурентъ успѣлъ крѣпко устояться, его комивояжеры сумѣли ввѣдрить новые товары, послѣдніе вошли въ обиходъ населенія, реклама убѣдила жителей въ ихъ лучшемъ качествѣ, въ большихъ, доставляемыхъ ими, удобствахъ — хотя бы только кажущихся, призрачныхъ — и нужно много времени, прежде чѣмъ истина будетъ раскрыта, дѣйствительныя достоинства оцѣнены и справедливость восторжествуетъ.

Въ результатѣ противникъ побѣжденъ, онъ является съ повинной, идетъ на уступки. Но какой дорогой цѣной поку-

пается такая побѣда! Сколько усилій, затраченныхъ самимъ побѣдителемъ когда то на пріобрѣтеніе рынка, пошло прахомъ, сколько надеждъ разрушено, сколько капиталовъ погибло! И все это въ результатѣ одной карательной экспедиціи хотя бы только таможенного характера,—вызванной минимальнымъ тарифомъ. Таможенная война во многихъ случаяхъ должна была аннулировать минимальный тарифъ, являлась насиліемъ, рассчитаннымъ на то, что противникъ вынужденъ будетъ выкинуть бѣлый флагъ и признать себя побѣжденнымъ—отмѣнить свой тарифъ.

II.

Первую попытку примѣнить систему минимальнаго тарифа сдѣлала Испанія и сразу же съ трескомъ провалилась. Въ 1877 г., подъ вліяніемъ протекціонно настроенныхъ круговъ, былъ выработанъ новый таможенный тарифъ, который замѣнялъ прежній единый тарифъ, содержа двѣ рубрики — одну для странъ, признававшихъ Испанію наиболѣе благопріятствуемой державой, другую, повышенную, — для прочихъ; уступокъ въ первой не допускалось. Но тарифъ сразу былъ разбитъ на голову. По настоянію Франціи и не видя никакого выхода, Испанія въ 1882 г. вынуждена была пожертвовать ни болѣе, ни менѣе, какъ 91 ставкой своего минимальнаго тарифа, иначе говоря, разломать его на мелкіе кусочки.

Но и послѣ этого провала Испанія не думала признать себя побѣжденной. Вовсе нѣтъ. Она сдѣлала видъ, что ничего не случилось, опубликовавъ снова въ 1886 г. два тарифа и включивъ въ первый всѣ ставки, явившіяся результатомъ договоровъ. На этомъ тарифѣ была снова сдѣлана надпись «минимальный», хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ обыкновеннымъ конвенціоннымъ тарифомъ. Мало того, Испанія, не научившись ничему, продолжала упорно стоять на принципѣ минимальнаго тарифа и при пересмотрѣ своихъ тарифовъ въ 1891 и 1906 г. г. Въ обоихъ случаяхъ имѣлись двѣ автономныя ставки — минимальная и максимальная, или, какъ они именуются въ Испаніи, первый и второй тарифъ.

Что же получилось въ результатѣ? Послѣ реформы тарифа въ 1891 г. вспыхнула сначала таможенная война съ Франціей, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ 1892 г.), затѣмъ — тарифная война въ продолженіе двухъ лѣтъ съ Германіей (съ мая 1894 г. по іюль 1896 г.). Обнаруживалась невозможность заключенія торговыхъ договоровъ и съ многими другими странами и необходимость замѣны ихъ суррогатомъ въ видѣ т. наз. «modus vivendi» съ правомъ прекращенія въ любое время (заявивъ всего за три мѣсяца), т. е. положеніе полной неопредѣленности въ товарообмѣнѣ — таково было и отношеніе Испаніи къ Россіи съ 1895 г. И въ заключеніе всего — все таки готовность Испаніи пойти на уступки, ибо ея положеніе становилось совершенно невозможнымъ, почва колебалась у нея подъ ногами. Пришлось вступить въ соглашенія. Въ результатѣ много пониженій было сдѣлано Испаніей въ договорѣ съ Швейцаріей, причемъ и такія пониженія, вслѣдствіе которыхъ ставки оказывались даже ниже того, что было до тарифа 1891 года, напр. ставки на сыръ, конденсированное молоко, часы, нѣкоторые ткани, вагоны. Это называется минимальнымъ тарифомъ!

Послѣ составленія минимальнаго тарифа въ 1906 г. были опять — таки заключены договоры, какъ будто бы минимальнаго тарифа вовсе не существовало — въ трактатѣ съ Швейцаріей напр. того же года Испанія по ста слишкомъ пунктамъ частью закрѣпила ставки тарифа, частью понизила ихъ, притомъ нерѣдко въ значительныхъ размѣрахъ (на животныхъ, съѣстные припасы, пряжу, ткани, химическіе продукты, часы, машины). Вообще Испанія наталкивалась на упорное и систематическое игнорированіе другими державами ея тарифа; на сообщеніе Испаніи, что ея тарифъ минимальный и никакія уступки въ немъ немислимы, они отвѣчали предложеніемъ вступить въ переговоры по поводу размѣра ставокъ, выражая тѣмъ самымъ явное презрѣніе къ минимальному характеру тарифа. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда Испанія соглашалась пойти далѣе минимальнаго тарифа, ей удавалось заключить торговые договоры.

Конечно, при такихъ условіяхъ и сторонники конвенціоннаго тарифа ничего не могли бы возразить — Испанія вѣдъ систематически превращала свой минимальный тарифъ въ конвенціонный — если бы этому превращенію не предшествовали таможенныя войны и инныя вредныя для международнаго товарообмѣна дѣйствія. Столь дорогой цѣной покупался отказъ отъ минимальнаго тарифа. Послѣдній не только присваивалъ себѣ несоотвѣтствующее названіе, не только оказывался игрушкой, которую испанское правительство легко бросало и ломало, но и игрушкой вредной, успѣвшей предварительно искалѣчить ребенка.

Гораздо серьезнѣе смотрѣла на дѣло Франція. Для нея минимальный тарифъ означалъ извѣстное направленіе въ области торговой политики, осуществленіе опредѣленнаго, строго продуманнаго принципа. Но и ей автономный тарифъ принесъ много огорченій и разочарованій.

Пробный шаръ въ этомъ направленіи былъ пущенъ Франціей уже при составленіи тарифа 1882 года, когда «по счастливой мысли министра земледѣлія Тирара» — какъ указываетъ Augier — было установлено, что ставки на хлѣбъ и животныхъ не подлежатъ включенію въ договоры, иначе говоря, не могутъ быть ни понижены, ни закрѣплены. Послѣднее дало правда Франціи возможность повысить ихъ въ 1885 и 1887 г.г. (см. выше, стр. 87), но зато отказъ отъ пониженія пошлинъ на живой скотъ, какъ не входящихъ въ составъ конвенціоннаго тарифа, является одной изъ причинъ (хотя и не единственной) таможенной войны съ Италіей, которая началась въ 1888 году.

Такъ зарекомендовалъ себя съ самаго начала принципъ автономныхъ пошлинъ, уже тогда, когда онъ былъ допущенъ еще въ самой незначительной дозѣ, ибо всѣ остальные статьи тарифа 1882 года еще не имѣли минимальнаго характера; въ общемъ и цѣломъ этотъ тарифъ являлся конвенціоннымъ.

Напротивъ десять лѣтъ спустя, тарифъ 1892 г. (см. выше, стр. 88) былъ уже цѣликомъ отлитъ изъ одной и той же массы — это былъ полный минимальный тарифъ. Франція рѣшительно заявила о своемъ твердомъ намѣреніи создать автономный

тарифъ, который далъ бы государству свободу регулировать свои экономическія отношенія къ другимъ странамъ безъ всякаго вмѣшательства съ ихъ стороны.

Правда, противники автономнаго тарифа указывали на возможность въ этомъ случаѣ разрыва съ другими государствами, на то, что послѣднія будутъ реагировать на отказъ Франціи принять во вниманіе ихъ желанія и нужды. Франція можетъ оказаться изолированной отъ всего міра, ибо минимальный тарифъ не внушаетъ довѣрія другимъ странамъ и исключаетъ возможность какихъ бы то ни было переговоровъ. Все это ничего! Надо прежде всего покончить съ системой конвенцій, которая принесла Франціи сколько вреда, а ргіогі исключить всякій элементъ соглашеній изъ политики внѣшней торговли Франціи. Необходимо обезпечить сельскому хозяйству и промышленности внутренній рынокъ; онъ является истиннымъ достояніемъ страны. Что же касается симпатій другихъ государствъ, то наивно думать, что ихъ можно пріобрѣсти, жертвуя экономическими интересами. Нужно быть сильнымъ, нужно быть богатымъ, говорилъ Жюль Ферри. Страна не можетъ быть изолирована въ политическомъ отношеніи, если она сильна. Она не можетъ быть экономически изолирована, если она богата. Наконецъ, Франція предлагаетъ всѣмъ государствамъ свой минимальный тарифъ и наибольшее благопріятствованіе. Чего же больше? А на случай, если бы они отказались, она имѣетъ угрозу—общій или генеральный (максимальный) тарифъ, значительно болѣе высокій, чѣмъ тарифъ минимальный. Если вы не заключите съ нами договора—заявляетъ Франція—вы будете подвергнуты этому боевому тарифу и окажетесь въ значительно худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ прочія государства, которымъ мы даемъ минимальный тарифъ.

Такъ Франція выступила въ 1892 году съ двумя автономными тарифами, протягивая другимъ народамъ «лавровую вѣтвь минимальнаго тарифа» и показывая имъ «острый мечъ генеральнаго тарифа».

Къ вопросу о готовности принять минимальный тарифъ сводились всѣ переговоры съ другими державами. Дѣятель-

ность конференцій изъ делегатовъ обѣихъ сторонъ, обсуждающихъ тарифъ, была исключена; дипломатовъ замѣнилъ парламентъ, установившій неизблемый, не допускающій отступлений, тарифъ. Лица, которые вели переговоры съ другими странами, были связаны и не могли разорвать своихъ путъ. Какъ бы они ни желали пойти на уступки, сколь бы ни считали ихъ возможными и цѣлесообразными, они лишены были этого права. Между тѣмъ для другихъ государствъ новый французскій минимальный тарифъ, построенный на принципѣ строгой охраны «національнаго труда», былъ весьма невыгоденъ, обозначалъ значительное повышение ставокъ и сильное затрудненіе вывоза во Францію. И взамѣнъ его другія державы вынуждены были предоставить свой прежній договорный тарифъ съ прежними ставками, ибо большинство изъ нихъ никакихъ повышеній въ своихъ тарифахъ не произвело. Положеніе было для нихъ явно невыгодное. Неудивительно, что они весьма сдержанно относились къ тому «подарку» въ видѣ минимальнаго тарифа, которымъ ихъ намѣревалась облагодѣтельствовать Франція.

Уже Бельгія была весьма недовольна новымъ тарифомъ, который дѣйствительно въ слѣдующемъ же году вызвалъ сокращеніе ея экспорта во Францію на 25 проц. Но, не желая вызывать таможенной войны, Бельгія согласилась предоставить Франціи свой конвенціонный тарифъ и наибольшее благопріятствованіе, съ правомъ однако же отмѣнить послѣднее въ любое время. Германія, въ силу «вѣчнаго» наибольшаго благопріятствованія, по Франкфуртскому миру 1871 г., также вынуждена была принять минимальный тарифъ. Швейцарія же, находившаяся въ весьма оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей, нашла, что новый тарифъ, лишающій ее прежнихъ выгодъ (полученныхъ по договору 1882 г.), составляетъ смертный приговоръ швейцарскому экспорту во Францію. Швейцарія предъявила требованіе измѣнить 95 ставокъ минимальнаго тарифа по 55 статьямъ. Но—по словамъ французскаго правительства—это было бы равносильно убійству самого тарифа, который представляетъ собою нѣчто цѣльное, неприкосновенное—таможенная стѣна не можетъ

быть поколеблена ни въ одномъ мѣстѣ. Да и воспользовалась бы уступками въ сущности Германія—это ея происки, это она науськиваетъ Швейцарію, лучшее доказательство—самый подборъ требованій. Правда, чувствуя, что дѣло можетъ окончиться печально, Франція въ результатѣ все таки—противорѣча себѣ самой—готова была понизить нѣкоторыя ставки (а цѣльность тарифа?) ставки на карманные часы, музыкальные ящики, дуговые лампы, химическіе экстракты и шоколадъ; но наиболѣе важныя для Швейцаріи статьи, относящіяся къ хлопчатобумажной и шелковой промышленности, игнорировались. Парламентъ же отказался разсматривать даже эти внесенныя правительствомъ измѣненія. Усмотрѣвъ въ этомъ отказѣ обиду для себя и убѣдившись въ полной невозможности экспорта при такомъ тарифѣ, какъ выяснилось въ теченіе перваго года его примѣненія, Швейцарія ввела дополнителныя боевыя пошлины на французскіе товары, усилила обложеніе французскихъ комивояжеровъ и отказалась заключить съ Франціей договоры относительно судоходства и охраны авторской и промышленной собственности.

Швейцарія сознавала, какіе убытки она себѣ наноситъ разрывомъ торговыхъ сношеній съ Франціей, такъ какъ ея экспортъ фабрикатовъ во Францію составлялъ прежде 10 проц. всего вывоза, французскія же промышленныя издѣлія, экспортируемыя въ Швейцарію, не превышали 3 проц. общей суммы ея вывоза. Но исхода не было—рискуя жизнью, Швейцарія вынуждена была отбиваться руками и ногами. «Для того, кто стоитъ за дверью, безразлично, поворачиваютъ ли ключъ въ дверяхъ одинъ или два раза». Вслѣдъ затѣмъ экспортъ во Францію въ 1893 г. сократился на 28 милл. фр., или на 27,5 проц. Онъ сократился меньше, чѣмъ можно было ожидать, ибо понизившійся экспортъ многихъ товаровъ, напр., шелковыхъ тканей и вышивокъ, обозначалъ въ сущности ни что иное, какъ устраненіе французскихъ посредниковъ; издѣлія предназначались для Англіи и теперь непосредственно вывозились туда¹⁾. Весьма сожалѣла Швейцарія,

¹⁾ Отчасти Швейцарія компенсировала сокращеніе своего вывоза увеличеніемъ экспорта часовъ, камвольной пряжи, сыра и анилиновыхъ красокъ

напротивъ, о томъ что многія предпріятія по производству шелковыхъ вышивокъ и анилиновыхъ красокъ, чтобы не потерять французскаго рынка, открыли во Франціи свои отдѣленія и стали тамъ развивать эти отрасли промышленности.

Но гораздо больше пострадала Франція отъ таможенной войны съ Швейцаріей. Подъ вліяніемъ швейцарскаго дифференціального тарифа, вывозъ французскаго сахара «понижился до смѣшного». Кофе швейцарцы пили теперь преимущественно съ австрійскимъ сахаромъ, имъ пользовались и многочисленныя швейцарскія шоколадныя фабрики. Труднѣе было заставить иностранцевъ, наполняющихъ отели Энгадина и Цюриха, по берегамъ Женевского и Фирвальдштетскаго озера, отказаться отъ французскихъ винъ и замѣнить ихъ испанскими и итальянскими. Но швейцарцамъ удалось и этого добиться. Мало того, новыя марки винъ и послѣ прекращенія таможенной войны сохранили свое положеніе на швейцарскомъ рынкѣ. Какъ въ области вывоза сахара, такъ и въ сферѣ экспорта винъ Франція потеряла свое положеніе въ качествѣ, главнаго поставщика. Французскій виноградарь лишился лучшаго своего потребителя, прежде ежегодно являвшагося за французскимъ виномъ.

Исчезли изъ швейцарскаго рынка «въ ужасающемъ размѣрѣ» и французскія промышленныя издѣлія — шелковыя, шерстяныя, хлопчатобумажныя, коженныя, писчебумажныя, металлы и издѣлія изъ нихъ и т. д. Вывозъ этихъ товаровъ сократился на 68 проц., что составляло около 60 милл. фр. Сохранились лишь слѣды былого величія. Общая сумма французскаго экспорта въ Швейцарію понизилась съ 228 милл. въ 1892 г. до 173 милл. въ 1893 г. и до 130 милл. въ 1894 г. и хотя въ слѣдующіе годы — по прекращеніи таможенной войны — она снова постепенно поднимается, но и въ

въ Россію; швейцарскіе продукты частью заняли у насъ мѣсто произведеній Германіи, съ которой Россія въ то время вела таможенную войну; Россія же заполняла своимъ хлѣбомъ мѣсто, освободившееся, вслѣдствіе сокращенія вывоза французскихъ злаковъ въ Швейцарію.

1898 г. она составляет всего 202 милл. фр., т. е. не достигает цифры 1891 г. Если же исключить из цифръ французской специальной торговли ¹⁾ тѣ товары, которые совершенно напрасно туда-попадаютъ, являясь излишнимъ балластомъ, ибо это не французскіе, а заокеанскіе товары, идущіе транзитомъ чрезъ Францію въ Швейцарію,—то окажется, что вывозъ упалъ со 167 милл. фр. въ 1892 г. до 84 милл. фр. въ 1894 г., т. е. ровно вдвое и достигъ прежняго уровня лишь въ 1901 году.

Такъ и во Франціи минимальный тарифъ, этотъ гладко отполированный камень, если и не былъ совершенно разсѣченъ на мелкія части, какъ въ Испаніи, то все же лишился извѣстнаго куска, потерявъ въ значительной мѣрѣ свою прежнюю цѣнность, состоящую имѣнно въ цѣльности, въ отсутствіи какихъ-либо изъянъ, пробѣловъ и отломанныхъ частей.

А въ то же время невыдержанный принципъ автономіи въ тарифѣ въ связи съ переходомъ отъ долгосрочныхъ (10—12 лѣтнихъ) тарифныхъ договоровъ къ краткосрочнымъ конвенціямъ (съ правомъ отказа обѣихъ сторонъ въ любое время за годъ впередъ) «лишилъ Францію истинной автономіи и постоянства въ области торговой политики», которыми она обладала при системѣ конвенціоннаго тарифа. Тогда другія страны не могли не считаться съ ней, не могли во всякомъ случаѣ до истеченія договора съ ней измѣнять свою торговую политику. Теперь они совершенно игнорируютъ Францію, дѣлаютъ видъ, какъ будто бы она вовсе не существуетъ. Они

¹⁾ Специальной называется въ статистикѣ внѣшней торговли та торговля, которая обнимаетъ только товары, дѣйствительно предназначенные для внутренняго потребленія (при ввозѣ) или произведенные въ странѣ (при вывозѣ), тогда какъ общая (генеральная) торговля отмѣчаетъ весь оборотъ страны, въ томъ числѣ и товары, лишь проходящіе чрезъ страну транзитомъ, предназначенные къ обратному вывозу или вывозимые обратно и т. д. На самомъ дѣлѣ однако и въ цифру специальной торговли часто попадаютъ товары, лишь провозимые чрезъ страну именно товары, не подлежащіе пошлинѣ, ибо нѣтъ основанія показывать ихъ временно ввезенными—это дѣлается лишь для освобожденія отъ пошлины.

заключаютъ между собою долгосрочные тарифные договоры, устанавливають взаимныя уступки, а затѣмъ, когда все кончено и конвенціонный тарифъ готовъ, распространяють его и на Францію, на основаніи принципа наибольшаго благопріятствованія. Такъ что, отъ всякой руководящей роли въ европейской торговой политикѣ, отъ всякаго вліянія на тарифы другихъ странъ Франція совершенно устранила себя. Она вынуждена брать то, что ей даютъ, вынуждена выносить на своей спинѣ всѣ перемѣны въ торговой политикѣ, проводимыя другими державами, не имѣя возможности возражать противъ нихъ» (Agaune).

«Когда двое дерутся, третій радуется», гласитъ латинская поговорка. Кто же былъ этимъ «*tertius gaudens*»? Злѣйшій врагъ Франціи — Германія, ей Франція доставила крупную добычу. Едва Франція отказалась ратифицировать договоръ съ Швейцаріей, какъ уже толпы нѣмецкихъ комивояжеровъ — подобно стаямъ саранчи — хлынули въ Швейцарію и черной тучей покрыли ея рынокъ. Уже два мѣсяца спустя французскій сафьянъ былъ вытѣсненъ германскимъ, французскія игрушки — нюрнбергскими, французскіе галантерейные товары — лейпцигскими. Металлургическая, машиностроительная, текстильная индустрія Германіи — всѣ они прекрасно заработали. Съ 228 милл. въ 1892 г. германскій импортъ въ Швейцарію вознесся на 274 милл. въ 1895 г. и на 315 милл. въ 1898 г. Германія прочно завоевала швейцарскій рынокъ и захваченныя территоріи она, конечно, въ послѣдствіи уже не отдала обратно.

Франція вынуждена была капитулировать. Это призналъ даже главный виновникъ минимальнаго тарифа, «виновникъ всего несчастья», Мелинъ, котораго изображали на карикатурахъ выжимающимъ посредствомъ тяжелаго пресса потъ и кровь изъ народа и измѣряющимъ, сколько крови въ народѣ еще осталось. Даже онъ «хотя и безъ особаго восторга, но по причинамъ, диктуемымъ здравымъ смысломъ», согласился понизить 29 ставокъ минимальнаго тарифа, взаменъ чего Швейцарія предоставила Франціи свой конвенціонный тарифъ и наибольшее благопріятствованіе.

Послѣ трехлѣтней братоубійственной войны былъ заключенъ миръ. Но какой цѣной! Минимальный тарифъ лишился ореола неприкосновенности, его святость погибла. Онъ пересталъ быть низшей границей; благодаря уступкамъ въ минимальномъ тарифѣ, возникъ еще третій, «наиминимальнѣйшій» тарифъ. Правда, сторонники автономнаго тарифа и тутъ не признали себя побѣжденными, напротивъ утверждали, что и Швейцарія согласилась принять минимальный тарифъ, получивъ нѣкоторыя незначительныя уступки, такъ что этотъ тарифъ, «увѣнчанъ всеобщимъ признаніемъ». Формально же для того, чтобы соглашеніе съ Швейцаріей не имѣло формы конвенціоннаго тарифа, уступки, сдѣланныя ей, не были внесены въ договоръ, а получили форму закона, видоизмѣняющаго—какъ бы по собственному почину Франціи—минимальный тарифъ, соотвѣтственно общаніямъ, которыя были даны Швейцаріи; этотъ измѣненный минимальный тарифъ и былъ распространенъ на Швейцарію. Такимъ образомъ, форма была соблюдена, внѣшній декорумъ не былъ нарушенъ, тарифу не было нанесено обиды—автономный тарифъ, якобы, сохранился. На самомъ дѣлѣ это была, конечно, игра въ жмурки. Тарифъ былъ въ дѣйствительности измѣненъ не автономно, а на основаніи соглашенія съ Швейцаріей.

Уже раньше, при заключеніи договора съ Россіей въ 1893 г. Франція вынуждена была понизить пошлины на керосинъ; причемъ пониженныя пошлины въ этомъ случаѣ были внесены въ самый договоръ; но все же кромѣ того былъ изданъ и специальный законъ, видоизмѣняющій минимальный тарифъ.

Помимо таможенной войны съ Швейцаріей, Франція послѣ вступленія въ силу минимальнаго тарифа 1892 г. и по милости его вела еще нѣсколько таможенныхъ войнъ—съ Испаніей, Португаліей, Румыніей. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ она не одна была повинна; какъ мы видѣли, Испанія еще до нея ввела минимальный тарифъ и отказывалась дѣлать уступки въ этомъ тарифѣ. Еще до появленія французскаго минимальнаго тарифа 1892 г., но въ связи съ минимальными ставками на животныхъ тарифа 1882 г.—какъ мы упоминали—а также подъ вліяніемъ примѣненія въ Италіи мини-

мальнаго тарифа 1887 г., разыгралась въ 1888 г. таможенная война Франціи съ другой сосѣдкой, безъ рынка которой она не могла жить — съ Италіей.

Итальянскій минимальный тарифъ 1887 г. повысилъ, по сравненію съ прежнимъ тарифомъ, пошлины на столь важные для Франціи предметы экспорта, какъ оливковое масло, шерстяныя, шелковыя и смѣшанныя ткани, готовые платья, металлическіе предметы, галантерейные товары. А въ то же время Италія, предоставляя Франціи одно лишь право наибольшаго благопріятствованія (и минимальный тарифъ), настаивала на пониженіи ставокъ на скотъ, что по французскому тарифу 1882 г. не допускалось. Франція отказывалась обмѣнять свой конвенціонный тарифъ (тогда у нея еще не было минимальнаго) на минимальный итальянскій, который въ любое время можетъ быть измѣненъ, такъ какъ Италія денонсировала торговые договоры. Въ результатѣ переговоры оборвались и началась таможенная мобилизація — Италія примѣнила къ Франціи максимальный тарифъ; Франція, находя свой общій тарифъ не соответствующимъ итальянскому максимальному, ввела дополнительные боевыя ставки; на это Италія въ свою очередь отвѣтила еще болѣе высокимъ боевымъ тарифомъ. Словомъ, пущена была въ ходъ тяжелая артиллерія, самыя дальнобойныя орудія, которыя должны были смести съ лица земли хозяйственную жизнь обоихъ противниковъ. Правда вскорѣ ураганный огонь затихъ, натискъ какъ будто ослабѣлъ: уже годъ спустя Италія склонила главу и односторонне уничтожила боевыя пошлины, ограничиваясь однимъ максимальнымъ тарифомъ. Франція же продолжала ее наказывать; лишь въ 1892 г., послѣ того, какъ и она обогатилась двумя автономными тарифами, и она замѣнила надбавки къ прежнему общему тарифу новымъ максимальнымъ. Но въ общемъ положеніе едва-ли улучшилось — оба максимальные тарифа имѣли боевой характеръ. Только въ 1898 г. состоялось соглашеніе, согласно которому Франція распространяла на Италію свой минимальный тарифъ, а Италія, отказавшись отъ автономіи, свой новый конвенціонный тарифъ, который являлся результатомъ тарифныхъ договоровъ 1891 — 1892 г.г. съ Германіей, Австро-Венгріей и Швейцаріей.

Каковы же были результаты этого единоборства? Торговые обороты между Италией и Францией до разрыва составляли 500 милл. лиръ, въ 1894 г. всего 220 милл. т.е. меньше половины. Съ возобновленіемъ торговыхъ сношеній они снова значительно возросли, но лишь въ 1910 г. вернулись къ уровню половины 80-хъ годовъ. По нѣкоторымъ вычисленіямъ, убытокъ въ итальянскомъ экспортѣ равнялся за это время двумъ милліардамъ лиръ, во французскомъ — $1\frac{1}{2}$ милліардамъ франковъ. Вотъ блестящій результатъ военныхъ дѣйствій. Если же проанализируемъ цифры нѣсколько ближе, то получимъ еще болѣе яркую картину разрушеній, нанесенныхъ «таможенными пушками». Уже съ 1889 г. французскій привозъ въ Италію, превышавшій въ 1886 г. пятую часть итальянскаго импорта, упалъ почти до одной восьмой его, въ частности привозъ промышленныхъ издѣлій сократился съ 26 до 16 проц. А въ то же время импортъ германскихъ фабрикатовъ поднялся съ 12 до 16 проц., т.е. Германія вполне догнала Францію. Французскія шелковыя матеріи, шерстяныя ткани, стеклянные товары, красильныя вещества, рельсы, машины, галантерейные товары, мыло со страшной скоростью очищали путь двигавшимся въ Италію англійскимъ и американскимъ, особенно же широкой лавиной — германскимъ товарамъ.

Но еще болѣе искалѣчила эта «кровавая междоусобная война» Италію. Здѣсь ударъ былъ еще сильнѣе — итальянскій вывозъ во Францію упалъ въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза, съ 446 до 165 милл. лиръ и съ 44 до 17 проц. итальянскаго экспорта, причемъ выиграли опять-таки въ первую голову и въ еще большей степени тѣ же нѣмцы. Италія — страна виноградной лозы, она живетъ виномъ, — а вывозъ его во Францію почти прекратился, осталась одна десятая прежняго экспорта, и несмотря на ростъ сбыта въ Швейцарію и Германію, потеря не была покрыта и черезъ десять лѣтъ. Но изувѣченъ былъ экспортъ и другихъ продуктовъ, стоящихъ на первомъ мѣстѣ. «Тамъ нѣгой дышетъ лѣсъ, златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ и тихо миртъ и гордо лавръ стоитъ». Всѣ эти произведенія прозрачнаго итальянскаго неба, залитаго

солнцемъ — оливки, апельсины и лимоны, шелкъ-сырецъ, птица, скоть, всѣ они чувствовали, что значить таможенная война. Она разрушила цвѣтущія села и деревни, вызвала жестокой сельско-хозяйственный кризисъ.

Франція, по крайней мѣрѣ покрывала недоборъ по вывозу въ Италію усиленнымъ экспортомъ въ другія страны — въ Англію, Испанію, Алжиръ. Италіи же негдѣ было наверстать бреши, образовавшуюся въ ея вывозѣ. Въ неравной борьбѣ Италія хотя и не погибла, но чрезвычайно ослабѣла, и состояніе ея было столь бѣдственно и плачевно, что, какъ упомянуто, она сама, истекая кровью, односторонне, послѣ полутора лѣтъ борьбы, отмѣнила боевыя пошлины на французскіе товары, какъ бы признавая себя побѣжденной и надѣясь на уступчивость со стороны жестокаго сосѣда.

Минимальный тарифъ хозяйничалъ въ Италіи всего нѣсколько лѣтъ — онъ появился на свѣтъ въ 1887 г., а въ 1891 г. Италія уже заключала тарифные договоры, и все же за эти нѣсколько лѣтъ онъ успѣлъ натворить бѣдъ на цѣлое десятилѣтіе, бѣдствій такихъ, отъ которыхъ Италія оправилась не скоро. Но и онъ не въ состояніи былъ удержаться на своемъ посту, вновь вынужденъ былъ уступить мѣсто конвенціонному тарифу. Покинувъ тихую пристань конвенціоннаго тарифа, Италія пустилась въ бурное море автономныхъ пошлинъ и лишь испытавъ всѣ горести ихъ, испивъ чашу до дна, вернулась обратно къ тарифнымъ договорамъ, за которые уже крѣпко держалась вплоть до великой европейской войны.

и Россію не миновалъ минимальный тарифъ, и ей пришлось вкусить горькіе плоды его, прежде чѣмъ она перешла къ системѣ тарифныхъ договоровъ. Разница состоитъ лишь въ томъ, что Италія вернулась къ конвенціонному тарифу, тогда какъ Россія до 90-хъ годовъ его не знала и лишь теперь перешла отъ единого автономнаго тарифа чрезъ двойной автономный тарифъ къ тарифнымъ договорамъ.

Когда Германія въ 1891 г. значительно повысила пошлины на хлѣбъ, а затѣмъ въ пользу Австріи сдѣлала уступку, которая распространилась и на Соединенные Штаты, Россія

потребовала не только признанія за ней права наибольшаго благопріятствованія, но и дальнѣйшаго уменьшенія хлѣбныхъ пошлинъ, т. е. примѣненія къ ней ставокъ болѣе низкихъ, по сравненію не только съ общимъ, но и съ конвенціоннымъ тарифомъ. Казалось бы, предъявляя такое требованіе, она въ свою очередь должна была бы выразить готовность пойти навстрѣчу пожеланіямъ Германіи и согласиться на уменьшеніе ставокъ своего автономнаго тарифа, выработаннаго въ 1891 году. Послѣдній подводилъ итоги тому рѣзко-протекціонному наступательному движенію, которое одерживало у насъ побѣду за побѣдой въ теченіе предшествующаго 15-лѣтія и создало тарифъ, во многихъ случаяхъ равносильный запрещенію привоза иностранныхъ товаровъ. Но Россія не сочла нужнымъ принять въ соображеніе характеръ этого тарифа и стѣсненія, устанавливаемыя имъ для экспорта другихъ странъ, соглашаясь въ крайнемъ случаѣ на закрѣпленіе нѣкоторыхъ статей его. Пониженій же она ни въ коемъ случаѣ допустить не можетъ: тарифъ только что составленъ, онъ облагаетъ товары въ безусловно необходимыхъ для нашей промышленности размѣрахъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, изъ нашихъ переговоровъ съ Германіей ничего выйти не могло. Прилагая къ себѣ и къ другимъ двѣ различныя мѣрки, требуя для себя всего и не давая взамѣнъ ничего, мы должны были очутиться въ весьма печальномъ положеніи: только завоеватель, дѣйствующій силой, какъ показываетъ новѣйшій опытъ, можетъ безнаказанно поступать подобнымъ образомъ. Правда, какъ будто одно время наше правительство начало прозрѣвать, стало разумнѣе разсуждать, признавать возможнымъ допущеніе нѣкоторыхъ отступленій въ тарифѣ, которыя, при надлежащей осторожности въ выборѣ ихъ, не нарушали бы строго-покровительственнаго характера его; тѣмъ болѣе, что уступокъ требовали и другія страны — Франція, Италія.

Однако и такое отрезвленіе, хотя бы частичное, ибо рѣчь шла объ уступкахъ лишь по немногимъ статьямъ, по все же являвшееся исходной точкой для дальнѣйшихъ пере-

говоровъ, — даже оно было весьма кратковременно, смѣнившись скорѣ заявленіями о немыслимости системы двухъ тарифовъ — общаго и конвенціоннаго. Тарифъ 1891 г. рассматривался въ качествѣ минимальнаго; повторялись старыя фразы о томъ, что онъ тщательно соображенъ съ интересами промышленности и существенныя его измѣненія поколебали бы расчеты нашихъ промышленниковъ и ихъ довѣріе къ устойчивости дарованнаго имъ покровительства. А въ дополненіе къ нему, для того, чтобы внушить надлежащій страхъ врагамъ, былъ созданъ путемъ прибавокъ въ 15—30 проц. второй — максимальный — тарифъ, который долженъ примѣняться къ государствамъ, не дающимъ намъ конвенціонныхъ уступокъ.

Правительство не закрывало глазъ на то, что обложеніе германскихъ товаровъ по максимальному тарифу можетъ привести къ разрыву съ Германіей и таможенной войнѣ, но успокаивало себя тѣмъ, что Германія пострадаетъ отъ этого гораздо больше, чѣмъ Россія, и товары ея на русскомъ рынкѣ будутъ скорѣ замѣнены англійскими, такъ что неудобства, вызываемыя ихъ отсутствіемъ, могутъ быть лишь временныя. А въ то же время господствовалъ наивный взглядъ, что такими репрессіями можно и добиться равноправнаго съ другими державами положенія на германскомъ рынкѣ и въ то же время сохранить свой минимальный тарифъ.

Затѣмъ все было разыграно, какъ по нотамъ. Германія отказалась отъ выполненія предъявленныхъ нами требованій, Румыніи же, нашей конкуренткѣ въ области хлѣбнаго экспорта, предоставила конвенціонный тарифъ. Репликой явилось введеніе нашего повышеннаго (максимальнаго) тарифа на германскіе товары (1 іюля 1893 г.) съ прибавленіемъ 50 проц. надбавки (боевыя пошлины). Послѣдовала дуплика — повышение въ Германіи для русскихъ товаровъ пошлинъ общаго тарифа на 50 проц., т. е. примѣненіе къ нимъ спеціального боевого тарифа (4/16 іюля). Наконецъ, Россія повысила ластовый сборъ съ приходящихъ и уходящихъ германскихъ судовъ съ 5 коп. (съ 2 тоннъ) до 1 рубля. Борьба продолжалась 8 мѣсяцевъ — до февраля 1894 г.

Кто больше проигралъ въ таможенной войнѣ, происходившей между Россіей и Германіей съ августа 1893 г. до февраля 1894 года—Россія или Германія? Отвѣтить на это не легко. По мнѣнію Zweig'a, Нуман'a и проф. Соболева, Германіи пришлось еще хуже, чѣмъ Россіи. Дѣйствительно, вывозъ въ Россію многихъ весьма важныхъ для германскаго экспорта предметовъ сильнѣйшимъ образомъ упалъ. Напр. вывозъ желѣза, цинка, мѣди, цемента, химическихъ продуктовъ, хлопка въ 3—5 и болѣе разъ, хотя экспортъ другихъ товаровъ, какъ-то: кожъ, каменнаго угля почти не измѣнился. Въ 1890—1892 г.г. вошедшія въ русскія гавани подъ германскимъ флагомъ суда по своей вмѣстимости составляли 10 проц. всѣхъ судовъ, а въ 1893 и 1894 г.г. всего 6 проц., лишь въ 1898 г. они достигли прежней цифры.

Что же говорятъ цифры нашего вывоза? Нѣчто весьма неопредѣленное по той простой причинѣ, что вывозъ нашего хлѣба — величины перваго разряда въ нашемъ экспортѣ — упалъ уже въ 1892 году, до начала тарифной войны; причиной тому былъ неурожай 1891 г. и затѣмъ вызванныя имъ запрещенія экспортировать хлѣбъ; да и таможенной войнѣ, какъ мы видѣли, предшествовали новыя германскія ставки на хлѣбъ, повышенныя вообще, но сокращенныя для нашихъ конкурентовъ. Послѣдствія всего этого не могли исчезнуть и въ слѣдующемъ году — году таможенной войны, такъ что прежніе факторы и новыя тѣсно сплетаются. Все же кое-какія указанія на результаты тарифной войны статистика даетъ ¹⁾.

Въ 1888—1891 г.г. ввезено русской пшеницы въ Германію въ среднемъ 20,6 милл. пуд. и въ 1892 г. 15,7 милл. пуд., а въ 1893 г. всего 1,3 милл., т. е. въ 16 разъ меньше, по сравненію съ нормальными годами, и въ 10 разъ меньше, чѣмъ даже въ 1892 г. — упадокъ крайне рѣзкій, въ слѣдующіе же за окончаніемъ таможенной войны 1894—97 г.г. привозъ снова поднимается въ среднемъ до 39 милл. пуд. Пшеница, слѣдовательно, явно пострадала отъ таможенной

¹⁾ См. Покровскій. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, т. I, 1902. Стр. 2 — 65.

войны. Но въ отношеніи другихъ хлѣбовъ это уже вопросъ спорный—ихъ вывозъ успѣлъ уже въ предшествующій годъ, подѣ вліяніемъ указанныхъ причинъ, настолько пасть, что дальше уже некуда было идти. Такъ было съ рожью: паденіе въ неурожайномъ 1892 г. въ шесть разъ—съ 42,4 милл. пуд. въ 1888—91 г.г. до 7,5—и затѣмъ уже только до 5,9 милл. съ 1893 г. Овесъ упалъ съ 1892 г. въ 20 разъ—съ 10 до $1\frac{1}{2}$ милл., и на томъ же мѣстѣ остался и въ слѣдующемъ году. Наконецъ, въ особомъ, весьма выгодномъ положеніи, оказался ячмень, составляя противоположность пшеницѣ: въ 1892 г. вывозъ его былъ ниже, чѣмъ въ предыдущіе годы—вмѣсто 16,6 милл. 10,8 милл., но въ 1893 г. почти вернулся къ прежнему уровню—15,3 милл., такъ что таможенная война въ сущности мало коснулась его, а въ слѣдующіе годы вывозъ достигалъ въ среднемъ 33 милл. пуд.

Впрочемъ, если обратимся къ общей цифрѣ экспорта даже пшеницы, вывозъ которой въ Германію такъ сильно пострадалъ, то окажется, что паденіе было вовсе не столь велико, ей пришлось лишь искать себѣ новыхъ рынковъ; экспортъ ея повысился въ Италію (въ 1888—91 г. г. въ среднемъ 32 милл., въ 1892 г. столько же, въ 1893 г. 44 милл. пуд.) и въ Швейцарію (въ 1888—91 г. г. 7 милл. въ 1892 г., годъ дифференціаціи пошлинъ на хлѣбъ въ Германіи и годъ таможенной войны Швейцаріи съ Франціей, сократившей привозъ французскихъ хлѣбовъ, 11,5 милл. и въ 1893 г. 14 милл.). Возможно, что русскіе хлѣба обходнымъ путемъ, чрезъ Бельгію и Нидерланды въ томъ же или въ перемолотомъ видѣ прокладывали себѣ путь въ Германію. Несмотря на требованіе въ Германіи свидѣтельствъ о происхожденіи, это было вполне мыслимо; но насчетъ пшеницы приходится въ этомъ сомнѣваться, ибо вывозъ ея въ Бельгію и Голландію сильно упалъ по сравненію съ нормальными годами (въ Бельгію вывезено изъ Россіи въ 1888—91 г.г. въ среднемъ $7\frac{1}{2}$ милл. пуд., въ 1892 г. 0,2 милл., въ 1893 г. 2,5 милл., въ Голландію—въ 1888—91 г.г. 17 милл., въ 1892 г. 3,6 милл. и въ 1893 г. 5,1 милл.).

Что касается другихъ видовъ зерна, то общее количество вывезеннаго овса, несмотря на сильное сокращеніе экспорта въ Германію и въ 1892 и въ 1893 г., поднялось въ послѣднемъ году, по сравненію съ нормальными 1888—91 г.г., — возрастаніе отмѣчено въ экспортѣ по Черному и Азовскому морямъ (7,4 милл. вмѣсто 5,3) и даже по западной сухопутной границѣ (6,1 вмѣсто 4,5 милл.). Въ общей же суммѣ вывозъ сократился немногимъ — съ 64 до 56,5 милл. пуд. (въ 1892 г. всего 20 милл.). Напротивъ, вывозъ ржи какъ въ 1892 г., такъ и въ 1893 г. былъ гораздо ниже средняго (но въ 1893 г. 32 милл., въ 1892 г. всего 12 милл.), такъ что потеря германскаго рынка — впрочемъ и въ томъ и въ другомъ году — оставалась не покрытой. А ячмень, вывозъ котораго — какъ мы видѣли — и въ Германію мало пострадалъ, вообще обнаружилъ ростъ экспорта, ибо въ 1893 г. чрезъ черноморско-азовскую границу прошло вдвое болѣе, чѣмъ въ 1888—91 г.г. (вмѣсто 51 милл. — 103), въ особенности ростъ его въ Англію (вмѣсто 26 милл. — 42), Бельгію (вмѣсто $4\frac{1}{2}$ милл. — $6\frac{1}{2}$), Голландію (вмѣсто 8 милл. — 11), Францію (вмѣсто $2\frac{1}{2}$ милл. — 9,4 милл.).

Такъ что въ результатѣ Россія, повидимому, отчасти сумѣла замѣнить одни рынки другими, отчасти пустить одни хлѣба вмѣсто другихъ. Общее количество хлѣба, вывезеннаго изъ Россіи, составляло въ 1893 г. всего на 10 проц. меньше, чѣмъ въ 1887—91 г.г. (404 милл. пуд. вмѣсто 443), тогда какъ въ 1892 г. на 56 проц. менѣе (196 милл.), по цѣнности же въ 1893 г. на 22 проц. менѣе, чѣмъ въ 1890—91 г.г. (175 вмѣсто 224 милл. руб.), — по причинѣ пониженія цѣнъ и замѣны болѣе дорогихъ хлѣбовъ болѣе дешевыми — 1892 г., напротивъ, далъ на 60 проц. менѣе (92 милл.). Въ слѣдующіе же годы опредѣляемъ успѣшный ростъ нашего хлѣбнаго экспорта, по сравненію съ 1888—91 г.г., количественно и во всякомъ случаѣ возвращеніе къ нормальнымъ годамъ по цѣнности.

Таможенная война закончилась русско-германскимъ торговымъ договоромъ 10 февраля (29 янв. 1894 г.) (см. выше, стр. 230), которымъ Россія отказалась отъ минимальнаго тарифа 1891 г., превративъ его въ общій тарифъ, наряду съ

новымъ конвенціоннымъ, содержавшимъ значительно пониженные ставки. Больше ужъ Россія экспериментовъ съ минимальнымъ тарифомъ не дѣлала.

Напротивъ, Балканскія страны, Сербія и Греція не извлекли никакого поученія изъ тридцатилѣтней исторіи минимальнаго тарифа: въ 1910 г. и они рѣшили сдѣлать такую попытку, заранѣе впрочемъ сознавая, что если она не удалась сильнымъ, то имъ, слабымъ, ни на что рассчитывать не приходится. Понимая, что ставки, объявленные минимальными, они удержать не въ состояніи, обѣ страны съ самаго начала приглашали другія государства къ переговорамъ по поводу размѣра этихъ пошлинъ.

Строго выдержана система автономнаго тарифа, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь принципъ — одинъ общій для всѣхъ автономный тарифъ. Помимо него максимальный тарифъ имѣется лишь въ зачаточномъ состояніи—это дополнительные пошлины (по тарифному закону Динглей 1898 г.) на кофе, чай, бобы тонка и ваниль—для враговъ въ области торговыхъ сношеній, и столь же ограниченныя скидки для друзей: на винный камень, коньякъ, шампанское, вина, картины и скульптурныя работы; эти скидки предоставляетъ президентъ тѣмъ, кто дѣлаетъ уступки въ пользу Америки, признаваемыя имъ взаимными и равноцѣнными. Такія уступки дѣлались на практикѣ на всѣ эти предметы или только на нѣкоторые изъ нихъ взаменъ полученія полностью или частью европейскихъ конвенціонныхъ тарифовъ (на основахъ принципа компенсаціи).

Слѣдовательно, автономный характеръ тарифа выдержанъ — пониженія заранѣе предусмотрѣны и въ крайне узкихъ предѣлахъ, никакія пожеланія и требованія иностранныхъ государствъ не принимаются въ соображеніе, но зато и Америка ни на какія особыя уступки въ свою пользу не претендуетъ. Протекціонизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ — замкнутость и отчужденность, никакого сближенія между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ.

Правда, тотъ же тарифный законъ Динглей предусматриваетъ и возможность заключенія тарифныхъ договоровъ, хотя

и тутъ въ опредѣленныхъ, заранѣе установленныхъ, предѣлахъ — пониженіе тарифа не болѣе, чѣмъ на 20 проц., далѣе допущеніе беспошлинно такихъ товаровъ, которые произрастаютъ или добываются въ данной странѣ, но не производятся въ Соединенныхъ Штатахъ (рѣчь идетъ, слѣдовательно, лишь о произведеніяхъ сельскаго хозяйства или горной промышленности и притомъ отсутствующихъ въ Америкѣ) и, наконецъ, закрѣпленіе освобожденія отъ пошлинъ съ иныхъ продуктовъ, изъятыхъ отъ обложенія по общему тарифу. Однако, помимо такихъ чисто-американскихъ ограниченій (для огромнаго большинства товаровъ, слѣдовательно, скидка не болѣе, чѣмъ на 20 проц.) еще существеннѣе то обстоятельство, что самое это постановленіе осталось висѣть въ воздухѣ, ибо при заключеніи договора требовалось согласіе обѣихъ палатъ, а его получить невозможно было.

Это послѣднее условіе содержится и въ новѣйшемъ тарифномъ законѣ 1913 г., но въ немъ уже никакихъ ограниченій нѣтъ: президентъ «уполномоченъ вести переговоры по заключенію торговыхъ соглашеній съ иностранными державами, въ коихъ предусмотрѣны будутъ взаимныя уступки касательно свободы торговыхъ отношеній и дальнѣйшаго развитія промысловъ и торговли». (Отд. IV. А). Къ сожалѣнію, война помѣшала выяснить, готовы ли Соединенные Штаты отказаться отъ своей замѣнутости и въ этомъ отношеніи, какъ они это обнаружили въ новыхъ, значительно болѣе умѣренныхъ, ставкахъ тарифа Ундервуда.

Въ отличіе отъ Франціи, Италіи и Россіи, Германія не играла съ огнемъ — не продѣлывала экспериментовъ съ минимальнымъ тарифомъ, если не считать частичнаго превращенія ставокъ общаго тарифа 1902 г. — именно четырехъ статей, касающихся хлѣбовъ — въ минимальныя.

Со временъ Каприви она крѣпко держалась за торговые договоры, понимая, что они обозначаютъ для ея экспорта; съ этого пути ее не могли свести даже объединенные промышленники и аграріи, когда въ 1902 году былъ выработанъ и понынѣ существующій общій тарифъ (см. стр. 115). На требованія выступить, по примѣру Франціи, съ минимальнымъ

тарифомъ Германія отвѣтила отказомъ, ибо это значитъ заранее открыть свои планы противнику—сообщить ему, до какихъ предѣловъ мы идемъ — ослабить свое положеніе въ борьбѣ за выгодные договоры, и напротивъ, придать силу другимъ, а въ результатъ свести переговоры, быть можетъ, къ нулю. Но для «бѣдствующихъ» аграріевъ, съ такимъ трудомъ выхлопотавшихъ себѣ въ рейхстагѣ—въ общемъ тарифѣ—повышенныя пошлины на хлѣбъ, пришлось пойти на уступки—имъ новые договоры должны были гарантировать опредѣленную, всегда равную, неизмѣнную ренту. И хотя поиски такой ренты представлялись многимъ поисками камня премудрости, но такое «солнце остановившейся ренты», напоминающее солнце, которое остановилось при входѣ Іошуи въ обѣтованную землю, — пришлось соорудить въ видѣ минимальныхъ ставокъ на сельско-хозяйственные продукты. Правда, это были минимальныя пошлины не на всѣ продукты, а только на четыре хлѣба, на пшеницу и полбу ($5\frac{1}{2}$ мар. за 100 килогр. или 42 коп. съ пуда вмѣсто $3\frac{1}{2}$ мар. въ прежнемъ конвенціонномъ тарифѣ), рожь (5 мар. за 100 килогр. или 38 коп. съ пуда, вмѣсто $3\frac{1}{2}$ мар.), овесъ (тоже 5 мар., вмѣсто 2 мар. 80) и пивоваренный ячмень (4 мар. со 100 килогр. или 30 коп. съ пуда, вмѣсто 2 мар.), пошлины благодѣтельствовавшія «хлѣбныхъ» аграріевъ, образуя изъ нихъ особую категорію «аграріевъ перваго разряда».

И среди аграріевъ второго разряда, сидѣвшихъ не «внутри аграрной колесницы, а на запяткахъ», различалось еще много категорій, изъ которыхъ нѣкоторыя могли рассчитывать на то, что государство не рѣшится «благородно ретироваться» и, несмотря на незакрѣпленныя позиціи, будетъ мужественно отстаивать ихъ повышенную ренту. Но все же дальше идти и превратить ихъ также въ «минимальныхъ» аграріевъ, на это правительство не рѣшалось — это могло бы свести переговоры при заключеніи новыхъ трактатовъ къ «простому обмѣну визитными карточками при пріѣздѣ и отъѣздѣ». Въ результатъ получилась рѣзкая черта между четырьмя «величайшими» аграріями — минимальными аграріями, и всѣми прочими, оказавшимися внѣ «восторговъ минимальнаго

тарифа», не попавшихъ подъ эту шапку, не влюченныхъ въ число «аграрныхъ Шейлоковъ». Всѣхъ ихъ тарифъ бросилъ въ одинъ обширный котелъ непривилегированныхъ и негарантированныхъ — въ немъ оказались и большіе, и малые, «лѣсные, скотскіе, льняные, винные и прочіе аграріи», аграріи разныхъ сортовъ и побѣговъ, разной крѣпости и разной степени охраны, но объединяемые этимъ единымъ отрицательнымъ признакомъ — неминимальнаго тарифа. (Schäffle. Ein Votum gegen den neuesten Zolltarif).

Минимальныя ставки на хлѣбъ примирили съ долгосрочными договорами и правыя партіи, завязыхъ противниковъ тарифныхъ договоровъ; они хотя и не усматривали въ договорахъ вѣрной опоры, гарантирующей беззаботную жизнь сельскому хозяйству, какъ и весьма недовольны были повышеніемъ нашихъ пошлинъ, противъ договора 1893 года, но соглашались съ тѣмъ, что отказъ отъ заключенія договоровъ могъ бы привести къ образованію экономической коалиціи противъ Германіи и къ таможенной войнѣ на всѣхъ фронтахъ. Возобновленіе договоровъ въ 1905 г. называли даже патріотическимъ актомъ, поддержкой сельскаго хозяйства, которое является опорой правительства, и поздравляли канцлера съ благополучнымъ окончаніемъ великаго дѣла, что вызвало впрочемъ бурный хохотъ въ рейхстагѣ.

Минимальныя пошлины были направлены своимъ остріемъ противъ Россіи, и Германія сознавала, что интересъ послѣдней къ заключенію договора при исключеніи за скобки ставокъ на хлѣбъ сильно падаетъ. И все таки она сдѣлала попытку, увѣнчавшуюся успѣхомъ. Политическія условія въ 1904 г. были таковы, что ссориться съ Германіей намъ не приходилось, отказъ отъ договора настолько натянулъ бы и политическую струну, что она могла лопнуть. Россія пробовала возражать и протестовать, выражать свое неудовольствіе минимальными ставками, угрожать съ своей стороны минимальнымъ тарифомъ, но получила энергичный отвѣтъ отъ Германіи, что эти ставки уже дѣло рѣшенное и о нихъ говорить не приходится, послѣ чего замолчала и покорно склонила главу. Тарифный договоръ былъ заключенъ въ

1904 г. на основѣ минимальныхъ ставокъ на хлѣбъ, хотя эти ставки и были закрѣплены, не подлежали измѣненію въ теченіе всего 12-ти лѣтняго срока дѣйствія договора (въ сущности нарушеніе принципа автономіи въ его чистой формѣ); Германія одержала побѣду, которая «обошлась намъ дороже, чѣмъ русско-японская война» (А. И. Шингаревъ).

Это одна изъ немногихъ побѣдъ минимальнаго тарифа, хотя и неполнаго, но все же охватывающаго крайне существенныя въ данномъ случаѣ ставки, побѣда, ибо подчиненіе Россіи открыло путь и въ другія страны — рѣзко-протекціонный тарифъ и съ такимъ еще придаткомъ, какъ минимальныя ставки на хлѣбъ, все же послѣ этого уже легко открывалъ себѣ двери къ выгоднымъ для Германіи торговымъ договорамъ.

Всегда подражавшая Германіи Австро-Венгрія немедленно сочла необходимымъ и тутъ повторить ея жестъ — сочинить и себѣ минимальныя пошлины на хлѣбъ (которые тоже были закрѣплены договорами). Но то, что тамъ имѣло смыслъ, являлось важнымъ и въ то же время рискованнымъ шагомъ, на чемъ въ Германіи настаивали аграріи и противъ чего возставали государства, импортирующія хлѣбъ, — все это въ Двуетидной монархіи оказывалось дѣтской игрой, не интересной ни для страны, кормящейся собственнымъ хлѣбомъ и въ иностранномъ импортѣ почти не нуждающейся, ни для другихъ державъ, почти не экспортирующихъ туда хлѣба. Какъ и слѣдовало ожидать, подражаніе Австріи — въ отличіе отъ вызвавшихъ столько шума дѣйствій Германіи — осталось почти незамѣченнымъ и при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ не играло никакой роли.

Въ отличіе отъ Европы, автономныя тарифы широко распространены въ колоніяхъ и экзотическихъ странахъ. Это старая европейская система единаго автономнаго тарифа съ наибольшимъ благопріятствованиемъ, нерѣдко съ отдѣльными исключительными льготами въ пользу тѣхъ или другихъ сосѣднихъ или дружественныхъ государствъ. Британскія самостоятельныя колоніи — Канада, Южно-африканскій таможенный союзъ, Австралія, Новая Зеландія — выработали цѣлую систему такихъ преимущественныхъ или преференціаль-

ныхъ пошлинъ, примѣняемыхъ въ интересахъ Великобританіи, какъ и взаимно въ между-колоніальномъ обмѣнѣ. Въ однихъ случаяхъ они дѣлаютъ это, повышая свой тарифъ и затѣмъ сочиняя второй, пониженный для метрополіи и для другихъ самостоятельныхъ британскихъ колоній, въ другихъ—сооружая повышенный тарифъ для всѣхъ «чужихъ» и тѣмъ сохраняя для «торговли между братьями» прежнія, пониженные ставки. Частію преференціальный тарифъ осуществлялся при помощи огульных надбавокъ для постороннихъ или скидокъ въ пользу «своихъ» въ опредѣленномъ процентѣ, хотя и различномъ по отдѣльнымъ группамъ товаровъ, вплоть до полного освобожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ для метрополіи или, напротивъ, непредоставленія ей никакихъ уступокъ для отдѣльныхъ товаровъ—два крайнихъ полюса; частію внимательно разбирались и сортировались отдѣльные виды товаровъ и преференціальныя ставки для Великобританіи и колоній осторожно нормировались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Эту своеобразную колоніальную систему автономнаго и особаго преференціальнаго тарифовъ Канада пыталась соединить съ европейской системой максимальнаго и минимальнаго тарифовъ, притомъ совершенно невыдержанной, ибо она намѣревалась въ то же время заключать тарифные договоры. Получилось нѣсколько тарифовъ, многоэтажное зданіе, представляющее смѣсь самыхъ разнообразныхъ стилей, относящихся къ рѣзко отличнымъ другъ отъ друга эпохамъ. Имѣется три тарифа: преференціальный—низшій, максимальный—высшій и средній между ними—Intermediate Tariff. Послѣдній предназначенъ для тѣхъ странъ, которыя предоставляютъ Канадѣ право наибольшаго благопріятствованія; остальные же получаютъ не этотъ тарифъ, а высшій, а Британіи и прочимъ колоніямъ подносится подарокъ въ видѣ низшаго (преференціальнаго). Всѣ три тарифа автономны.

Это еще было бы мыслимо. Но такъ это только въ теоріи, на самомъ же дѣлѣ создалось нѣчто весьма странное и несообразное. При заключеніи торговаго договора съ Франціей Канада установила для различныхъ французскихъ товаровъ

ставки, содержащіяся не въ среднемъ, а въ самомъ низшемъ, преференціальномъ тарифѣ, — нарушеніе системы преференціальности; для нѣсколькихъ же товаровъ (шипучихъ винъ и нѣкоторыхъ фармацевтическихъ препаратовъ) пошлина въ договорѣ съ Франціей даже ниже, чѣмъ въ преференціальномъ тарифѣ, — вторичное и еще большее нарушеніе системы преференціальныхъ пошлинъ и прорывъ самаго принципа автономнаго тарифа. Получился, такимъ образомъ, какой—то своеобразный договорный тарифъ, четвертый тарифъ, совершенно игнорирующій всю столь искусно возведенную трех—этажную постройку тарифовъ, какая то дополнительная, независимая отъ нихъ пристройка, притомъ чисто-индивидуальнаго характера, сооруженная для одной лишь Франціи, ибо Канада не признаетъ принципа наибольшаго благопріятствованія, такъ что никакого единого конвенціоннаго тарифа у нея получиться не можетъ—возникаютъ спеціальныя тарифы, въ той или иной комбинаціи ставокъ, сообразно потребностямъ отдѣльныхъ странъ и предоставляемымъ ими компенсаціямъ. Какъ бы то ни было, подобно Соединеннымъ Штатамъ, допускающимъ въ тарифномъ законѣ 1913 г. договорныя тарифы, и Канада—и притомъ не въ теоріи, а на практикѣ—признала тарифныя договоры, въ формѣ, рѣзко нарушающей таможенную автономію и противорѣчащей принципу минимальнаго тарифа.

О тройномъ тарифѣ съ преференціальными пошлинами идетъ рѣчь и при проектируемомъ «экономическомъ сближеніи» между Австро-Венгріей и Германіей; не о полномъ таможенномъ союзѣ съ единой территоріей—такъ далеко братскія чувства обоихъ (или вѣрнѣе трехъ) народовъ не заходятъ,—а только о спеціальному пониженномъ тарифѣ на австро-германской границѣ, лишь снабженномъ надеждой на будущее постепенное снятіе ставокъ, о тарифѣ, обреченномъ на сравненіе его когда-нибудь съ землей. Battaglia (*Ein Zoll- und Wirtschaftsbündnis zwischen Oesterreich-Ungarn und Deutschland*. 1917. p. 81 и сл.), рисуетъ такую картину. Фундаментъ — основной единый тарифъ для обоихъ государствъ въ сношеніяхъ между ними (преференціальный тарифъ); надъ

нимъ въ видѣ перваго этажа, состоящаго изъ двухъ частей — два дополнительныхъ максимальныхъ тарифа на вѣншней границѣ Германіи и Австро-Венгріи. Между ними въ качествѣ средняго яруса — два минимальныхъ тарифа, для каждой монархіи, которые опредѣляютъ, до какихъ предѣловъ можно идти въ договорахъ, причемъ уступки могутъ дѣлаться Германіей и Двуетдинной монархіей различныя. Словомъ, нѣчто вродѣ канадскаго построенія. Впрочемъ, если одни ставки въ минимальномъ и максимальномъ тарифѣ должны совпадать, другія, напротивъ, будутъ сильно расходиться, то для третьей группы ставокъ вообще не существуетъ минимальнаго тарифа, не надо связывать руки парламентамъ. Но, конечно, договорныя ставки въ пользу третьихъ державъ не могутъ дойти до заповѣдной черты — основного тарифа, построеннаго союзниками исключительно для себя.

Battaglia, очевидно, полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ другія державы согласятся даже на нѣчто среднее между минимальнымъ и максимальнымъ тарифомъ. Но на самомъ дѣлѣ они не только — какъ показываетъ опытъ — потребуютъ себѣ минимальный тарифъ полностью (максимальный вѣдь разсматривается лишь какъ угроза), но могутъ и имъ не удовлетвориться, а поскольку для тѣхъ или другихъ статей его не окажется и никакого предѣла не будетъ, могутъ дойти до ставокъ основного тарифа, разбить самую основу всего, быть можетъ — примѣръ Канады поучителенъ въ этомъ отношеніи — спуститься и ниже его, прорвать его. Во всякомъ случаѣ, преференціальныи тарифъ безъ минимальнаго или съ неполнымъ минимальнымъ можетъ провалиться; граница между преимущественнымъ и общимъ для всѣхъ договорнымъ тарифомъ можетъ стереться и могутъ получиться — какъ въ Канадѣ — даже обратно — преференціальныя ставки (болѣе высокія въ преференціальномъ тарифѣ, чѣмъ въ конвенціонномъ). Если же крѣпко держаться за минимальный тарифъ, чтобы его какъ-нибудь не упустить, то нагромождаются непроходимыя препятствія для будущихъ торговыхъ договоровъ — послѣдніе плохо мирятся съ автономнымъ тарифомъ.

III.

Попытокъ возродить старую систему автономнаго тарифа въ формѣ тарифа минимальнаго дѣлалось въ послѣднее время много, даже слишкомъ много, принимая во вниманіе ихъ плачевныя послѣдствія. Но одни изъ этихъ опытовъ — какъ мы видѣли — вообще не имѣли серьезнаго характера: минимальный тарифъ немедленно былъ смытъ волной тарифныхъ договоровъ, онъ былъ таковымъ лишь по названію, на самомъ же дѣлѣ имѣлъ свойства общаго тарифа, являясь исходной точкой для соглашеній, для новаго пониженнаго договорнаго тарифа. Въ другихъ случаяхъ государства всячески старались удержаться на минимальномъ тарифѣ, не давая его опрокинуть враждебнымъ силамъ, допуская отступленія отъ него лишь въ крайнихъ случаяхъ. Въ сущности всякое пониженіе ставокъ минимальнаго тарифа обозначаетъ гибель его, ибо ничего ниже минимальнаго не можетъ быть. Но на практикѣ, конечно, имѣетъ значеніе, насколько велики и существенны такія «поправки» къ тарифу и какую роль соотвѣтствующіе товары играютъ въ импортѣ страны. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что Франція въ 90-хъ годахъ лишь отчасти нарушила свой минимальный тарифъ, несравненно менѣе, чѣмъ Италія въ 1890—91 г.г., чѣмъ Россія въ 1894 г., и во всякомъ случаѣ, чѣмъ Испанія—и Россія и Испанія въ сущности похоронили его и на его могилѣ воздвигли новый конвенціонный тарифъ. Они совершенно провалились со своимъ тарифомъ, тогда какъ Франціи удалось сохранить минимальныя ставки для большей части импортируемыхъ товаровъ; и она поскользнулась на этой узкой платформѣ, но все же — хотя и съ большимъ трудомъ — удержалась на ней.

Но для заключенія договоровъ минимальный тарифъ всегда является крупнымъ препятствіемъ и за таможенныя войны, столь многочисленныя и жестокия въ послѣднія десятилѣтія, Европа прежде всего можетъ поблагодарить его. Вотъ почему одни государства, какъ Россія и Италія, махнули рукой на минимальный тарифъ и предпочли этой рискованной операціи

тихую и мирную систему конвенціонныхъ пошлинъ. Другія же страны, не желая порвать со столь заманчивой автономной таможенной политикой, все же старались смягчить наиболѣе рѣзкія проявленія этой авантюры, смазывая ее масломъ извѣстной уступчивости въ международныхъ отношеніяхъ.

Но какими они располагали для этого средствами и мыслимо ли было вообще что-либо сдѣлать при сохраненіи принципа автономнаго тарифа? Конечно, послѣ составленія послѣдняго уже ни для какихъ уступокъ нѣтъ мѣста; минимальный тарифъ и уступки — это внутреннее противорѣчіе, это понятія, взаимно исключаютъ другъ друга. Поэтому то въ этой стадіи уже ничего подѣлать невозможно, но зато имѣется извѣстный просторъ для дѣйствій въ предшествующій выработкѣ тарифа періодъ. Въ стадіи зарожденія тарифа, до появленія его на свѣтъ, государство можетъ выслушивать пожеланія другихъ державъ, принимать въ соображеніе дружескія представленія, дѣлаемые ему дипломатическимъ путемъ.

Самъ по себѣ минимальный тарифъ означаетъ нежеланіе считаться съ интересами другихъ, является по существу своему актомъ враждебнымъ, легко вызывающимъ таможенные столкновенія между государствами. Въмѣсто дружественной фізіономіи общаго тарифа, готоваго на компромисъ, появляется кулакъ, показываемый всѣмъ другимъ странамъ. Необходимы мѣры предупредительнаго характера, которыя бы задержали возможное и ожидаемое столкновеніе; средство — указаніе государству, составляющему или пересматривающему свой минимальный тарифъ, на недопустимость проектируемаго имъ установленія или повышенія тѣхъ или иныхъ ставокъ, особенно важныхъ для странъ, находящихся въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нимъ. Такія пожеланія обыкновенно высказываются безъ соблюденія какихъ-либо строгихъ формъ, осторожно и деликатно, но съ достаточной настойчивостью и съ упоминаніемъ о тѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствіяхъ, которыя могъ бы имѣть отказъ отъ выполненія ихъ; при этомъ можетъ быть обращено вниманіе и на готовность съ

своей стороны идти въ будущемъ на нѣкоторыя уступки. Представленія иностранныхъ дипломатовъ находятъ и въ самомъ государствѣ поддержку среди болѣе умѣренныхъ, болѣе фритредерски настроенныхъ группъ, облегчаютъ имъ работу, даютъ возможность ссылаться на угрожающія жестокія послѣдствія чрезмѣрно высокихъ пошлинъ; тѣ и другіе какъ бы заключаютъ молчаливый союзъ противъ наступательныхъ дѣйствій протекціонизма.

И на пути созданія такого смѣшаннаго автономно-конвенціоннаго тарифа первые шаги повидимому были сдѣланы той же Испаніей, которая, какъ мы видѣли, впервые примѣнила принципъ минимальнаго тарифа, но въ данномъ случаѣ, они оказались къ счастью, болѣе удачными. Утомленная многочисленными таможенными войнами и ожидая послѣ опубликованія новаго таможеннаго тарифа 1906 г., дальнѣйшихъ открытыхъ столкновений, Испанія сочла небезполезнымъ обратить вниманіе на заявленія и предложенія нѣкоторыхъ державъ, сдѣланныя при самомъ пересмотрѣ тарифа и тѣмъ предупредить возможные непріятности, хотя бы со стороны опредѣленныхъ государствъ. Такъ еще до изданія этого тарифа Испанія вступила въ соглашеніе съ Германіей и послѣдняя выразила готовность признать новый испанскій минимальный тарифъ, если Испанія приметъ во вниманіе ея интересы. Испанія при пересмотрѣ тарифа ограничилась невысокими ставками на лакированныя кожи, на ножевой товаръ и на рядъ другихъ предметовъ, имѣющихъ существенное значеніе для германскаго экспорта въ Испанію.

При выработкѣ тарифа Пайнтъ-Ольдрича въ Соединенныхъ Штатахъ, дипломатическіе представители различныхъ государствъ усердно подчеркивали недопустимость повышенія нѣкоторыхъ ставокъ; благодаря ихъ напоминаніямъ, оказавшимъ поддержку президенту Тафту и демократической партіи, удалось остановить въ нѣкоторыхъ пунктахъ попытки протекціонистовъ къ дальнѣйшему наступленію, напр. въ отношеніи ставокъ на кожаные перчатки, вышивки и т. д.

Еще большее вліяніе иностранныя державы оказали на новый французскій минимальный тарифъ 1910 года. Если

последній, въ отличіе отъ своего знаменитаго предшественника — тарифа 1892 г., не вызвалъ бурь и волненій въ тарифной области, обошелся безъ таможенныхъ войнъ, то этимъ благополучнымъ исходомъ Франція обязана въ значительной мѣрѣ тому, что при пересмотрѣ тарифа она шла навстрѣчу требованіямъ другихъ государствъ. Такъ напр., Германія и Австрія настояли на пониженныхъ ставкахъ на инструментальную сталь, Соединенные Штаты не допустили запретительныхъ пошлинъ на хлопковое масло, которыя имѣлись въ первоначальномъ тарифѣ. Но особенно умѣла использовать свои дружественныя отношенія съ Франціей Великобританія. Она осторожно обратила вниманіе Франціи на то, что отказъ съ ея стороны принять въ соображеніе торговые интересы Англіи и Британскихъ колоній могъ бы привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ въ видѣ усиленія агитаціи Чемберлена въ пользу протекціонизма, что было бы весьма непріятно для самой Франціи. Это произвело впечатлѣніе. Англія добилась уступокъ въ обложеніи столь важныхъ объектовъ экспорта во Францію, какъ сталь, сельско-хозяйственныя машины, инструменты, бумажная пряжа, сапожный товаръ, шляпы и т. д. Франція уступила Англіи и въ интересахъ индійскихъ масляничныхъ сѣмянъ; съ этихъ сѣмянъ, на которыя, по проекту устанавливались высокія пошлины, въ цѣляхъ защиты французскаго рапса, были въ результатѣ почти совсѣмъ сняты пошлины.

Другія ставки Франція понизила по предложенію Швейцаріи. При пересмотрѣ тарифа въ 1910 году Франція обнародовала намѣреніе упразднить тѣ уступки, которыя она сдѣлала Швейцаріи въ 1895 г., ради прекращенія таможенной войны. Но Швейцарія, не ограничившись тонкимъ намекомъ, прямо пригрозила новой таможенной войной и воспоминанія о разрывѣ 90-хъ годовъ были еще настолько свѣжи и живы во Франціи, что она бросила мысль объ усиленіи пошлинъ на шелковыя ткани, часы, вышивки, машины, музыкальные инструменты, холодильные аппараты.

Въ томъ же 1910 году Соединенные Штаты примѣнили тотъ же способъ — добились пониженія пошлинъ на столь

важное для них хлопковое масло въ тарифахъ Сербіи и Греціи, приче́мъ и тутъ это свершилось еще до окончательнаго обсужденія новыхъ проектовъ въ парламентѣ. Наконецъ, дипломатическія представленія сыграли роль и въ судьбѣ проекта таможенныхъ пошлинъ, внесеннаго въ бельгійскій парламентъ въ 1910 году. Если отцомъ этого проекта являлось протекціонистское теченіе, то его появленіе значительно облегчалось и желаніемъ Бельгіи оказать давленіе на новый французскій тарифъ, который нарушалъ ея интересы. Но представленія Германіи, весьма прозрачно намекавшей на то, что не только Франція, но и она пострадаетъ отъ этихъ пошлинъ, облегчили задачу фритредерской партіи, и законопроектъ не увидѣлъ свѣта.

Такимъ образомъ, въ самое послѣднее время экономическая наука можетъ отмѣтить возникновеніе новой разновидности таможеннаго тарифа, видоизмѣненіе автономнаго тарифа, въ который вносится извѣстная договорная струя. Конечно, достигнуть основной цѣли всякаго договорнаго тарифа — добиться соотвѣтствующихъ уступокъ у противника, этотъ суррогатъ конвенціоннаго тарифа, страдающій половинчатостью, не въ состояніи — нѣтъ обсужденія отдѣльных статей на конференціи представителей обоихъ государствъ, нѣтъ возможности поэтому купить уступками опредѣленные компенсациі. Вме́сто единаго договора, опредѣляющаго тарифы обоихъ государствъ, имѣется два независимыхъ другъ отъ друга дѣйствія — того и другого государства, сопровождаемыхъ каждый — разъ опредѣленными указаніями, предложеніями и ходатайствами со стороны другого. Но являясь суррогатомъ конвенціоннаго тарифа, такой смѣшанный тарифъ, фактически связанный требованіями другихъ странъ, будучи тарифомъ хотя и автономнымъ, но все же не одностороннимъ, — вполне пригоденъ для одной цѣли — для устраненія рѣзкихъ международныхъ столкновеній въ таможенной области. Онъ отсекаетъ наиболѣе вредное и опасное свойство автономнаго тарифа — его непримиримость, его способность вызывать экономическій разрывъ между государствами. Въ этой борьбѣ съ главнымъ порокомъ автономнаго тарифа заключается его цѣль, въ этой

роли противоядія состоитъ его смыслъ и значеніе. А сторонникамъ минимальнаго тарифа онъ доставляетъ достаточную видимость автономнаго характера пошлинъ, успокаиваетъ ихъ и тѣмъ, что самый компромиссъ между собственными выгодами и интересами другихъ государствъ достигается при смѣшанной системѣ уже въ стадіи составленія и обсужденія тарифа, а не впослѣдствіи по выработкѣ и опубликованіи его, что тарифъ получаетъ окончательный обликъ у себя дома, а не на конференціи, не является результатомъ торга.

IV.

Война выдвинула у насъ на очередь вопросъ о формѣ и характерѣ тарифа и большинство голосовъ, повидимому, было обезпечено автономному, минимальному тарифу, какъ такому, который гарантируетъ намъ свободу дѣйствія, «экономическое освобожденіе» отъ иностранныхъ товаровъ, въ особенности же эмансипацію нашего рынка отъ германскаго ввоза, придаетъ силу и крѣпость нашей промышленности, приближаетъ насъ къ самодовлѣющему хозяйству ¹⁾. Германія втянула насъ въ торговые договоры (тарифные), закрѣпила за собой на долгій срокъ пониженныя ставки, обездоливъ русскую промышленность и проложивъ путь нахлынувшимъ бурнымъ потокомъ въ Россію нѣмецкимъ товарамъ, преслѣдуя одну лишь цѣль закрѣпить за собой рынокъ въ полтора-два милліона русскихъ «варваровъ». Война, властной рукой разорвавшая связывавшіе насъ торговые договоры, должна разъ навсегда, освободить насъ и обезопасить отъ германскихъ «сюрпризовъ и насилій», открыть дорогу развитію нашихъ производительныхъ силъ, дать намъ возможность строить свое хозяйственное будущее такъ, какъ мы сами его желаемъ и понимаемъ. Привѣтствовало денонсированіе 31 декабря 1916 г. нашего договора съ

¹⁾ См. напр. статьи въ «Торгово-Промышл. газ.» за 1915 г. №№ 28, 34, 43, 146, 183 и 220, въ «Промышленности и Торговлѣ» № 22—23 за 1916 г. (11 іюня 1916 г.), № 24—25 за 1916 г. (25 іюня), № 26—27 за 1916 г. (9 іюля), № 6 за 1917 г. (11 февраля), № 20—21 за 1917 г. (20 іюня). докладъ Совѣта Съѣздовъ представ. пром. и торг. IX съѣзду 1915 г. (ст. Омельченко), а также ук. соч. Н. П. Ланговаго, I. М. Гольдштейна и др.

Италіей (вслѣдствіе чего дѣйствіе его прекращалось съ 1 января 1918 г.), такъ что — за паденіемъ германскаго и австрійскаго трактатовъ—оставались лишь французскій и португальскій договоры, которые также надо сбросить съ себя чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, устранивъ такимъ путемъ—посредствомъ дружественныхъ переговоровъ—послѣднія преграды на пути къ таможенной самостоятельности. Только ликвидировавъ эти остатки конвенціонныхъ тарифовъ, мы «въ состояніи будемъ приняться со свободными руками за большое дѣло: не чинить только свою таможенную политику, не класть на старое заплаты, а ломать и срывать его, чтобы построить нѣчто совершенно новое, просторное зданіе на крѣпкомъ фундаментѣ». При будущей перестройкѣ мірового хозяйства каждая страна должна думать о себѣ, а «вступать въ новые торговые договоры съ нашими союзниками—это значитъ попасть въ новое экономическое рабство», замѣнить одно иго—Германію, быть можетъ, не столь тяжелымъ, но все же добровольно налагаемымъ на себя ярмомъ въ видѣ требованій союзныхъ державъ.

Въ такомъ смыслѣ были инструктированы и наши делегаты, командированные на Парижскую экономическую конференцію 1916 года: Россія — говорилось въ инструкціи (Отд. В. «Постоянныя мѣры взаимной помощи и сотрудничества между союзниками») — «для освобожденія ея промышленности отъ порабощенія промышленностью иностранной» (стало быть, не только германской!) предполагаетъ «придерживаться автономнаго таможеннаго тарифа, ставки котораго не подлежатъ закрѣпленію или пониженію по договорамъ; этотъ тарифъ примѣняется, подъ условіемъ взаимности, къ товарамъ, ввозимымъ какъ изъ союзныхъ, такъ и изъ нейтральныхъ странъ; по отношенію же къ враждебнымъ государствамъ будетъ примѣняться повышенное обложеніе, которое могло бы быть доведено до 100 проц. въ зависимости отъ обложенія этими государствами русскаго ввоза».

Проектировалось, слѣдовательно, два автономныхъ тарифа: минимальный — для союзниковъ и нейтральныхъ странъ, максимальный — для непріятельскихъ державъ. Парижская конференція нисколько не стѣсняла этой автономіи. Она преду-

сма тривала на переходное время либо полный бойкотъ, либо существенныя ограниченія для непріятельскихъ товаровъ (Отд. В. ст. 4), а въ качествѣ постоянныхъ мѣръ для послѣдующей эпохи, въ цѣляхъ оживленія своихъ производительныхъ силъ и независимости отъ непріятельскихъ государствъ,—самостоятельную, наиболѣе соотвѣтствующую интересамъ каждой страны, экономическую политику, которая между прочимъ можетъ выражаться «въ таможенныхъ пошлинахъ и запрещеніяхъ временнаго или постояннаго характера» (Отд. С. ст. 1).

Конечно, рядомъ съ тѣми, кто мечталъ о китайской стѣнѣ, отгораживающей Россію отъ мірового рынка, задавался маниловскими фантазіями о томъ, какъ хорошо бы усилить наше производство такъ, чтобы можно было ликвидировать иностранный ввозъ, высказывались и другіе взгляды, исходившіе изъ того, что Россія слишкомъ втянута въ орбиту мірового рынка, слишкомъ сплетена безчисленными нитями съ международнымъ товарообмѣномъ, чтобы она могла выйти изъ этого круга; напротивъ, ей придется и далѣе развивать свой вывозъ, работать для экспорта; задача можетъ заключаться лишь въ прекращеніи гегемоніи Германіи путемъ «распыленія» нашего вывоза между различными странами, какъ и въ разсѣяніи естественнаго спутника его—привоза. Одновременно съ развитіемъ своихъ производительныхъ силъ приходится питаться и иностраннымъ привозомъ; нашъ рынокъ «является большой приманкой, какъ для нашихъ враговъ, такъ и для союзниковъ, и при тонкой дипломатической игрѣ мы сумѣли бы распределить этотъ рынокъ между претендентами на него съ наибольшими для себя выгодами».

Но и тѣ, кто скептически относился къ идеѣ торговаго разрыва съ Германіей, кто въ бойкотѣ ея вовсе не усматривалъ средства исцѣленія нашей хозяйственной жизни и кто вѣрилъ въ будущность торговыхъ договоровъ и конвенціонной политики, и они не могли не признавать, что заключеніе тарифныхъ конвенцій немедленно по прекращеніи канонады и удушливыхъ газовъ, и притомъ на продолжительные сроки,

да еще при прогрессирующем обезцѣненіи нашей валюты, означало бы рѣшеніе задачи съ многочисленными неизвѣстными, представляло бы собою игру, которая могла бы повести къ крупному проигрышу съ нашей стороны, къ неожиданнымъ результатамъ для нашей промышленности. Поэтому пока необходимо оставить за собой тарифную автономію, считаясь, конечно, при выработкѣ тарифа и окончательномъ проведеніи его въ качествѣ закона съ нуждами и пожеланіями нашихъ союзниковъ—смѣшанная система, приведенная выше. Только впоследствии, когда экономическая жизнь народовъ и міровой рынокъ войдутъ въ свои нормальные берега, когда ясный горизонтъ откроется предъ нашими взорами, только тогда можно будетъ вернуться къ прежнему сближающему народы и обезпечивающему будущность и нашему экспорту конвенціонному началу.

Но пока шли разговоры, высказывались предположенія и пожеланія и составлялся новый автономный тарифъ, появился лозунгъ «безъ аннексій и контрибуцій»—только для насъ конечно, не для Германіи—произошла самовольная «демобилизація арміи» и наступилъ Брестскій миръ. Онъ опредѣлилъ и характеръ нашего таможенного тарифа, какъ содержаніе, такъ и форму его. О содержаніи его, о мѣрахъ, заключающихся въ немъ въ отношеніи привоза, вывоза и транзита мы уже говорили. Но что представляетъ онъ собою по формѣ, къ какой изъ разсмотрѣнныхъ группъ, видовъ и системъ таможенныхъ тарифовъ относится тотъ тарифъ, который предписанъ Брестскимъ миромъ?

Нужно различать двѣ стороны—Германію и Россію. Ихъ необходимо разграничивать, ибо на протяженіи всего Брестскаго мира красной нитью проходитъ принципъ: побѣдительницѣ Германіи—одно, повергнутой въ прахъ Россіи—другое. Для себя Германія возстановила тарифъ Б, приложенный къ русско-германскому торговому договору 1904 года, слѣдовательно, свой прежній конвенціонный тарифъ, дѣйствовавшій до начала войны. Все, что не попало по этому договору въ конвенціонный тарифъ, осталось въ общемъ, и теперь—какъ и прежде—не связано, допускаетъ любыя измѣненія. Но

и конвенціонный тарифъ Германія въ правѣ, по п. 2 отд. VI, денонсировать, начиная съ 30 іюня 1919 года, такъ что спустя полгода она обладаетъ полной тарифной автономіей, можетъ направить свою торговую политику любымъ образомъ, поворачивать рычагъ въ любомъ направленіи, ускоряя и замедляя, по своему усмотрѣнію, ходъ развитія импорта и экспорта.

Итакъ, на ближайшее время старый конвенціонный тарифъ; пока вѣдь вообще никакой тарифъ Германіи не нуженъ, ни о какой охранѣ говорить не приходится, дѣйствуетъ запретительно-разрѣшительная система, согласно ст. 5 отд. VII, Позже наступаетъ для нея полная, неограниченная автономія.

Иначе обстоитъ дѣло съ Россіей. И здѣсь на первыхъ порахъ возрождается старый конвенціонный тарифъ А, включенный въ торговый договоръ 1904 года. Но это далеко не все; если бы все сводилось къ этому тарифу 1904 г., то получилось бы равенство съ Германіей, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время, а его то именно нѣтъ. Къ конвенціонному тарифу 1904 г. прикрѣпленъ еще и общій тарифъ 1903 года; вся та часть его, которая была свободна, не была связана никакимъ договоромъ, являлась автономной—и она теперь закрѣплена, не допускаетъ никакого движенія. Мы связаны не въ одной только части тарифа, какъ прежде—въ конвенціонныхъ ставкахъ; нѣтъ мы крѣпко стянуты и перетянуты по всему тѣлу, съ головы до пятокъ, у насъ нѣтъ ни капли тарифной автономіи, ни одной ставки, которую намъ бы оставили нетронутой, свободной, доступной нашему распоряженію. Все захвачено, все отнято, все забронировано, забаррикадировано, и притомъ—вторая часть той же эпопеи—не на краткій срокъ до 31 Декабря 1919 года, а на цѣлый продолжительный, пока неизвѣстный, неопредѣленный по своимъ нуждамъ и заботамъ, періодъ вплоть до 31 Декабря 1925 года.

Правда—какъ мы уже указывали—и Россія въ правѣ денонсировать отд. VII, именуемый торговымъ договоромъ съ Германіей, но отд. VI продолжаетъ дѣйствовать какъ ни въ чемъ не бывало, а въ немъ то имѣется п. 7, который гласитъ: поскольку въ тарифномъ приложеніи А или въ

другомъ мѣстѣ, нѣтъ другихъ постановленій, примѣняется на все время настоящаго провизоріума и предоставленнаго пунктомъ 2-мъ наибольшаго благопріятствованія обще-русскій таможенный тарифъ отъ 13(26) Января 1903 года. Время же, въ теченіе котораго дѣйствуетъ пунктъ о наибольшемъ благопріятствованіи—по 31 Декабря 1925 года; если же право отказа отъ торговаго договора, содержащагося въ отд. VII, будетъ использовано позже 31 Декабря 1922 г., то и дольше, до истеченія трехлѣтняго со дня денонсированія срока.

Въ этомъ отдѣлѣ VI въ «соглашеніи объ экономическихъ отношеніяхъ между Германіей и Россіей» и заключается центръ тяжести. Торговый договоръ въ отд. VII, хотя вещь сама по себѣ и далеко не безобидная, повтореніе торговаго договора 1904 г. съ ухудшеніями, — но все же дѣйствуетъ лишь на короткій срокъ, на въ сущности безтарифное, безразличное въ тарифномъ отношеніи, время, когда господствовать будетъ разрывительно-запретительная система. Напротивъ всѣ бѣдствія кроются въ отдѣлѣ VI—тутъ и запрещеніе удерживать лѣсъ и руду (см. стр. 169), тутъ и своеобразное, фактически одностороннее наибольшее благопріятствование (см. ч. II, гл. II), тутъ, наконецъ, и закрѣпленіе всего общаго тарифа 1903 года, лишеніе его всякой автономіи и притомъ — что самое жестокое — снабженіе насъ всѣмъ тарифомъ, и старой конвенціонной и бывшей автономной, нынѣ связанной частью, вплоть до 1926 года, съ обязанностью даже тутъ денонсировать за цѣлыхъ три года впередъ ¹⁾ ²⁾ ³⁾.

1) Можно толковать соотвѣтствующія статьи и нѣсколько иначе, такимъ образомъ, что, въ случаѣ денонсированія отд. VII, дѣйствуетъ въ дальнѣйшемъ одинъ-лишь общій тарифъ 1903 г., конвенціонный же болѣе не примѣняется. Это нѣсколько повышаетъ тарифныя ставки, но сущности дѣла не мѣняетъ — остается и связанность всего тарифа и неравенство сроковъ для обѣихъ сторонъ.

2) Система тарифа, принципы на которыхъ онъ построенъ, не измѣняются и въ случаѣ взиманія пошлинъ въ золотой валютѣ, это лишь весьма значительно повышаетъ ставки тарифа. Быть можетъ, эту мѣру, столь необходимую для нашей промышленности, какъ и существенную съ точки зрѣнія валюты, удастся провести, хотя, согласно Брестскому миру Германія во всякомъ случаѣ имѣетъ право уплачивать пошлины билетами Имперскаго банка, значительно упавшими въ цѣнѣ (но гораздо меньше, чѣмъ наши бумажныя деньги). Исторія торговой политики знаетъ рядъ прецедентовъ

Какой же въ результатѣ получается тарифъ? Автономный? Ни въ коемъ случаѣ; даже самая мысль объ автономіи изгнана, исключена, отмечена до послѣдней іоты—даже упоминать о ней намъ какъ бы запрещено. Мы говорили еще недавно о бойкотѣ, о повышенномъ тарифѣ для Германіи, говорили и о новомъ рациональномъ толковомъ тарифѣ, разумно охраняющемъ русскую индустрію, поощряющемъ насажденіе и ростъ новыхъ отраслей ея. И получили не только полную невозможность принимать какія-либо исключительныя мѣры противъ Германіи—этого не допускаетъ уже проведенный въ Брестскомъ мирномъ договорѣ принципъ наибольшаго благопріятствования (см. ч. II, гл. II)—но и запрещеніе дѣлать что бы то ни было, что могло бы хоть косвенно, хотя бы путемъ бокового давленія нанести какую-нибудь непріятность германскому привозу или вывозу, въ видѣ поощренія (путемъ пониженныхъ для всѣхъ странъ ставокъ) какихъ-либо товаровъ, привозимыхъ союзниками, или затрудненія тѣхъ, которые имѣютъ значеніе для Германіи. Средство для этого—укрѣпленіе всего старомоднаго конвенціоннаго и бывшаго автономнаго тарифа полностью на продолжительный срокъ¹⁾.

уплаты пошлинъ золотомъ. Помимо нашего закона 1876 г. (см. выше, стр. 97), однородныя мѣропріятія находимъ въ Австріи (замѣна въ 1878 г. серебра золотомъ при уплатѣ пошлинъ, что означало повышение ставокъ на 15 проц., впрочемъ, въ автономномъ тарифѣ), въ Италіи въ 1893 г., въ Испаніи въ 1902 г., въ Бразиліи въ 1899 г. (сначала уплата золотомъ 10 проц. пошлины, позже—болѣе значительной части), въ Никарагуа (съ 1904 г. золотомъ уплачиваются вывозныя пошлины). Швейцарія протестовала противъ итальянскаго закона, обязавшаго импортеровъ платить золотомъ, но въ 1904 г. при заключеніи торговаго договора признала за ней это право. Grunzel (р. 379) находитъ, что для устраненія всякихъ сомнѣній необходимо выговорить въ договорѣ такое право, но и при отсутствіи постановленія объ этомъ въ договорѣ, онъ не рѣшается вполне отрицать за государствомъ права требовать пошлинъ золотомъ, хотя, конечно, при значительномъ лажѣ это должно вызвать протесты со стороны импортирующихъ государствъ.

³⁾ И въ мирномъ договорѣ Германіи и ея союзниковъ съ Україной закрѣпляется весь русскій общій тарифъ 1903 г. (тогда какъ и тутъ только германскій конвенціонный тарифъ 1904 г.), но срокъ для обѣихъ сторонъ одинаковый—по истеченіи 6 мѣсяцевъ по заключеніи мира на западномъ фронтѣ и во всякомъ случаѣ послѣ 30 Іюня 1919 г. обѣ стороны могутъ денонсировать договоръ съ предупрежденіемъ за 6 мѣсяцевъ (ст. VII отд. II и III).

¹⁾ Спорнымъ является даже наше право понижать отдѣльныя ставки тарифа. Мы могли бы напр., для удешевленія сырья нашей многострадающей промышленности, сократить различныя пошлины на сырье или полупродукты

Но разъ автономіи нѣтъ совершенно, то остается лишь противоположная возможность—тарифъ цѣликомъ конвенціонный; третье вѣдь исключено. Но въ томъ то и дѣло, что и конвенціоннаго въ немъ ничего нѣтъ. Это прежде всего не старый конвенціонный тарифъ, а въ значительно усиленномъ, расширенномъ, удлиненномъ видѣ. Конвенціонный тарифъ предполагаетъ какую-то конвенцію, переговоры, взаимныя уступки, соглашенія. Можно обмѣнять не только одинъ конвенціонный тарифъ на другой того же сорта, но и свой автономный на чужой конвенціонный, но только не требуя у противной стороны новыхъ уступокъ, довольствуясь тѣмъ, что дано другимъ—иначе, при большей требовательности и собственной неуступчивости, грозить, какъ учить исторія, таможенная война. Можно претендовать на новыя скидки и закрѣпленія взамѣнъ своего конвенціоннаго тарифа, но уже для другихъ пониженнаго и связаннаго. Но здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. За свой старый конвенціонный тарифъ

въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда между ними нѣтъ надлежащаго соответствія (см. стр. 42), или вовсе упразднить эти ставки. Но тогда измѣнится разстояніе между обложеніемъ матеріала и изготовленнаго изъ него продукта, въ ущербъ послѣднему, производство внутри страны будетъ облегчено, привозъ соответствующихъ готовыхъ издѣлій болѣе затрудненъ, чѣмъ прежде. Правда, подъ связанностью пошлины обычно понимается только связанность ихъ въ смыслѣ установленія maximum'a, а не minimum'a, такъ что понижать ихъ или даже вовсе уничтожать мы въ правѣ. Россія напр. въ тарифѣ 1903 года повысила пошлину на свинецъ съ 0,15 на 0,70 руб. за пудъ, а пошлины на свинцовыя бѣблила съ 0,75 до 1,30 руб. за пуд. Въ торговомъ договорѣ съ Германіей была связана только ставка на свинцовыя бѣблила. Россія, слѣдовательно, не въ правѣ повысить пошлину на свинцовыя бѣблила, но она—какъ признаетъ Grunzel (Syst. der Handelspol. 1906. p. 387)—имѣетъ полное право понизить пошлину на сырье, какъ того требуютъ русскіе промышленники. Но результатъ получился бы тотъ же, какъ въ случаѣ повышенія пошлины на свинцовыя бѣблила. Однако, въ приведенномъ случаѣ пошлина на свинецъ вообще не была связана, теперь же она также закрѣплена, такъ что примѣръ не вполне подходитъ. Можно ли понижать закрѣпленную пошлину? Означаетъ ли закрѣпленіе ея и неизмѣнимость книзу? При нынѣшнихъ условіяхъ—вѣроятно, да, хотя для насъ желательно, конечно, настаивать на иномъ толкованіи, которое, въ виду неясности договора, возможно и которое должно быть произведено въ нашу пользу. Поэтому слѣдуетъ попытаться понизить и даже снять пошлины на различные предметы сырья и полупродукты. Это надо было сдѣлать въ сущности уже давно, когда общій тарифъ еще имѣлъ автономный характеръ и когда несоответствіе въ обложеніи матеріаловъ и готовыхъ продуктовъ рѣзко обнаруживалось; но тогда мы думали лишь о поднятіи ставокъ для послѣднихъ, но не о пониженіи или упраздненіи ихъ для первыхъ.

Германія не столько вымѣниваетъ, сколько попросту присваиваетъ себѣ еще весь нашъ общій автономный тарифъ, не давая ни одной, хотя бы номинальной, кажущейся, фиктивной, уступки или закрѣпленія въ прибавку, не поступаясь ни одной ставкой своего общаго тарифа, хотя бы связанной въ пользу кого-нибудь иного.

И гдѣ слыхано, чтобы срокъ конвенціи для одной стороны истекалъ въ 1919 году, а для другой въ 1925 году, шесть лѣтъ спустя? Что это за своеобразная форма конвенцій? Скорѣе это уже капитуляція вродѣ тѣхъ, которыя навязывались Европой Турціи, это одностороннее принудительное закрѣпленіе тарифа, которое въ оное время практиковалось — да и то лишь въ прежнее время — по отношенію къ экзотическимъ странамъ, и то не ко всѣмъ. Россія низведена на степень «больного человѣка», имущество и права котораго дѣлятъ. Она имѣетъ не автономный и не конвенціонный, а новый — до сихъ поръ неизвѣстный въ исторіи европейской торговой политики — принудительный тарифъ.

Конечно, этимъ не сказано еще послѣднее слово. Согласно п. 1 того же отд. VI (см. выше, стр. 150), послѣ прекращенія войны на западномъ фронтѣ предстоитъ заключеніе новаго русско-германскаго торговаго договора. Когда міровой пожаръ затихнетъ, когда всемірный костеръ догоритъ, тогда снова во весь ростъ встанетъ вопросъ о томъ, на какихъ основаніяхъ долженъ совершаться товарообмѣнъ между Россіей и Германіей. И тогда, надо надѣяться, тѣ тяжелыя оковы, которыя наложены на насъ Брестскимъ миромъ, съ насъ спадутъ и предъ нами откроется возможность взаимнъ навязаннаго намъ тарифа, означающаго «аннуляцію» или «нуллификацію» всякихъ пошлинъ, построить новый, правда едва ли автономный тарифъ — мысль объ этомъ повидимому надо бросить — но дѣйствительно конвенціонный, основанный на соглашеніи, на взаимныхъ уступкахъ, на тѣхъ скидкахъ, которыя мы готовы будемъ сдѣлать, на которыя добровольно пойдѣмъ и которыхъ потребуемъ въ свою очередь у Германіи.

Такимъ образомъ, и Брестскій миръ не снабженъ эликсиромъ, гарантирующимъ ему вѣчную жизнь; напротивъ, онъ

самъ же таитъ въ себѣ разрушающій элементъ — будущій торговый договоръ, къ которому, съ появленіемъ его на свѣтъ, немедленно переходитъ власть: онъ можетъ «вязать и разрѣшать», для него Брестскіе законы не писаны. Какую избрѣтательность и изворотливость Германія ни проявила при сочиненіи Брестскаго мирнаго договора съ его двусмысленными, съ виду нерѣдко безобидными, статьями, но и ей не могло не быть ясно, что настанетъ когда-либо день, и соберется всемірный конгрессъ, который вычертитъ карту Европы и властной рукой укажетъ каждому народу его будущее, и что тогда, хотя всѣ сепаратныя соглашенія и не разлетятся еще какъ карточный домикъ, не будутъ сразу перечеркнуты, но все же и не устоятъ во всей своей прежней наготѣ: придется многое скинуть, проявить готовность идти навстрѣчу установившимся требованіямъ торговой политики, подчиняться идеямъ справедливости въ міровомъ обмѣнѣ, укоренившимся въ умахъ культурныхъ народовъ въ теченіе многихъ десятилѣтій. Не потому ли Германія и заломила въ Брестскомъ договорѣ такую цѣну, поставила такія неслыханныя, недопустимыя, немыслимыя требованія, что предстоитъ и будущій міровой конгрессъ и будущій, совершенно иначе построенный, торговый договоръ?

Если такъ, то становится вполне понятнымъ, почему уже въ настоящее время наиболѣе разумные нѣмецкіе экономисты и политическіе дѣятели готовы не настаивать на экономической части Брестскаго мира, рассматривая его лишь въ качествѣ исходной точки при будущихъ переговорахъ, какъ канву на которой должны быть, по взаимному соглашенію, разрисованы условія и характеръ русско-германскаго товарообмѣна.

000192398

ЮФ СПБГУ